МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра философии, политологии и социологии

Чеченский государственный педагогический университет

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Сборник материалов
XII Международной научно-практической конференции
12 декабря 2025 года

алеф
Грозный 2025

УДК 101
ББК 87
Г-94

Ответственный редактор
доктор философских наук, доцент ***Бетильмерзаева М.М.***

Г-94 Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов XII Международной научно-исследовательской конференции (г. Грозный, 12 декабря 2025 г.) – Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2025. – 362 с.

ISBN 978-5-00278-030-3

Сборник включает в себя материалы XII Международной научно-практической конференции «Гуманитарное знание и духовная безопасность», состоявшейся 12 декабря 2025 году на площадке Чеченского государственного педагогического университета. В представленных работах рассмотрены философские, методологические и культурологические проблемы гуманитарного знания и духовной безопасности.

Сборник предназначен для широкого круга ученых, аспирантов и студентов социально-гуманитарного направления.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Тексты статей публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-00278-030-3

© ФГБОУ ВО «ЧГПУ», 2025
© Коллектив авторов, 2025
© Издательство АЛЕФ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Абакаров Р. И., Ибрагимова К. Н. Ценности молодежи России и Северного Кавказа в системах национальной идентичности и духовной безопасности 6
Авагян И. Э., Оганнисян А. Г., Оганнисян Г. А. Архивные материалы по банковскому делу города Александрополя в начале XX в..... 12
Алексеев А. Б., Данакари Л. Р., Ивентьев С. И. Основы духовно-нравственной безопасности российского общества 20
Ахмедова К. Б., Саралиева С. М. Профилактика деструктивных социальных явлений в образовательной среде через формирование социально-психологических компетенций 27
Ашилова М. С., Бегалинов А. С., Бегалинова К. К. О некоторых парадигмах современного западного образования в учениях М. Фуко и Дж. Тайлора Гатто..... 32
Байсаидова Г. Б. Экстремизм как следствие социальной депривации 40
Баранник Д. А., Сухина И. Г. Духовная безопасность общества в современных условиях нарастающих информационных вызовов 45
Баркова Э. В. Экоменеджмент как категория экофилософии управления: от инструментально-утилитарной к антропо-ориентированной рефлексии... 52
Берсанова З. Х.-А. Семья и семейные ценности в поэзии А. Сулейманова 57
Бесчастнова Н. В., Шульженко Т. Е. Проблемы формирования традиционных духовно-нравственных ценностей в электронном образовании среди молодежи 66
Бесчастнова Н. В., Уметбаева М. А. Образование в электронной среде и проблемы обеспечения духовной безопасности в эпоху цифровой экономики 69
Бетильмерзаева М. М., Керимов М. М., Бетильмерзаева М. Х. Эволюция знания и истины в эпоху постправды..... 73
Билалов И. Н., Сафин Р. С. Формирование осознанной профессиональной направленности через призму духовно-нравственного воспитания 83
Гадаев В. Ю., Гадаев Р. В. Особенности эволюции феномена умеренности в истории духовной культуры чеченцев..... 89
Гаранина Р. Р., Штец Т. П. Ведение родословной как фактор сохранения традиционных ценностей 99
Гелогаева М. Ж. Социальные сети как инструмент культурной самопрезентации и трансляции традиций для современных чеченцев..... 104
Гусенова Дж. А. Основные риски деструктивных проявлений развития туризма в мусульманских регионах мира..... 113
Давыденко Э. Н. Гуманитарный подход к экспертизе техносферы и технического образования 118

Давыдкина Е. П. Антропология меланхолии: «Тонио Крёгер» Т. Манна как «чужой» и экзистенциальная тоска по утраченной принадлежности 127
Даулетукаева К. Д. Духовная безопасность и образовательные парадигмы в формировании национальной идентичности 133
Джабарова Ш. Б., Абдиева А. М. Искусство и духовная устойчивость: философское осмысление опыта Азербайджана 139
Джамурзаева Х. З., Болтаева Л. Ш. Духовно-нравственное воспитание как фактор профилактики девиантного поведения 146
Зекиева П. М., Зайналабдиева Т. С. Гуманитарное знание в системе культурной безопасности государства 149
Инаркаева С. И., Ахмадова Л. К. Научно-теоретический обзор проблемы формирования школьного театра в системе современного российского образования 155
Канкошев А. М. Образование и воспитание как ключевые механизмы обеспечения духовной безопасности личности и общества..... 163
Козлов В. П. Образовательные проекты и программы по развитию межрелигиозного диалога среди молодежи: опыт Республики Татарстан .. 168
Куница С. А. Аксиологический аспект социального смысла образования..... 175
Курбанов М. Г. Государственно-цивилизационные основы молодежной политики в обеспечении духовной безопасности..... 180
Мармилова Е. П. Выборы и искусственный интеллект: библиографический анализ зарубежной научной литературы (2017-2025)..... 189
Махадов А. К. История формирования традиционной системы воспитания в дагестанской семье 196
Мацаева М. В., Курбанова Л. У. Диалектика традиционного и современного в политико-правовой культуре чеченской молодежи 201
Мурадова А. К., Идрисова З. Я. Роль студенческого театра в образовательном процессе 207
Мусаева М. З. Влияние элиты на развитие инновационных технологий: исторический аспект 213
Мусаева М. З., Мальцагов А. Т.-А. Искусственный интеллект как фактор изменения общественного сознания в эпоху цифровизации 218
Мусалова З. М. Кризис идентичности в эпоху цифровизации и роль гуманитарного знания в его преодолении 223
Мусханова И. В. Формирование гражданкой позиции обучающихся: сущность, структура 230
Оганисян С. С., Хаади Т. А. Ценность богословско-педагогических воззрений Мусы Бигиева для педагогической культуры мусульман России 236
Саидов А. А., Хажуев И. С. Агрессия и гнев как дезадаптивные механизмы совладания с посттравматическим стрессом у детей в условиях хронической семейной травматизации 245

Саркарова Н. А. Философско-методологические основания концепта «духовная безопасность»: к проблеме определения 252
Сельмурзаева М. Р. Формирование профессионально-этической культуры будущего педагога начальных классов как фундаментальный механизм обеспечения духовной безопасности в образовательно-воспитательном процессе 259
Соловьев С. Г. Особенности процесса формирования профессиональной направленности студента с применением технотворческого подхода в контексте современных социальных и информационных угроз духовной безопасности..... 265
Сугаипова Э. И. Формирование профессиональной идентичности педагога в контексте гуманитарного знания через метод Сократа..... 272
Сулейманова З. С., Абдурахманов А. И. Искусственный интеллект и Коран в контексте сохранения религиозной идентичности и культурного наследия..... 282
Суровцева Е. В. Духовный кризис Западной Европы глазами православного священника в современной иерейской прозе (на материале повести протоиерея Александра Торика «Флавиан. Армагеддон»)..... 290
Фофанова К. В., Гребенникова А. А. Моральная паника вокруг искусственного интеллекта как индикатор состояния духовной безопасности общества..... 295
Хабаев И. Д. Взаимопомощь как одна из форм проявления гуманности у народов Северного Кавказа..... 301
Хайбулаев Г. Х., Абасова Б. А. Феномен безопасности: философско-социологический анализ..... 317
Хажуев И. С., Саидов А. А. Оценка эффективности программы психологической реабилитации детей из семей участников специальной военной операции..... 322
Хажуев И. С., Шаптукаева М. Х., Аюбова С. И. Эмоционально-личностные особенности детей в контексте переживания травматического стресса их родителями..... 328
Шиндель С. В., Барсуков Р. Р. Мемориальные практики на материале дневника участника специальной военной операции «Доброволец Z#art»..... 343
Штец Т. П. Что значит для меня семья? (результаты социологического исследования представлений студентов института экономики и права в г. Севастополе о семье)..... 350
Эдилова Э. У., Ахмедова К. Б. Гуманитарное образование – основа духовной безопасности..... 357

УДК 32.019.51

ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ РОССИИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СИСТЕМАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Абакаров Руслан Исамутдинович,
Ибрагимова Карина Небиевна,
Дагестанский федеральный исследовательский центр
Российской академии наук,
г. Махачкала, Россия
e-mail: rcidncran@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию общей, многомерной картины ценностей в массовом сознании молодежи России и Северного Кавказа. Исследуются вопросы о том, каким образом эти ценности участвуют в формировании системных формирований национальной идентичности и духовной безопасности. Немаловажный интерес представляет и теоретическая проблематика системных соотношений между феноменами национальной идентичности и духовной безопасности. Разные направления и тенденции в соотношении этих феноменов оказывают заметное и многомерное влияние на социальные процессы повседневной жизни молодого поколения Северного Кавказа. Опираясь на системный подход, авторы приходят к выводу, что в данной проблематике необходимо учитывать динамичную роль соотношения традиционных ценностей с модернистскими, информационно-технологическими условиями их реализации.

Ключевые слова: ценности, молодежь, Северный Кавказ, национальная идентичность, духовная безопасность.

THE VALUES OF THE YOUTH OF RUSSIA AND THE NORTH CAUCASUS IN THE SYSTEMS OF NATIONAL IDENTITY AND SPIRITUAL SECURITY

Abakarov Ruslan Isamutdinovich,
Ibragimova Karina Nebievna,
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia
e-mail: rcidncran@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the general, multidimensional picture of values in the mass consciousness of young people in Russia and the North Caucasus. The article explores the ways in which these values contribute to

the formation of systemic structures of national identity and spiritual security. The theoretical issues of the systemic relationships between the phenomena of national identity and spiritual security are also of significant interest. The different directions and trends in the relationship between these phenomena have a significant and multidimensional impact on the social processes of everyday life among the young generation in the North Caucasus. Based on a systematic approach, the authors conclude that it is necessary to take into account the dynamic role of the relationship between traditional values and the modernist, information and technological conditions for their implementation.

Keywords: values, youth, North Caucasus, national identity, spiritual security.

Северо-Кавказский регион России с точки зрения многонациональной колоритности характеризуется самым ярко выраженным взаимодействием, богатством и разнообразием межнациональных связей с интенсивными и динамичными контактами. Доля молодого поколения в народах Северного Кавказа является одной из самых высоких по России. Это накладывает свой заметный отпечаток на общий ход сложных процессов формирования национальной, межнациональной и общенациональной идентичности. Формирование национальной идентичности постоянно демонстрирует множество динамичных факторов и ценностных оснований, имеющих общую основу и структурную согласованность в ходе обеспечения безопасности и общего благополучия. Сравнивая национальную идентичность с другими идентичностями, можно отметить, что в сознании молодежи Северного Кавказа в современных условиях формируется взвешенное, устойчивое равновесие и общий системный баланс между разными идентификационными сферами. В ходе социологических исследований «было установлено, что гражданская, религиозная и национальная идентичности молодежи Юга России примерно равны» [1, с. 75] по доле своей значимости, но вполне очевидно, что их соотношение может незначительно меняться в ходе ситуативно значимых событий и реактивно происходящих процессов в развитии общества. На практике повседневной жизни это означает, что все же, «социальное самочувствие северокавказской молодежи характеризуется наличием рисков конфликтности гражданской, этнической и религиозной идентичностей, сохраняются межнациональная напряженность и ксенофобия» [1, с. 76].

Система национальной идентичности народов Северного Кавказа органично включена в состав федеральной системы национальной идентичности России, исходящей из учета государственно-национальных, этнонациональных и духовно-национальных связей, системно составляющих цивилизационное развитие наряду с другими связями и отношениями. Интегрированная национальная идентичность России является многомерной системой, охватывающей живое множество

межнациональных связей, контактов и отношений. Вся структура российской государственности по вертикали власти и по горизонтали социально-политических отношений скреплена конституционным, федеральным, культурно-историческим, военно-политическим согласием, единством и сотрудничеством всего многонационального народа России. В инерционных структурах идентичности сознание молодежи является закономерным отражением сознания всего общества. Но кроме инерционных структур, опирающихся на традиционную иерархию ценностей, в многомерной систематике национальной идентичности актуализируются и модернистские формы ценностных отношений, связанные с новыми информационными, сетевыми технологиями общения и мультимедийными коммуникациями.

В последние десятилетия, «в условиях стремительной трансформации общества и мира в целом проблема ценностей приобретает особое значение. В такие моменты именно ценности выступают важным компонентом поддержания стабильности и консолидации общества, основой взаимопонимания и взаимодействия его членов» [5, с. 554]. Вместе с тем, наряду с социально стабилизирующей функцией ценностей, в условиях модернизации общества, под влиянием глобальных перемен в мире трансформируется и сама система ценностей. Это накладывает свой отпечаток на «современную молодежь, которая живет в условиях глубокого и обширного пересмотра основных ценностей» [3, с. 9]. Такой пересмотр сопровождается не отказом от традиционного содержания ценностей, а обновлением форм и способов их функционирования. В связи с этим, действительно, что «основным фактором возрождения традиционной культуры следует считать этническое самосознание народов Северного Кавказа» [2, с. 32]. Традиционные ценности в условиях современного контекста жизни могут менять свои формы выражения, не утрачивая свой исконный, сущностный смысл. В большинстве, «молодежь СКФО стремится возрождать и развивать культурные ценности, которые воплощаются в их традициях» [3, с. 12]. Наряду с этим, необходимо учитывать «важный момент – ценностные различия в различных группах молодежи» [6, с. 16]. В молодежной среде всегда есть экстремально настроенная категория лиц, транслирующая свое экстремистское осмысление ценностей. Сложность проблем понимания ценностей состоит в том, что в одну и ту же ценность можно вкладывать разные смыслы и более того, - придавать им разные значения. Поэтому, внутри молодого поколения и в межпоколенном преломлении одну и ту же ценность молодежь может воспринимать не так, как ее воспринимает старшее поколение или другая часть молодежи. Это означает, что любую ценность можно либо традиционализировать, либо модернизировать, вкладывая в нее соответствующий, субъективно предпочитаемый смысл. Стихийная модернизация ценностей в молодежной среде может вызывать скрытые социальные угрозы, которые в обществе

своевременно не осознаются. В этом контексте следует отметить возрастающую роль научно-экспертного сообщества, нацеленного на диагностическое выявление таких угроз, их локализацию, профилактику и исправление.

Одни и те же ценности, определяющие содержание различных форм идентичности, могут реализовываться в соответствующих иерархических структурах с разными контекстами функционирования. Тот факт, что «гражданская, региональная, этническая и религиозная идентичность в сознании молодежи Северного Кавказа находятся в неустойчивом равновесном состоянии» [1, с. 69], свидетельствует не только о рисках и межсистемных конфликтах идентичностей, но и об активных поисках в процессах формирования общей идентификационной структуры в сознании молодежи Северного Кавказа. Это накладывает повышенную ответственность на воспитательную роль старших поколений, возрождение и актуализацию института наставничества. Социальный институт старейшин всегда пользовался на Кавказе высочайшим авторитетом и решающим аргументом во всех решениях ключевых проблем.

В своем полноценном смысле внутренняя структура национальной идентичности актуализируется с учетом трех базовых составляющих – государственно-национальной, этнонациональной и духовно-национальной, скрепленных системой культурно-исторического единства. Все базовые составляющие национальной идентичности в ее системном, культурно-историческом единстве могут комбинированно восполняться сопутствующими, востребованными и иными идентификационными приложениями дополнительного, функционального характера. Так, в условиях ведения боевых действий в СВО лучшая часть молодежи России и Северного Кавказа достойно участвуют в решении всех поставленных задач и целей. В этих условиях, дополнительно оказалась востребованной и актуализированной военно-политическая идентичность, оформленная в национально-патриотических, национально-исторических образах, ценностях и идеалах многонационального единства России, в том числе с выражениями символики советского народа-победителя в Великой отечественной войне.

В своих общих очертаниях национальная идентичность выражает отношения принадлежности человека к той национальной общности, в которой он родился и живет. Национальные убеждения, ценности и идеалы, составляя содержательную суть системы национальной идентичности, выражают интегрированное, социально организованное формирование. Национальное начало этого формирования может быть существенно решающим и определяющим в реализации способов позиционирования человеком себя в обществе. В современных условиях система национальной идентичности функционирует не сама по себе, а в структурных связях с другими системами, в том числе с системой многонациональной

идентичности, способной интегрироваться, комбинироваться и модифицироваться в разных образах и форматах существования, соответствующего интересам и перспективам развития общества.

В системе национальной идентичности вопросы национальной безопасности всегда ставятся в зависимость от решения проблем национального самосохранения, в том числе и дальнейшего утверждения традиционных ценностей духовной культуры народа. Между системами национальной идентичности и духовной безопасности существуют как внутренние соотношения, так и межсистемные связи, выражающие богатство цивилизационного развития России. Система духовной безопасности обеспечивает систему национальной идентичности более полной адекватностью и высокой степенью культурно-исторической легитимности. Система национальной идентичности является основой в развитии комфортного, адаптированного воспроизводства и дальнейшего совершенствования традиционных ценностей, составляющих ядро в системе духовного благополучия и духовной безопасности. На системном уровне этих феноменов всегда имеется и функционирует общий внутренний стержень, обеспечивающий общую устойчивость этих систем. В них также имеется и функциональное множество разных значений национальной и духовной безопасности, и живое множество разных значений духовной и национальной идентичности, за которыми могут скрываться не только благополучные ожидания, но и угрозы, и потрясения, требующие опережающей профилактической работы.

Системы национальной идентичности и духовной безопасности могут сталкиваться с внутренними и внешними угрозами в тех случаях, когда снижается ценностный статус этих систем. Симптоматика угроз обнаруживаются в связи с тем, что семантический слой ценностей, формирующих национальную идентичность и духовную безопасность истончается, утрачивает свою ведущую роль. Практически это выражается в том, что начинают нивелироваться сами ценности, уступая лидирующее место ментальным формам мышления, идеологемным штампам, подстраиваемым под коды императивно-архаичной культуры. В результате, возникает трудно сдерживаемый, лавинообразный рост негативных последствий. Наглядным примером такой негативной ситуации был факт массовых беспорядков, манипулятивно доведенных до омассовленного экстремизма, произошедший с молодежью в Махачкалинском аэропорту 29 октября 2023 года, который для многих молодых людей стал горьким уроком [4].

Вступая в самостоятельную жизнь, каждый молодой человек идентифицирует себя свои ценности и убеждения в динамично сосуществующих системах национального и многонационального массового самосознания, в том числе реализующего социально-практическое и духовно-нравственное содержание общественной жизни. К общепринятым форматам национальной и многонациональной идентичностей, каждый

молодой человек обнаруживает допустимые возможности для реализации своих лично значимых, дополнительных предпочтений, получающих ценностный статус.

Таким образом, подводя итоги, можно отметить, что на системном уровне не все ценности одинаково участвуют в формировании национальной идентичности, или в контексте духовной безопасности. В условиях политической поляризации одни и те же группы ценностей могут быть разнонаправлено и конфронтационно задействованы в своем функционировании. Некоторые ценности, такие как истина, добро, красота и др., могут быть и независимыми от национального содержания идентичности, имея смысл, охватывающий широкое социальное содержание, перекрывающее сферу национальной специфики. Не вдаваясь в конкретизацию самих ценностей, можно сказать, что каждая ценность различным образом способна присутствовать в системах национальной идентичности и духовной безопасности, или вовсе отсутствовать в них. Сущностное присутствие ценностей выражает их самодостаточное функционирование в любой социально значимой системе, в том числе и в системе национальной идентичности, и в системе духовной безопасности. Инструментальное функционирование ценностей в системах национальной идентичности и духовной безопасности означает, что способы реализации ценностей могут подстраиваться под задачи и проблемы, решаемые в системных целях национальной идентичности и духовной безопасности. Теоретический анализ систем национальной идентичности и духовной безопасности на их абстрактно-логическом уровне свидетельствует о сложном и многомерном характере функционирования ценностей в этих системах, особенно в динамичных условиях молодежной среды.

Список литературы

1. Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Общероссийская гражданская идентичность молодежи Северного Кавказа: основные вызовы и риски конфликтности // Политическая экспертиза: Политэкс. 2021. Т. 17, № 1. С. 69–86.

2. Апажева С.С., Унежев К.Х., Зумакулов Б.М., Мамсиров А.Х. Современная молодежь Северного Кавказа: проблема выбора между традицией и новациями // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 4 (209). С. 32-42.

3. Гаджиев М.М. Молодежная политика на Северном Кавказе: состояние и перспективы развития // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. Т. 14, № 1(66). С. 9-18.

4. Интервью главы Дагестана С.А.Меликова. Информационный канал Lenta.ru: сайт. URL: https://lenta.ru/news/2023/11/02/putin_melikov/ (дата обращения: 26.11.2025).

5. Тишков В.А. Ценности и символы российской нации // Россия: единство и многообразие: К 10-летию образования Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 16–17 ноября 2022 года. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2023. – С. 552-563.

6. Ценностные ориентации современной молодежи. Аналитический обзор результатов международных и российских исследований (версия 1.2 от 30.09.21). Сайт URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/aab/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi-analiticheskiy-obzor.pdf (дата обращения: 26.11.2025).

УДК 93.930

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО БАНКОВСКОМУ ДЕЛУ ГОРОДА АЛЕКСАНДРОПОЛЯ В НАЧАЛЕ XX В.

Авагян Инга Эдуардовна,
Историко–культурный музей–заповедник «Кумайри»,
Ширакский государственный университет,
г. Гюмри, Армения
e–mail: inga.avagyan.76@mail.ru
Оганнисян Артак Гамлетович
Ширакский государственный университет,
г. Гюмри, Армения
e–mail: artak 76@mail.ru.
Оганнисян Гегине Артаковна,
Музей–институт геноцида армян,
г. Ереван, Армения
e–mail: elline.hovhannisyan@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение вопросов, относящихся к банковскому делу и общественной жизни уездного города Александрополя в конце XIX- начале XX века. Провинциальный город Александрополь находился на реке Арпачай, которая до сих пор является государственной границей Армении с Турцией. Город, который находился на окраине Российской империи, развивался с большим трудом, благодаря вкладу не только армянской аристократии, но и малочисленному русскому населению, которое делало все возможное для города и уезда. Этому способствовало также уездное управление города, а после контрреформ – городское управление города - дума и городская управа. Среди документов Национального архива Армении сохранился свиток из нескольких

документов, которые относятся к банковскому делу города Александрополя. Документы свидетельствуют о том, как работал банковский механизм в городе. Какие решения принимало управление банками, какие были взаимоотношения между членами, вкладчиками, уездным начальником и Эриванским губернатором. В статье дан исторический обзор создания и реформирования банковской системы в Российской империи при Александре II.

В городе Александрополе в начале XX века существовала стойкая банковская система с центральным банком и другими банками. В городе действовал Александропольский городской общественный банк и Александропольское общество взаимного кредита, членами которого в 1910 году являлись 319 ремесленников. Среди малых банков нужно отметить Александропольское ремесленное торгового, сберегательного товарищество, в состав которого входили ремесленники города и уезда: товарищество состояло из 875 членов, из коих ремесленников города Александрополя насчитывалось 417. Данную статью можно использовать в научных целях, в статьях, дипломных и магистерских работах, а также при составлении туристическими агентствами туристических маршрутов по городу Александрополю – ныне Гюмри, в которые можно вписать здания банков, которые являются недвижимыми памятниками историко-культурного наследия города Гюмри.

Ключевые слова: Александропольское общесво взаимного кредита, Александрополь, Александропольское ремесленное торговое, сберегательное товарищество.

ARCHIVAL MATERIALS ON BANKING IN THE CITY OF ALEXANDROPOL AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Avagyan Inga Eduarda,
Historical and Cultural Museum-Preserve "Kumayri",
Shirak State University,
Gyumri, Armenia, e–mail: inga.avagyan.76@mail.ru
Hovhannisyan Artak Hamlet
Shirak State University,
Gyumri, Armenia, e-mail: artak 76@mail.ru.
Hovhannisyan Heghine Artak,
Museum-Institute of the Armenian Genocide,
Yerevan, Armenia, e–mail: elline.hovhannisyan@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to examine issues related to banking and public life in the district town of Alexandropol at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. The provincial town of Alexandropol was located on the Arpachay River, which still forms the state border between Armenia and

Turkey. The town, which was located on the outskirts of the Russian Empire, developed with great difficulty. This was also facilitated by the district administration of the town and, after the counter-reforms, the municipal administration of the town. Among the documents preserved in the National Archives of Armenia is a scroll containing several documents relating to banking in the city of Alexandropol. The documents provide insight into how the banking system operated in the city. They reveal the decisions made by bank management and the relationships between members, depositors, the district chief and the governor of Erivan. The article provides a historical overview of the creation and reform of the banking system in the Russian Empire under Alexander II. At the beginning of the 20th century, Alexandropol had a stable banking system with a central bank and other banks. The city had the Alexandropol City Public Bank and the Alexandropol Mutual Credit Society, which had 319 artisans as members in 1910. Among the small banks, it is worth noting the Alexandropol Craftsmen's Trade and Savings Association, which included craftsmen from the city and the district: the association consisted of 875 members, of whom 417 were craftsmen from the city of Alexandropol. This article can be used for scientific purposes, in articles, dissertations and master's theses, as well as by travel agencies when compiling tourist routes around the city of Alexandropol, now Gyumri, which can include the buildings of banks that are immovable monuments of the historical and cultural heritage of the city of Gyumri.

Keywords: Alexandropol Mutual Credit Society, Alexandropol, Alexandropol Craft Trade and Savings Association.

Введение. История банковского дела в России ведет свое начало с указа императрицы Анны Иоанновны, которая распорядилась выдавать ссуды из монетной конторы под 8% годовых. Залогом служили драгоценные изделия. Настоящее развитие банковского дела началось в России после отмены крепостного права, когда стала развиваться промышленность. Александр II начал банковские реформы в 1861 году параллельно отмене крепостного права. Многие банки до этого напоминали ростовщические организации, теперь же создавался полноценный Государственный банк с разветвленной сетью отделений, регламентировалось создание частных кредитных организаций. **Целью исследования** является изучение архивных материалов, которые относятся к банковскому делу провинциального города Александрополя, расположенного на окраине Российской империи. **Методика и организация исследования**. В работе были использованы методы историко-сравнительного анализа и комбинирования, индуктивные и дедуктивные методы, которые позволяют данное исследование использовать в научных целях - в научных статьях и работах, диссертациях, дипломных и магисторских работах, а также в туристических пакетах и в

вузовских курсах делая более доступной важную информацию о банковском деле города, которая дополнит исторические факты.

Результаты исследования и их обсуждение. В Национальном архиве Армении хранятся многочисленные документы, которые относятся к общественной жизни города Александрополя. Некоторые архивные документы были изучены и изданы в сборниках исследователями А.Айрапетяном [3:4] и К. Алексанян [5]. Нами же изданы два десятка статей, в которых вводятся в научный оборот документы губернаторского фонда Национального архива Армении. Среди документов Национального архива Армении нами был обнаружен свиток документов, который относится к банковскому делу уездного города Александрополя. Дело содержит несколько документов, которые свидетельствуют о том, как было организовано банковское дело провинциального города Александрополя в начале XX в.

Нужно отметить, что до реформ Александра II, общее число коммерческих банков составляло около двадцати. Создавался полноценный Государственный банк с разветвленной сетью отделений, регламентировалось создание частных кредитных организаций [6].

В 1860-м Государственный коммерческий банк был преобразован в Государственный банк Российской Империи. Именно ему была определена роль, которую в наши дни выполняют центральные банки: эмиссия и управление кредитно-денежной политикой.

К 1872 году банковская система России состояла из:

- Государственного банка;
- общественных городских и земельных банков;
- частных банков долгосрочного кредитования под залог недвижимости, с круговой порукой;
- акционерных под залог городской недвижимости (городские кредитные общества),
- краткосрочного кредитования (акционерные коммерческие банки).

Общества взаимного кредита появились в 1863 году, а сельские ссудо-сберегательные товарищества взаимного кредита – в 1870 году [6].

Широкое развитие банковской системы в России было прервано Первой мировой войной, но, уже к 1914 году насчитывалось 600 кредитных учреждений и 1800 отделений банков[6]., которые делились на государственные, общественные и частные, следует отметить, что в состав кредитных учреждений и отделений банков входили и отделения Эриванской губернии Кавказского наместничества. Свиток документов Национального архива Республики Армения относится к банковскому делу города Александрополя Александропольского уезда Эриванской губернии [94.1.3075.19.20.21] . Документы интересны тем, что дают нам представление об отрасли, довольно-таки развитой в начале XX века. Из

бланков можно судить о существовании нескольких банков в провинциальном городе Александрополе. Александропольское общесво Взаимного кредита было создано для того, чтобы члены ремесленных гильдий помогали друг другу и отдавали взаймы деньги. Из нашего документа следует информация о том, сколько ремесленников было в Александропольском обществе взаимного кредита. Членами общества являлись 319 ремесленников. О числе членов-ремесленников правление сообщало Эриванскому губернатору: «Его сиятельству господину Эриванскому губернатору: вследствие представления от 27п/м за номером 57–представляя при сем Вашему сиятельству отчет нашего общества за 1910г. честь имеем доложить, что к настоящему числу состоят членами общества из ремесленников 319». Ниже надпись - Правление Александропольского общества взаимного кредита. Под документом подписи председателя правления Матиросова и члена правления. Датирован документ 5декабря 1911г. [Ф.94, Оп.1, Д.3075, Л.19].

Следующий документ дела на бланке правления Александропольского городского общественного банка [Ф.94, Оп.1, Д.3075, Л.20]. Датирован документ 8 декабря 1911 года за номером 540, город Александрополь. В документе правление банка сообщало Эриванскому губернатору, что не может предоставить требуемых сведений, ибо кредитующимся лицам от банка особого списка по классу и роду занятий не ведется. Ниже приводим документ полностью: «Его Сиятельству господину Эриванскому Губернатору. На представление Вашего Сиятельства от 3 сего ноября за ном 5798, правление банка имеет честь сообщить, что требуемых сведений банк не может дать, ибо кредитующимся лицам от банка особого списка по классу и роду занятий не ведется, учетный же комитет открывает кредит и принимает к учету векселя сообразуясь с имущественным цензом и личной кредитоспособностью клиентов». Ниже подпись: Директора банка Кешишянца и бухгалтера начальства банка. Из документа следует, что банк не вел особого списка по классу и роду занятий клиентов, что значительно затрудняло ситуацию, когда эта информация становилась нужной в других целях.

Последний лист дела – это годовой отчет на бланке Александропольского ремесленного торгового, сберегательного товарищества датированный 9 декабрем 1911 года за номером 81 [Ф.94, Оп.1, Д.3075, Л.21].

Ниже приводим содержание документа: «Предложение 3 декабря за номером 5800, правлению I ст.I. Представление имеет честь при сем представить Вашему сиятельству годовой отчет товарищества за1910 год и доложить, что в Александропольском сберегательном товариществе 1 декабря сего года состоит членов 875, из коих ремесленников города Александрополя 417, занимающихся сельским хозяйством-земледелием и

прочим». Под документом подписи председателя правления и подписи членов правления.

В Александрополе случались так же и грабежи банков. 18 февраля 1909 года в Александрополе произошло ограбление банка. Грабители связали сотрудников, забрали 10 тысяч рублей, золото и драгоценные камни. Жители города вышли на массовый митинг, потребовав наказать преступников. Власти сделали все, чтобы ограбление было раскрыто. Большую часть украденного, преступники вернули.

Итак, из вышеизложенного можно заключить, что 1. реформы Александра II, затронули также периферию Российской империи в том числе Эриванскую губернию, в состав которой входил Александропольский уезд с одноименным уездным центром, 2. В городе в начале XX века существовала стойкая банковская система с центральным банком и другими банками. 3. В городе действовал Александропольский городской общественный банк и Александропольское общество взаимного кредита, членами которого в 1910 году являлись 319 ремесленников. 4. Среди малых банков нужно отметить Александропольское ремесленное торгового, сберегательное товарищество, в состав которого входили ремесленники города и уезда: товарищество состояло из 875 членов, из коих ремесленников города Александрополя насчитывалось 417, занимающихся сельским хозяйством-земледелием и прочим. 4. Ныне в старом квартале Слобода города Гюмри под охраной государства сохранилось здание, где действовал банк, также из других архивных документов можно предположить, что один из банков располагался в здании Коммерческого училища, еще один в нынешней гостинице «Вилла Карс». Все три здания входят в состав памятников Историко-культурного заповедника «Кумайри» и охраняются муниципалитетом Гюмри и государством. Следует заключить, что в конце XIX - начале XX века в административном центре города Александрополя находились сразу несколько банков, что значительно облегчало дело жителей города и уезда Александрополь.

Список литературы

1. Национальный архив Армении (НАА), Фонд 94, Опись 1, Дело 3075, Лист. 19, Лист 20, Лист 21 [Ф.94.Оп.1. Д.3075. ЛЛ. 19.20.21]

2. Городовое положение 11 июня 1892 года //https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/grd1892.htm [Электронный ресурс] (Дата обращения: 31.10.2025).

3. Айрапетян А. Александропольская губерния в статистических материалах (XIX–начало XX вв.): сборник документов и материалов. Ереван: Издательство «Наука», 2011: 271 с.(на армянском).

4. Айрапетян А. Демографические процессы в Александропольской губернии (первые два десятилетия XX века). Сборник статей и материалов. Ереван: Издательство «Наука».: 2020: 244 с. .(на армянском).

5. Алексанян К. Западноармянские депортированныея в Александропольской губернии в 1914-1922 гг. Сборник документов. Ереван: Типография ООО «Айкарли». 2012: 512 с.(на армянском).

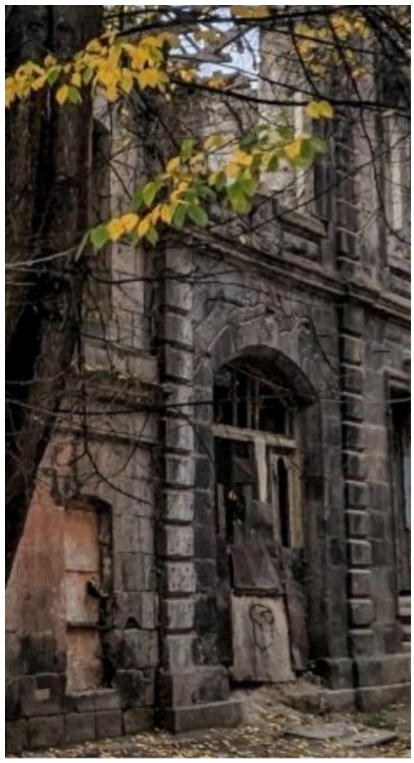
6. https://history.ru/read/articles/kak-v-rossiiskoi-impierii-poiavilsia-bank [Электронный ресурс] (Дата обращения: 31.10.2025).

Чек банка

Чек Александропольского общественного банка

Здание банка- ныне <<Вилла Карс>>

Здание банка, построенное в 1913 г.



Здание банка, построенное в 1913 г.

УДК 323.2

ОСНОВЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Алексеев Александр Борисович,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
г. Москва, Россия
e-mail: neuausstatten@mail.ru
Данакари Лилия Ричарди,
Волгоградский государственный университет
г. Волгоград, Россия
e-mail: liliya.danakari@yandex.ru
Ивентьев Сергей Иванович
г. Казань, Россия
e-mail: sergei-zsk@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено понятие духовно-нравственной безопасности, отмечена его связь с другими видами безопасности – национальной, лингвистической и др. По духовно-нравственной безопасностью понимается обеспечение защиты духовной и нравственной сферы человека и общества, души и духа человека, что, по мнению авторов, предполагает решение ряда насущных, давно назревших проблем, в том числе относящихся к смежным областям жизни – образованию, патриотическому воспитанию, политике, идеологии, языку. Подчеркнута особая роль языка и культуры в становлении духовно-нравственного начала человека, а значит, и всего общества.

Ключевые слова: Бог, человек, душа человека, дух человека, безопасность, духовно-нравственная безопасность, лингвистическая безопасность, национальная безопасность, язык, ценности.

FOUNDATIONS OF SPIRITUAL AND MORAL SAFETY IN RUSSIAN SOCIETY

Alexeyev Alkeksandr Borisovich,
Russian Presidential Academy of Economy and Public Administration,
Department of the English Language, Candidate of Philological Sciences
Moscow, Russia
e-mail: neuausstatten@mail.ru
Danakari Liliya Richardi,
Volgograd Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor,
Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Institute of History,
International Relations and Social Technologies,
Volgograd State University
Volgograd, Russia, e-mail: liliya.danakari@yandex.ru

Iventev Sergey Ivanovich,
legal adviser, theologian, specialist
in the field of national and religious relations «DELIL» LLC,
Member of the Russian Philosophical Society.
Kazan, Russia, e-mail: sergei-zsk@mail.ru

Abstract. The article examines the concept of spiritual and moral security, noting its connection with other types of security - national, linguistic, etc. Spiritual and moral security refers to ensuring the protection of the spiritual and moral sphere of a person and society, the soul and spirit of a person, which, according to the authors, involves solving a number of pressing, long-overdue problems, including those related to related areas of life – education, patriotic education, politics, ideology, language. The special role of language and culture in the formation of the spiritual and moral principle of man, and hence of the whole society, is emphasized.

Keywords: God, man, human soul, human spirit, security, spiritual and moral security, linguistic security, national security, and language, values.

Введение. Безопасность – одно из ключевых понятий современной социально-гуманитарной науки. Его актуальность обусловлена тем, что в XXI веке мир вступил в эпоху глобальных информационных, а по существу, гибридных войн, ведущихся отнюдь с не меньшей ожесточенностью, чем войны в прошлом. Осознание этого в рамках изучения политического и масс-медийного дискурсов, например, привело к созданию перспективной области знаний – лингвистики информационно-психологической войны (ЛИПВ) [2, с. 18].

Необходимость развития и совершенствования методологического инструментария ЛИПВ объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, духовно-нравственная безопасность России связана в том числе с лингвистической безопасностью – сохранением национальных языков нашей страны, повышением статуса русского языка в ближнем зарубежье, защитой языковых меньшинств, предотвращением и противодействием манипуляциям, осуществляемым посредством постоянно совершенствуемых лингвистических технологий, противопоставлением гегемонии английского – и любого иного – языка концепции многоязычия как отражения уникальности и неповторимости лингвокультур, их богатства и жизнеспособности – даже в условиях глобализации.

Во-вторых, во многом беспрецедентная по своим масштабам информационно-пропагандистская кампания, проводимая западными государствами не только против России, но и любых неугодных США политических режимов, бросает определенные вызовы, выработать адекватный ответ на которые можно лишь привлекая данные, получаемые в ходе междисциплинарных исследований. Именно междисциплинарный

подход к духовно-нравственной безопасности позволит предоставить наиболее полную трактовку этому явлению и предложить практические советы по укреплению самих основ российского общества, ибо очевидно, что без духовно-нравственного начала человек – а значит и весь социум – деградирует. Таким образом, вопрос о духовно-нравственной безопасности непосредственно соотносится с национальной безопасностью, о чем ученые уже неоднократно писали [7, с. 136].

Множество потенциальных угроз, направленных в сторону и личности, и общества, и государства, – когда опасность нередко распространяется на всю нацию, ее язык и культуру, – все это уже не воспринимается сегодня чем-то экстраординарным. Происходящее в сферах политики, морали, экономики, образования, медицины, новых технологий и охраны окружающей среды соотносится с тем, что У. Бек, известный немецкий социолог и философ, именовал обществом риска (англ. risk society) [15].

Цель исследования: изучение основ духовно-нравственной безопасности нашего обществ и её взаимосвязи с душой человека.

Методика и организация исследования: применены сравнительный и лингвистический анализ, синтез, систематизация, обобщение, аналогия, системный и междисциплинарный подходы.

Результаты исследования и их обсуждение. Все виды безопасности – национальная, духовно-нравственная, лингвистическая, экологическая, демографическая и иные безопасности – тесно взаимосвязаны друг с другом. В определённом смысле выделение их как отдельных феноменов – вынужденное упрощение. Риски, вызываемые в одной из областей человеческой жизни, легко переносятся на другие. Такая инфильтрация и беспрецедентная концентрация рисков побуждает смотреть на существующие проблемы широко – в их соотнесенности с другими проблемами.

Под духовно-нравственной безопасностью понимается обеспечение защиты духовной и нравственной сферы человека и общества, души и духа человека [11, с. 136].

Душа и дух человека – главный субъект безопасности жизнедеятельности, в т.ч. духовно-нравственной безопасности общества и государства, а также важная духовно-нравственная ценность человека, которая, как и сам человек, подлежат защите [5, с. 62-65; 9, с. 87-91;].

Безусловно, что защите также подлежат другие традиционные духовно-нравственные ценности российского общества и государства.

К большому сожалению, государство и наука не признают, а также не относят к главной традиционной духовно-нравственной ценности душу и дух человека. В связи с чем, по нашему мнению, любое нормативное закрепление основ национальной и духовно-нравственной безопасности человека, общества и государства без признания души и духа человека традиционной ценностью российского общества и государства будет

неполным и носить декларативный характер, что недопустимо в век информационных войн, манипуляций человеческим и общественным сознанием и неистовой борьбы за человеческие души.

Обеспечение духовно-нравственной безопасности, обретение обществом её основ, по нашему мнению, предполагает обращение к поискам решения неотложных проблем, и уже сама их формулировка может иметь первостепенное значение. В данной связи отметим необходимость (1) закрепление на законодательном уровне и популяризация ценности души и духа человека; (2) противостояния иррелигиозности и квазирелигиозности как эрзацу веры в Бога; (3) обретения национальной идеи, преодоления идеологической эклектики, иногда до сих пор маскируемой с помощью амбивалентных терминов времен перестройки типа «плюрализм»; (4) ликвидации политической безграмотности и аполитичности среди населения России, особенно молодёжи; (5) повышения стандартов духовно-нравственного и патриотического воспитания в школах, противопоставления «квасному патриотизму» (термин русского поэта Н.А. Некрасова (28.11.[10.12.] 1821 – 27.12.1877 [08.01.1878] гг.) истинной любви к Родине; (6) сохранения языковой культуры, обеспечения языковой, культурной и мировоззренческой преемственности между поколениями.

При этом, особенно занимаясь вопросами лингвистической безопасности, важно не впадать в пуризм, не создавать «традицию» там, где её нет и никогда не наблюдалось – то, что, как свидетельствовал Г.О. Винокур, было весьма свойственно идеологам царской России и «белым», весьма произвольно трактовавших языковые факты [6, с. 44–45]. И сегодня повсеместное насаждение «традиционных ценностей» не всегда уместно, а порой способно вызывать и протест, транслируемый, например, посредством популярной музыки [14, с. 163], создающей культ знаменитостей, «звезд», «мажоров», не гнушающейся использовать в том числе криминальные мотивы [8, с. 129], творящей «героев» из довольно посредственных людей.

С другой стороны, такая переоценка ценностей, осуществленная в эпоху перестройки, 1990-х и начало 2000-х годов, была внедрена в саму систему образования, когда книги многих советских авторов были исключены из школьной программы и заменены изучением произведений, может быть, сами по себе и достойных, но к прочтению которых надо подходить очень серьезно, – чтобы не сделать ложных выводов о прошлом, настоящем и будущем своей страны.

Произвольная интерпретация сочинений некоторых авторов – их превращение фактически в инструмент антисоветской, а значит, в большинстве случаев и антироссийской (Россия – правопреемница СССР!) пропаганды – создаёт нежелательные риски в областях духовно-нравственной и национальной безопасности. Свобода слова не должна

пониматься превратно как право клеветать, распространять фейковые новости (англ. fake news), да и само понятие «свободы слова», как подчеркивал В.С. Бушин, значительно искаженно в современном масс-медийном дискурсе. Цензура используется в любых социально-политических системах, что абсолютно оправдано, поскольку существуют непозволительные слова, «которые нельзя произносить, уж тем более на всю страну» [4, с. 392]. Демократия же, которой так гордятся на Западе, часто представляет собой просто ширму для манипуляций человеческим и общественным сознанием [2, с. 192–193], а также средство уничтожения традиционных национальных ценностей и неугодных государств.

В любом случае, язык – это и есть один из столпов духовно-нравственной безопасности. Невозможно не вспомнить, что писал о русском языке классик отечественной литературы И.С. Тургенев (28.10.[09.11.] 1818 – 22.08.[03.09.] 1883 гг.): «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» [12].

Сохранность языка – гарантия духовно-нравственного развития общества, а также защиты души и духа человека. Недаром этот мотив явственно звучит в некоторых стихотворениях, созданных в годы Великой Отечественной войны (см., например, «Мужество» А.А. Ахматовой (11 [23].06.1889 – 05.03.1966 гг.) [1]). Неслучайно и то, что грохотанье советских орудий представлялось советским поэтом К.М. Симоновым (15.11.1915 – 28.08.1979 гг.) «русской речью» (стихотворение «Танк на выставке») [13, с.3]. Данная лингвистическая – а точнее семиотическая – метафора показывает глубинную связь языка, речи с событиями той страшной эпохи, когда само выживание русских как нации было под угрозой. Великая победа определялась духовно-нравственной силой людей, силой, черпаемой из родного языка, родной культуры.

Душа и дух человека также пользуются тем языком, который владеет человек.

Язык следует отнести не только к социальной, но и к Божественной и духовно-нравственной ценности человека.

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

Оно было в начале у Бога.

Все чрез Него на́чало быть, и без Него ничто не на́чало быть, что на́чало быть.

В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

(Библия, Иоанна 1:4) [3].

Слово в данном случае сопоставимо с понятием Логоса (др.-греч. λόγος), в одном из своих значений интерпретируемым мировым разумом. Одновременно логос – это и закон, и первопричина. Такая трактовка логоса, упорядочивающего все вещи, особенно нашла отражение в учении Гераклита. В христианстве же Логос фактически тождественен Иисусу Христу, являясь материальной манифестацией Бога-Слова.

Кроме того, общение человека с Богом происходит также благодаря языку/слову (молитва, пение, письмо и пр.).

Еще одной основой духовно-нравственной безопасности является религия, которая является хранителем и транслятором Божественных и духовно-нравственных ценностей общества, а также щитом от духовной и нравственной деградации человека.

Выделяют следующие общечеловеческие ценности: 1. Божественные (Бог, Любовь, Божественные энергия и информация, Сотворчество, душа человека, дух человека); 2. Духовно-нравственные (Вера в Бога, религия, мораль, творчество); 3. Витальные (биологические); 4. Социальные [5, с. 62-65; 10, с. 373-377].

Выводы. В ходе исследования авторы пришли к следующему: 1. Основами духовно-нравственной безопасности российского общества выступают Божественные (Бог, Любовь, душа и дух человека, язык) и духовно-нравственные ценности (язык, религия, культура). 2. Невозможно надлежащим образом обеспечить национальную и духовно-нравственную безопасность общества и российского государства без признания государством и наукой важности и ценности души и духа человека.

Список литературы

1. Ахматова А.А. Мужество // Правда. – 08.03.1942.

2. Алексеев А.Б. Дискурсология, лингвистика, лингвополитология: проблемы, теории, история и векторы развития. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2025. – 496 с.

3. Библия: каноническая, русский синодальный перевод. – Москва: Российское Библейское общество, 2007. – 1057 с.

4. Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. – Москва: Алгоритм, 2006. – 448 с.

5. Боброва Н.А., Ивентьев С.И. Человеческая душа как главная духовно-нравственная ценность человека // Философия человека: материалы Второго научного симпозиума, 11-12.10.2019г., Таганрог / отв.ред. В.П. Рыжов. – Таганрог: Типография Ступина С.А., 2019. – С. 62-65.

6. Винокур Г.О. Культура языка. Очерки лингвистической технологии. – Москва: Работник просвещения, 1925. – 215 с.

7. Гафиатулина Н.Х. Духовно-нравственная безопасность российской молодежи // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2017. – № 1 (49). – С. 134-144.

8. Гриценко С.А. «Ярко, ярко горят»: психопатологические мотивы в любовной лирике группы «Элизиум» // Романовские чтения – 16. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2023. – С. 129–130.

9. Ивентьев С.И. Душа и дух человека как главный субъект безопасности жизнедеятельности // Безопасность жизнедеятельности: современные вызовы, наука, образование, практика: материалы IX Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием (3-4.12.2018 г.): сборник научных статей / сост.: С. В. Абрамова, Е. Н. Бояров; под ред.: О. А. Фёдорова, В. В. Моисеева. – Южно-Сахалинск: САХГУ, 2019. – С. 87-91.

10. Ивентьев С. И. Общечеловеческие ценности: четвертое и пятое поколение прав человека // Система ценностей современного общества: Сб. матер. XII Междунар. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. С.С. Чернова. - Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. - С. 373-377.

11. Казанцева Д.Б., Золкин А.Л., Карпенко О.А. Духовно-нравственная сфера современного российского общества: обеспечение безопасности: монография. – Москва: РУСАЙНС, 2022. – 78 с.

12. Тургенев И.С. Русский язык (Стихотворение в прозе) // Вестник Европы. – 1882., – № 12.

13. Симонов К.М. Танк на выставке // Красная звезда. – № 147. – 24.06.1943. – С. 3.

14. Ткачук Ю.П. Школа в современной рок-музыке: критический дискурс-анализ // Система образования в эпоху искусственного интеллекта: проблемы и направления развития: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, 2024. – С. 163–168.

15. Beck U. Risk society. Towards a new modernity. – London: SAGE Publications, 1992. – 261 p.

УДК 130.2

ПРОФИЛАКТИКА ДЕСТРУКТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ЧЕРЕЗ ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Ахмедова Кульсум Байтаевна,
Саралиева Седа Мусаевна,
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный, Россия
e-mail: akhmedovakb@yandex.ru
e-mail: saralievaseda25@xmail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема профилактики деструктивных социальных явлений в образовательной среде, таких как буллинг, кибербуллинг и конфликты. Анализируется недостаточная эффективность традиционных реактивных подходов, основанных на запретах и информировании. В качестве альтернативы предлагается проактивная модель, направленная на формирование социально-психологических компетенций у всех участников образовательного процесса. Теоретически обосновывается структура ключевых компетенций: эмоциональный интеллект, эмпатия, навыки конструктивной коммуникации и разрешения конфликтов, критическое мышление и саморегуляция. Раскрываются механизмы профилактического воздействия на индивидуальном и групповом уровнях, ведущие к созданию психологически безопасной среды. Предлагаются практические направления интеграции данного подхода в образовательную деятельность, включая работу с учащимися, педагогами и родителями.

Ключевые слова: деструктивные явления, образовательная среда, профилактика, социально-психологические компетенции, психологическая безопасность, буллинг.

PUBLIC CONSCIOUSNESS AS A PHENOMENON AND AS A CONCEPT

Akhmedova Kulsum Baytaevna,
Saralieva Seda Musaevna,
Chechen State Pedagogical University,
Grozny, Russia
e-mail: akhmedovakb@yandex.ru

Abstract. The article addresses the problem of preventing destructive social phenomena in the educational environment, such as bullying, cyberbullying, and conflicts. It analyzes the insufficient effectiveness of traditional reactive approaches based on prohibitions and awareness-raising. As an alternative, a

proactive model aimed at developing socio-psychological competencies among all participants in the educational process is proposed. The structure of key competencies is theoretically substantiated: emotional intelligence, empathy, skills of constructive communication and conflict resolution, critical thinking, and self-regulation. The mechanisms of preventive impact at the individual and group levels, leading to the creation of a psychologically safe environment, are revealed. Practical directions for integrating this approach into educational activities, including work with students, teachers, and parents, are proposed.

Keywords: destructive phenomena, educational environment, prevention, socio-psychological competencies, psychological safety, bullying.

Введение. Образовательная среда – ключевой социальный институт, где происходит активное формирование личности, ее ценностных ориентаций и поведенческих моделей. В силу своей открытости и динамичности именно учебные заведения часто становятся ареной проявления деструктивных социальных явлений, таких как конфликты, буллинг, девиантное поведение и иные негативные практики. При этом важно отметить, что возникают они как в реальной жизни, так и в виртуальном пространстве. Так, например, кибербуллинг становится все более распространённым в школах и влияет на психологическое благополучие школьников [4], а также повышение уровня тревожности, стресса и профессионального выгорания у педагогов [6]. Традиционные подходы к профилактике, основанные на запретах и информировании о последствиях, демонстрируют свою недостаточную эффективность. Они носят преимущественно реактивный, а не проактивный характер, активизируясь уже после инцидента. Эффективная профилактика таких явлений невозможна без системной работы по развитию социальных и психологических компетенций учащихся и педагогов. Формирование таких компетенций позволяет повысить устойчивость негативным социальным явлениям, улучшить навыки коммуникации и разрешения конфликтов, а также способствует развитию эмпатии, саморегуляции и критического мышления.

Данный подход позволяет не просто бороться со следствиями, а создавать устойчивую психологически безопасную среду, где деструктивным явлениям сложно возникнуть. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью перехода от ситуативных мер к системной работе по развитию личностного потенциала учащихся и педагогов, что является залогом не только их академических успехов, но и долгосрочного психического здоровья и социального благополучия.

Цель исследования заключается в теоретическом анализе и обосновании подхода к профилактике деструктивных социальных явлений в образовательной среде через целенаправленное формирование социально-психологических компетенций у всех участников образовательного процесса.

Результаты исследования и их обсуждение. Под деструктивными социальными явлениями в контексте образования мы понимаем устойчивые формы социального взаимодействия и индивидуального поведения, которые

наносят ущерб психическому и физическому здоровью личности, мешают учебному процессу и разрушают социальные связи в коллективе [3]. Анализ литературы позволяет выделить их ключевые детерминанты:

•Индивидуально-психологические: низкая самооценка, неразвитость эмпатии, высокий уровень агрессии и тревожности, импульсивность.

•Социально-групповые: неблагоприятный психологический климат в классе, конформность, групповое давление, явления «скученности» без реальной сплоченности.

•Институциональные: авторитарный или, наоборот, попустительский стиль педагогического управления, отсутствие четких и справедливых правил, недостаток внимания к социально-эмоциональному развитию учащихся.

Исследования показывают, что деструктивное поведение часто является следствием неспособности личности конструктивно удовлетворить базовые психологические потребности в безопасности, принадлежности, уважении и самореализации [5]. Именно этот дефицит и призваны компенсировать социально-психологические компетенции.

Социально-психологические компетенции (СПК) – это интегративное личностное образование, представляющее собой систему знаний, навыков, умений и установок, обеспечивающих эффективное и конструктивное взаимодействие человека с собой и социальным окружением [1]. В контексте профилактики деструктивных явлений ключевое значение имеют следующие компоненты СПК:

•Эмоциональный интеллект – способность к осознанию, пониманию и управлению собственными эмоциями и эмоциями других людей. Развитый эмоциональный интеллект позволяет учащемуся распознавать зарождающиеся конфликты, управлять гневом и разочарованием, а также адекватно реагировать на эмоциональные состояния сверстников, что является прямой профилактикой агрессивных вспышек и буллинга.

•Эмпатия – способность к сопереживанию и пониманию чувств другого. Эмпатия выступает основным психологическим барьером на пути жестокого поведения. Понимание страданий жертвы делает совершение буллинга психологически затруднительным для эмпатирующего индивида.

•Навыки конструктивной коммуникации и разрешения конфликтов. Сюда относятся активное слушание, владение «Я-высказываниями», техники ненасильственного общения и поиска компромисса. Дефицит этих навыков приводит к тому, что конфликт, как нормальная часть социальной жизни, перерастает в деструктивное противостояние.

•Критическое мышление. Данная компетенция позволяет учащимся анализировать информацию, противостоять манипуляциям и давлению со стороны деструктивных групп и сообществ, оценивать последствия своих и чужих поступков.

•Навыки саморегуляции и стресс-менеджмента. Умение управлять своим психофизиологическим состоянием в стрессовых ситуациях снижает вероятность импульсивных, агрессивных или аутоагрессивных реакций.

Формирование СПК создает многоуровневую систему профилактики, воздействуя на основные детерминанты деструктивного поведения.

На индивидуальном уровне развитие СПК способствует:

- Повышению психологической устойчивости. Личность, обладающая инструментами для понимания себя и управления своими состояниями, менее уязвима для внешних негативных влияний и группового давления.
- Интериоризации (усвоению) просоциальных норм поведения. Через развитие эмпатии и ответственности конструктивные модели взаимодействия становятся внутренней потребностью, а не внешним требованием.
- Формированию «внутреннего контролера». Критическое мышление и способность к рефлексии позволяют человеку самостоятельно оценивать и корректировать свое поведение без постоянного внешнего контроля.

На групповом уровне системная работа по развитию СПК ведет к:

- Трансформации групповой динамики. В коллективе, где развиты навыки коммуникации и разрешения конфликтов, снижается уровень напряженности и враждебности, формируются отношения взаимопомощи и поддержки.
- Созданию атмосферы психологической безопасности. По определению И.А. Баевой, это среда, свободная от психологического насилия, где высоко ценятся доверие и уважение к каждому участнику [2]. В такой среде риски возникновения буллинга и других форм насилия минимизированы.
- Изменению роли «наблюдателей» в ситуациях буллинга. Развитие эмпатии и ответственности у членов группы повышает вероятность того, что они займут просоциальную позицию и вмешаются в травлю, лишая агрессора групповой поддержки.

Таким образом, формирование СПК не просто «ставит заслон» деструкции, а перестраивает саму ткань социальных отношений в образовательной среде, делая ее здоровой и устойчивой.

Теоретический анализ позволяет предложить модель интеграции формирования СПК, которая должна носить целостный и многокомпонентный характер.

Интеграция в учебный процесс, когда элементы развития критического мышления, эмпатии и коммуникации внедряются в рамки традиционных дисциплин.

Реализация целевых программ и тренингов: проведение регулярных, системных занятий в формате социально-психологического тренинга, направленного на целенаправленное развитие всех компонентов СПК.

Работа с педагогическим составом – ключевой элемент системы. Необходимо непрерывное повышение психолого-педагогической компетентности педагогов, развитие их собственных СПК, обучение технологиям ненасильственного общения и создания благоприятного

климата в классе. Без этого любая программа для учащихся будет неэффективной.

Просвещение родительского сообщества в области возрастной психологии, важности развития СПК, обучение навыкам конструктивного общения с ребенком в семье.

Основополагающие принципы: системность – охват всех участников образовательных отношений; проактивность – акцент на предупреждение, а не на реакцию; возрастная адекватность – содержание и формы работы должны соответствовать возрастным особенностям и задачам развития; субъектность – учащийся должен рассматриваться не как объект воздействия, а как активный субъект процесса развития своих компетенций.

Выводы. Проведенный теоретический анализ позволяет утверждать, что традиционные подходы к профилактике деструктивных явлений в образовательной среде, базирующиеся на контроле и запретах, исчерпали свой потенциал. В качестве новой парадигмы предлагается подход, ориентированный на формирование социально-психологических компетенций. Механизм профилактического воздействия развития СПК заключается в трансформации индивидуального поведения и групповой динамики, что ведет к созданию психологически безопасной образовательной среды как антидота деструктивным явлениям.

Эффективная реализация данного подхода требует комплексной интеграции в образовательный процесс через работу с учащимися, педагогами и родителями, основанную на принципах системности, проактивности и субъектности.

Список литературы

1. Бабинцева Л.Н. Основные подходы к анализу социально-психологической компетентности личности // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2016. № 1(31). С. 9-16.

2. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды: становление направления и перспективы развития // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1, № 3. С. 5-19.

3. Ганузин В.М. Влияние психотравмирующих факторов образовательной среды на детей // Российский педиатрический журнал. 2025. Т. 28, № 2. С. 155-159.

4. Назаров В.Л., Авербух Н.В., Буйначева А.В. Буллинг и кибербуллинг в современной школе // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 2. С. 169-205.

5. Плугина М.И., Абакарова Э.Г., Лукьянов А.С. Личностные особенности предрасположенности субъекта к деструктивным формам поведения // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Т. 22, № 3S. С. 3804.

6. Фомина И.В. Специфика профессионального стресса в педагогической деятельности // Молодой ученый. 2025. № 20 (571). С. 699-703.

УДК 377

О НЕКОТОРЫХ ПАРАДИГМАХ СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УЧЕНИЯХ М. ФУКО И ДЖ. ТАЙЛОРА ГАТТО

Ашилова Мадина Серикбековна,
Бегалинов Алибек Серикбекович,
Бегалинова Калимаш Капсамаровна
Казахский университет международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана;
Международный университет информационных технологий,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби
г. Алматы, Казахстан, kalima910@mail.ru

Аннотация. В статье предложен анализ основных парадигм современного западного образования, определение их сущности и содержания на примере философии образования французского философа М. Фуко и американского ученого Дж. Тайлора Гатто. Авторы показывают, что в учениях этих ученых западное образование характеризуется как динамичная система, отражающая социально-экономические преобразования, развитие технологий и трансформацию культурных ценностей. Его содержание формируется под влиянием либеральных принципов, гуманистической педагогики и рыночной логики, где ключевым субъектом становится не государство, а человек – студент, ученый, учитель. Обращается внимание и на «политическую историю педагогики», формирующуюся в недрах западного образования. Подытожено, что такие негативные проявления западного образования, как дефицит толерантности, ответственности, гуманности и даже скромности и доброжелательности в образовательной сфере, свойственно западному образованию. Дефицит и хаос поведенческих реакций заставляет задуматься об общезначимости и даже обязательности «гигиенических правил» мышления и поведения, о которых стали все чаще забывать, выстраивая здание новой «псевдокультуры».

Ключевые слова: западное образование, парадигмы образования, образовательный дискурс, личностное развитие, духовная трансформация, утилитаризм.

ON SOME PARADIGMS OF MODERN WESTERN EDUCATION IN THE TEACHINGS OF M. FOUCAULT AND J. TAYLOR GATTO

Ashilova Madina Serikbekovna,
Begalinov Alibek Serikbekovich,
Begalinova Kalimash Kapsamarovna,

Ablai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages;
International University of Information Technology,
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan, kalima910@mail.ru

Abstract. The article offers an analysis of the main paradigms of modern Western education, defining their essence and content through the example of the educational philosophy of the French thinker M. Foucault and the American scholar J. Taylor Gatto. The authors demonstrate that in the teachings of these scholars, Western education is characterized as a dynamic system reflecting socio-economic transformations, technological development, and the transformation of cultural values. Its content is shaped under the influence of liberal principles, humanistic pedagogy, and market logic, where the key actor is not the state but the individual – the student, the researcher, the teacher. Attention is also drawn to the "political history of pedagogy," which takes shape within Western educational systems. The article concludes that such negative manifestations of Western education as a deficit of tolerance, responsibility, humanity, and even modesty and goodwill within the educational sphere are inherent to Western education. The deficit and chaos of behavioral reactions encourage reflection on the universal importance and even the necessity of "hygienic rules" of thinking and conduct, which are increasingly forgotten in the construction of a new "pseudo-culture."

Keywords: Western education, educational paradigms, educational discourse, personal development, spiritual transformation, utilitarianism.

Введение. Современное западное образование представляет собой динамичную систему, которая характеризуется в научно-исследовательской литературе как «цифровое общество», «информационное общество», «постиндустриальное», «инфосфера», «общество знания». «Вхождение человеческой цивилизации в информационное общество и общество знаний предъявляет качественно новые требования к системе образования. Целью образования становится не подготовка человека к будущей деятельности (прежде всего профессиональной) за счёт накопления впрок как можно большего объёма готовых, систематизированных, изначально истинных (в силу авторитета науки) знаний, а развитие личности, овладение ею способами приобретения существующих и порождения новых знаний» [5, с. 4]. Образование в фундаментальной структуре пространства социума подчиняется, прежде всего, логике экстенсивного развития человечества, исповедующей и отражающей нарастающую волю к технике и прогрессу. В свою очередь, интенсивные стратегии общества и образования привлекают основные ресурсы не к выхолощенному и застывшему универсализму и утилитаризму, а к глубинным процессам, культивирующим, целенаправляющим формирование как отдельной личности, так и социума в

целом в пространстве духовного и трансцендентного начала. Синтез реального и идеального, напротив, с этой точки зрения, должен напоминать о подлинном универсуме и богатстве культуры.

Целью исследования является раскрытие некоторых парадигм, стратегии современного западного образования в учениях М. Фуко, Дж. Тайлора Гатто и других ученых, в концепциях которых находит позитивную импликацию идея репрезентации культурного смысла и культурной парадигмы, направленной на выявление во внутренней структуре человеческой личности смысл содержащего и смысл выявляющего начал и духовной составляющей.

Методика исследования определялась спецификой философии образования, характером рассматриваемых проблем и поставленной целью исследования. В качестве методологической основы исследования взяты общетеоретические методы, методология комплексного анализа, включающего ряд методов – герменевтический, сравнительный, аналитический и др. Основными источниками стали труды М. Фуко, ДЖ. Тайлора Гатто и других ученых.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ процесса образования – это всегда первоочередная и априорная реконструкция логики однозначного и одностороннего воздействия в диалоге сторон обучающего процесса, где способ существования второй стороны диалога характеризуется как фатальная зависимость. Но именно подлинный диалог как полнота и совместность бытия и его осуществления становится главным в современном культурном контексте измерения пространства образования. Диалог как адаптирующая, коммуникатирующая константа взаимодействия отстраивает особое пространство соотнесенности, где имеет место встреча-ожидание, встреча-обогащение, реконструкция матрицы понимания и сотворчества.

Задача философии образования в современной культуре часто звучит как призыв к всемирному (и всемерному) сотрудничеству с оправданием плюралистических позиций и установок, диалога культур и мировоззрений, реконструкции философии глобального образования и понимания личности, как озабоченности ее выживанием и выживанием всего человечества.

В современное время артикулируется ориентир на возможную разработку интегративной и оптимизирующей методологии в образовании и образовательных стратегиях развития. Это позволит придать большую значимость важнейшим аспектам экзистенциальной ориентации, приглушить издержки и проблемы прагматической ориентации и возродить принципы идеалистического видения образовательной практики. В этой связи, идеи органической философии образования предстают как преодолевающие противоположности идеализма и реализма, путем объединения их в органическое единство. Выдвигается идея мировоззренческого синтеза в концепции образования граждан мира и

решении вопроса о гармоничном единстве знания и мира. Но ни один подход, или проект философии образования, с нашей точки зрения, пока еще не получил всеобщей мировоззренческой поддержки и абсолютного методологического оправдания (ни реализм, ни натурализм, ни экзистенциализм, ни прагматизм, ни экспериментализм, ни идеализм, ни психологизм и др. направления).

Напомним, что любой интегративный подход в пределах существующих методологических ориентаций, отражает рефлексию над образовательными процессами с точки зрения интегративных характеристик знания, человеческой природы, взаимодействия человека с окружающим миром: это научная интеграция знаний в области психологии, социологии образования и знания, а также эпистемологии, когнитологии и культурологии. Нравственные, духовные, познавательные, ценностные источники содержания, наполняющего социальные формы, могут и должны быть оценены с точки зрения соотнесённости и корреляции с системой образования как динамично развивающейся и активно трансформирующейся системы и элемента социального целого.

Поиск культурной парадигмы образования продолжается в начале XXI века через решение константы, и в тоже время обновляемых вопросов: соотношение знания, образования и информации; образования и социума; глобализация мира, развитие знания-мысли; нравственные парадигмы в образовании; авторское право в образовании и многие другие вопросы и проблемы. Наиболее важным аспектом междисциплинарной и внутрифилософской рефлексии становятся вопросы образования и образовательных стратегий как проблемы устойчивого развития в условиях быстрых темпов развития экономики, глобального сотрудничества, культурной динамики, духовных трансформаций.

Не менее важный и спорный вопрос – проблема дефиниций и задач самой философии образования, что должно способствовать разрешению как глобальных методологических трудностей и споров в области предметных и дисциплинарных характеристик, так и пониманию важности именно философской рефлексии. Сошлемся на общее мнение исследователей об отсутствии четких предметных границ, определений целей и задач самой философии образования как самостоятельной дисциплины. Наиболее актуальным и разработанным комплексом отечественной философской мысли были линии исследования связанные с вопросами развития культуры, проблемы «человек-мир», развития духовности, принципы цивилизационного существования, а также вопросы образовательного знания в качестве эпистемологической рефлексивной сущности содержания знания и бытийного преобразования самого человека на уровне реализации глубинных смыслов и ценностей. По-прежнему представляет безусловный интерес обращение к концепциям неклассической, постнеклассической и постмодернистской философии и «методологии» при реконструкции

моделей «знания-образования»: воспитательно-образовательный дискурс Ю. Кристевой; обоснование знаниевой составляющей культуры и социальных практик М. Фуко; принцип недоверия и сомнения к «великим метанарративам» и интерес к новой легитимации образования и знания, а также к оценке рационалистических идей человечества и просвещенческого образа знания как всеобщего идеала свободы и прогресса; герменевтические принципы оценки образования и др.

Философия образования французского философа М. Фуко тесно связана с его философией политики. В работе «Надзирать и наказывать» надзирающим и наказывающим началами оказываются не только тюремщик, врач и родитель, но и педагог, а дисциплинарным пространством наряду с тюрьмой, больницей и семьей выступает и школа. Характеризуя современную культуру как культуру тоталитарного общества, М. Фуко подчеркивает тотальное проникновение и господство власти во всех сферах общественной жизни. Так, «дискурс» – это не только речевое воздействие, но это вся «совокупность структурирующих механизмов (речевых и надстроечных), которые воздействуют на индивид. «Дискурс власти» осуществляется по правилам «ближнего боя»: подавление, устрашение, унижение и оскорбление [2, с. 181]. М. Фуко часто обвиняют, что он не дает фундаментальных указаний и определенных направлений как изменить соответствующее положение вещей, как преобразовать человека, но он дает характеристику современной авторитарной системы, показывает, как закладывается государством модель одномерного и монологично мыслящего человека. Формирование этого типа человека происходит в стенах школы, под воздействием надзирающих педагогов и наказывающих воспитателей. Так, например, экзамен представляется М. Фуко удавкой, накинутой на учеников властью. «Индивиды на экзамене должны подтвердить характер удавки. Экзамен имеет свой собственный церемониал, детальный архив о каждом ученике. Существует дисциплинарная запись власти через коды: «власть записи» (посещение, ответы, тематика, отношение к занятиям и т.д.). Экзамен превращает индивида в конкретный случай проявления объекта власти и знаний [6]. Экзамен, по мнению М. Фуко, это не только надзор, но и средство максимального выжимания сил и способностей. Власть с помощью тоталитарного дискурса через систему образования манипулирует человеком, «превращая его в идеологический атом существующей авторитарной системы» [6, с. 274]. Основной задачей всей системы образования, таким образом, становится помощь в построении нового демократического, гражданского общества, в котором «дискурс власти» был бы заменен «дискурсом общения», или демократическим «дискурсом». А это возможно только в том случае, когда педагог снимет с ученика оковы объектности и превратит его в полноценного субъекта познания, способного к самообразованию и самопознанию. Особое значение в этой связи приобретает ценностная ориентация учителя – он должен исходить из

признания ценности самой человеческой личности, должен быть ориентирован на признание своеобразия другого человека, на диалогичность процесса обучения. Так, М. Бахтин писал, что «одна голова не может притязать на монопольное владение истиной, на то, чтобы вместить её «всю» без остатка. Поиск истины «это участие во всеобщем диалоге», это повсюду пересечение, созвучие или перебой реплик открытого диалога с репликами внутреннего диалога героев» [1]. Таким образом, диалогичность, а с ней и смена дискурса становятся решающими факторами модернизации системы образования.

В современной западной философии образования (особенно в США) широкое распространение получила концепция «политической истории педагогики» (political researches of educational philosophy). Она занимается изучением политических аспектов современного образования. Анализируя его содержание, она показывает, как формируется западное образование под влиянием либеральных принципов, гуманистической педагогики и рыночной логики, где ключевым субъектом становится не государство, а человек – студент, ученый, учитель. В отличие от традиционных моделей обучения, западная система ориентирована на личностное развитие, критическое мышление и профессиональную конкурентоспособность.

Наиболее ярким представителем этого направления является американский исследователь С. Мондэйл. В работе «История американского народного образования», она отмечает, что вопрос о том «какой должна быть школа Нового света?» встал с самого начала освоения Северной Америки. По мнению С. Мондэйл, современная школа США – это продукт столетних реформ, проводившихся с начала XIX столетия. При этом, пишет она, американское образование развивалось от раннего идеализма начала XIX века (Т. Джефферсон, Х. Манн) к реализму и прагматизму начала XX века (Дж. Дьюи) [4, p. 73].

Немаловажную роль в развитии политологического направления в современной философии образования сыграла работа И. Иллича «Бесшкольное детство». В ней философ пишет о том, что существующая в современном мире концепция детства – как совокупность взглядов, традиций и педагогических теорий – получила развитие лишь недавно, с середины XIX – начала XX века. И. Иллич считает, что ранее этого времени «период детства» не вызывал никакого интереса. Так, к примеру, на картинах эпохи Возрождения художники изображали младенца как миниатюрного взрослого, помещенного на руках его матери [3, p. 29]. Вплоть до начала XX века ребенок ни из бедной, ни из богатой семьи не знал специального детского платья и детских игр. Дети, по мнению философа, появились в Европе «наряду с карманными часами» [3, p. 43]. Лишь с появлением индустриального общества, т.е. в середине XIX века в западном мире создается «индустрия детства» - широкая система образования, установление норм детского поведения, развитие ориентированной на детство промышленности. Но,

вместе с этим, пишет И. Иллич, с этого времени в индустриальных городах практически не существует детства: в западном обществе, особенно в мегаполисах, ребенок стремительно взрослеет [3, p. 83].

Не менее оригинальные мысли высказал другой американский ученый Дж. Тайлор Гатто. Его работа под названием «Неизвестная история американского образования» вызвала широкий интерес со стороны всего научного сообщества. Сам философ именует свой метод изучением «социальных эффектов» в образовании. Его интересует, в частности, появление школьного насилия, которое, по мнению философа, имеет объективные причины. Будущее образования ученый видит в отсутствии монополий государственных школ и вообще государственного сектора в образовании. По его мнению, должны существовать лишь частные школы, открывающие настоящий демократизм, альтернативные формы образования и теории свободного воспитания. Отмеченные выше концепции, при всей их многосложности, становятся важнейшими условиями оценки логик деятельности государств, современных политических структур, социальных организаций, отражающих ограничительную и репрессивную палитру во взаимодействиях и отношения внутри социального целого и его структур. Данные подходы без сомнения позволяют выявить проблемные дискурсы образования и знания, определяемые вокруг культурных смыслов коммуникации, пространства Интернет и широко понимаемых реалий виртуальной культуры.

Выводы. Насилие над фундаментальными и элементарными основаниями культуры, иллюзорность и отчуждение социальных форм и институтов становится стигмой бизнес-политики в области образования, этическая и моральная деструкция в сфере образования, общения, коммуникаций и эмоций, формирует новые поведенческие реакции и «моральные» стратегии, где имеет место дефицит толерантности, ответственности, гуманности и даже скромности и доброжелательности. Дефицит и хаос поведенческих реакций заставляет нас задуматься об общезначимости и даже обязательности «гигиенических правил» мышления и поведения, о которых мы стали все чаще забывать, выстраивая здание новой «псевдокультуры». Инверсия подлинного общения и диалога – это результат школьного и университетского «существования». Возможны ли некие компенсации практического или морально-духовного плана в области образования. Это вопрос понятный всем (хотя и риторический). Ни рыночное благополучие, ни формальное право, ни высший синтез всех задач и их решений в области образования, ни глобализация не являются подобными компенсациями. Самостоятельные, современные и ответственные решения могут быть привнесены на новом философском уровне, учитывающем подлинное бытийное преобразование человека и культурные значения технико-информационных последствий цивилизации. В современном обществе назрела и глубинная потребность осмысления социальной системы

и института образования как важнейшей компоненты и канала инновационных процессов, технологий, трансформаций. Образование, которое часто являлось институтом охранения традиций и соответствующих социальных влияний, и даже консервативных установок общества, должно стать моделью инновационных технологий и нового ментализма. Современный философский подход при этом, безусловно, сохранит историческую установку на глубинное внимание к смыслосодержащим ориентирам к развитию и саморазвитию индивида и личности, их мировоззренческой трансформации, а также интенцию и установку на процветание общества и философскую рефлексию над постоянным вниманием самого общества к современной политике и практике в области образования.

Итак, в перспективе будущей оценки социального развития находятся метаобразовательные и транспедагогические процессы и реформирования, в то же время мы имеем дело с явной и предельной поляризацией ценностных представлений и ориентаций. В зоне внимания по-прежнему будут оставаться информационно-символическая среда, возможности воздействия человека на новую информационную и виртуальную среду и, в этой связи, внимание к «самостоятельному» существованию человека к его обновленным антропологическим параметрам и характеристикам.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. – 472 с.

2. Головина Л.И. Философия Мишеля Фуко и система образования// Философия образования. – 2003. - №7. – С.180-187.

3. Illich I. Deschooling society. Mexico. – N.Y., 1978. – 332 p.

4. Mondale S. History of American public education. N.Y., 2000. – 437 p.

5. Наливайко Н.В., Пушкарева Е.А. Качество современного отечественного образования: сущность и проблемы // Философия образования. - № 4 (25). – 2008. - С.4.

6. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

УДК: 177.8

ЭКСТРЕМИЗМ КАК СЛЕДСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ

Байсаидова Габибат Байсаидовна,
Дагестанский государственный университет
г. Махачкала, Россия, e-mail: baysaidova@list.ru

Аннотация. В условиях сложной социально-экономической и политической ситуации различные социальные отклонения приобретают массовый характер. Экстремизм как форма девиации является угрозой социальной стабильности. В статье показана связь социальной депривации с экстремизмом, обосновано, что экстремизм является результатом социальной депривации. Исследованы причины, формы проявления социальной депривации, предложены методы противодействия распространению радикальных идей, которые способствуют увеличению социальных отклонений и социальному исключению различных социальных групп и общностей.

Ключевые слова: аномия, экстремизм, депривация, социальная депривация, психологическая депривация, поведенческая депривация, этическая депривация.

EXTREMISM AS A CONSEQUENCE OF SOCIAL DEPRIVATION

Baysaidova Gabibat Baysaidovna,
Dagestan State University
Makhachkala, Russia, e-mail: baysaidova@list.ru

Abstract. In the context of a complex socioeconomic and political situation, various social deviations are becoming widespread. Extremism, as a form of deviation, poses a threat to social stability. This article demonstrates the connection between social deprivation and extremism, substantiating that extremism is a result of social deprivation. The causes and manifestations of social deprivation are examined, and methods for countering the spread of radical ideas that contribute to the increase in social deviations and the social exclusion of various social groups and communities are proposed.

Keywords: anomie, extremism, deprivation, social deprivation, psychological deprivation, behavioral deprivation.

В современный период экстремизм является одним из основных источников угрозы внутренней и внешней безопасности России. В связи с этим анализ сущности и причин данного феномена приобретает особую актуальность.

Стратегия национальной безопасности России определяет принципы, цели и задачи, обеспечивающие единство народов и целостность государства, способствующие сохранению этнокультурного многообразия, укреплению гражданского и межнационального согласия [3]. В Федеральном законе Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» экстремизм рассматривается как сложное многоаспектное явление, которое проявляется в различных формах, несет в себе высокую степень опасности для личности, общества и государства [4].

В научной литературе предлагаются различные трактовки понятия «экстремизм», определяющие экстремизм как приверженность к крайним взглядам и методам, как деятельность, связанную с дискриминацией по признакам расовой, национальной, религиозной, социальной принадлежности.

Природа экстремизма как социального феномена основана на стремлении уничтожить систему государственно-правовых и общественных отношений, направленных на создание условий для удовлетворения базовых потребностей общества и личности. В этой связи целесообразно проанализировать связь экстремизма с социальной депривацией, лишающей возможности удовлетворять потребности, выполнять социальные роли в системе межличностного взаимодействия.

В социально-гуманитарных науках предмет социальной депривации ограничивается рамками конкретной дисциплины. К примеру, психология понимает депривацию как состояние лишения или недостаточного удовлетворения основных психофизиологических и социальных потребностей человека, что приводит к нарушениям в его психическом развитии, эмоциональном состоянии и поведении. Такое состояние психики человека ограничивает возможности сознательного контроля за собственным поведением. Человек становится легкой мишенью для пропагандистов-организаторов экстремизма, владеющих современными технологиями вовлечения в деструктивную группу, которая для личности с низкой самооценкой становится референтной группой. В подобном разрушительном сценарии своей жизни человек чувствует себя полноценной личностью.

В социологии депривация рассматривается как социальное явление, связанное с лишением или ограничением возможности удовлетворения основных потребностей индивида или социальной группы. Состояние депривации может возникать в результате бедности, изоляции, дискриминации по признаку пола, расы, социального статуса, места жительства или возраста. При этом следует отметить, что психологическое и социологическое толкование депривации дополняют друг друга.

В рамках исследования социальная депривация интерпретируется как лишение благ, которое влечет за собой социальное недовольство и

проявляется в деятельности деструктивных движений экстремистской направленности.

Социальная депривация создает проблемы в социализации и трудности в выполнении социальных ролей. Одно из проявлений социальной депривации – недостаточное количество общения. Отсутствие коммуникации и социального опыта приводит к возникновению проблемы доверия и развитию агрессивности. В условиях кризиса, когда обостряются конфликтные противоречия, происходит ослабление нормативной системы общества и развивается этическая депривация. Субъекты этической депривации особенно восприимчивы к распространяемым в обществе радикальным идеям.

Смена системы ценностей влечет за собой изменения образа жизни, социального окружения, что в конечном счете приводит к конфликту на внутриличностном уровне и формированию новой идентичности. Желание преодолеть последствия этической депривации часто находит свое выражение в актуализации религиозной идентичности, которая иногда проявляется в виде приверженности к экстремистской идеологии. В связи с этим важно использовать ценностный потенциал традиционных социальных институтов. В частности, семейно-родственные институты способствуют сохранению и передаче системы семейных ценностей, формированию в сознании подрастающего поколения престижа семьи как социального института. В ситуации социальной депривации сформированные прочные эмоциональные связи в системе внутрисемейных отношений обеспечивают чувство защищенности и уверенности в будущем.

В периоды исторического кризиса и неопределенности возрастает значение института религии, который влияет на формирование представлений и выбор социальных практик, помогающих людям жить [2] и выстраивать доверительные отношения. В ситуации социальной аномии, которая приводит к дезорганизованности общества, к росту девиантного поведения [1], радикально настроенные религиозные лидеры использовали возможность экстремистской модификации религиозной идеологии, направленной на пропаганду превосходства одной социальной группы над другой. Включенность индивида в деструктивные структуры формирует представление в правильности и важности его группы. Особенно отчетливо это проявляется в деятельности групп, деятельность которых направлена на разжигание межнациональной и межрелигиозной розни. В Дагестане нетрадиционные религиозные движения, противостоявшие традиционному исламу, способствовали распространению религиозно-политического экстремизма и терроризма, который как следствие религиозной депривации проявился в лишении возможности удовлетворять духовные потребности и получать информацию из религиозных источников. Социальную базу экстремистских организаций составляли молодые люди, которые на фоне отсутствия или недостаточного наличия религиозных источников и

духовной поддержки, получили искаженное религиозное воспитание и попали в религиозную зависимость от религиозных просветителей, претендовавших на исключительность в понимании религиозной доктрины.

В современный период для противодействия распространению радикальных взглядов и формирования доверия к существующей социально-политической системе исключительное значение имеет положительный потенциал религиоведческого образования и «религиозно ориентированных граждан» [5]. Религиоведческое образование позволяет правильно определить отношение к религии, её истории и догматике. На базе полученных религиоведческих знаний решается проблема религиозной идентичности, личностного духовно-нравственного выбора. Отсутствие должного уровня религиоведческих знаний приводит к религиозной нетерпимости. Здесь следует обратить внимание и на проблему пропаганды исключительности конкретной религии религиозно ориентированными гражданами, которые нередко оказываются источником опасных заблуждений. В ходе организации религиоведческого образования нельзя решать проблему соотношения веры и знания за счет дискредитации знания. Ознакомление с достижениями академической науки о религии способствует снижению деструктивных последствий чрезмерной ее политизации.

Устойчивость традиционных религиозных обрядов как один из факторов укрепления межличностной коммуникации и доверия позволил преодолеть противостояние между различными религиозными группами на территории Дагестана в период распада советской системы. Ценностная составляющая религиозной идентичности, которая отождествляется с этнической принадлежностью и воспринимается как более надежный компонент самоидентификации, укрепила в сознании большинства дагестанцев идею, что религия является хранительницей традиционных ценностей народов Дагестана.

Неспособность отстаивать свою точку зрения из-за боязни быть отвергнутым способствует росту численности молодых людей, которые поддерживают идеи радикально настроенных групп. Религиозная идентификация части дагестанской молодежи постсоветского Дагестана, не усвоившей знания о религии как основе национальной культуры, как хранительнице традиционных ценностей народов Дагестана, сопровождалась межрелигиозным и внутрирелигиозным противостоянием, связанным с несовпадением взглядов на существующую социальную реальность. Решение проблемы, связанной с потерей чувства принадлежности как следствия социальной депривации, следует искать в оптимальном сочетании различных компонентов идентичности и ценностных ориентаций.

Мировоззренческая ограниченность индивида, неспособность критически мыслить. чрезмерное доверие к одному источнику информации стимулируют желание доверительно относиться лишь на представителей

своей этнической или религиозной группы, что в конечном счете способствует распространению радикализма и различных форм экстремизма. Препятствием для жесткого противопоставления «своих» и «чужих» является умение анализировать информацию, отделять факты от мнений и выявлять предвзятость. В этой связи следует обратить внимание на позитивный опыт формирования солидарных отношений в многонациональном Дагестане, где этноконфессиональная идентичность обладает большим потенциалом социальной регуляции, где уникальность традиционного общества с наличием универсальных правил, не является препятствием для личностной самореализации.

Утрата национальных корней, отказ и неприятие таких понятий как родина, гражданство, патриотизм, внутренний конфликт национальной принадлежности и гражданства создают ситуацию неопределенности и недоверия. Негативные последствия депривации возможно преодолеть, если индивид уверен, что социальный порядок поддерживается на основе политико-правовых механизмов, а все участники коммуникации демонстрируют высокий уровень компетентности в ходе реализации ролевых обязательств.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. / Пер. с фр. с сокр. под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. 399 с.

2. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Эмиль Дюркгейм; пер. с франц. В.В. Земсковой; под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018

3. Стратегия национальной безопасности РФ. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400.

4. ФЗ РФ от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

5. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. / Пер. с нем. М.Б. Скуратова. М.: Изд-во «Весь Мир», 2011

УДК 101.1:316.3+130.2

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ

Баранник Данил Андреевич,
Сухина Игорь Григорьевич,
Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, г. Донецк, Россия
e-mail: danilbarannik131@mail.ru, suhina_igor@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется духовная безопасность как системный компонент общей национальной безопасности в условиях нарастающих социальных и информационных вызовов современности. Рассмотрены конкретные угрозы, включая целенаправленное информационно-психологическое воздействие внешних акторов, размывание традиционных идентификационных границ в цифровой медиасреде, использование скрытых онлайн-сообществ для деструктивного влияния, а также распространение «фейковых новостей», провоцирующих социальную напряженность. Особое внимание уделено философскому обоснованию комплексного подхода к противодействию информационным угрозам, сочетающего укрепление институтов социализации (семьи, образования и др.), развитие медиаграмотности, совершенствование нормативно-правового регулирования и консолидацию действий государственных и общественных институтов. Согласно логике метода системного подхода, сформулированы конкретные предложения по защите культурного суверенитета и традиционных ценностей.

Ключевые слова: духовная безопасность, современное общество, культура, культурная идентичность, традиционные ценности, информационные технологии, информационные угрозы, виртуальная информационная среда, социальные сети.

SPIRITUAL SAFETY OF SOCIETY IN MODERN CONDITIONS OF GROWING INFORMATIONAL CHALLENGES

Barannik Danil Andreevich,
Sukhina Igor Grigorievich,
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk, Russia
email: danilbarannik131@mail.ru, suhina_igor@mail.ru

Abstract. The article analyzes spiritual security as a systemic component of general national security in the face of growing social and informational challenges

of our time. Specific threats were considered, including the targeted information and psychological impact of external actors, the erosion of traditional identification boundaries in the digital media environment, the use of hidden online communities for destructive influence, as well as the spread of «fake news» provoking social tension. Special attention is paid to the philosophical justification of an integrated approach to countering information threats, combining the strengthening of socialization institutions (family, education, etc.), the development of media literacy, the improvement of legal regulation and the consolidation of actions of state and public institutions. According to the logic of the systematic approach method, specific proposals are formulated to protect cultural sovereignty and traditional values.

Keywords: spiritual security, modern society, culture, cultural identity, traditional values, information technology, information threats, virtual information environment, social networks.

Актуальность. В условиях глобализации, информатизации и цифровизации на технологической основе НТП особенно важной, социальной актуальной становится защита духовных ориентиров общественного бытия с целью минимизации влияния чуждых идеологий и ценностей. Это проявляется в разрушительном воздействии их на традиционные нормы: пропаганде вседозволенности, культивировании эгоизма и насилия, культуре потребления. Одновременно внутренние угрозы проявляются в социокультурном расколе и ослаблении социальных институтов (семьи, образования), что ведет к утрате единой духовно-нравственной основы общества. В этой статье ставится актуальная задача выявить и проанализировать основные современные угрозы духовной безопасности (социальные, информационные и кибернетические), и обозначить пути их преодоления.

Цель статьи – анализ феномена духовной безопасности в контексте современных социальных и информационных угроз. Для достижения этой цели поставлены задачи: во-первых, выявить ключевые внешние и внутренние угрозы духовной безопасности; во-вторых, оценить влияние цифровой среды и информационных технологий на ценностные ориентиры населения; в-третьих, определить эффективные меры государственного, образовательного и общественного реагирования на угрозы духовной безопасности.

Методология исследования данной проблемы духовной безопасности общества предполагает использование: системного подхода, позволяющего рассматривать духовную безопасность как многомерное, комплексное явление, включающее личностный, социокультурный и государственный уровни; сравнительно-теоретический анализ – для анализа дефиниций духовной безопасности и выявления общих характеристик угроз для нее; контент-анализ – для изучения публикаций о данной проблеме, а также

официальных документов (Стратегии национальной безопасности, и др.); междисциплинарный метод, интегрирующий философские, социологические, культурологические и др. подходы.

Основная часть. Духовная безопасность закономерно рассматривается сегодня как «неотъемлемый элемент системы национальной безопасности общества», определяющий способность нации сохранять свою уникальность и устойчиво развиваться» [6, с 162]. Актуальность проблемы духовной безопасности обусловлена существенным снижением уровня духовно-нравственных ориентиров индивидов, социальных сообществ, обществ в целом, в условиях глобализации и информационной экспансии. В официальных документах РФ проблема духовной безопасности отражена в ключевых направлениях государственной политики – так, Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 утверждена Стратегия национальной безопасности, содержащая раздел о защите традиционных духовно-нравственных ценностей [3]. Эти документы определяют сохранение духовных основ культуры как стратегическую задачу во внешнеполитическом и внутреннем измерениях, и ориентируют на упрочивание этих духовных скреп социума.

В современном глобализирующемся мире эпохи НТП и информатизации имеют место угрозы духовной безопасности общества. Современные социальные процессы напрямую влияют на духовную сферу социума. К ключевым таким угрозам относятся идейно-идеологические и ценностные конфликты. Они обуславливают социокультурный раскол, ведущий к утрате значительной частью людей традиционных нравственных ценностей и ориентиров [2, с. 80]. Особенно опасна пропаганда безнравственности и насилия, культивирование эгоизма и потребительской идеологии [3, п. 85].

Другим таким важным фактором является идеологические манипуляции. Внешние субъекты современного геополитического влияния, включая ряд западных государств, транснациональные корпорации, различные НКО и религиозные организации активно сегодня осуществляют информационно-психологическое воздействие, навязывая обществу ценности, противоречащие российским традициям [3, п. 87]. В результате традиционные культурные ценности, нормы, конфессии становятся объектом целенаправленной критики и дискредитации, что провоцирует рост социокультурной дезориентации и создает угрозы устойчивости политической системы. Обеспечение социального единства предполагает противостояние распространению чуждых идеологических моделей и актуализирующейся необходимости укрепления гражданского единства, национальной идентичности социума.

Очевидно, что духовная безопасность современного социума является важнейшим фактором обеспечения его социального единства и социальной

стабильности, и потому она является важнейшим компонентом системы национальной безопасности общества.

Духовная безопасность лежит в основе других видов безопасности социума, поскольку конкретное состояние социальной, политической, экономической модальностей общественного бытия во многом определяется его духовно-нравственной составляющей.

Угроза духовной безопасности – угроза обществу, его социальной стабильности, поскольку общество как социальная целостность может существовать только на основе системно культивируемых и коллективно разделяемых духовно-нравственных ценностей.

В современную техногенную эпоху информатизации информационные технологии (ИТ) и социальные сети становятся пространством воздействий, представляющих собой актуальные информационные угрозы духовной безопасности обществу с выраженными социально-культурными традициями и присущей ему системой общезначимых ценностей. Во-первых, интернет и социальные сети все глубже проникают в общественное бытие человека, сочетая в себе новые технологические возможности развития с возможностями идейно-идеологического манипулирования. Широкое распространение информационных технологий породило «постмодернистский крен» в сторону виртуальной реальности и ее потребления, ведущий к зависимости от нее, и утрате связей с социальной реальностью.

Пребывание в виртуальной техно-реальности (ВР) погружает пользователя в нее, изолируя его от социального окружения, что ведет к психологическим расстройствам (раздражительности, агрессии, апатии), а в крайних случаях – к психическим девиациям. Во-вторых, виртуальная инфо-среда способствует размыванию традиционных границ культурной идентичности. Анонимность коммуникации, выражающаяся в использовании ников и виртуальных профилей, создает риски утраты личностной целостности и повышает уязвимость человека перед манипулятивными воздействиям [2, с. 83]. Это отмечается исследованиями: отсутствие четкой духовной опоры делает молодых людей особенно уязвимыми. Так, отмечается, что соцсети используют скрытые сообщества и онлайн-группы для маскированной вербовки в деструктивные и религиозные секты. Они под разными предлогами (самопознание, медитация, саморазвитие) «маскируются» под благополучные сообщества, а затем постепенно внедряют опасные идеи и убеждения [1].

Еще одним проявлением информационной угрозы духовной безопасности личности и общества являются фейковые новости и дезинформация. Целенаправленное искажение фактов и манипулятивное освещение событий в СМИ и цифровой инфо-среде провоцируют социальную напряженность. Так, например, по данным ВЦИОМ, россияне все чаще могут сталкиваться с недостоверной информацией: в 2023 г. 4 из 10 опрошенных сталкивались с

ложными новостями в интернете. Фейки служат инструментарием для создания искусственного конфликта и подрыва доверия к власти: эксперты подчеркивают, что их число возросло на фоне современных геополитических кризисов и конфликтов. Это сопоставляется с тем, что большинство граждан выступает за жесткие меры: уже 82% респондентов считают необходимой блокировку дезинформации в интернете [4].

Наконец, многообразные современные информационные кибер-угрозы выходят за рамки обычного хакерства: они включают любые атаки на информационную среду, влияющие на духовно-нравственную сферу общества. К ним относятся пропагандистские кампании в социальных сетях и масс-медиа, создание активистских сетевых сообществ и распространение провокационных медиа-контентов, влияющих на общественные устои. Недостаточное правовое регулирование в инфо-сфере позволяет антиобщественным, экстремистским группам вести свою пропаганду и агитацию в Сети, что является одним из самых опасных социальных вызовов современности. В целом, информационная угроза духовной безопасности определяется наличием «нового арсенала средств воздействия на сознание» – современных технологий и форм подачи информации СМИ [5, с. 50].

Современные интернет-технологии предоставляют довольно широкие возможности для активистской пропагандистской деятельности вне социального контроля: легкий доступ к массовой аудитории, обеспечение анонимности коммуницирования, глобальное распространение информационных медиа-контентов, высокая скорость их передачи, мультимедийные средства, достаточная простота использования интернет-технологий …

Поэтому для системного противодействия современным информационным угрозам духовной безопасности общества, например – российского, необходимо: совершенствовать правовую базу социального регулирования интернета; обеспечивать взаимодействие правоохранительных органов с пользователями социальных сетей и интернета в целом; приводить культурно-воспитательную профилактическую работу среди молодежи, и др.

В общем, духовная безопасность современного общества находится под влиянием внешних и внутренних угроз, которые нарастают. Внешние угрозы актуализируют необходимость сохранения традиционной духовности как культурного основания социального единства. Распространение идеологем и эрзац-ценностей эгоцентристского индивидуализма, социального произвола делает особенно важным консолидацию социума на основе его традиционной культурно-исторической идентичности. Внутренние угрозы указывают на обязательность развития и укрепления социальных институтов воспитания и образования, обеспечения воспроизводства и влияния традиционных гуманитарно - и социально - значимых духовно-нравственных ценностей в процессах социализации.

Духовную безопасность общества, неотъемлемая от его духовной культуры и культуры в целом, является особой социокультурной сфера, требующую специального подхода к ее культивированию. В современных социальных условиях глобализации и НТП особенное значение приобретает сохранение духовных ценностно-мировоззренческих ориентиров и традиций, которые служат защитой от внешних и внутренних социально-негативных воздействий на общество и его индивидов, служат своего рода социальным иммунитетом общества. Это предполагает разработку информационной стратегии, предполагающей укрепление социального единства общества, культурной идентичности его членов, а также социальный контроль антисоциальных информационных влияний.

Особенную роль играет здесь культурно-просветительская работа: повышение информационной грамотности, развитие культурного сознания/самосознания индивидов и социальных общностей, развитие критического мышления снижает уязвимость членов общества от идеологических манипуляций. Устойчивость духовной безопасности социума требует сочетания государственной политики регулирования в области информационного обеспечения развития общества, образовательных программ, и т.д. – с общественными инициативами по укреплению культурно-ценностных основ и начал общественного бытия.

Уровень духовной безопасности общества неотъемлем от уровня его социальной организации, стабильности и функционирования в его социокультурном развитии. В общем, в структуру духовной безопасности современно общества входят три компонента: - стабильность и социальная эффективность функционировании подсистем общества, прежде всего – социальной, политической, культурной. Его социальных институтов;

- традиционная культурная идентичность, фундированная культурными ценностями;

- способность культуры общества к воспроизводству и устойчивому развитию; именно культура является основным механизмом воспроизводства общества в его самобытности, и потому уровень духовной безопасности общества обеспечивается уровнем его культуры.

Выводы. Обеспечение духовной безопасности современного социума требует системной государственной политики социального управления и комплексного подхода к социальной активации традиционного культурного ядра общества с его социокультурным наследием. Требуется эффективное социальное взаимодействие государственной власти, социальных институтов общества, его культурных традиций, ценностей и достояния в целом, и конечно – целенаправленная социально-мотивированная субъектность членов общества на путях оптимизации его социальной стабильности и устойчивого развития.

В общем, духовную безопасность общества можно определить как систему социальных условий, способствующих сохранению,

воспроизводству и оптимизации структуры общества в процессе активирующей его потенциал социальной динамики.

В социально субъектном плане духовная безопасность – это способность личности, социальной общности и общества в целом сохранять и развивать, культивировать позитивную – социально-созидательную, конструктивную нравственность и духовность.

Список литературы

1. Мудров И.А. Социальные сети и религиозные секты: профилактика вовлечения молодёжи в деструктивные группы [Электронный ресурс] / И.А. Мудров // Материалы интернет-конференции ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2024. – Режим доступа: https://tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2024/pvsh/8/Mudrov.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
2. Оботурова Н.С. Проблема духовной безопасности современного общества / Н.С. Оботурова // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 1 (8). – С. 80-86.
3. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Гарант. – Режим доступа: https://base.garant.ru/401425792/(дата обращения: 21.11.2025).
4. Фейк-ньюс и как с ними бороться [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Аналитический обзор. 2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/feik-njus-i-kak-s-nimi-borotsja (дата обращения: 21.11. 2025).
5. Хаустова Н.А. Духовная безопасность современного общества / Н.А. Хаустова, С.Н. Соколова // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук, 2014, № 2. – С. 49-52.
6. Шевченко О.М., Тихоновскова М.П. Угрозы и риски духовной безопасности современной России / О.М. Шевченко, М.П. Тихоновскова // Гуманитарий Юга России. 2018. Том. 7. № 1. – С. 161-169.

УДК 130.2

ЭКОМЕНЕДЖМЕНТ КАК КАТЕГОРИЯ ЭКОФИЛОСОФИИ УПРАВЛЕНИЯ: ОТ ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-УТИЛИТАРНОЙ К АНТРОПО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕФЛЕКСИИ

Баркова Элеонора Владиленовна,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
г. Москва, Россия, e-mail: barkova3000@yandex.ru

Аннотация. Обоснована востребованность в существенном расширении и дополнении проблемного поля исследования экоменеджмента и его регулятивного потенциала. В отличие от интерпретаций, исходящих из методологии утилитаризма и прагматизма, ориентированных исключительно на минимизацию существующих деструкций, рисков и соблюдение норм в пространстве системы «общество – природа», предложенный автором экофилософский подход направлен на обновление мировоззренческого видения теории управления. Экоменеджмент раскрывается как категория не прикладной концепции менеджмента, а как философско-управленческая категория экофилософии, антропо-ориентированное содержание которой направлено на сохранение природы человека в единстве со всеми формами его бытия и все биоразнообразие и культуро-разнообразие Земли. Отсюда вытекает переосмысление регулятивной функции экофилософии и оснований роста ответственности субъекта. А основанный на принципах коэволюции и холизма экоменеджмент выступает как реализация экофилософского проектирования, регулирования и управления, направленного на утверждение ценностей экологической цивилизации.

Ключевые слова: экофилософия, регулятивный потенциал философии, экоменеджмент, социальная инженерия, антропо-ориентированная рефлексия, проект экоцивилизации, коэволюция.

COMANAGEMENT AS A CATEGORY OF ECOPHILOSOPHY OF MANAGEMENT: FROM INSTRUMENTAL-UTILITARIAN TO ANTHROPO-ORIENTED REFLECTION

***Barkova Eleonora Vladilenovna*,**
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia, e-mail: barkova3000@yandex.ru

Abstract. The need for a significant expansion and expansion of the research field of eco-management and its regulatory potential is substantiated. Unlike interpretations based on utilitarian and pragmatic methodologies, which focus

exclusively on minimizing existing destruction, risks, and compliance with norms in the "society-nature" system, the eco-philosophical approach proposed by the author aims to update the ideological vision of management theory. Eco-management is revealed not as a category of an applied management concept, but as a philosophical and managerial category of eco-philosophy, the anthropologically-oriented content of which is aimed at preserving human nature in unity with all forms of human existence and all biodiversity and cultural diversity of the Earth. This entails a rethinking of the regulatory function of eco-philosophy and the foundations for increasing the subject's responsibility. Based on the principles of co-evolution and holism, eco-management acts as an implementation of eco-philosophical design, regulation, and management aimed at affirming the values of an ecological civilization.

Keywords: ecophilosophy, regulatory potential of philosophy, ecomanagement, social engineering, anthropo-oriented reflection, ecocivilization project, coevolution.

Данное исследование проведено в рамках реализации финансируемой госбюджетной научно-исследовательской тематики «Экомир и социокультурные проблемы современности: концептуальное пространство экофилософии во взаимодействии фундаментального и прикладного в пространстве общества знаний» (FRRZ-2023-0003) (заключение комиссии РАН №142023/1023030700034-5-6.3.1)

Развитие экофилософии, в которой в последние годы получают развитие интегративные тенденции проблемных областей экологии человека, общества, культуры и природы, идет как по линиям углубления представлений о содержании ее категорий, принципов, проблем, так и про линии исследований связей с другими философскими, общенаучными и прикладными теориями. [1]. Однако в отличие от связей экофилософии с биологией, медициной, географией, экономикой, культурологией, историей и рядом других наук, где изучены многие вопросы, ее связи с теорией управления остаются пока недостаточно проясненными и отрефлексированными.

Между тем, анализ содержания именно этого пространства связей открывает возможности развития теоретико-управленческой концепции экоменеджмента не только в аспекте ее инструментального использования для решения конкретных задач мониторинга среды, уточнения требований экологической политики, нормативов управленческой деятельности в той или иной сфере экономики, но и в значительно более широком экофилософском контексте.

Напомним: экофилософия как направление философского знания всегда по определению (Эко – Дом, т. е. сохранение нашего Земного Дома со всем богатством его Мира – людей, природы, культур) ориентировано на

исследование фундаментальных органических связей человека, природы, культуры, общества и Вселенной, *восстанавливающих статус нормативности и самоценности бытия, жизни,* связей всеобщего с единичным, относительного с абсолютным, а преходящего с не снимаемым, вечным и бесконечным.

Уже в силу этого в этом концептуальном пространстве экоменеджмент выступает как категория экофилософии, раскрывающая регуляцию субъектом всех форм развивающегося бытия в аспекте жизнесохраняющих связей теоретического и практического, важных для решения проблем формирования Экомира цивилизации будущего.

Заметим, вообще в последние два десятилетия экологическое управление, или экоменеджмент, воспринимался и рефлексировался исключительно как прикладная инструментально-утилитарная дисциплина. Экологический менеджмент в ней – это «часть общей системы корпоративного управления, которая обладает четкой организационной структурой и ставит целью достижение положений, указанных в экологической политике посредством реализации программ по охране окружающей среды». [2]. Главная цель экоменеджмента, в силу этого, сводилась к разработке нормативов, созданию обновлений в системе мониторинга - информационной системы наблюдений, оценки и прогноза изменений в состоянии окружающей среды» [3. С 5] и внедрению технологий, лишь отчасти смягчающих загрязнение внешней среды.

Унаследованная от эпохи индустриализма, эта прикладная модель экоменеджмента базируется на антропоцентрично-прагматическом убеждении, что природа – это лишь ресурс экономической деятельности, и стабильность среды обитания человека гарантирована автоматически уже по определению. Истоки такого инструментального подхода лежат в социальной инженерии и административном управлении, которые были ведущими ориентирами с середины XX века. Во многих странах, включая СССР и постсоветскую Россию, это выразилось в развитии систем государственного экологического контроля, нормирования и мониторинга.

Однако в последние годы стало очевидным, что здоровая для жизни человека, природы и необходимая для развития социокультурных систем среда не является данностью; её здоровье и устойчивость – результат работы сложноорганизованной естественной и искусственно создаваемой непрерывно регулируемой Экосистемы, в которой осуществляется био- социо- и культуро-регуляция. Разрушение этой Экосистемы в процессах человеческой деятельности ведёт к дестабилизации всей внешней и внутренней, т е нравственной среды жизни. Очевидно, что это положение требует коренного пересмотра не только экономических практик, но и философских оснований управления, поскольку кризис утилитарной модели экоменеджмента стал очевиден, и выяснилось, что даже строгое соблюдение нормативов не останавливает глобальную деградацию Экомира Земли.

Стало очевидным и то, что остро востребованным является и переход от управления *последствиями* к управлению *причинами*, заложенными в самой системе мировоззрения, ценностей и целей субъекта, где субъект – это не только управленец, но и каждый человек Земли, все сообщества и каждое общество. Иначе говоря, экоменеджмент с этой точки зрения перестаёт быть только «менеджментом с экологической пристройкой», а трансформируется в ключевую категорию экофилософии управления –рефлексии о принципах, целях и ценностях управленческой деятельности в контексте коэволюции человечества, био- и культуросферы.

Именно поэтому, считаю, так важно обосновать востребованную сегодня эволюцию предмета экоменеджмента от его инструментально-утилитарной модели к антропо-ориентированной рефлексии. В этом антропо-ориентированном концептуальном пространстве уже интегрируются знания экофилософии, теории управления, классической экологии, философской антропологии и этики. А сам экоменеджент выступает не только как теоретическая концепция, но и как методология продвижения человекоразмерной модели социокультурного и нравственного развития субъекта, как его ориентир на создание высокотехнологичного пространства, необходимого для развития здорового человека, способного разумно видеть мир и адекватно оценивать его проблемы в контексте жизнесохранения и развития человека.

В этом случае, как верно подчеркивает А.В. Юрко, «экоменеджмент - стратегически важный инструмент, обеспечивающий гармоничное взаимодействие человека и природы в условиях глобальных экологических вызовов. В рамках современного дискурса эколого-антропологического измерения экоменеджмент объединяет философские, культурные и управленческие подходы, направленные на создание и поддержание устойчивых систем социально-экономического развития» [4. С. 279].

Такое освоение регулятивного потенциала науки и всех форм деятельности субъекта детерминирует развитие ответственности, совести, достоинства, т. е. связано со всем спектром категорий, раскрывающих смысл экологического императива Н.Н. Моисеева. Кроме того, ее принципами становятся коэволюция, открытая целостность, антропный принцип и осмысление способности природы (в т ч человеческой) к саморегулированию.

Человек здесь, поэтому, - не только объект воздействия экосистемы, но и ее активный преобразователь, друг, со-творец, а это требует философского осознания смысла универсальных взаимосвязей и интеграции соответствующих решений в повседневную практику.

Экофилософские предпосылки такого антропо-ориентированного поворота достаточно хорошо исследованы в работах отечественных ученых [5] [6] [7], и потому можно считать, что формирование и рефлексия соответствующей парадигмы экоменеджмента были подготовлены их

фундаментальными идеями. В них продолжалась активно развернутая в отечественной науке работа как с концепциями русских мыслителей космистов, и особенно с идеями В.И. Вернадского, что задало вектор развития и масштаб для экофилософии управления: управление должно быть соразмерно планетарным процессам. Переход к ноосфере как сфере разума в экофилософии, поэтому, предполагает сознательное управление развитием биосферы и ноосферы на научных основаниях.

Предпосылкой нового видения экоменеджмента можно считать и развитие холистического подхода в отечественной науке, который противостоит редукционизму инструментально-утилитарной модели. Так, например, в учебном пособии «Окружающая среда в меняющемся мире» [8] В.А. Горбанев позиционирует среду как объект единой естественно-общественной науки, что требует и соответствующих интегративных управленческих решений.

Кроме того, продолжается работа с общенаучными экологическими концепциями, авторы которых показывают: для выживания человечеству необходимо сохранить значительные территории с естественной биотой, которая выполняет работу по гомеостазу планеты. Для экоменеджмента это означает смену приоритета: не «как нам эффективнее использовать природу», а «как нам выстроить деятельность, чтобы не нарушать механизмы биотической регуляции», а это мировоззренческая философско-управленческая задача. [9].

Таким образом, антропо-ориентированная рефлексия экоменеджмента в аспекте экофилософии управления означает смещение фокуса с внешней среды на самого человека как субъекта – Друга Земли, сотрудника, носителя жизнесохраняющих идеалов и ценностей, творца экологической цивилизации.

И это невозврат к антропоцентризму XV-XVI вв, а переход к осознанному антропоизмерению всех управленческих решений.

Список литературы

1. Баркова, Э. В. Экофилософское мировоззрение как ресурс развития человеческого капитала и преодоления рисков современного бытия / Э. В. Баркова // Человеческий капитал. – 2023. – № 3(171). – С. 62-68.

2. Экологический менеджмент – Рувики: Интернет-энциклопедия

3. Горшков М.В. Экологический мониторинг. Учеб. пособие. – Владивосток: Изд-во ТГЭУ, 2010 313 с. В настоящее время под экологическим мониторингом понимается информационная система наблюдений, оценки и прогноза изменений в состоянии окружающей среды, созданная с целью выделения антропогенной составляющей этих изменений на фоне природных процессов.

4. Юрко А.В. Структурно-функциональное пространство философии экоменеджмента в эко-антропологическом измерении // Экология человека в

современных трансформациях исторического времени: монография / кол. авторов; отв. ред. Э.В. Баркова. – М.: Русайнс, 2025. – С.279-286.

5. Философия оциоприродношо взаимодействия век коннвергентных технологий. – М.; Спеб.: Нестор-История 2018. -344с

6. Бетильмерзаева М.М. Экофилософия духовности // Право и практика, 2017. – № 4. – С.206-210.

7. Баркова Э.В. К исследованию проектного смысла экофилософии // Право и практика. 2025. № 1. С. 255-260.

8. Горбанёв, Владимир Афанасьевич. Окружающая среда в меняющемся мире: учебное пособие / В.А. Горбанёв, Б.И. Кочуров; под ред. В.А. Горбанёва. – Москва: КНОРУС, 2020 – 274 с.

9. Юрко А.В. Принцип экологической ответственности в развитии философии экономики и экоменеджмента // Право и практика. 2025. №1. С.269-274.

УДК 130.2

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПОЭЗИИ А. СУЛЕЙМАНОВА

Берсанова Залпа Хож-Ахмедовна,
Чеченский государственный педагогический университет,
Академия наук Чеченской Республики
г. Грозный, Россия
e-mail: zalpabersanova@mail.ru

Аннотация. В статье подчеркивается актуальность темы семьи, ее этнических традиций на современном этапе. Анализируется специфика традиционной чеченской семьи, которая призвана воспитывать личность с присущими ей этническими чертами. В этой связи рассматривается воспитательный потенциал произведений Ахмада Сулейманова, в которых автор в ненавязчивой форме пытается привить молодежи любовь и уважение к отцу, матери, Родине.

Ключевые слова: мать, отец, семья, небо, Отчизна, традиция, личность.

FAMILY AND FAMILY VALUES IN THE POETRY OF A. SULEIMANOV

Bersanova Zalpa Khozh-Akhmedovna,
Chechen State Pedagogical University
Academy of Sciences of the Chechen Republic
Grozny, Russia
e-mail: zalpabersanova@mail.ru

Abstract. The article emphasizes the relevance of the theme of the family, its ethnic traditions at the present stage. The specificity of the traditional Chechen family is analyzed, which is designed to educate a personality with its inherent ethnic features. In this regard, the educational potential of the works of Akhmad Suleymanov is considered, in which the author in an unobtrusive form tries to instill in young people love and respect for their father, mother, and Motherland.
Key words: mother, father, family, sky, Motherland, tradition, personality.

Введение. Внимание этнографов к проблемам семьи определяется тем, что в ее быту и структуре долгое время сохраняется этническая специфика, а также тем, что семья и в высокоразвитых обществах остается важнейшей микро-ячейкой воспроизводства этноса, в которой происходит межпоколенная передача характерных для этнической культуры черт.

Проблема изучения семьи, ее этнических традиций была и остается одной из важнейших задач гуманитарных наук. Эта тема и сегодня остается актуальной в частности потому, что именно в сфере семьи, в зависимости от характерных для нее стиля поведения домочадцев, традиций и взаимоотношений, формировалась и формируется личность представителей новых поколений, осуществляется процесс их социализации.

Семья является одним из главных институтов существования как человека, так и общества, и уже это говорит о важности анализа связанных с ней проблем. Своеобразие института семьи, которая воплощает в себе самые разные стороны развития общества, следует считать основной причиной возросшего интереса к этой проблеме со стороны исследователей разных направлений: историков, этнологов, социологов, философов, демографов, юристов и др.

Именно понимание института семьи как весьма сложного социального организма, состоящего из системы неразрывно связанных между собой элементов, делает актуальным исследование брачно-семейных отношений названными выше дисциплинами.

Изучение как традиционной, так и современной семьи значительно активизировалось в последние десятилетия.

В этнографическом изучении народов Кавказа, в том числе и чеченцев, проблемы семьи, семейного быта и обрядности занимают существенное место. Всестороннее исследование семьи и семейной обрядности имеет большое значение для раскрытия закономерностей развития современных этнических процессов и особенностей их развития у чеченцев, а также для понимания проблем семьи, ее форм и структуры.

Внимание этнографов к проблемам семьи определяется тем, что в ее быту и структуре долгое время сохраняется этническая специфика, а также тем, что семья и в высокоразвитых обществах остается важнейшей микроячейкой воспроизводства этноса, в которой происходит межпоколенная передача характерных для этнической культуры черт.

О народах Кавказа, в том числе и чеченском, с разных позиций писали многие дореволюционные авторы, которые преследовали разные цели и задачи. Проблемы семьи и семейно-бытовой обрядности чеченцев так или иначе затрагивали М.М. Ковалевский, Н.Ф. Дубровин, Н. Данилевский, Ф.И. Леонтович, В.В. Сокольский, Н.Н. Харузин, Г.Ф. Чурсин, Б. Далгат, У. Лаудаев и др.

Из современных авторов вопросами, касающимися чеченской традиционной семьи, традиционных семейных ценностей, обычаев и обрядов семейного цикла занимается этнолог, доктор исторических наук З.И. Хасбулатова.

Вопросы семейных отношений, этнопсихологических особенностей воспитания в чеченской семье затронуты в работах специалистов в области этнопедагогики Ш.В. Арсалиева, И.В. Мусхановой.

Особенности отношений в чеченской семье в плане традиционности также раскрыты в исследованиях известного чеченского этнолога С.-М. Хасиева.

«Прорастет ли в наших детях зерно этнокультурной и национальной идентичности? Сумеют ли они достойно продолжить лучшие традиции своих отцов и дедов – зависит от умения найти способ трансляции вечных ценностей высокой отечественной культуры, выиграть битву за умы и сердца молодых. В этом сложном и многогранном процессе поистине важнейшую роль играет семья и семейное воспитание. Семья прежде всего закладывает в человеке основы той системы ценностных ориентиров, которыми он будет руководствоваться в дальнейшей жизни» [6, с.19], – пишет известный чеченский этнограф З.И. Хасбулатова.

Цель исследования. Проблема изучения семьи и семейно-бытовой обрядности была и остается одной из важнейших задач гуманитарных наук. Ее исследованию придается большое значение как в российской, так и в зарубежной науке. Эта тема и сегодня остается актуальной в частности потому, что именно в сфере семьи, в зависимости от характерных для нее стиля поведения домочадцев, традиций и взаимоотношений, формировалась и формируется личность представителей новых поколений, осуществляется процесс их социализации. При этом чрезвычайно важную роль играет личный пример родителей и их ближайшего окружения. Родители и другие близкие родственники на основе собственного примера формировали у своих детей такие черты характера, как добросовестное отношение к своему делу, любовь к Родине, доброту и отзывчивость к окружающим, гуманизм, честность, правдивость, дружелюбие, доброжелательность и т.д.

Структура семьи – один из важных факторов, который определяет ее жизнедеятельность в любом обществе, в том числе и чеченском. В современном мире, в том числе и в Чечне, несмотря на определенную сложность и неоднозначность социально-экономических и общественных

процессов, семья сохраняет свои основные функции как общественный институт и как малая социальная группа. Семья играла и играет важную роль в воспитании подрастающего поколения, регламентации бытового уклада, сохранении и укреплении здоровья членов семьи, в обеспечении социально-экономического прогресса общества, а также в динамике демографических процессов. Всегда и во все времена именно в семье закладывались и закладываются основы характера человека, его отношение к труду, обществу, семейным и культурным ценностям.

У чеченцев, как и у других народов России, вместе с ростом ценностных ориентаций на сохранение лучших национальных достояний культуры, народных традиций, обычаев и обрядов, возрастает роль семьи в сфере межличностного общения представителей разных поколений, в области передачи хозяйственного, нравственного опыта и др.

В последние десятилетия наблюдается существенный рост интереса среди жителей Чечни, в том числе и представителей молодого поколения, к историческому прошлому своего народа, к его культурному наследию. Основой для реализации этого интереса стали социально-политические изменения как в целом в стране, так и в Чеченской Республике, и рост национального самосознания, которые сопровождаются в первую очередь стремлением обратиться к исторической памяти народа, изучить его традиционную духовную культуру.

Таким образом, семья, являясь важнейшей ячейкой общества, играет главную роль в сохранении и передаче от поколения к поколению социального опыта и культурных традиций. Несмотря на свойственный ей консерватизм, семья, как было отмечено, отражает все изменения, происходящие в обществе, и в свою очередь подвергается трансформации.

Нам представляется, что семья – это единственный институт общества, который может и должен устоять в периоды социально-политических потрясений и перемен. Думается, что возрождение утраченных с течением времени социальных и культурных традиций возможно только с помощью семьи. С этим, на наш взгляд, связано то особое внимание, которое проявляют сегодня ученые-этнологи, да и не только они, к проблемам семьи и семейно-бытовой обрядности, поскольку без здоровой семьи не может быть и здорового общества.

Перед нами встает вопрос о необходимости постепенного возвращения к отчасти утраченной высокой духовности и нравственности чеченцев, к возрождению культуры, этики и эстетики и т.д.

Не последнюю роль в этом процессе играет художественная литература, особенно произведения чеченских авторов, одним из самых ярких среди которых является Ахмад Сулейманов. В его произведениях звучит призыв сохранить золотое зерно традиционных ценностей, выработанных нашим

народом в течение многих веков, сохранить, сберечь то, что во все века составляло нравственный корень этноса.

Сулейманов дает оценку чеченскому этическому стандарту в таких строках:

Нохчийн Нах!
Ас дош-локх, дахчийна болат
Саттo а, хадо а аттa ду царел!
Амалца, г1иллакхца карор дац г1алат
Уггар а сийлахь дерг – шайн сий ду церан!

Поэт говорит о том, что легче согнуть каленный булат, чем чеченцев, что не найдешь изъяна в их этикете, их характере, и что для них самое главное – это собственная честь.

Все эти качества закладываются в семье, но в такой семье, где есть *барт, беркат, ирс!* (согласие, благополучие, счастье). В слово *«беркат»* («благополучие») заложен более глубокий смысл, чем простой материальный достаток. Здесь и духовное богатство, и удача, и благоприятная атмосфера.

Поэт сложил импровизированный диалог с этими тремя понятиями – *барт, беркат, ирс*, на которых зиждется счастливая семья:

- Ирс, ахь хIун до? Стенга доьду?
- Беркат долчу доьзале!
-- Барт, ахь хIун до? Стенга боьду?
- - Ирс хиллачу доьзале!
- Беркат, алахь, стенга доьду?
- Барт хиллачу доьзале!
Тхо кхоъ, цхьаьний бен мегаш дац –
Цхьаъ делчи, тхо кхоьа ле…

Автор как бы спрашивает: «Счастье, ты куда?»

«В семью, где есть благополучие», – отвечает счастье.

«Согласие, а ты куда?»

«Я в семью, которая стала счастливой».

«Благополучие, а ты куда?»

«А я – в семью, где есть согласие, – отвечает благополучие. – Мы ведь врозь не можем. И, если кто-то из нас умирает, то это – смерть для всех троих».

В этих строках – простая формула счастливой семьи: счастье – там, где есть благополучие. В счастливую семью придет и согласие. А там, где есть согласие, будет и благополучие. Эти три понятия идут в одной связке. И на этих трех китах держится крепкая семья.

От чего зависит согласие в традиционной чеченской семье?

«Взаимоотношения внутри малой семьи определялись патриархальными традициями, которые обуславливали право и место в семье

каждого ее члена, а также его ролью в хозяйственной жизни семьи. Так как отец считался полным и единоличным хозяином всего состояния, это определяло и его положение в семье… Патриархальная власть отца смягчалась тем почтением, которое обязан был проявлять каждый чеченец по отношению к родителям; желание и воля отца для всех членов семьи были законом» – пишет этнограф З.И. Хасбулатова [6, с.115].

У чеченцев считалось неприличным и непозволительным перечить старшим в семье или ослушаться их; младшие всегда подчинялись старшим. Мнение отца и людей старшего поколения играло важную роль и в общественной жизни. К ним прислушивались и их советы, указания и порицания принимались с должным вниманием.

«Старики первый голос имеют. К старшим прислушиваются. При старших даже говорить громко не смеют младшие», – писала журналистка А.В. Померанцева [3, с.14].

О почитании в прошлом старшего поколения говорят и наши полевые материалы.

Исследователь этнической психологии К.И. Чомаев пишет: «Культ старшинства и семейной патриархальности… это остаток тех времен, когда отсутствие государства и наличие родо-племенных связей вело к господству авторитарной власти старейшин, опирающейся на возникший по этому случаю нравственный закон почитания старшинства» [7].

Народная нравственность и основанные на ней нормы поведения требовали безусловного уважения к родителям на протяжении всей их жизни. Дети обязаны были повиноваться родителям во всем. Некоторая суровость, сдержанность в отношениях между детьми и отцом, характерная для чеченцев, вовсе не означает, что дети не любят своих отцов, или отцы равнодушны к своим детям.

Любовь к родителям поэт сравнивает с любовью к Пророку:

Люби своих родителей безмерно,
Проси у Господа, в молитвах постоянно – это чувство.
Тебя не подведет оно перед Творцом твоим.
Любовь к родителям не та любовь,
Что к вашим детям, иль к супруге,
Она сродни любви к Пророку (с.а.в.). [5, с.355]

На вершине семейной иерархии находится отец. Порядок в семье, ее благополучие, согласие (барт) – все зиждется на непререкаемом авторитете отца.

Доьзалан да, паччахь воцчохь
Беркат хир ду, хьа бах техь?! [5, с.355]

«Кто сказал, что там, где отец – не царь, не повелитель, будет благополучие?» – восклицает поэт.

Уважение и почитание старших у чеченцев выражается еще и в том, что младшие не называли старших по имени, а пользовались широко принятой в быту терминологией родства: отец – дада; мать – нана; дед по отцу – ден да; дед по матери – нен да; тетя по отцу – деца; тетя по матери; тетя по отцу – деца; тетя по матери – нена йиша (неца); дядя по отцу – де ваша (ваши); дядя по матери – нен ваша (ваши)…» [6, с.116].

В своих стихах поэт использует именно такое обращение к отцу, к матери.

Дада, Дада, хьо – тхан стигал!
Къинхетаман догIа – хьо.
Дуьненан юкъ! Доьзалан букъ!
Хьо воцчохь ца Iело тхо! [5, с.355]

Дада, Дада – ты наше небо!
Ты – дождь милосердия.
Ты – центр мира,
Ты – опора семьи.
Без тебя не можем мы!

В таких выражениях определяет поэт место Дады (отца) в жизни чеченца.

Ну а что сын может дать отцу взамен этой огромной любви и жертвенности? Ответ на этот вопрос поэт дает таким коротким диалогом между отцом и сыном.

– Дада, алахь, кху дуьненчохь
Уггар эхье хIун ду техь?
- Кху дуьненчохь уггар эхье –
Тешнабехк, ахь дена бахь… [5, с.356]

«Скажи, Дада, что самое постыдное в этом мире?» – спрашивает сын.

«Самое постыдное, если ты подведешь своего отца», – отвечает отец.

А что значит подвести отца? Какое поведение сына может опозорить его?

И на этот вопрос поэт отвечает четко и конкретно:

- Кіанта, дена тешнабехк бо,
Ледар, осал и кхиъчехь.
Стаг ца хиллехь. Тешам, безам,
Дега андо йицйинехь. [5, с.356]

Сын подводит своего отца, если вырос слабым, малодушным, трусливым. Если не наделен такими чертами, как широта души, любовь и надежность.

Поэт делает важный вывод о том, что, если сын не стал надежной опорой для своего отца, то и для своей Отчизны он не будет сыном, даже если обвесит себя оружием с ног до головы.

Шен дена воI ца хиллачух,

КIант хир ма вац махкана.

КIилло стагах, къонах хилац,

Цо, мел герзаш дехкарах! [5, с.356]

Поэт, как бы обращаясь к юноше, напоминает ему о том, что настанет день, когда не станет отца.

Да дIаваьлча, тхов тIекхета,

Коьрта юссу йочана.

Да дIавахча, доьзал буху,

Дог а кхаьрдаш воццуьнан! [5, с.356]

«Со смертью отца рушится крыша, мрачно становится на душе…» – пишет поэт.

Оьшшучулла догIа лора,

Оьшшучулла лора малх.

Хьоьца хало атта ловра,

Ткъа хьо воцчохь – йоккха чалх. [5, с.355]

«Ты давал и благодать, и тепло. С тобой легко было пережить любую трудность. Когда нет тебя – во всем полный хаос» – такой примерный перевод талантливых строк поэта не может в полной мере передать душевное состояние того, кто потерял отца. Основным лейтмотивом здесь проходит мысль о том, что со смертью отца рушится установленный порядок в микромире под названием «семья».

Не менее трогательны слова поэта о матери, о ее роли в жизни каждого человека.

Вай дагийча, шелдан гIуртий,

Ненан кийра буьллу ша…

Вай шелделча, дохдан гIуртий,

Шарахь йогу меллаша… [5, с.359]

Если обжегся ты, мать превратится в лед, чтобы остудить твою рану.

Если замерзнешь, гореть она будет, чтобы согреть тебя!

Поэт сравнивает морщины на лице матери с дорогами: чем чаще ее дети отлучаются из дому, тем больше морщин появляется у нее на лице.

Нана, хьан юьхь тIера хершнаш –

Уьуш хьан берийн некъаш ду.

Хьан комаьршой, къинхетаммий,

Хан мел ели, хьекъаш ду. [5, с.362]

Глубокий смысл заложен в следующих строках поэта:

Сийлахь Нана! Берийн къинна,

БIаьрхиш хилла, ешна хьо!

Тхо, бераш ду-кх, хьо къанйираш.

Къона латториш а – тхо! [5, с.362]

«Мама, переживая за детей, ты вся превратилась в слезы. Это мы, дети, старим тебя. Молодим же, тоже мы!» – восклицает поэт.

«Рай у ног твоей матери, – гласит народная мудрость. – Получив довольство матери, получишь довольство Аллаха, получишь рай». Эти слова поэт переложил на стихотворный лад. И звучат они в устах поэта набатом, призывая детей быть милосердными к своим родителям:

…Ялсамане, цхьанхьа елахь,
Ненан когаш кIелахь ю.
Нана резайинчу беран,
Делахь, ялсамане а ю!.. [5, с.362]

Выводы. Трудно переоценить воспитательный потенциал поэзии Ахмада Сулейманова. В незамысловатых строках в очень ненавязчивой форме поэт разъясняет, какое место занимают родители в жизни каждого из нас, учит ценить их, относиться к ним с заботой и трепетом.

Список литературы

1. Ахмадов М. Нохчийн г1иллакх-оьздангалла. Грозный-Санкт-Петербург. 2002.

2. Мусханова И.В. Этнопсихологические особенности воспитания у чеченцев. Грозный. 2017. – 176 с.

3. Померанцева А.В. Как живут и трудятся народы в горах Кавказа. М.; Л.; 1927.

4. Сулейманов А.С. Цхьа-ши дош. Грозный. 1988. – 150 с.

5. Сулейманова З.С. Добрый след на земле. Грозный. 2016. – 368 с.

6. Хасбулатова З.И. Семья и семейная обрядность чеченцев в XIX-начале XX века. М., 2018.

7. Чомаев К.И. Дореволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа. // Вопросы национальной психологии. Черкесск. 1972.

УДК 37.018.43:004

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЭЛЕКТРОННОМ ОБРАЗОВАНИИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Бесчастнова Наталья Вячеславовна,
Шульженко Татьяна Евгеньевна,
Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия,
г. Уфа, Россия
e-mail: natpinkerton@yandex.ru

Аннотация. В статье выявлены и проанализированы ключевые проблемы и противоречия, связанные с интеграцией традиционных духовно-нравственных ценностей в систему электронного образования молодежи. Основными проблемами являются фрагментация образовательного контента, нивелирование межличностного взаимодействия «педагог-ученик», агрессивное влияние деструктивного информационного фона, а также недостаточная методологическая проработанность ценностно-ориентированных онлайн-курсов.

Ключевые слова: духовная безопасность, традиционные ценности, электронное образование, цифровая педагогика, молодежь, ценностные ориентации, информационные угрозы.

PROBLEMS OF FORMING TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN E-EDUCATION AMONG YOUTH

Beschastnova Natalia Vyacheslavovna,
Shulzhenko Tatyana Evgenievna,
Eastern Economic and Law Academy for the Humanities,
Ufa, Russia
e-mail: natpinkerton@yandex.ru

Введение

Стремительная цифровизация всех сфер жизни, акселерированная глобальной пандемией, принципиально изменила ландшафт образования. Электронное обучение (e-learning) превратилось из дополнительного инструмента в основную или значимую форму образовательного процесса для миллионов молодых людей. В этом контексте проблема обеспечения духовной безопасности, понимаемой как защита от деструктивных информационных воздействий и сохранение национально-культурной идентичности [1], приобретает особую остроту. Традиционные духовно-нравственные ценности (семья, патриотизм, труд, коллективизм, уважение к

истории и культуре) сталкиваются в цифровой среде с мощным вызовом, обусловленным глобализацией контента, релятивизмом и клиповым сознанием.

Целью данного исследования является анализ специфических проблем формирования этих ценностей в условиях электронного образования и поиск потенциальных путей их решения.

Методика и организация исследования.

Исследование опирается на системный подход, позволяющий рассмотреть электронное образование как сложную социотехническую систему. Применялись следующие методы:

1. Теоретический анализ: изучение философских, социологических и педагогических трудов, посвященных проблемам ценностей (А. Маслоу, В. Франкл), цифровизации образования (А.Г. Асмолов, В.А. Садовничий) и духовной безопасности (И.А. Ильин, современные российские исследователи).

2. Анализ статистических данных: использованы открытые данные исследований ВЦИОМ и ФОМ о ценностных ориентациях российской молодежи, а также аналитические отчеты ведущих платформ онлайн-образования (Coursera, EdX, Университет без границ) о структуре и потреблении образовательного контента.

3. Контент-анализ и экспертные оценки: проанализированы учебные программы и методики массовых открытых онлайн-курсов (МООК) на предмет наличия и способов трансляции ценностных установок. Учтены публичные выступления и публикации экспертов в области образования и воспитания (Е.А. Шмелёва и др.).

Результаты исследования и их обсуждение.

Проведенный анализ позволил выявить ряд системных проблем, препятствующих эффективному формированию традиционных ценностей в электронном образовании:

1. Фрагментация знания и девальвация контекста. Электронные курсы, особенно в формате микрообучения (microlearning), часто предлагают знания в виде изолированных модулей. Это противостоит целостному, системному мировосприятию, которое лежит в основе традиционного ценностного сознания. Ценность как смысловая универсалия требует глубокого контекстуального погружения, которое вытесняется в угоду скорости и удобству усвоения информации [2].

2. Нивелирование роли педагога-наставника. Ключевым механизмом трансляции ценностей является личный пример и живой диалог между учителем и учеником, основанный на авторитете и эмоциональном контакте. В цифровой среде педагог часто редуцируется до функции «модератора контента» или «тьютора». Статистика engagement rate на МООК показывает, что прямые трансляции с живым общением и обратной связью имеют

значительно более высокий воспитательный потенциал, нежели статичные видеолекции, но их доля в общем объеме контента невелика.

3. Агрессивность информационного фона. Молодежь потребляет образовательный контент в одной медиасреде с социальными сетями, новостными лентами и развлекательными платформами, где доминируют ценности потребительства, гедонизма и индивидуального успеха. По данным ФОМ (2024), более 70% молодых людей в возрасте 18-24 лет отмечают, что основным источником информации для них являются социальные сети, где алгоритмы формируют «пузыри фильтров», усиливающие поляризацию и затрудняющие формирование единой ценностной платформы. Образовательной платформе сложно конкурировать за эмоциональное внимание пользователя в этой среде.

4. Методологический вакуум. Большинство методик электронного обучения заточены под передачу знаний и формирование компетенций (hard skills и частично soft skills). Аксиологический компонент (ценностно-смысловой) либо отсутствует, либо представлен декларативно. Как отмечает эксперт Е.А. Шмелёва, «ценности не рассказываются, а проживаются в деятельности». Создание педагогических дизайнов, которые моделировали бы ценностно-окрашенные ситуации выбора, командные проекты, основанные на взаимопомощи, и рефлексивные практики в цифровом формате, является сложной и пока мало решенной задачей.

Выводы

Таким образом, формирование традиционных духовно-нравственных ценностей в электронном образовании сталкивается с комплексом проблем, порожденных самой природой цифровой среды: ее фрагментарностью, обезличенностью, клиповостью и высокой конкуренцией за внимание пользователя.

Потенциал для решения этих проблем видится в следующих направлениях:

1. Целенаправленное проектирование образовательных онлайн-курсов с аксиологическим компонентом как стержневым, а не периферийным.

2. Развитие гибридных форматов (blended learning), где онлайн-составляющая отвечает за передачу информации, а очные или живые онлайн-сессии (вебинары, дискуссионные клубы) – за ценностную коммуникацию и рефлексию.

3. Использование иммерсивных технологий (VR/AR) для создания симуляций, позволяющих «проживать» ценностные ситуации и этические дилеммы.

4. Повышение цифровой педагогической грамотности преподавателей, направленной на освоение методов воспитания в цифровой среде.

Успешная интеграция традиционных ценностей в электронное образование требует целенаправленного проектирования образовательной среды, сочетающей когнитивные и аксиологические компоненты.

Список литературы

1. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Чернявская А.Г. Образование как расширение возможностей развития личности: от диагностики отбора – к диагностике развития // Вопросы психологии. 2020. № 1. С. 4–14.

2. Садовничий В.А., Ильин Н.И., Сидоркин А.М. Университеты в условиях цифровой трансформации образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 5. С. 9–23.

3. Шмелёва Е.А. Воспитание в цифровую эпоху: новые вызовы и ответы // Педагогика. 2023. № 4. С. 3–12.

4. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

5. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 2019. 352 с.

6. Данные всероссийского опроса ВЦИОМ «Ценностные ориентации российской молодежи 2023». URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennostnye-orientacii-rossijskoj-molodezhi-2023 (дата обращения: 15.10.2024).

7. Отчет Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) «Российская молодежь в цифровой среде – 2024». URL: https://fom.ru/ (дата обращения: 15.10.2024).

8. Anderson T., Dron J. Three Generations of Distance Education Pedagogy // International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2011. Vol. 12. No. 3. P. 80–97.

УДК 37.018.43:004.738.5

ОБРАЗОВАНИЕ В ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЕ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Бесчастнова Наталья Вячеславовна,
Уметбаева Мария Алексеевна,
Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия,
г. Уфа, Россия
e-mail: natpinkerton@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы вызовы и угрозы духовной безопасности, возникающие в контексте трансформации образования под влиянием цифровой экономики и перевода его в электронную среду. Цифровая образовательная среда, наряду с несомненными дидактическими преимуществами, порождает ряд системных угроз духовной безопасности личности: фрагментация знания, эрозия традиционных институтов социализации, рост кибербуллинга и распространения деструктивного контента. Статистические данные (например, рост доли онлайн-курсов на 300% за последние 5 лет, по данным OECD, 2024) подтверждают стремительную цифровизацию, что актуализирует проблему ценностного вакуума.

Ключевые слова: цифровая экономика, электронное образование, духовная безопасность, цифровая культура, информационные угрозы, ценностные ориентации, цифровой разрыв.

EDUCATION IN THE ELECTRONIC ENVIRONMENT AND PROBLEMS OF ENSURING SPIRITUAL SECURITY IN THE ERA OF THE DIGITAL ECONOMY

Beschastnova Natalya Vyacheslavovna,
Umetbaeva Maria Alekseevna,
Eastern Economic and Law Academy for Humanities, Ufa, Russia
e-mail: natpinkerton@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the challenges and threats to spiritual security that arise in the context of the transformation of education under the influence of the digital economy and its transition to an electronic environment. The digital educational environment, along with its undeniable didactic advantages, poses a number of systemic threats to an individual's spiritual security: fragmentation of knowledge, erosion of traditional socialization institutions, and an increase in cyberbullying and the spread of destructive content. Statistical data (such as a 300% increase in the share of online courses over the past 5 years, according to the OECD, 2024) confirms the rapid digitalization, which highlights the issue of a value vacuum.

Keywords: digital economy, e-education, spiritual security, digital culture, information threats, value orientations, and digital divide.

Введение

Стремительное развитие цифровой экономики, определяемой как хозяйственная деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, кардинально трансформирует все сферы общественной жизни, включая образование. Переход к образованию в электронной среде (e-learning) из инструмента дополнительного обучения превратился в глобальный тренд, ускоренный пандемией COVID-19. Данный процесс несет в себе не только колоссальные возможности для повышения доступности, персонализации и эффективности обучения, но и серьезные вызовы духовной безопасности личности и общества. Под духовной безопасностью в данном контексте мы понимаем состояние защищенности системы базовых ценностей, культурных и нравственных ориентиров нации от внутренних и внешних угроз. В условиях, когда цифровая среда становится новым «местом обитания» сознания, традиционные механизмы трансляции ценностей ослабевают, а на смену им приходят алгоритмы платформ и медиа, что порождает новые риски, требующие философско-методологического и социально-педагогического осмысления.

Методика и организация исследования

Исследование базируется на системном подходе, позволяющем рассмотреть электронное образование как сложный социотехнический

феномен, находящийся на пересечении экономических, технологических и гуманитарных процессов. Для анализа статистических тенденций использованы данные отчетов Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), Российского статистического ежегодника (Росстат) и мониторингов НИУ ВШЭ за период 2020-2024 гг. Теоретической основой послужили концепции:

- «информационного общества» (М. Кастельс) [1];
- «постправды» (С. Тейлор) [6];
- «цифрового разрыва» (П. Димаджио)» [4];
- труды отечественных ученых в области философии образования и безопасности (А.И. Субетто, В.И. Панарин).

Результаты исследования и их обсуждение

Согласно данным OECD (2024), глобальный рынок онлайн-образования вырос более чем на 300% за последние пять лет. В России, по информации НИУ ВШЭ, доля студентов, регулярно использующих онлайн-курсы, превысила 75% в 2023 году. Это свидетельствует о необратимости процесса интеграции цифровых технологий в образовательный процесс. Однако параллельно нарастает и «цифровой разрыв»: различия в качестве и доступности цифровых образовательных ресурсов между регионами и социальными группами создают предпосылки для новой формы социального неравенства, что является угрозой социальной стабильности.

Угрозы духовной безопасности в электронной среде можно охарактеризовать следующим образом.

Фрагментация знания и клиповость сознания. Нелинейная, модульная структура онлайн-курсов, обилие гиперссылок и многозадачность способствуют формированию «клипового» мышления, которое затрудняет целостное восприятие мира, глубокое усвоение знаний и формирование системного мировоззрения. Это противоречит фундаментальной цели гуманитарного образования – развитию целостной личности.

Ценностный релятивизм и информационная манипуляция. Открытость цифровой среды означает доступ к огромным массивам информации, включая деструктивный и манипулятивный контент. Алгоритмы рекомендательных систем, основанные на engagement, часто формируют «информационные пузыри», изолирующие пользователя от альтернативных точек зрения и способствующие радикализации. По данным Роскомнадзора, количество выявляемого деструктивного контента в образовательных чатах и форумах ежегодно растет на 15-20% [5].

Традиционно школа и вуз выступали не только центрами знания, но и институтами передачи культурных норм и ценностей через живое общение с педагогом и сверстниками. Замена реального взаимодействия виртуальным ослабляет эти связи, что может привести к росту социальной аномии, индивидуализма и дефициту эмпатии среди молодежи.

Логика цифровой экономики, основанная на сборе и монетизации данных, превращает обучающегося в объект коммерциализации. Его

внимание, учебная активность и предпочтения становятся товаром, что ставит под вопрос гуманистическую природу образования.

Выводы

Переход образования в электронную среду в эпоху цифровой экономики является объективным и необратимым процессом, несущим в себе диалектическое единство возможностей и рисков. С одной стороны, он открывает путь к демократизации и глобализации знания. С другой – порождает комплекс серьезных угроз духовной безопасности: фрагментацию сознания, ценностный релятивизм, манипуляцию, эрозию социальных связей и коммодификацию личности.

Противодействие этим угрозам требует не запретительных мер, а активного формирования «гуманитарно-цифрового» синтеза. Ключевыми направлениями обеспечения духовной безопасности должны стать:

1. Интеграция философско-ценностного компонента в содержание всех цифровых образовательных программ, направленная на формирование критического мышления и этических ориентиров [2].

2. Развитие цифровой гигиены и медиаграмотности как обязательной компетенции современного человека.

3. Создание и продвижение отечественного гуманитарно-ориентированного цифрового образовательного контента, укрепляющего национальную и культурную идентичность [3].

4. Подготовка педагогов новой формации, способных не только передавать знания в цифровой среде, но и выполнять роль наставника и проводника в мире ценностей.

Только осознанный и ценностно-ориентированный подход к цифровизации образования позволит превратить его из потенциальной угрозы в мощный ресурс духовного укрепления нации.

Список литературы

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

2. Панарин В.И. Духовная безопасность России в условиях глобализации: монография / В.И. Панарин. – М.: РГСУ, 2015. – 210 с.

3. Субетто А.И. Образование и качество жизни: ноосферный аспект / А.И. Субетто // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2019. – № 2. – С. 9-25.

4. Димаджио П. Социальные последствия Интернета / П. Димаджио // Экономическая социология. – 2004. – Т. 5. – № 3. – С. 13-34.

5. Индикаторы цифровой экономики: 2023: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; НИУ ВШЭ. – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 340 с.

6. Тейлор С. Эпоха постправды: кто убил факты и почему это важно / С. Тейлор // Логос. – 2017. – Т. 27. – № 4. – С. 1-22.

УДК 130.2

ЭВОЛЮЦИЯ ЗНАНИЯ И ИСТИНЫ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ

Бетильмерзаева Марет Мусламовна,
Чеченский государственный педагогический университет
Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова
г. Грозный, Россия, e-mail: maret_fil@mail.ru
Керимов Махмуд Магомедович,
Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова
г. Грозный, Россия
Бетильмерзаева Макка Хасмагомедовна,
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный, Россия

Аннотация. Осуществлен комплексный философский анализ трансформации категорий знания и истины, начиная с классических эпистемологических представлений и заканчивая их современным осмыслением в контексте социальных, политических и технологических процессов. Проанализировав классические концепции (Платон, Аристотель, корреспондентная, когерентная и прагматическая теории истины), авторы которых исходили из принципа объективности и независимости знания от субъективных предпочтений, работа последовательно переходит к исследованию, как знание становится инструментом власти. Опираясь на материалистический подход Карла Маркса, который рассматривал идеологию как ложное сознание, неизбежно отражающее интересы господствующего класса, и развивая идеи Луи Альтюссера о материальном существовании идеологии и её функции в воспроизводстве производственных отношений через государственные аппараты, в том числе школу, исследование показывает, как знание превращается в социальный конструкт и механизм господства. В заключительной части акцентируется внимание на кризисе истины в эпоху «постправды», где эмоциональные нарративы превалируют над фактами. Подчеркивается, что контроль над информацией, рассматриваемый через призму концепции «мягкой силы» Джозефа Ная, превращает знание в стратегический ресурс и геополитическое оружие. Исследование делает вывод о фундаментальном сдвиге от поиска объективной истины к борьбе за определение того, что считается истинным, подтверждая, что знание стало идеологически нагруженным инструментом для управления современными конфликтами.

Ключевые слова: знание, истина, идеология, постправда, объективность, социальный конструкт, мягкая сила, классическая философия, власть.

THE EVOLUTION OF KNOWLEDGE AND TRUTH IN THE POST-TRUTH ERA

Betilmerzaeva Maret Muslamovna,
Chechen State Pedagogical University
A.A. Kadyrov Chechen State University
Grozny, Russia, e-mail: maret_fil@mail.ru
Kerimov Makhmud Magomedovich,
A.A. Kadyrov Chechen State University
Grozny, Russia
Betilmerzaeva Makka Khasmagomedovna,
Chechen State Pedagogical University
Grozny, Russia

Abstract. A comprehensive philosophical analysis of the transformation of the categories of knowledge and truth is provided, beginning with classical epistemological concepts and ending with their contemporary understanding in the context of social, political, and technological processes. After analyzing classical concepts (Plato, Aristotle, correspondence, coherence, and pragmatic theories of truth), whose authors proceeded from the principle of objectivity and the independence of knowledge from subjective preferences, the work consistently moves to an examination of how knowledge becomes an instrument of power. Drawing on the materialist approach of Karl Marx, who viewed ideology as false consciousness inevitably reflecting the interests of the ruling class, and developing Louis Althusser's ideas on the material existence of ideology and its function in reproducing production relations through state apparatuses, including schools, the study demonstrates how knowledge is transformed into a social construct and a mechanism of domination. The concluding section focuses on the crisis of truth in the "post-truth" era, where emotional narratives prevail over facts. It emphasizes that control over information, viewed through the prism of Joseph Nye's concept of "soft power," transforms knowledge into a strategic resource and a geopolitical weapon. The study concludes that there has been a fundamental shift from the search for objective truth to a struggle to define what is considered true, confirming that knowledge has become an ideologically charged tool for managing modern conflicts.

Keywords: knowledge, truth, ideology, post-truth, objectivity, social construct, soft power, classical philosophy, power.

Введение. Исследование проблемы знания и истины является жизненно необходимым для понимания текущих социальных и геополитических процессов, поскольку оно затрагивает ключевые проблемы современности. Несмотря на стремительное развитие технологий и невиданные возможности для обмена информацией, наблюдается парадоксальный кризис истины.

Феномен «постправды» – когда эмоциональное красноречие и личные убеждения имеют больший вес, чем объективные факты – обнажает хрупкость рациональных оснований понимания реальности. Изучение этого кризиса позволяет осмыслить фундаментальный сдвиг в отношении к истине.

Связь между знанием и истиной ослабевает, позволяя нарративам, сконструированным для достижения определённых целей, замещать собой реальность. Знание перестаёт быть нейтральным процессом и превращается в мощный инструмент идеологического воздействия, способный формировать общественное сознание и поддерживать существующие структуры власти. Исследование актуально, поскольку оно анализирует, как знание становится стратегическим оружием в условиях социальных и геополитических конфликтов. Цель нашей работы заключается в комплексном философско-социологическом анализе трансформации концепций знания и истины – от классического идеала объективной, независимой от субъекта реальности к их современному пониманию как социально сконструированных, идеологически нагруженных инструментов власти, с особым акцентом на феномен «постправды» и его роль в современных геополитических и социальных конфликтах.

Философский анализ концепций знания и истины

Ниже представлен анализ классических философских концепций знания и истины. Традиционно, эти концепции воспринимают знание как объективную категорию, независимую от человеческих желаний и мнений.

Классические концепции знания

Платон разделял мир на две сферы: мир вещей, воспринимаемый чувствами, и мир Идей, постигаемый только разумом. Для него истинное знание (episteme) – это нечто вечное, неизменное и универсальное, которое существует в мире Идей. Чувственное восприятие, по Платону, дает лишь мнения (doxa), которые могут быть ошибочными и изменчивыми [4, 1993, с. 111]. Платон утверждал, что душа человека до рождения находилась в мире Идей, где она созерцала истинные сущности вещей. Поэтому процесс познания – это, по сути, анамнесис (припоминание) этих Идей [4, 1993, с. 26]. Таким образом, знание не создаётся человеком, а лишь «вспоминается» им. Этот подход полностью исключает субъективность, делая истинное знание независимым от индивидуального опыта и мнения. Аристотель, ученик Платона, не разделял миры на две части, а считал, что идея и вещь неразделимы: форма (сущность) находится внутри самой вещи [2, т. 1, с. 110]. Знание, по Аристотелю, – это постижение этих форм, или сущностей, посредством разума.

Человек познаёт мир, наблюдая за конкретными вещами, а затем, через индукцию и дедукцию, его разум выделяет универсальные и необходимые свойства. Знание формируется на основе опыта, но его конечная цель – это постижение объективной и универсальной сущности вещей, что делает

знание независимым от субъективного мнения. Представители классического эмпиризма (Джон Локк, Дэвид Юм) утверждали, что всякое знание начинается с чувственного опыта. Человек рождается с «чистым листом» сознания (tabula rasa), который постепенно заполняется ощущениями и идеями. Хотя эмпиризм делает акцент на роли опыта, он всё же стремится к объективности. Знание считается истинным, если оно основано на фактах, полученных через наблюдения, и соответствует этим фактам. В этом подходе знание всё равно остаётся своего рода объективной картиной реальности, даже если она и формируется через субъективный опыт.

В рамках классических теорий истины можно рассмотреть корреспондентную (классическую), когерентную и прагматическую теории истины. Как известно, корреспондентная теория истины – самая распространённая и интуитивно понятная теория, согласно которой истина – это соответствие высказывания действительности. Высказывание «Снег белый» истинно, если и только если снег действительно белый. В этом подходе истина не зависит от того, кто, где и когда говорит. Она является объективным свойством высказывания. Когерентная теория истины определяет истину не через соответствие фактам, а через логическую согласованность (когерентность) высказываний внутри определённой системы. Высказывание истинно, если оно непротиворечиво и логически связано с другими высказываниями, которые уже считаются истинными в данной системе (например, в математике или логике). Истина интерпретируется как свойство системы, а не отдельного высказывания. Однако и здесь речь идёт об объективных логических связях, а не о субъективных мнениях. Прагматическая теория истины (Уильям Джеймс, Чарльз Пирс) утверждает, что истина – это то, что «работает», то есть приносит практическую пользу. Истина рассматривается как свойство убеждения, которое успешно направляет наши действия и помогает нам достичь цели. Хотя эта теория вводит элемент полезности, она не делает истину субъективной в духе «мне полезно, значит истинно». Напротив, она подразумевает общепринятую, интерсубъективную полезность в рамках научного сообщества или общества в целом.

Все эти классические концепции, несмотря на различия в подходах, едины в одном: они исходят из того, что знание и истина объективны и независимы от индивидуальных предпочтений, эмоций или воли человека. Они стремятся к познанию реальности такой, какая она есть, а не такой, какой мы хотим её видеть.

Но что происходит со знанием, когда оно покидает кабинет философа и входит в общество, где существуют классовые интересы, борьба за власть и экономическое неравенство? В условиях общества, где интересы доминирующих групп определяют структуру власти, знание перестаёт быть чистым инструментом познания. Оно превращается в социальный конструкт,

который создаётся и распространяется в интересах определённых групп. Теперь обратимся к анализу связи между классическим идеалом объективного знания и его превращением в инструмент власти посредством идеологии, к тому, как социальные и политические силы манипулируют знаниями.

Идеология как искажение и инструмент власти

Для Карла Маркса, идеология – это не просто набор ложных идей, а ложное сознание, которое неизбежно возникает из-за определённой социальной и экономической структуры. По его мнению, экономический базис общества (средства производства) определяет его надстройку (политические, правовые, культурные институты). Идеология, являясь частью этой надстройки, отражает интересы господствующего класса (буржуазии). Согласно материалистическому подходу к истории, заявленному основоположниками марксизма, производственные отношения составляют экономическую основу общества, тогда как все остальные общественные институты – право, политика, религия, искусство и философия – являются лишь надстройкой, отражающей эту основу. Исследуя закономерности исторического развития, Маркс и Энгельс выдвинули концепцию, объясняющую, что способ производства материальной жизни не только обусловливает социальные, политические и духовные процессы, но и формирует их, поскольку именно от него зависит характер общественных отношений. Экономический базис, представляющий собой совокупность производственных отношений, определяет сознание людей, а не наоборот, вследствие чего исторический прогресс видится как результат развития производительных сил, вступающих в конфликт с устаревшими производственными отношениями [3, с. 26-27]. Отвергая идеалистические представления о том, что идеи, правовые системы или политические убеждения являются движущей силой истории, К. Маркс и Ф. Энгельс утверждают, что материальное производство и связанные с ним отношения собственности и труда лежат в основе всех социальных изменений. Отсюда следует, что, когда производительные силы достигают такого уровня развития, при котором они начинают противоречить существующим производственным отношениям, это приводит к социальной революции, которая меняет всю общественную структуру, включая и её надстройку [3, с. 32]. По убеждению Маркса и Энгельса, философия, религия и этика не являются независимыми источниками истины, а служат отражением и инструментом поддержания определённого экономического порядка, что превращает знание из универсального инструмента познания в идеологическую надстройку, обслуживающую интересы доминирующего класса [3, с. 28]. Основная идея заключается в том, что экономический базис, формируемый способом производства, определяет все сферы жизни общества, включая его идеологическую надстройку. В связи с этим, знание и

идеи выступают не как независимая сила, а как отражение экономических отношений, служащее интересам господствующего класса.

Идеология работает как система искажённых представлений, поскольку она маскирует реальные отношения эксплуатации и неравенства, и внушает пролетариату, что существующий порядок справедлив и легитимен. Например, идеология либерализма, провозглашая всеобщее равенство и свободу, скрывает экономическую зависимость и принуждение, на которых основан капиталистический труд. Знание из инструмента познания превращается в инструмент власти, потому что оно используется для поддержания социального порядка, выгодного правящему классу.

Луи Альтюссер, развивая марксистскую традицию, во второй половине прошлого века, предложил более сложную концепцию. В своей работе «Идеология и идеологические аппараты государства» [1], которая является углублением марксистского анализа, сосредоточенным на важнейшем, но часто упускаемом из виду, вопросе воспроизводства условий производства, автор заключает о том, что для выживания любой общественно-экономической формации необходимо не только постоянно возобновлять материальные средства производства и рабочую силу, но и воспроизводить существующие производственные отношения. Альтюссер, отталкиваясь от тезиса Маркса о необходимости воспроизводства условий производства, разворачивает сложную аргументацию, демонстрирующую, что этот процесс выходит за рамки простого бухгалтерского учёта и экономической логики. Он утверждает, что воспроизводство средств производства (сырья, оборудования) обеспечивается внутри глобальной экономической системы, где одни капиталисты производят средства производства для других. Однако, более важным и менее очевидным является воспроизводство рабочей силы, которое происходит преимущественно вне предприятия и обеспечивается не только материальными условиями (зарплатой), но и идеологическим подчинением.

Ключевой тезис Альтюссера состоит в том, что в капиталистическом обществе воспроизводство рабочей силы требует не только её материального поддержания и передачи квалификации, но и усвоения господствующей идеологии. Это усвоение, по его мнению, осуществляется не на производстве, а через определённые общественные институты, прежде всего школу. Именно школа, наряду с другими государственными и церковными аппаратами, прививает будущим работникам не только необходимые технические навыки, но и правила поведения, нормы морали и гражданского сознания, которые обеспечивают их подчинение установленному порядку. Альтюссер приходит к выводу, что воспроизводство квалифицированной рабочей силы и воспроизводство её идеологического подчинения являются взаимосвязанными процессами. Он подчёркивает, что идеология – это не просто набор ложных идей, а действенная реальность, которая через государственные аппараты формирует сознание индивидов, заставляя их

«сознательно» исполнять свои роли – либо эксплуатируемых, либо эксплуататоров.

Основной и, казалось бы, парадоксальный тезис Альтюссера заключается в том, что у идеологии нет истории, но не в негативном смысле, будто она лишь иллюзорное отражение реальных исторических процессов, а в смысле абсолютно позитивном: идеология – это трансисторическая, вечная и повсеместная реальность, обладающая неизменной структурой и функцией на протяжении всей истории классовых обществ, подобно тому, как, по мнению Фрейда, вечно бессознательное. Он начинает с того, что отходит от раннего марксистского понимания идеологии, изложенного в «Немецкой идеологии», где идеология рассматривается как «чистая греза» или «воображаемая конструкция», лишённая собственной реальности. В этой интерпретации у идеологии нет своей истории, поскольку её история целиком лежит вне её самой, в единственно реальной истории материальных индивидуумов [3, с. 20]. Однако Альтюссер предлагает принципиально иной подход, утверждая, что если идеология как таковая не имеет истории, то это происходит не потому, что она ничтожна, а потому, что она является вездесущей и неизменной в своей форме. Эта позитивная вечность идеологии, по его мнению, позволяет выдвинуть её теорию в том же смысле, в каком Фрейд предложил теорию бессознательного. Чтобы обосновать свою концепцию, Альтюссер выдвигает два связанных между собой тезиса, которые определяют структуру и функционирование идеологии. В первом тезисе он утверждает, что идеология представляет собой воображаемые отношения индивидуумов с реальными условиями их существования, а не просто иллюзорное представление о мире. Второй тезис гласит, что идеология обладает материальным существованием. Противопоставляя своё понимание идеалистическому взгляду, согласно которому «идеи» являются духовными сущностями, Альтюссер утверждает, что они существуют только как часть материальных поступков, которые, в свою очередь, являются частью практической деятельности, регулируемой ритуалами в рамках идеологического аппарата. Обращаясь к парадоксу Паскаля («Встаньте на колени, прошепчите молитву – и вы уверуете»), он переворачивает традиционную причинно-следственную связь: вера не порождает действие, а, наоборот, материальное действие и ритуальная практика порождают веру и убеждения. Таким образом, исчезает понятие «идеи» как нечто нематериальное, и остаётся лишь система, в которой индивидуум, действуя в полном сознании, подчиняется материальной системе ритуалов, установленной идеологическим аппаратом.

Идеология «окликает» индивида, заставляя его осознать себя как субъекта с определёнными социальными ролями и обязанностями. Например, когда учительница обращается к ребёнку: «Ты должен учиться, чтобы стать успешным», она «окликает» его, побуждая принять идеологию меритократии. При этом индивид чувствует себя свободным, добровольно

принимая эти правила, хотя на самом деле он становится частью системы, которая воспроизводит существующие социальные отношения. Таким образом, идеология у Альтюссера – это не только искажение реальности, но и процесс, который формирует саму субъективность человека, делая его частью системы.

Оба философа (К. Маркс и Л. Альтюссер), хотя и по-разному, показали, как идеология превращает знание из средства познания в средство господства, делая его частью системы, скрывающей реальные отношения власти.

Таким образом, философия отходит от вопроса «Что такое истина?» и переходит к вопросу «Кто определяет, что считается истинным в обществе, и зачем это делается?». Это подводит нас к анализу нарративов и постправды, где истина не «открывается», а «конструируется» и «управляется».

Ряд современных исследователей активно занимаются изучением того, как технологии позволяют не просто сообщать факты, а редактировать реальность. Они рассматривают роль дипфейков и алгоритмов, которые создают «информационные пузыри». Илай Парайзер (Eli Pariser) является автором термина «информационный пузырь» (filter bubble). В своей книге «The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding From You» (2011) и в выступлениях на TED он объясняет, как алгоритмы социальных сетей и поисковых систем создают для каждого пользователя уникальное информационное пространство, показывая ему только ту информацию, которая соответствует его интересам и убеждениям. Это приводит к тому, что человек оказывается изолирован от альтернативных точек зрения, что способствует поляризации общества [7]. Касс Санстейн (Cass Sunstein), американский правовед и политолог, в своих работах, в частности в книге «#Republic» (2017), исследует феномен «эхо-камер» (echo chambers) и их влияние на демократию. Он утверждает, что, имея неограниченный доступ к информации в интернете, люди склонны выбирать контент, который подтверждает их существующие убеждения. И, как следствие, группы единомышленников общаются только между собой, усиливая свои взгляды и не сталкиваясь с противоположными мнениями, что может привести к их радикализации [8]. Стив Фуллер (Steve Fuller) рассматривает постправду как новый режим истины [5]. В его работах, включая «Post-Truth: Knowledge as a Power Game», он анализирует, как новые технологии, такие как дипфейки, стирают грань между реальностью и вымыслом, делая правдоподобность более важной, чем фактическая достоверность.

В совокупности, работы этих и других исследователей показывают, как технологии, которые изначально задумывались для демократизации информации, могут быть использованы для её манипуляции и редактирования реальности. В современной политологии, социологии и теории международных отношений многие исследователи пишут о знании

как о новом виде оружия. Эта концепция отражает переход от традиционных методов ведения войны к информационной и гибридной.

Американский политолог Джозеф Най-младший (Joseph S. Nye, Jr.) ввёл в научный оборот понятие «мягкая сила» (soft power). В своих работах, таких как «Soft Power: The Means to Success in World Politics», он утверждает, что способность влиять на других через культуру, политические ценности и внешнюю политику (то есть, через информацию и идеи) является более эффективной, чем военная сила [6]. Знание в этом контексте становится не только инструментом культурного обмена, но и мощным геополитическим оружием, способным формировать общественное мнение и склонять другие страны на свою сторону.

Эти исследователи показывают, что в современном мире контроль над информацией и способность формировать нарративы имеют такое же, а иногда и большее значение, чем военное превосходство. Таким образом, знание становится стратегическим ресурсом и мощным оружием в борьбе за влияние.

Заключение. Проведенный анализ, последовательно рассматривающий классические философские концепции знания и истины, а затем обращенный к их идеологическому и социальному осмыслению, позволяет сделать вывод о фундаментальном сдвиге в эпистемологических основаниях современного общества.

Изначально, в рамках классической философии, унаследованной от Платона, Аристотеля и представителей эмпиризма, знание понималось как объективная категория, стремление к постижению универсальной и неизменной сущности вещей, а истина (корреспондентная, когерентная или прагматическая) – как нечто независимое от индивидуальных эмоций, предпочтений или воли. Эта классическая парадигма, подчеркивающая объективность и непредвзятость познания, формировала идеал рационального понимания реальности.

Однако, вследствие проникновения знания в сферу социальных и политических отношений, этот идеал подвергся критическому переосмыслению, показавшему, что знание не может оставаться нейтральным. Работы Карла Маркса и Луи Альтюссера убедительно продемонстрировали, что идеология действует как система искаженного сознания, являющаяся надстройкой над экономическим базисом и служащая инструментом воспроизводства господствующих производственных отношений. При этом, по Альтюссеру, идеология приобретает материальное существование и формирует саму субъективность индивида через аппараты государства, вынуждая его «добровольно» принимать заданные социальные роли. Таким образом, знание преобразуется из универсального средства познания в механизм социального и классового господства, маскирующий реальные отношения эксплуатации.

В контексте новейших технологий, обусловливающих невиданные возможности для манипуляции информацией, этот кризис объективной истины достиг кульминации в феномене «постправды», когда эмоциональный резонанс и нарративная убедительность становятся приоритетнее фактической достоверности. Таким образом, следует констатировать, что в современном мире вопрос «Что есть истина?» сменился вопросом «Кто определяет истину и с какой целью?», обнажая хрупкость рациональных оснований и подтверждая, что знание окончательно трансформировалось в стратегический, идеологически обусловленный инструмент для формирования общественного сознания и управления социальными и геополитическими процессами, что делает дальнейшее критическое осмысление этой проблемы жизненно необходимым.

Список литературы

1. Альтюссер, Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) [Электронный ресурс] / Л. Альтюссер // Неприкосновенный запас». 2011. №3(77). URL.: https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html

2. Аристотель. Метафизика. В кн.: Сочинения в четырех томах. Т. 1. Ред. В. Ф. Асмус. – М., Мысль, 1976.

3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М.: Политиздат, 1988. – XVI, 574 с.

4. Платон. Федон. – С. 7-80. В кн.: Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1993. – 528 с.

5. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 368 с.

6. Joseph S. Nye, Jr. Soft power. The Means to Success in World Politics. Publicaffairs New York, 2004.

7. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. – New York: Penguin Press, 2011.

8. Sunstein C. R. #Republic: Divided democracy in the age of social media. Princeton university Press Princeton and Oxford. – URL.: https://dokumen.pub/republic-divided-democracy-in-the-age-of-social-media-9781400884711.html

УДК 37.02

ФОРМИРОВАНИЕ ОСОЗНАННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Билалов Ирек Назимович,
Сафин Раис Семигуллович,
Казанский государственный архитектурно-строительный университет
г. Казань, Россия, e-mail: irekbilalov0327@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь профессиональной направленности личности и духовно-нравственного воспитания на основе теоретического обобщения отечественных научных исследований (А. В. Ядов, В. А. Сластёнин, Э. Ф. Зеер, Н. В. Кузьмина, В. Г. Немировский, С. Н. Чистякова, Н. И. Денисенкова, Т. В. Челпаченко, В. В. Васильев и др.).

Рассмотрены различные трактовки понятия «профессиональная направленность»: как комплексного качества личности (Э. Ф. Зеер); как интереса и склонности к профессии (Н. В. Кузьмина); как отношения к профессии, связанного с умениями и навыками (В. Г. Немировский); как совокупности интересов, потребностей и стремлений в профессиональной сфере (Н. И. Денисенкова).

Показана роль духовно-нравственного воспитания как «иммунитета» личности – системы защитных механизмов, формируемых через воспитание, образование и социализацию. Обоснована двусторонняя связь исследуемых феноменов: духовно-нравственное воспитание влияет на выбор профессии и качество профессиональной деятельности, а профессиональная среда, в свою очередь, способствует дальнейшему нравственному развитию личности.

Сделан вывод о значимости интеграции духовно-нравственного воспитания в образовательный процесс для подготовки ответственных, этичных и компетентных специалистов.

Ключевые слова: профессиональная направленность, духовно-нравственное воспитание, профессиональное самоопределение, ценностные установки, образовательная среда **.**

FORMATION OF A CONSCIOUS PROFESSIONAL DIRECTION THROUGH THE PRISM OF SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION

Bilalov Irek Nazimovich,
Safin Rais Semigullovich,
Kazan State University of Architecture and Engineering
Kazan, Russia, e-mail: irekbilalov0327@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the relationship between the professional orientation of a person and spiritual and moral education on the basis of a theoretical generalization of domestic scientific research (A.V. Yadov, V. A. Slastenin, E. F. Zeer, N. V. Kuzmina, V. G. Nemirovsky, S. N. Chistyakova, N. I. Denisenkova, T. V. Chelpachenko, V. V. Vasiliev et al.).

Various interpretations of the concept of "professional orientation" are considered: as a complex personality quality (E. F. Zeer); as an interest and inclination towards the profession (N. V. Kuzmina); as an attitude towards the profession related to skills and abilities (V. G. Nemirovsky); as a set of interests, needs and aspirations in the professional field (N. I. Denisenkova).

The role of spiritual and moral education as an individual's "immunity" is shown - a system of protective mechanisms formed through upbringing, education and socialization. The two-way relationship of the studied phenomena is substantiated: spiritual and moral education influences the choice of profession and the quality of professional activity, and the professional environment, in turn, contributes to the further moral development of the individual.

The conclusion is made about the importance of integrating spiritual and moral education into the educational process for the training of responsible, ethical and competent specialists.

Keywords: professional orientation, spiritual and moral education, professional self-determination, values, educational environment.

Введение. Актуальность научной статьи обусловлена тем, что в условиях стремительных технологических изменений и информационного перенасыщения современного мира, личность специалиста все острее нуждается не только в профессиональных компетенциях, но и в крепком духовно-нравственном стержне.

Вопрос выбора профессии и помощи молодым специалистам сейчас находится в центре внимания руководства страны. Президент России Владимир Путин, выступая с ежегодным Посланием к Федеральному Собранию, объявил о старте нового национального проекта под названием «Кадры». Он призвал руководителей предприятий, научных организаций и медицинских учреждений активно участвовать в профориентационной работе, организуя для школьников экскурсии на свои объекты – в цеха, музеи и лаборатории. Кроме того, президент подчеркнул важность внедрения программ ранней профессиональной подготовки во всех российских школах [7].

Современные данные, в частности статистика ВЦИОМ и исследования Российской ассоциации профориентации, показывают, что значительная часть молодежи (около 30-40%) выбирает профессию неосознанно, под давлением внешних обстоятельств, таких как мнение друзей, желание

родителей, что приводит к профессиональному выгоранию и снижению эффективности [7].

Современное общество сталкивается с размытием ценностных ориентиров у молодёжи, влиянием деструктивных информационных потоков (насилие, эгоизм, культ потребления) и снижением интереса к культурно-просветительской деятельности. Эти факторы осложняют формирование устойчивой нравственной базы, которая является фундаментом для осознанного выбора профессии и успешной социализации [4].

В условиях быстрого развития технологий и изменений на рынке труда профессиональное образование должно не только передавать знания и навыки, но и формировать личностные качества, такие как ответственность, этичность, способность к самосовершенствованию. Духовно-нравственное воспитание помогает студентам осознать не только профессиональные, но и социальные аспекты своей будущей деятельности [4].

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту (ФГОС), одной из задач образования является духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся, становление их гражданской идентичности. Это предполагает формирование целостного взгляда на мир, включая понимание этических норм и социальных ценностей.

В данной публикации мы рассмотрим проблему формирования осознанной профессиональной направленности личности сквозь призму духовно-нравственного воспитания.

Цель исследования. Выявить и обосновать педагогические условия и механизмы формирования осознанной профессиональной направленности личности в образовательном процессе через интеграцию духовно-нравственного воспитания.

Методика и организация исследования. Данная научная работа предполагают комплексный подход, сочетающий теоретические и эмпирические методы, анализ научно-методической литературы и изучение продуктов деятельности соответственно.

Научное исследование было организовано в нескольких этапов: теоретический и аналитический

Теоретический этап включает формулировку проблемы, цели исследования, а также анализ научно-методической литературы.

Аналитический этап включает обработку и интерпретацию полученных данных, а также формулирование выводов данной научной работы.

Результаты исследования и их обсуждение. Для достижения поставленной в исследовательской работе цели нами был проведен теоретический анализ отечественных научных публикаций на сайтах: и

синтез информации о формировании профессиональной направленности через духовно-нравственной воспитание.

По результатам теоретического этапа исследования в области комплекскной деятельности формирования профессиональной направленности и духовно-нравственного воспитания нами было выявлено следующщее: данная проблема была изучена многими учеными-исследователями, например, А.В. Ядов, 2000; Челпаченко Т.В., Васильев В.В., 2025; А.А. Краузе, С.И. Шуминская 2024, Н.И. Денисенкова, 2017, Архипова Л.А., 2020, Чистякова С.Н, 2020; Кулов А.У. 2013.

На сегодняшний день у научного сообщества нет четкой трактовки определения профессиональная направленность. Это связано тем, что ученые по разному подходят к пониманю этого определения, психологи с точки зрения психологии, педагогаги с точки зрения педагогики [3]

Э.Ф. Зеер профессиональную направленность считает комплексным качеством личности, которое детерминирует успешность овладения индивидом определенных умений и знаний, и выступает «системообразующим» фактором личности профессионала. [3]

По мнению Кузьминой Н.В., профессиональная направленность – это интерес человека к професии и склонность заниматься этой профессией [3].

В.Г. Немировский детерминирует профнссиональную направленность как отношение человека к определенной професии, как комплекс знаний и умений [3].

Как отмечал А. В. Ядов, социальная позиция, включающая профессиональную ориентацию, является ключевым фактором жизнедеятельности, а С. Н. Чистякова подчеркивает, что в профессиональном самоопределении огромную роль играют именно внутренние ценностные установки [5, 6].

Кроме того, в условиях усиления деструктивных информационных влияний, духовно-нравственное воспитание выступает как необходимый «иммунитет». В данном контексте понятие «иммунитет» раскрывается как система защитных механизмов личности и общества, которая формируется через воспитание, образование и социализацию. И он помогает противостоять негативному воздействию, сохраняя ценностные ориентиры, критическое мышление и социальную устойчивость [2].

По мнению Денисенко Н.И., профессиональная направленность интересы, потребности, склонности и стремления, связанные с профессиональной деятельностью. Она рассматривается как установка на определенный вид деятельности и системообразующий фактор профилизации личности [1].

Проблема выбора профессии обучающимися является одной из существенных проблем современного общества, а связано это еще и с низким

уровнем духовно-нравственного воспитания обучающихся в общеобразовательных учреждениях. Сложившаяся кризисная ситуация обусловлена двумя основными проблемами: деградацией ценностей среди молодежи и снижением востребованности культурного досуга, что привело к негативным последствиям. Об этом свидетельствуют научные труды Челпаченко Т.В. и Васильев В.В. [4].

Таким образом, взаимосвязь профессиональной направленности и духовно-нравственного воспитания носит двусторонний характер. С одной стороны, духовно-нравственное воспитание определяет выбор профессии и качество профессиональной деятельности. С другой стороны, профессиональная деятельность и среда влияют на дальнейшее нравственное развитие личности. Интеграция этих аспектов в образовательном процессе способствует подготовке ответственных, этичных и компетентных специалистов.

Выводы. Анализ научных работ (Э. Ф. Зеер, Н. В. Кузьмина, В. Г. Немировский, А. В. Ядов, С. Н. Чистякова, Н. И. Денисенкова и др.) показал: несмотря на разночтения в трактовках понятия «профессиональная направленность» (от комплексного качества личности до системы интересов и склонностей), учёные сходятся в том, что её становление невозможно без опоры на нравственные ценности.

Выявлен двусторонний характер взаимосвязи: духовно-нравственное воспитание создаёт «иммунитет» личности, помогая осознанно выбирать профессию, сохранять ценностные ориентиры и критическое мышление, снижать риск выгорания; профессиональная деятельность, в свою очередь, становится площадкой для реализации нравственных принципов (честности, ответственности, уважения) и дальнейшего нравственного развития.

Интеграция духовно-нравственного воспитания в образовательные программы – необходимое условие подготовки компетентных специалистов с устойчивыми нравственными ориентирами. Это позволяет формировать осознанную профессиональную направленность, повышать социальную адаптивность и профессиональную эффективность выпускников.

Таким образом, духовно-нравственное воспитание выступает не дополнением, а системообразующим элементом современного образования, обеспечивающим гармоничное развитие личности и её успешную профессиональную самореализацию.

Список литературы

1. Денисенкова, Н.И. Динамика развития профессиональной направленности личности обучающихся / Н.И. Денисенкова. Текст: электронный. // Современная наука: теоретический и практический взгляд. –

2017. – С. 19-26. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32441185 (дата обращения 23.11.2025)

2. Краузе, А.А., Шуминская, С.И. Проблема духовно-нравственного воспитания в современной образовательной среде / А.А. Краузе, С.И. Шуминская. Текст – электронный. // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2024. – С. 81-92. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-duhovno-nravstvennogo-vospitaniya-v-sovremennoy-obrazovatelnoy-srede/viewer (дата обращения 23.11.2025).

3. Кулов, А.У. К определению понятия «Профессиональная направленность» личности / А.У. Кулов. Текст: электронный. // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – С. 169-172. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-professionalnaya-napravlennost-lichnosti/viewer (дата обращения 23.11.2025).

4. Челпаченко, Т.В., Васильев, В.В. Духовно-нравственный вектор современного образования / Т.В. Челпаченко, В.В. Васильев. Текст – электронный. // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 6.; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=29272 (дата обращения: 24.11.2025).

5. Чистякова, С.Н. Профессиональное самоопределение: современный аспект [Электронный ресурс]: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти выдающегося российского учёного, профориентолога, академика РАО, доктора педагогических наук, профессора Светланы Николаевны Чистяковой (2 апреля 2020 г., г. Якутск) / [под ред. Т. А. Макаренко, С. В. Паниной].

6. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание объяснение, понимание социальной реальности. – М. Добросвет, 2000 – 596 стр,

7. Профориентация: хорошо, но мало! (Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет результаты опроса россиян о профориентации). Текст: электронный. – 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proforientacija-khorosho-no-malo (дата обращения 23.11.2025)

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ФЕНОМЕНА УМЕРЕННОСТИ В ИСТОРИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЧЕНЦЕВ

Гадаев Ваха Юнусович
Чеченский государственный педагогический университет,
Академии наук ЧР
Гадаев Рамзан Вахаевич
Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова
г. Грозный, Россия, e-mail: gadaev_v@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности феноменов умеренности и чрезмерности в культуре человечества и специфика их проявления в истории чеченской традиционной культуры. Предлагается авторское воззрение зависимости эволюции духовно-нравственных ценностей от особенностей динамики общественной жизни этноса. Выявляется специфика проявления духовно-нравственного феномена «умеренность» в контексте своеобразия исторического развития чеченцев, которые (в отличии от северокавказских соседей), не пережили в классическом виде сословно-имущественное расслоение и классовые антагонизмы. Обосновывается актуальность коррекции духовного мира чеченской молодежи в условиях угасания традиционных ценностей, обусловленный активизацией негативных глобализационных процессов.

Ключевые слова: духовные ценности, умеренность, чрезмерность, традиционная культура, чеченцы, глобализация.

FEATURES OF THE EVOLUTION OF THE PHENOMENON OF MODERATION IN THE HISTORY OF CHECHENS' SPIRITUAL CULTURE

Gadaev Vakha Yunusovich,
Chechen State Pedagogical University,
Academy of Sciences of the Chechen Republic
Gadaev Ramzan Vakhaevich,
A.A. Kadyrov Chechen State University
Grozny, Russia, e-mail: gadaev_v@mail.ru

Abstract. This article examines the phenomena of moderation and excess in human culture and the specifics of their manifestation in the history of Chechen traditional culture. The author offers a perspective on the dependence of the evolution of spiritual and moral values on the dynamics of ethnic social life. The specific manifestations of the spiritual and moral phenomenon of "moderation" are revealed in the context of the unique historical development of the Chechens, who (unlike their North Caucasian neighbors) did not experience classical class

stratification and class antagonisms. The article substantiates the need to correct the spiritual world of Chechen youth in the context of the fading of traditional values due to the intensification of negative globalization processes.

Keywords: spiritual values, moderation, excess, traditional culture, Chechens, globalization.

Введение. В современном мире геополитическое соперничество характеризуется эскалацией в явной и латентной глобальной конкуренции во всех сферах общественных отношений, направленной на передел жизненно важных ресурсов планеты с целью устройства «цветущего сада» для «золотого миллиарда» и «диких джунглей» для остального человечества. При этом, в этой конкуренции со своими противниками коллективный Запад ныне все больше акцент делает на использовании катастрофического для всего человечества ядерного оружия. Ныне все явственнее становится очевидным, что обезумевшие фашистские потомки современного Запада, не подчиняясь ни вере, ни разуму, ни своим биологическим инстинктам стремительно ведут человечество к вселенской катастрофе, увлекая за собой все живое на Земле.

Вместе с тем, в своих безумных устремлениях в последнее время представители «цветущего сада» все активнее используют методы и новейшие средства информационной, психологической, кибернетической войн, стремясь разложить, дезинтегрировать духовную сферу населения геополитических конкурентов и в первую очередь народов России. Стало быть, нарастающая жесткая духовная экспансия противника приводит к явному возрастанию рисков и угроз национальной безопасности России, в том числе в сфере духовной жизни ее населения и являются не менее значимы и опасны, чем военно-политические и экономические угрозы. В этих условиях актуализируется проблема укрепления духовного бастиона российского общества, защита морально-нравственной сферы всех народов нашей страны.

Целью данного исследования является анализ духовно-нравственного потенциала российских народов, в том числе чеченцев, в контексте современных геополитических процессов. В рамках обозначенной цели ставятся **задачи:** рассмотрение факторов актуализации нравственных ценностей в решении глобальных проблем современности; изучение духовно-нравственных ценностей конкретных российских этносов (на примере чеченского этноса), базирующиеся на традиционных российских духовно-нравственных добродетелях; выявление в духовно-нравственной системе ключевых сегментов, эффективно влияющих на процесс разрядки международной напряженности; анализ феноменов «умеренности» и «чрезмерности» в контексте их динамики в процессе этнонациональной эволюции.

Объектом исследования является духовно-нравственная сфера общества, а **предметом** – выявление позитивного потенциала умеренности и негативных установок чрезмерности в разных сферах жизни современного общества.

Методика и организация исследования: использованы социологические методы (анкетные опросы, интервью), полевые материалы, собранные среди старшего поколения, а также анализ информации из интернет-источников, научных публикаций и т.д.

Результаты исследования и их обсуждение. Известно, что современная Россия испытывает серьезные трудности во многих сферах своего бытия, в том числе и в духовно-нравственной жизни. Не секрет, что в наше судьбоносное время растерянные, беззащитные, хромающие культурно-духовные устремления российских народов упорно пытаются вырваться из бурного круговорота сотворенного в первую очередь ими самими и их так называемыми лидерами трагических проблем. Ныне отрезвленный драматическими событиями в нашей стране и в мире их коллективный Разум как бы с последней надеждой обращает свой взор к фундаментальным, глубинным основам человеческого бытия, к основам и проблемам, по сути своей нравственным: «Что есть добро, зло, справедливость?», «В чем смысл человеческого существования?», «Есть ли надежда у российских народов и их новых поколений на счастливое будущее?» и т.д. [1,64]. Эти вопросы особенно остро волнует многонациональное, многоконфессиональное, поликультурное и полилингвальное население России.

Как нам представляется, духовно-нравственный потенциал российских народов у нас изучен в недостаточной мере, его возможности в сохранении и развитии традиционных ценностей материальной и духовной культуры недостаточно осмыслены, однако налицо факт усиления надежды на спасительную миссию морального фактора во всех сферах жизни наших народов. Общеизвестно, что именно моральные убеждения в истории землян стали непреодолимой преградой на пути реализации многих пагубных для человечества зловещих замыслов, антигуманных научных экспериментов. Поэтому не случайно наше «судьбоносное время» усиливает интерес к моральной проблематике, к нравственной жизни человека. Французский философ А. Камю справедливо в свое время утверждал: «Современное мироощущение отличается от классического тем, что живет моральными проблемами, а не метафизикой». У мечущихся в духовной растерянности российских народов теплится надежда, что нравственность, мудрость, совесть могут продлить их благополучную жизнь на благословенной земле достойных предков.

Возрастание роли морального фактора в выживании российских народов в современных архисложных условиях человечества ставит перед нашими исследователями задачу глубокого осмысления этого сложного

духовного феномена в свете новых глобальных реальностей. Без должной теоретической разработки современных актуальных проблем этической науки вряд ли возможно надеяться на ее спасительную миссию. В этой связи важно отметить, что при разработке данных этических проблем в нашем обществе, в первую очередь необходимо глубоко и всесторонне изучить духовно-нравственные ценности конкретных российских этносов, которые базируются на утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», куда входят 17 ценностей: жизнь, достоинство, патриотизм, труд, семья, родина и т.д. [2].

Если составить список общечеловеческих нравственных ценностей, он получается достаточно содержательным: труд, красота, добро, справедливость, любовь, правда, жизнь, цель жизни, смысл жизни, истина, целомудрие, чистота, родина, семья, дети, честность, традиции, совесть, свобода, человек, умеренность и т.д. У каждого этноса этот список может увеличиваться и наполняться специфическим социокультурным содержанием. Например, в развитой духовной культуре чеченцев функционирует богатейшая система морально- нравственных добродетелей, отраженная в чеченском культурном коде «**Нохчалла**» и их Кодексе чести «**Къуонахалла».** Вот некоторые из них: **Адамалла** - человечность. **Нохчалла** - (дословно можно перевести как «чеченскость») - это совокупность морально-поведенческих норм, это моральный кодекс чеченцев. **Кьонахалла** - это кодекс настоящего чеченского мужчины, модель идеальной личности чеченца. **Доьналла, майралла** - мужество, храбрость, способность выполнить действие, направленное на защиту справедливости, чести и достоинства человека. **Кьинхетам -** милосердие, великодушие, способность сопереживать. **Нийсо -** справедливость. **Оьздангалла -** благородство, культура. **Ларам** - почтительность. **Бакъо** - правдивость. **Сий** - честь, достоинство. **Собар** - выдержка, терпение. **Маршо** - свобода**. Иман** – вера. **Яхь** - соревновательность, здоровое соперничество, стремление превзойти другого в добрых делах. **Г1иллакх** - приличие, этикет, "умение вести себя». **Ларам** - почитание. Майралла - храбрость. **Комаьршалла** - щедрость, способность жертвовать своим имуществом во имя добра и справедливости. **Декхар** – долг. **Эхь** – совесть. **Г1аьххьа-** умеренность. **Барам-** мера**.** **Эхь-бехк** - стыд. **Дикалла**-благопорядочность. **1илма, говзалла, корматалла** - образованность, мастерство, талант. **Хьанал кхинхьегам** - честный труд, трудолюбие. **Хьекъал, кхетам** - ум, мудрость и т.д. [3,324].

Многие ценности этической системы чеченцев нашли отражение в трудах исследователей и в наших ранее изданных научных изданиях [4]. В данной статье мы пытались рассмотреть такую менее изученную в литературе нравственную категорию, как «**умеренность»,** которая

актуализируется в контексте новых ранее не известных чеченцам капиталистических условиях. Категория «умеренность» занимает одно из ключевых мест в системе духовно-нравственных ценностей человечества и представляет собой в самых общих чертах добродетель, выражающаяся в самоограничении для достижения благой цели, реализующаяся в общепринятом нравственном принципе «золотой середины». [5].

Зародилась умеренность у всех народов еще в родовом обществе, в эпоху матриархата, как объективная необходимость, ибо нарушение ее принципов могло вносить в общину деструктивный потенциал. В материальной, экономический жизни рода могли функционировать только принципы умеренности, уравниловки, обо прибавочный продукт родовая община еще производить не могла. С развитием производительных сил, в процессе совершенствования орудий труда появляется прибавочный продукт, заложивший основы частной собственности, которая оказалась могильщиком родовой умеренности и предпосылкой классово-эксплуататорской **чрезмерности.** Вместе с тем, принципы умеренности не исчезли полностью, они частично продолжают функционировать в разных сферах жизни общества и занимают ведущие позиции среди нравственных добродетелей как идеалы.

Итак, умеренность, как социокультурный феномен, возникла как объективная необходимость еще на ранних этапах жизни человечества и утверждает рационально и морально обоснованную **базовую меру,** которой обязаны были придерживаться люди, чтобы сохранить социальную стабильность. Отсюда и само понятие «умеренность», т.е. находящееся «у меры, на основе меры», в противоположность понятию «чрезмерность», т.е. «переступивший через меру».

В структуре категории «умеренности» можно выделить множество позитивных нравственных качеств: воздержание, самообладание, самоограничение, самоконтроль, сдержанность, которые должны установить в рамках разумной меры справедливые отношения в экономической, политической, духовно-культурной и других сферах. Можно сказать, что умеренность (находиться в рамках меры) – эта категория онтологическая, ибо все в природе (в неживой и в живой) функционирует на основе меры, гармонии, по законам умеренности. Только в социальном мире, в человеческом обществе принципы умеренности нарушаются, данная ценность лишь декларируется, выступает как мечта, как нравственный идеал, но в реальной жизни не находит полного воплощения, уступая при этом приоритету чрезмерности.

Чрезмерность предполагает излишество, неумеренность, пресыщение, роскошь, нарушение принципов «золотой середины», которые являются атрибутами частнособственнических формаций, где носителями являются господствующие классы, а носителями ценностей умеренности в соответствующих социально-экономических условиях в большей мере

является средний класс. По нашему мнению, представители и этого класса находится в рамках умеренности в силу объективных материально-экономических обстоятельств, а не морально-нравственных убеждений, ибо («человек по своей природе зол» И.Кант), и все они устремлены к частнособственнической чрезмерности.

Идеи умеренности в национальных религиях. Данные идеалы отражены в устной форме в первобытных религиях, а также зафиксированы в священных писаниях национальных и мировых религий. В Ветхом Завете самой древней национальной религии Иудаизма в «Притчей Соломоновых (глава 17) говорится «об увещании к умеренности и благоразумному пользованию даром слова». Умеренность в **зороастризме** означает расчёт всего с мерой, так чтобы не возникало **избытка и недостатка**. Считается, что совершенство каждой вещи заключено в мере. В **индуизме** существует понятие «**дама»**, которое означает умеренность или самоограничение. В текстах Упанишад оно включено в характеристики хорошего, развитого человека наряду с милосердием, любовью и благотворительностью. **В Джайнизме** необходима «Остановка потока кармы (негативных действий) посредством практики здорового самоконтроля». **В Сикхизме** выделяется пять главных нравственных добродетелей, среди которых на первое место поставлена умеренность, затем честность, любовь, сострадание, смирение. Умеренность – один из основных принципов **Конфуцианства,** который подразумевает **соблюдение гармонии и баланса**. Конфуций считал, что в жизни всё должно быть умеренным и соответствовать принципу «золотой середины». При этом нежелательно ни превышение, ни отступление от этой черты, поскольку и то, и другое отклоняется от пути **золотой середины**. В **Синтоизме** сохранились традиции родовой умеренности, в которой делается установка на необходимость уничтожить в себе злобу, эгоизм, стремление к соперничеству и нетерпимости. В то же время в нем присутствуют принципы умеренности из Конфуцианства и Буддизма.

Идеи умеренности в мировых религиях. В **Буддизме** идея умеренности отражена в «Восьмеричном, **срединном пути»,** который находится посредине между приверженностью мирским удовольствиям и самоистязаниям**. В христианстве с**одержание умеренности включает правильное отношение к миру и мирским благам. Обладающий умеренностью смирен и удовлетворен, не подвержен гневу, тщеславию и отвергает «мирские похоти». В отношении к телесным потребностям умеренность выражает такое господство духа над человеческой природой, при котором тело является послушным орудием духа. **В Исламе** существует принципиальное положение об **умеренности, Васытыя**, и его соблюдение как «золотой середины» в доктрине **ислама**, основывается на143 аяте второй суры Корана «Аль-Бакара», а также на суре «ан-Ниса» (4:171): «Мы сделали вас общиной, придерживающейся середины, чтобы вы свидетельствовали

обо всем человечестве». В этом контексте следует привести слова нашего Пророка: «Остерегайтесь чрезмерности, потому что именно чрезмерность погубила ваших предшественников». Ислам предостерегбает **от излишеств в** любых поступках, в одежде и еде, и даже в поклонении Аллаху.

Принципы умеренности, как и у других народов мира, содержатся в духовной культуре народов России, в том числе и у чеченцев, которые занимают одно из ключевых мест в их этической системе. Умеренность как духовный феномен (г1аьххьа) и важная нравственная норма зародилась у чеченцев еще в глубокой древности, в эпоху матриархата, как порожденная заботливой матерью установка воздержания от крайностей. В этой связи Я.В. Чеснов пишет, что «корни чеченской нравственности восходят от женщины… этика жизни здесь является предпосылкой социальных норм, и эта этика жизни порождена женщиной». [6, с.32].

В содержании умеренности матриархальной эпохи чеченцев, как и у соседей, присутствовали первозданные ценности гуманизма: воздержание, самообладание, самоограничение, самоконтроль, сдержанность, которые не только декларировались, а были вплетены в реальную практическую жизнь рода, что обеспечивало стабильность и комфорт в его существовании. В последующем с развитием высших форм патриархальных отношений, а также с утверждением социально-имущественного расслоения и классовой структуры у наших соседей гуманистические ценности умеренности стали трансформироваться. У господствующего класса постепенно нормы умеренности вытесняются отношениями чрезмерности, а у неимущих в разной степени сохраняются родовые принципы умеренности.

Как известно, в древнюю эпоху (по крайней мере в раннее средневековье) у чеченцев не утвердились сословно-имущественные отношения, классово-иерархическая структура и социальные антагонизмы в развитом виде, как, например, у всех кавказских соседей. Чеченцы в своем историческом развитии пережили такие общественные формации (с соответствующими общностями чеченцев), как первобытнообщинная (род), военно-демократическая (народность), капиталистическая (нация) (короткий период) и социалистическая (нация). Важно уточнить, что в эти далекие времена в Чечне господствовали не древние патриархально-родовые отношения, а сложился своеобразный культурно-исторический тип общества, в известной мере уникальная цивилизация, в которой в силу разных причин не нашли полного развития сословно-иерархические отношения, имущественное неравенство, классовая структура и соответствующее этой структуре государственное устройство. Данное состояние чеченского общества нами обозначено понятием военно-демократическая формация чеченцев [7,32].

В эту древнюю военно-демократическую эпоху в чеченском обществе функционировали единые для всех чеченцев не трансформированные классовыми антагонизмами первозданные нравственные добродетели. Среди

них одно из ключевых мест занимали базовые принципы родовой умеренности, которые в больше мере сохранили свою гуманистическую природу для всего чеченского общества. Они нашли отражение в чеченском культурном коде «Нохчалла» и в кодексе чести чеченцев «Къуонахалла». Принципы родовой умеренности функционировали в этической системе чеченцев и в последующие века, их укреплению способствовали также этические ценности суфизма, которые начали проникать в духовную культуру чеченцев еще в военно-демократическую эпоху.

Известно, что суфизм как религиозно-догматическое и социально-политическое учение возникло на ранних этапах зарождения ислама и представлял собой реакцию на процесс разложения патриархально-родовых устоев жизни (господствует умеренность) и формирования феодально-классовых отношений (утверждается чрезмерность). Суфии являлись стойкими поборниками принципов умеренности и распространяли их на обширных просторах исламской уммы, в том числе и среди чеченцев, где они нашли благодатную идейную почву для процветания. Культура умеренности и основанный на ней образ жизни господствовал у нашего этноса вплоть до второй половины 19 века, когда после Кавказской войны среди чеченцев утверждаются частнособственнические отношения, формируется новый класс национальных капиталистов, у которых родовые ценности умеренности трансформируются в отношения классовой чрезмерности.

Важно отметить, что развитие традиции чрезмерности у чеченцев протекал весьма успешно и оно было обусловлено интенсивным процессом развитием капитализма в особенности торгового капитализма у горных чеченце и промышленного капитализма в городе Грозном. Однако основная масса чеченцев города и аула жила на основе традиционных родовых ценностей умеренности.

Эти ценности получили дальнейшую динамику в социалистическую эпоху, которая пришла на смену капитализму после Октябрьской социалистической революции 1917 году, когда власть капиталистов была низвергнута вместе с господством чрезмерных отношений.

Ценности умеренности и чрезмерности четко отражены в моральных кодексах социализма и капитализма: **Моральный кодекс социализма**: добросовестный труд на благо общества; забота каждого о сохранения и умножения общественного достояния; коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного. непримиримость к карьеризму, тунеядству, несправедливости, стяжательству, нечестности и т.д. На этих базовых моральных идеях социализма, которые были по своей сути близки традиционным родовым идеям чеченцев, развивались их социалистические отношения умеренности. **Моральный кодекс капитализма**: **с**тремление к безудержному потреблению с минимальными затратами своего труда; забота каждого о сохранении и приумножении собственного достояния; личные интересы выше общественных;

индивидуализм и эгоизм-каждый за себя. Эти фундаментальные идеи с неизбежностью обусловливают капиталистические отношения чрезмерности.

Как известно, с крушением советской Державы в нашей стране стали развиваться жесткие порядки дикого капитализма с ее ненасытно-необузданной капиталистической чрезмерностью. В лихие 90-е годы отношения этой чрезмерности стали проникать и к чеченцам, грубо подавляя выросшие на родовой умеренности ее традиционные социалистические ценности умеренности. Отголоски этой чрезмерности порою проявляются в разных сферах жизни современных чеченцев и не только в их материально-финансовой жизни, но и семейно-бытовой и культурно-образовательной сфере, образе жизни и т.д. Былые ценности традиционной родовой этики под грубым давление частнособственнического образа жизни медленно угасают и их место настойчиво занимают отношения чрезмерности богатых.

Как мы все знаем, в мире живут и бедные, и богатые. У бедных тоже присутствует чрезмерность, но чрезмерность бедных, которую они должны своим упорным честным трудом преодолеть и подняться на уровень разумной умеренности. Чрезмерность богатых является другой крайностью. Конечно, стремление к успеху в предпринимательской деятельности, где честным путем накапливаются богатства, достойно всяческого одобрения, но эти богатства не должны быть самоцелью, не должны служить основой для развития собственного высокомерия, эгоизма чванливости, и тем более не должны использоваться во вред обществу и человеку. Если судьба привела человека к богатству, то он должен своими благими делами во имя своего общества и народа спускаться от пагубной алчной чрезмерности к разумной и богоугодной традиционной умеренности, которая обеспечит ему успех в дальнейшем повышении своего благосостояния.

В контексте всего вышесказанного необходимо подчеркнуть, что переход современного человечества на принципы разумной, цивилизационной умеренности представляется утопической идеей, несбыточной мечтой: богатые не захотят опускаться до разумной умеренности, бедные не смогут дотянутся до этого уровня. Однако реалии современной жизни неумолимо выдвигают новый категорический императив: все человечество, чтобы достичь и счастье, и покой, должно строить свою жизнь на принципах рациональной умеренности, или оно далее на установках культуры чрезмерности существовать не сможет.

Выводы: 1. Современное человечество ныне находится в состоянии геополитической турбулентности главным образом по вине предельно циничных обитателей западного «цветущего сада», которые, не подчиняясь ни вере, ни разуму, ни своим биологическим инстинктам, стремительно ведут человечество к вселенской катастрофе, увлекая за собой все живое на Земле. 2. В этих условиях здравомыслящая часть землян пытается использовать моральный потенциал здоровых сил всех народов, мобилизуя

в их нравственный культуре эффективно противостоящие вселенскому злу наиболее жизнеутверждающие ценности, к которым, в частности, относится прописанная в священных писаниях умеренность.

3. Принципы умеренности показали свой нравственно-гуманистический потенциал в родовую эпоху, потеря которой в последующие классовые времена привело к алчной чрезмерности, породившая немыслимые пороки и злодеяния. Необходимо современным народам преодолеть ныне господствующие элитарные, деструктивные отношения чрезмерности и утвердить созидательные эгалитарные ценности разумной, цивилизационной умеренности, придерживаясь при этом веками апробированной универсальной истины: и тот достигает и счастье, и покой, кто держится средины золотой.

Список литературы

1. Гадаев В.Ю. Молодое поколение Чеченской Республики: проблемы духовного развития. – Грозный, 2013. – 356 с.

2. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. [Электронный ресурс]: Режим доступа: garant.ru› Прайм› Документы ленты ПРАЙМ (Дата обращения: 09.10.2025

3. Гадаев В.Ю. Чеченская традиционная культура и этика: учебное пособие. - Махачкала: АЛЕФ, 2020. - 516 с.

4. Акаев В.Х. Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры. Монография. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2020. – 523 с.; Бетильмерзаева М.М. Ментальность в контексте культуры (философско-культурологический анализ). Монография. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ЮФУ, 2011. –250 с.; Нанаева Б.Б. Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. Монография. – Москва, Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2012. – 329 с.; Гадаев В.Ю., Гадаев Р.В Молодежь в поисках смысла жизни. – Грозный, Махачкала: АЛЕФ, 2017. – 488 с.

5. Умеренность (карта Таро) – Рувики... [Электронный ресурс]: Режим доступа: ru.ruwiki.ru›wiki/Умеренность_(карта_Таро)

6. Чеснов Я.В. Родовое тело в этногонии чеченцев//Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. – Шатой: 1991. – 120 с.

7. Гадаев В.Ю. Некоторые особенности социокультурной эволюции чеченского этноса. Грозный: 2021. –43с.

УДК 316.4

ВЕДЕНИЕ РОДОСЛОВНОЙ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Гаранина Руслана Руслановна,
Штец Татьяна Павловна,
Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Севастополь, Россия
e-mail: ruslanakibalnik@gmail.com
e-mail: taincha@list.ru

Аннотация. В условиях глобализации и ускорения социальных изменений всё острее встаёт вопрос о сохранении традиционных ценностей, передаче моральных, культурных и семейных норм из поколения в поколение. Одним из важнейших инструментов поддержания этих ценностей становится введение родословной – осознанное изучение и закрепление семейной истории. В статье представлены практические аспекты ведения родословной и инструкция по созданию генеалогического древа и поиска родственников.

Ключевые слова: Генеалогическое древо, традиционные ценности, семья.

INTRODUCTION OF GENEALOGY AS A FACTOR IN PRESERVING TRADITIONAL VALUES

Garanina Ruslana Ruslanovna,
Shtets Tatiana Pavlovna
Institute of Economics and Law (branch) of the Academy of Labour and Social Relations, Sevastopol, Russia
e-mail: ruslanakibalnik@gmail.com
e-mail taincha@list.ru

Abstract. In the context of globalization and the accelerating pace of social change, the issue of preserving traditional values–transmitting moral, cultural, and family norms from one generation to the next–is becoming increasingly urgent. One of the most important tools for upholding these values is the introduction of genealogy: the conscious study and consolidation of family history. This article presents the practical aspects of introducing genealogy, as well as instructions for creating a family tree and tracing relatives.

Keywords: Family tree, traditional values, family.

Введение. Современное общество сталкивается с феноменом культурной амнезии – утраты памяти о прошлом, снижением интереса к семейной истории, ослаблением межпоколенных связей. В таких условиях **актуализируется** практика составления и изучения родословной, которая выступает не только как историко-генеалогическая деятельность, но и как социокультурный механизм, способствующий укреплению идентичности, формированию интереса и уважения к старшему поколению, и как социально-воспитательный инструмент, обеспечивающий взаимосвязь ведения родословной с привитием таких ценностей, как уважение к истории своего народа и родному языку, сохранение преемственности между поколениями, сохранение традиционной семьи, а через семью – патриотизм и духовность.

Родословная как носитель традиционных ценностей

Традиционные ценности – это устойчивые, исторически сложившиеся нормы, регулирующие поведение индивида в обществе и семье [5]. К ним относятся: уважение к старшим, ответственность за семью, трудолюбие, верность, патриотизм, религиозность, бережное отношение к наследию.

Таким образом, родословная становится «живым архивом» традиционных ценностей, позволяя личности осознать свою принадлежность (идентичность) к определённому социальному, культурному и нравственному контексту.

Родословная способствует сохранению этих ценностей через:

- Формирование идентичности. Знание своих корней помогает человеку ответить на вопрос: «Кто я?». Осознание преемственности поколений укрепляет внутреннюю устойчивость и снижает риск дезориентации в быстро меняющемся мире.
- Укрепление семейных связей. Совместное изучение родословной становится семейным ритуалом, способствующим диалогу между поколениями. Старшее поколение передаёт жизненные истории, уроки, моральные установки.
- Сохранение культурного наследия. Через семейные предания, фотографии, документы, реликвии передаются язык, обычаи, обряды, ремёсла – всё то, что составляет нематериальное культурное наследие.
- Моральное воспитание. Истории о подвигах предков, их трудностях и преодолении, честности и преданности служат примерами для подражания, формируя у молодёжи чувство долга и ответственности.

Практические аспекты введения родословной

Внедрение изучения родословной может происходить на разных уровнях:

В семье. Родители могут начать с простого: составить схему семьи, собрать фотографии, записать воспоминания бабушек и дедушек. Это может стать традиционным семейным проектом и общим делом, которое укрепит семью.

В образовании. Школьные и университетские программы могут включать курсы по генеалогии, проекты «Моя семья в истории страны», что способствует не только изучению истории, но и развитию нравственных качеств, а главное – будет способствовать духовной безопасности в контексте современных социальных и информационных угроз, связанных с потерей исторической памяти.

В обществе. Государственные и общественные инициативы (например, создание цифровых архивов, фестивали семейных историй, поддержка музеев семейной истории) играют важную роль в популяризации этого направления.

Работа над родословной собственной семьи, изучение опыта других исследователей привела к созданию **Инструкции** по составлению **генеалогического древа и поиска родственников.**

Создание генеалогического древа – это увлекательный процесс, который помогает не только узнать свою историю, но и укрепить связь с семьёй. Ниже представлена пошаговая инструкция, как начать эту работу, а также надёжные источники для поиска информации о родственниках.

Шаг 1: Соберите информацию в семье. Начните с самого близкого – с себя и своих близких.

Запишите:

- Полные имена, отчества и фамилии всех родственников (в том числе девичьи фамилии женщин).
- Даты и места рождения, брака, смерти.
- Профессии, воинские звания, награды.
- Места проживания.
- Интересные жизненные истории, легенды семьи.
- С кого начать? Лучше всего – с себя, затем родители, бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки.
- Как собирать? Поговорите с пожилыми членами семьи. Записывайте разговоры (с разрешения), делайте фотодокументов, сканируйте старые письма и фотографии.

Совет: Проведите «семейный вечер памяти» – пригласите родственников, покажите старые фото, включите аудиозапись, если таковые имеются. Это будет ценно для всех.

Шаг 2: Организуйте информацию

Выберите формат древа:

Классическое древо (древовидная схема): от одного человека – ветви к детям, внукам и т.д.

Вертикальная схема построения древа, где каждый человек – строка, а связи – стрелки.

Круговое древо: удобно для визуализации большого количества поколений.

Инструменты для создания древа:

Бесплатные онлайн-сервисы:

MyHertage– позволяет строить древо, искать родственников, загружать документы.

Ancestry – мощная база архивов (частично платная), хорошая визуализация.

Geni– социальная сеть родословий, где можно найти других исследователей своей фамилии.

Для удобства создайте таблицу в Excel или GoogleSheets, или нарисуйте схему в графическом редакторе.

Шаг 3: Ищите документы и архивы

Когда семейные свидетельства закончатся, переходите к архивам.

Государственные и церковные архивы:

1.Государственный архив (в вашем регионе):

Хранит метрические книги, паспортные данные, воинские учеты, переписи населения.

В Севастополе: Государственный архив города Севастополя – можно запросить документы по фамилии, дате, месту рождения.

2.Церковные метрические книги:

До 1917 года рождение, брак и смерть регистрировались в церкви.

Они доступны в:

Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)

Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦГА Москвы)

На сайтах: Pame.at (австрийские архивы), ArkhivX – поисковик по российским архивам.

Переписи населения могут дать вам дополнительную информацию:

Перепись 1897, 1926, 1939 – содержат сведения о составе семьи, профессии, месте жительства. Доступны на Сайте переписи населения

Шаг 4: Используйте онлайн-базы и сообщества

PamyatNaroda (Минобороны РФ) – найдите родственников, участвовавших в Великой Отечественной войне. Там есть данные о призыве, боях, наградах, захоронениях.

Подвиг Народа – база награждённых, медалей, орденов.

Виртуальный мемориал жертв Холокоста (YadVashem) – если ваши предки проживали на территории Украины, Беларуси, Прибалтики.

[Форумы и группы в соцсетях:

В Контакте: группы типа «Генеалогия», «Родословие», «Поиск родственников по фамилии [ваша фамилия]».

Facebook: группы по генеалогии (например, «RussianGenealogy»).

Wikitree– бесплатная коллаборативная база, где пользователи вместе строят общее древо человечества.

Шаг 5: Проверяйте и систематизируйте найденную информацию.

Не доверяйте всему на 100%. Иногда в документах ошибки: опечатки, неправильные даты, путаница в фамилиях.

Сравнивайте источники. Если дата рождения в одном архиве отличается от другой – ищите третий документ.

Отмечайте источник для каждого факта (например: «дата рождения – по метрике, 1912 г., церковь с. Петровка»).

Обновляйте древо. По мере нахождения новых данных – вносите правки.

Шаг 6: Поделитесь с родными и сохраните данные

Напечатайте древо и подарите родственникам.

Запишите аудио- или видеорассказ о своей семье.

Опубликуйте часть древа в открытых базах (например, на MyHeritage) – возможно, кто-то из дальних родственников вас найдёт.

Сохраните копии на флешке, в облаке (Яндекс.Диск, GoogleDrive) – на случай утраты.

Важные советы:

Начинайте сейчас. Чем дольше ждёте – тем больше информации может быть утеряно.

Будьте терпеливы. Поиск может занять месяцы и годы – это нормально.

Уважайте частную жизнь. Не публикуйте данные живущих родственников без их согласия.

Фокусируйтесь на одной ветви. Не пытайтесь изучить всю семью сразу – выберите одну фамилию и двигайтесь по ней.

Из личного опыта создания родословной Гараниной Русланы Руслановны. Применяя представленные в статье шаги и инструменты, удалось создать собственное генеалогическое древо и разыскать родственников, дойдя до 1836 года. Это начало рода по отцу. Мой предок – донской казак. Число найденных родственников по отцу – 108 человек. Древо по линии матери составляет 60 человек.

Создание родословной – это не просто исследование прошлого. Это акт уважения к предкам, способ сохранить традиции и передать их следующим поколениям. Каждое имя в нашем древе – это часть нашей силы, истории и идентичности. Удачи в поиске!

Заключение

Таким образом, ведение родословной – это не просто увлечение архивами и документами. Это стратегический ресурс для сохранения традиционных ценностей в современном мире. Через осознание своей истории человек укрепляет связь с семьёй, народом и культурой, что является залогом устойчивости личности и общества в целом. В условиях, когда внешние влияния стремятся стереть индивидуальность человека, его идентичность, его историческую память, знание своих корней становится актом сопротивления подобным тенденциям.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в части сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей).

2. Альбомова, М. В. Семейная память как фактор формирования традиционных ценностей у подростков // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2018. – № 3. – С. 45–58.

3. Белов, А. И. Генеалогия и национальная идентичность: историко-социологический аспект. – М.: Издательство РУДН, 2020. – 215 с.

4. Иванова, Е. С. Родословная как воспитательный ресурс в современной школе // Педагогика. – 2019. – № 7. – С. 33–40.

5. Козлова, Н. А. Традиционные ценности российской семьи: угрозы и возможности сохранения // Социологические исследования. – 2021. – № 5. – С. 12–21.

УДК 159.922.4

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ И ТРАНСЛЯЦИИ ТРАДИЦИЙ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ЧЕЧЕНЦЕВ

Гелогаева Мадина Жалаудиновна,
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный, Россия, e-mail: madigello@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей формирования и трансформации этнорелигиозной идентичности чеченцев в цифровую эпоху. Цель исследования – выявить, каким образом социальные сети выступают медиатором между традиционной чеченской культурой, исламской религиозностью и современными практиками цифровой самопрезентации. В теоретическую основу работы положена концепция «цифровой религии» Хайди Кэмпбелл. Используя сравнительно-аналитический и интерпретативный методы, мы рассматриваем, как в виртуальной среде происходит трансляция этнокультурных ценностей, репрезентация религиозных норм и формирование новых форм общинной коммуникации.

В статье показано, как интернет-пространство выполняет двойственную функцию – сохранение этнокультурных кодов и религиозных традиций и одновременное создание условий для их адаптации и переосмысления. Цифровые платформы становятся не только средством коммуникации, но и ареной для дискурсивного конструирования представлений о чеченской идентичности, границах допустимого поведения и коллективной памяти. Сделан вывод, что этнорелигиозная идентичность чеченцев в цифровую

эпоху приобретает гибридный характер, сочетая традиционные формы исламской духовности и национальных ценностей с элементами глобальной медиакультуры.

Ключевые слова: этнорелигиозная идентичность, чеченцы, цифровая религия, социальные сети, диаспора, культурная память, самопрезентация, глобализация.

SOCIAL MEDIA AS A TOOL FOR CULTURAL SELF-PRESENTATION AND THE TRANSMISSION OF TRADITIONS AMONG CONTEMPORARY CHECHENS

Gelogaeva Madina Zhalaudinovna,
Chechen State Pedagogical University
Grozny, Russia, e-mail: madigello@gmail.com

Abstract. The article examines the processes of formation and transformation of ethnoreligious identity among Chechens in the digital age. The aim of the study is to identify how social media function as a mediator between traditional Chechen culture, Islamic religiosity, and contemporary practices of digital self-presentation. The theoretical framework of the study is based on Heidi Campbell's concept of "digital religion." Using comparative-analytical and interpretative methods, the article explores how ethnocultural values are transmitted, religious norms are represented, and new forms of communal communication are shaped in virtual environments.

The study demonstrates that online space performs a dual function: it preserves ethnocultural codes and religious traditions while also creating conditions for their adaptation and reinterpretation. Digital platforms function not only as communication tools but also as arenas for the discursive construction of Chechen identity, boundaries of acceptable behavior, and collective memory. It is concluded that ethnoreligious identity among Chechens in the digital era acquires a hybrid character, combining traditional forms of Islamic spirituality and national values with elements of global media culture.

Keywords: ethnoreligious identity, Chechens, digital religion, social media, diaspora, cultural memory, self-presentation, globalization.

В условиях глобализации и цифровизации проблема сохранения этнокультурных и религиозных основ национальной идентичности приобретает особую значимость. Современные социальные сети становятся пространством, где этнические и религиозные сообщества не только поддерживают коммуникацию, но и формируют новые формы самопрезентации, основанные на традиционных ценностях. В этом контексте обращение к феномену этнорелигиозной идентичности представляется особенно актуальным.

Понятие «этнорелигиозная идентичность» отражает взаимосвязь этнической и религиозной принадлежности, их слияние в структуре личного и коллективного самосознания. По мнению Э. Эриксона, идентичность представляет собой чувство принадлежности к группе, определяющее поведение и социальное позиционирование личности [8]. А. Смит, в свою очередь, подчёркивает, что религия нередко становится центральным элементом этнической идентичности, придавая ей мировоззренческую и символическую устойчивость [5]. То же в своих трудах рассматривает и Н. Р. Хачатурян, говоря, что этническая идентичность, как форма этнического самосознания, наполнена религиозным содержанием и духовными смыслами [7]. В зарубежных исследованиях отмечается, что границы между этнической и религиозной идентичностями нередко сливаются, образуя интегративную категорию, в которой этническое и сакральное начала взаимно определяют друг друга.

По определению Т. Г. Стефаненко, этнорелигиозная идентичность представляет собой осознание и принятие индивидом своей этнической и религиозной принадлежности, а также системы ценностей, традиций и норм, вытекающих из них.

Таким образом, понятие этнорелигиозной идентичности является междисциплинарным и используется в социологии, психологии и культурной антропологии для обозначения совокупности этнических и религиозных характеристик, определяющих принадлежность личности к определённой общности. Мы можем определить этнорелигиозную идентичность как комплекс культурных, символических и духовных характеристик, обеспечивающих устойчивое чувство принадлежности к этносу и конфессии одновременно. Она выступает важным ресурсом сохранения культурной памяти, механизмом социальной консолидации и инструментом межпоколенческой трансляции традиций. В цифровую эпоху этот феномен приобретает новые формы проявления – через визуальные образы, языковые маркеры, религиозные практики и культурные нарративы, транслируемые в онлайн-пространстве, что требует особого научного анализа.

Исследователи отмечают, что религиозная составляющая этнической идентичности в обществах с сильной религиозной традицией становится важным элементом самосознания и поведения личности [Ylva Svensson, 2017]. Таким образом, религия не только выполняет мировоззренческую функцию, но и становится фактором социальной интеграции и психологической устойчивости, особенно в сообществах, где вера формирует основу культурных и моральных норм [John W. Berry, 2005].

В исламском контексте этнорелигиозная идентичность имеет особое значение, поскольку ислам не только выступает как религиозная система, но

и задаёт определённый образ жизни, культурные и социальные нормы, регулирующие все сферы бытия (Haque, 2004; Awaad et al., 2019).

Появление интернета радикально изменило формы взаимодействия религиозных сообществ и привело к трансформации способов передачи веры, расширив границы религиозного опыта. Исследования цифровой религии, начатые Хайди Кэмпбелл [Heidi Campbell, 2013], обозначили переход от изучения религии как института к анализу религиозных практик в сетевых медиа-средах. В рамках её концепции интернет рассматривается не просто как технологическая платформа, а как социальное пространство, в котором религиозные группы переосмысливают свою идентичность и выстраивают новые формы символической коммуникации.

Кэмпбелл выделяет ключевое понятие «цифровая религия» (*digital religion*), под которым понимается совокупность религиозных практик, происходящих в новых медиа, а также способов, с помощью которых традиционные вероучения адаптируются к сетевым форматам. Таким образом, интернет становится не только инструментом трансляции веры, но и пространством, где религиозные акторы создают, редактируют и дискурсивно закрепляют своё понимание сакрального. Как подчёркивает Кэмпбелл, процесс «оцифровки веры» неизбежно связан с вопросом идентичности: религиозная принадлежность проявляется через символические маркеры – язык, визуальные образы, цитаты из священных текстов, а также через способы ведения профилей в социальных сетях.

Исторически переход от традиционных форм религиозной коммуникации к сетевым объясняется изменением медиасреды. Ещё в период печатных изданий религия использовала технологии для распространения догматов и ритуальных практик, однако цифровая эпоха вывела этот процесс на новый уровень, сделав возможным формирование виртуальных религиозных сообществ. По Кэмпбелл, такие сообщества обладают собственными нормами, ритуалами и кодексами поведения, что делает их аналогом «цифровых приходов» или «сетевых умм», ключевым моментом становится слияние офлайн- и онлайн-религиозности.

Кэмпбелл отмечает, что граница между «виртуальной» и «реальной» религией постепенно стирается: верующие используют цифровые платформы не в качестве замены религиозной практики, а для её расширения – организации молитв, обмена информацией, обсуждения моральных вопросов и идентификационных тем. Таким образом, цифровая религия представляет собой гибридное пространство, где религиозная традиция взаимодействует с технологической культурой.

Для народов с глубоко укоренённой этнорелигиозной идентичностью, например, чеченцев эти процессы приобретают особое значение, где социальные сети и мессенджеры стали инструментом не только религиозного выражения, но и воспроизводства культурной памяти,

национальных ценностей и норм поведения. Если в традиционном обществе религиозная идентичность закреплялась через институты семьи, общины и мечети, то в цифровую эпоху она всё чаще формируется в сетевых сообществах, где культурный и религиозный дискурс переплетаются, и подобное расширение коммуникации позволяет сохранять и транслировать этнические и религиозные коды за пределами территории проживания народа, особенно в диаспорных условиях.

Кэмпбелл подчёркивает, что анализ религии в интернете требует переосмысления самого понятия сакрального: оно больше не ограничено физическим пространством культовых сооружений, и может проявляться в цифровых формах – от видеопроповедей до символической визуальности профилей. Интернет, по её словам, стал «средой медиации между традицией и современностью», где религия не теряет своего содержания, но меняет способы присутствия.

Таким образом, историческое развитие концепции цифровой религии демонстрирует переход от пассивного восприятия технологий как внешнего инструмента к пониманию их в качестве неотъемлемой части религиозной жизни. Для исследования этнорелигиозной идентичности чеченцев этот подход позволяет рассматривать социальные сети не только как площадку коммуникации, но и как культурно-символическое пространство, в котором происходит реконфигурация представлений о вере, традиции и принадлежности. Для чеченского сообщества, народа с сильной религиозной и культурной самобытностью, цифровое пространство становится одновременно вызовом и ресурсом: оно позволяет поддерживать этнорелигиозную идентичность в условиях миграции, но также инициирует процессы её трансформации.

По данным исследование Марата Ильясова («To Be or Not to Be a Chechen? The Second Generation of Chechens in Europe and Their Choices of Identity», 2020) в Европе проживает более 200 тысяч чеченцев, большая часть которых представляет собой второе поколение мигрантов, формирующее свою идентичность на пересечении культурных кодов. Эти молодые люди оказались в ситуации, когда традиционные формы социализации частично заменяются цифровыми пространствами, и профили в социальных сетях диаспоры стали виртуальными аналогами этнической среды. При этом интернет не только воспроизводит «традиционную» чеченскую идентичность, но и становится ареной её публичного обсуждения и даже конфликта интерпретаций.

Так, по наблюдениям, в чеченском сегменте социальных сетей регулярно появляются дискуссии вокруг случаев «отклонения» от культурных и религиозных норм. Популярность приобретают видеоролики, в которых обсуждаются «нечеченское поведение» или отступление от исламских традиций. Данные обсуждения нередко вызывают бурные

реакции, демонстрируя, что онлайн-пространство выступает механизмом коллективного контроля за границей этнорелигиозной идентичности. Таким образом, интернет становится не только средством коммуникации, но и инструментом нормативного воспроизводства – символической площадкой, где чеченцы в диаспоре договариваются о том, «кто мы» и «что значит быть чеченцем».

Однако, как показывает практика, процесс этот неоднозначен, т.к для части второго поколения цифровая среда становится пространством ассимиляции, где так же молодёжь использует социальные сети для интеграции в европейские культурные практики, минимизируя этнические маркёры в публичных профилях. Для других, напротив – интернет оказывается способом реставрации идентичности: они создают страницы о чеченской культуре, публикуют религиозные тексты, рассказывают о традиционных нормах поведения. Данные онлайн-практики можно рассматривать как виртуальное продолжение общинных и родовых связей, где символический контроль и поддержка осуществляются через лайки, комментарии и репосты.

Иначе говоря, цифровое пространство выполняет двойную функцию: оно способствует диффузии традиций, но и пересборке культурных кодов в новых форматах. В рамках концепции Кэмпбелл (2013) можно утверждать, что чеченцы формируют «гибридную религиозную идентичность», в которой исламская принадлежность и этническое самосознание сочетаются с глобальной цифровой культурой. Интернет становится площадкой для выражения коллективной памяти и эмоциональной связи с родиной, при этом допуская элементы креативной адаптации – новые формы эстетики, юмора, визуального самовыражения, не противоречащие базовым культурным нормам.

Этнорелигиозная идентичность чеченцев в цифровом пространстве так же приобретает рефлексивный характер – она осмысливается, обсуждается и контролируется в сетевых сообществах. Онлайн-дискуссии вокруг поведения представителей диаспоры выполняют функцию поддержания культурных границ, аналогичную традиционным институтам старейшин, в то же время разрушая иерархическую структуру передачи традиции: молодёжь получает возможность не только воспринимать, но и переосмысливать нормы, создавая собственные версии идентичности.

Показательно, что, успешная передача этнической идентичности во многом зависит от степени включённости семьи в цифровую коммуникацию. Там, где родители активно поддерживают связь с другими чеченскими семьями через интернет, создают «домашние медиапространства, идентичность сохраняется устойчивее. В противоположных случаях цифровая среда становится фактором ассимиляции: язык, нормы поведения

и религиозные практики уступают место универсальным моделям глобальной культуры.

Таким образом, цифровая эпоха перевела этнорелигиозную идентичность чеченцев в новую плоскость сетевой коммуникации и символического взаимодействия, где традиционные категории «свой/чужой», «верный/отступник» приобретают визуальную и дискурсивную форму.

Опираясь на концепцию «цифровой религии» Хайди Кэмпбелл (2013), можно утверждать, что религиозная жизнь в XXI веке всё чаще выходит за пределы храмов, мечетей и общинных домов, перемещаясь в онлайн-среду, формируя новые типы общности, при которых коммуникация строится вокруг символов веры, языка и культурной памяти. Социальные сети становятся площадкой для «оцифровки традиции», где коллективное прошлое переплетается с современными медийными формами – видеороликами, постами, мемами, визуальными нарративами. Таким образом, цифровая среда превращается в особый тип сакрального пространства, где традиционные образы и ценности обретают новую жизнь в контексте сетевой коммуникации.

В контексте чеченской этнорелигиозной идентичности эта трансформация имеет двойственную природу. С одной стороны, интернет служит инструментом сохранения культурной памяти и поддержания межпоколенческой связи в условиях миграции. Социальные сети позволяют членам диаспоры воспроизводить религиозные обряды, делиться историями, транслировать язык и традиции, что особенно важно для второй генерации чеченцев, выросших вне родины. С другой стороны, цифровое пространство становится ареной для столкновения ценностей – между традиционным коллективизмом, базирующимся на принципах тейповой солидарности, исламской морали и индивидуалистическими моделями поведения, характерными для западной культурной среды.

Таким образом, можно говорить о формировании гибридной формы этнорелигиозной идентичности, сочетающей элементы традиционной чеченской культуры с практиками цифрового самовыражения. Эта идентичность динамична, многослойна и контекстуальна, проявляющаяся не только через следование религиозным нормам, но и через визуальные коды – через язык публикаций, выбор символов, обращение к национальным нарративам. Интернет позволяет чеченцам, особенно живущим в диаспоре, оставаться участниками общей культурной памяти, не теряя при этом индивидуальной автономии. В этом смысле цифровая среда становится новым типом «социальной территории», компенсирующей физическую удалённость от родины и создающей условия для поддержания коллективной принадлежности в виртуальной форме.

Однако цифровизация несёт и риски – фрагментацию идентичности, поверхностное восприятие культурных смыслов, формирование имиджевой «чеченскости», не подкреплённой глубоким знанием языка и традиции. Многие представители молодого поколения воспринимают этническую принадлежность как элемент символического капитала или инструмент сетевой репрезентации, лишённый духовного содержания. Тем не менее, даже в этих случаях цифровая идентичность остаётся важным механизмом связи с культурными корнями, пусть и в ослабленном виде.

В целом, анализ показывает, что интернет-среда становится своеобразным зеркалом внутренней динамики чеченского общества: в ней отражаются процессы адаптации, конфликта поколений, трансформации гендерных и религиозных ролей. Цифровые коммуникации не отменяют традиционные формы этнорелигиозной идентичности, а дополняют их, создавая многослойное пространство смыслов, где прошлое и настоящее, локальное и глобальное сосуществуют.

Для дальнейших исследований представляется перспективным изучение того, как именно в цифровой среде реконструируются этнорелигиозные нарративы – через визуальный контент, символику, дискурсы морали и коллективной памяти. Особый интерес представляет анализ сетевой активности чеченской молодёжи, в том числе блогеров, религиозных лидеров и активистов, которые формируют новые модели идентичности, совмещающие исламскую этику и современную медиакультуру. Также необходим сравнительный анализ цифровых стратегий сохранения идентичности среди других мусульманских народов Кавказа и Ближнего Востока, чтобы выявить общие закономерности и локальные особенности цифровой этнорелигиозности.

В заключение следует отметить, что цифровое пространство, вопреки распространённым опасениям, не ведёт к утрате этнорелигиозных идентичностей. Напротив, оно создаёт условия для их гибкой адаптации и публичного осмысления. Виртуальные сообщества чеченцев демонстрируют, что в XXI веке традиция способна не исчезать, а трансформироваться, находя новые формы выражения в глобальной сети. Цифровая среда становится не только полем культурных вызовов, но и пространством сохранения, обновления и творческого переосмысления этнорелигиозной идентичности народа, который, несмотря на испытания и рассеяние по миру, продолжает сохранять внутреннее чувство единства, основанное на вере, языке и коллективной памяти.

Список литературы

1. Дадаев Ю. К. Религия и традиция в структурах чеченского общества // Исламоведение. – 2015. – Т. 6, № 2. – С. 47–56.

2. Ильясов М. Чеченцы во второй диаспоре: идентичность, традиции и социальные практики мигрантов второго поколения в Европе // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2020. – Т. 46, № 11. – С. 2292–2308. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1584994.

3. Кэмпбелл Х. Цифровая религия: понимание религиозной практики в мире новых медиа. – Гл. 1 / Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds. – Л.: Routledge, 2013. – 314 p.

4. Мусаева Х. М. Трансформация культурных норм чеченцев в условиях миграции // Вестник Чеченского государственного университета. – 2020. – № 3. – С. 112–118.

5. Смит Э. Национальная идентичность. – М.: РГГУ, 2004. – 256 с.

6. Сулейманов А. С. Национальная идентичность в условиях глобализации: кавказский контекст // Социально-гуманитарные исследования. – 2018. – № 2. – С. 45–52.

7. Хачатурян Н. Р. Этнорелигиозная идентичность и её структура // Вестник психологии и социологии. – 2017. – № 4. – С. 15–22.

8. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

9. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London: Verso, 1991. – 240 p.

10. Campbell H. Digital Religion: A Historical Overview // Campbell H. (ed.). Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds. – London; New York: Routledge, 2013. – P. 1–21.

11. Campbell H. Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds. – London; New York: Routledge, 2013. – 314 p.

12. Castells M. The Power of Identity. – Oxford: Blackwell, 2004. – 571 p.

13. Helland C. Online Religion as Lived Religion: Methodological Issues in the Study of Religion on the Internet // Online – Heidelberg Journal of Religions on the Internet. – 2005. – Vol. 1. – P. 1–16.

14. Hutchings T., McKenzie J. (eds.). Digital Humanities and Religion. – Berlin: De Gruyter, 2017. – 230 p.

15. Sellitto M. Diaspora, Identity, and the Internet: A Study of Transnational Digital Communities // Journal of Media and Religion. – 2019. – Vol. 18, No. 2. – P. 89–105.

УДК 297.1

ОСНОВНЫЕ РИСКИ ДЕСТРУКТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В МУСУЛЬМАНСКИХ РЕГИОНАХ МИРА

Гусенова Джамиля Адамкадиевна,
Дагестанский государственный университет
г. Махачкала, Россия
e-mail: gusenowa03111978@yandex.ru

Аннотация. В статье даётся анализ ключевых рисков и деструктивных социальных проявлений, связанных с развитием туристической индустрии в мусульманских регионах мира. Исследуются существующие противоречия между модернизационными процессами, стимулируемыми туризмом, и консервативной реакцией местных сообществ, стремящихся сохранить традиционные религиозные и культурные устои. Это противоречие рассматривается через призму концепции интегризма – движения, отвергающего адаптацию религии к новым социокультурным условиям. Делается вывод о том, что туризм в традиционных обществах является не только экономическим фактором, но и потенциальным источником внутренних политических противоречий.

Ключевые слова: туризм, мусульманские регионы, риски, интегризм, модернизация, традиционализм, социальная напряженность, внутренняя политика.

MAIN RISKS OF DESTRUCTIVE MANIFESTATIONS OF TOURISM DEVELOPMENT IN MUSLIM REGIONS OF THE WORLD

Gusenova Dzhamilia Adamkadievna,
Dagestan State University
Makhachkala, Russia
e-mail: gusenowa03111978@yandex.ru

Abstract. The article provides an analysis of the key risks and destructive social manifestations associated with the development of the tourism industry in Muslim regions of the world. It examines the existing contradictions between modernization processes, stimulated by tourism, and the conservative reaction of local communities striving to preserve traditional religious and cultural foundations. This contradiction is viewed through the lens of the concept of integrism–a movement that rejects the adaptation of religion to new socio-cultural conditions. The conclusion is drawn that tourism in traditional societies is not only an economic factor but also a potential source of internal political contradictions.

Keywords: tourism, Muslim regions, risks, integrism, modernization, traditionalism, social tension, domestic policy.

В современном быстро развивающемся обществе необходимость осмысления деструктивных социальных проявлений в контексте развития туризма в мусульманских регионах мира вызвана устойчивостью возникновения данных процессов (деструктивных) среди этих государств. Устойчивая актуализация внутри мусульманских государств, развивающих у себя туризм двух противоположных социальных движений: модернизационного и консервативного толка, имеют историческую аналогию в лице полемического дискурса, развернувшегося в католицизме, и получившем название интегризма/интегрализма.

Интегризм/интегрализм выступает противником модернизационных процессов. Головушкин Д. А. определяет интегризм как «религиозное движение, стремящееся сохранить религию и религиозные институты в изначальной чистоте и отвергающее возможность их приспособления к новым социокультурным условиям» [3, с. 125]. Автор считает, что его возникновение в католицизме связано с неприятием частью паствы политических и культурных изменений, последовавших вслед за эпохой Просвещения и Французской буржуазной революции 1870 г. Шепард У. видит в этом продолжение характерного для большинства религий дискурса о возврате к «истокам», «основам», который возникает на определённом витке развития [7, с. 366-367].

Либеральные тенденции в туризме, способствующие актуализации консервативных взглядов в принимающем обществе связаны с общими глобализационными процессами в области туризма: упрощением визового режима, увеличением доли самостоятельных и инклюзивных путешествий, ускоренным ростом вовлечения аутентичных, в том числе религиозных, сакральных, пространств в мировые туристические кластеры. Все эти процессы, движимые в сторону большей свободы перемещения, инклюзивности и открытости миру, создают ситуацию более динамичного «вторжения» в аутентичное пространство элементов инокультурной среды, привнося с точки зрения принимающей стороны хаос в существующий социальный порядок.

Применительно к нашему предмету исследования интегризм рассматривается как социальный процесс в мусульманских регионах мира, развивающих у себя туризм, когда, с одной стороны, наблюдается активность социальных групп, придерживающихся позиций либерализма, модернизма, являются сторонниками развития туризма в регионе. а с другой, так называемые традиционалисты, консерваторы, а также экстремистские группировки, выступающие в авангарде противников неизбежных с развитием этого сегмента экономики, социальных трансформаций либеральной направленности. Данный феномен требует глубокого анализа со сторон широкого круга специалистов, а также учёта во внутренней политике России в вопросах регулирования туристической отрасли экономики и обеспечения национальной безопасности страны.

В проанализированных нами мусульманских государствах развитие туристического сектора экономики, поддерживаемое прогрессивными модернистскими силами на определённом этапе, начинает сдерживаться возникшими в противовес первым консервативно настроенными группами. В такой ситуации туризм становится фактором внутриполитических противоречий. Сопровождающая процесс развития туризма либерализация приводит к усилению консервативных настроений. В пример можно привести ряд мусульманских государств. Так, например, в Египте ещё до «Арабской весны» (2011-2013 гг.) наблюдался рост развития туристического сектора: с 2006 по 2010 годы доля которого в экономике страны составляла 25 %. Тем не менее, в ходе уличных протестов на выборах и во время пребывания у власти ассоциации «Братьев мусульман» популистские антитуристские риторики (например, наведение «порядка» в сфере туризма, запрет алкоголя и ужесточение правил поведения иностранцев) со стороны экстремистских организаций нашли широкую социальную поддержку. При этом, наиболее всестороннюю поддержку исламистские движения получили во время выборов именно в районах Луксора и Красного моря, что явилось по мнению Р. Ибрагима следствием ««чувства вины» за такие вещи, как алкоголь» [6]. Аналогичная ситуация складывалась и в Иордании.

Проблемы лежат не только в плоскости идеологических, но и социально-экономических разногласий, а именно перераспределения доходов, полученных от туризма. Эти разногласия порождаются, возникающим в контексте этой проблемы, конфликтом интересов между, с одной стороны, частными предпринимателями, вовлечёнными в туриндустрию и иностранными компаниями, которым принадлежат наиболее прибыльные активы туристической инфраструктуры, с другой, местным населением не занятым в туриндустрии. Можно обозначить несколько таких проблем:

1) нехватка продовольственных товаров из-за просчётов во внутренней политике и дополнительной потребительской нагрузке из-за сезонного «наплыва» туристов. И как следствие этому - рост цен на продукты питания, что значительно сказывается на росте социального недовольства, в особенности в депрессивных регионах страны;

2) проблемы с безработицей в туристических районах страны, которая бывает выше, чем в целом по стране. Отчасти это увязывается с сезонным характером туристической деятельности, и структурным однообразием экономики региона, развивающего у себя туризм, когда акцент делается на развитие 2-3 смежным с туризмом направлений развития сфер деятельности. Сезонность в туризме, как отмечает Волкова А.Г. «определяется и формируется под влиянием большого разнообразия разноплановых и отличающихся по значимости и устойчивости факторов» [2, с. 136]. В их числе автор приводит следующие: 1) естественные природно-климатические (например, пляжный отдых, связанный с климатическими условиями); 2)

факторы рынка труда (например, режим труда и отдыха, время отпусков и календарных праздников); 3) экономические (связаны с периодичностью потребления из-за необходимости накапливать средства для поездок); 4) демографический (например, график работы учебных заведений определяет время поездок для семейного отдыха); 5) поведенческие (находится под влиянием личных предпочтений или моды на те или иные направления туризма) [2, с. 136]. Все эти факторы усугубляют социальную напряжённость в регионе в виду сезонного характера извлечения дохода от туризма.

3) интенсивное использование и реконструкция аутентичного пространства также приводит к росту социальной напряженности между властями, туристами и местными жителями, если последние не втянуты в процесс извлечения прибыли. К этой же категории проблем можно отнести проблему нагрузки на окружающую среду, наносящую существенный вред (например, туристическая дестинация с хрупкой экосистемой);

4) предпринимаемые правительством меры в сфере туризма и урбанизации влияют на социальную структуру и состав населения. Это касается как вынужденной урбанизации сельских общностей, так и изменения в гендерных ролях и ценностях. Так, в Иордании наблюдается ситуация при которой после опыта работы с западными туристами, мужчины начинают носить «западную одежду, говорят на разных языках и используют западные способы общения, в то время как женщины продолжают носить традиционную одежду, говорят на бедуинском диалекте и общаются в соответствии со своей традиционной культурой и формой самовыражения» [5, с. 96].

5) проблемы коммунального плана, которые обостряют социальную напряженность в регионе на фоне интенсивной эксплуатации коммунальной инфраструктуры туристическими предприятиями. Так, например, Иордания является второй страной в мире с наибольшим дефицитом воды. Помимо природно-климатических причин, огромной проблемой в Иордании являются: 1) коммерческие потери воды, в том числе забор воды из несанкционированных колодцев, не приносящих доход; 2) беженцы, пребывающие в стране с начала сирийского конфликта; 3) нестабильность водоснабжения и отсутствие возможностей улучшения инфраструктуры водоснабжения из-за низких тарифов и задолженностей по оплате за поставляемую в цистернах воду. «В Аммане, например, вода подается в жилые районы один или максимум два раза в неделю…, в то время как вода в роскошных бассейнах регулярно пополняется в пятизвездочных туристических отелях» [5, с. 98]. Всё это создаёт дополнительное социальное напряжение среди местного населения, подталкивая их к радикальным взглядам. В Дагестане сложилась аналогичная ситуация при которой по некоторым оценкам на 2023 год коммунальная инфраструктура изношена на 75-85 % [1].

Далири М. отмечает, что в ситуации возникновения определенных проблем с «общественной средой» она «бывает достаточно неблагоприятной», когда «туризм развивается в неплановом виде» [4, с. 80]. Добавим к этому необходимость проведения широкой разъяснительной беседы среди местных жителей по поводу социально-экономических возможностей, которые открываются перед регионом и её жителями с развитием этого сектора экономики.

Таким образом, отметим, что развитие туризма в мусульманских регионах, будучи фактором модернизации и экономического роста, одновременно порождает мощную консервативную реакцию со стороны консервативно настроенных групп. Либеральные тенденции в туризме (свобода перемещения, открытость, инклюзивность) не приводят к автоматической либерализации принимающего общества, а напротив, зачастую провоцируют усиление интегризма – стремления сохранить религиозные и культурные институты в "первозданной чистоте" и отвергнуть модернизацию. Таким образом, туризм становится фактором внутриполитических противоречий, раскалывая общество на два лагеря: сторонников модернизации, которые видят в туризме экономические выгоды и путь к развитию, и консерваторов / традиционалистов, усматривающих в туризме угрозу традиционному укладу, культурной и религиозной идентичности. В крайних своих проявлениях это движение поддерживается экстремистскими группировками, которые на волне соответствующих популистских лозунгов могут прийти к власти как. Например, в Египте.

Развитие туризма в традиционных обществах – это не просто экономический проект, а сложный социокультурный процесс, который может дестабилизировать регион, если не управляется комплексно и без учета местной специфики. Успех зависит не только от создания туристической инфраструктуры, но и от справедливого распределения доходов, решения инфраструктурных проблем и уважения к культурным традициям.

Список литературы

1. В Минэнерго Дагестана сообщили, что коммунальная инфраструктура изношена на 75-85% // ТАСС. 18 августа 2023. https://tass.ru/obschestvo/18539901?ysclid=ly1lg01894320458879

2. Волкова А. Г. Особенности управленческой деятельности в сфере туризма // РЕГИОН: системы, экономика, управление. 2021, № 4 (55), С. 134-139.

3. Головушкин Д.А. Католический фундаментализм: к дискуссии о феномене и терминоприменении // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2025. Вып. 117. С. 121–138.

4. Далири М. Отличительные особенности и перспективы управления туризмом в Исламской Республике Иран // Глобальный научный потенциал. 2012. № 8 (17). С. 79-81.

5. Ahmed Abu Al Haija. Jordan: Tourism and conflict with local communities // Habitat International. 2011. № 35. P. 93-100.

6. Raymond Ibrahim. Egypt, 2012: The Year In Fatwas The year's top examples of Sharia madness unleashed after Mubarak's ouster. January 30, 2013. / Frontpagemag.com URL: http://www.frontpagemag.com/fpm/175446/egypt-2012-year-fatwas-raymond-ibrahim

7. Shepard W. “Fundamentalism” Christian and Islamic // Religion. 1987. Vol. 17(4). P. 355–378.

УДК 101: [62+009]

ГУМАНИТАРНЫЙ ПОДХОД К ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕХНОСФЕРЫ И ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Давыденко Элина Николаевна,
ДОННУЭТ им. М.Туган-Барановского
г. Донецк (ДНР), Россия
e-mail: davydenko-elina@mail.ru

Аннотация. Проблематика статьи обосновывает специфику и значение гуманитарной экспертизы при оценке развития общества с технократическим укладом. Панорамно дается сравнительный анализ технократическому и гуманитарному подходам, применяемым для оценки качества техно инноваций и технического образования. Содержательный потенциал гуманистической экспертизы используется как инструмент для анализа техногенного аспекта современной цивилизации, переживающей противоречия между всемирно-историческим значением современной техники и технологий и общечеловеческими духовными ценностями.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, техногуманистика, технологический этос, куьтурный этос.

A HUMANITARIAN APPROACH TO THE EXAMINATION OF THE TECHNOSPHERE AND TECHNICAL EDUCATION

Davydenko Elina Nikolaevna,
Donetsk National University of Economics and Trade
named after M. Tygan-Baranovsky
Donetsk (DPR), Russia
e-mail: davydenko-elina@mail.ru

Abstract. The problems of the article substantiate the specifics and importance of humanitarian expertise in assessing the development of a society with a technocratic structure. A panoramic comparative analysis of technocratic and humanitarian approaches used to assess the quality of techno-innovation and technical education is given. The substantial potential of humanistic expertise is used as a tool for analyzing the technogenic aspect of modern civilization, which is experiencing contradictions between the world-historical significance of modern technology and universal spiritual values.

Keywords: humanitarian expertise, techno-humanism, technological ethos, cultural ethos.

Введение. Новый технологический уклад, интегрирующий конвергирующиеся NBIC технологии, радикально изменяет природу человека и становится вызовом для социально-антропологического способа определения сущности и предела человеческого бытия. Социальные и научно-технические новации в современном обществе являются не только источником благополучия, комфорта и в определенной степени безопасности, но и источником риска для человеческого потенциала. Они могут стать причиной глубоких и далеко идущих изменений в системе ценностей и стать источником конфликтов между человеком и высокотехнологичной машиной, естественным и ИИ, между заинтересантами внедрения новейших технологий и их оппонентами. В связи с этим всё большее значение в общественной и технической сферах приобретает гуманитарная экспертиза, основанная на гуманитарной парадигме, и выступающая инструментом анализа взаимодействия человека и современных NBICS-технологий. Социогуманитарные технологии и социогуманитарные знания, которые, будучи органической составляющей конвергентного развития НБИКС, призваны выполнять целеполагающие, прогностические, оценочные и, главное, санкционирующие функции этого развития, чтобы парировать его риски и угрозы [1; 216].

Методы и материалы; результаты. В общем случае тема гуманитарной экспертизы может быть представлена как определенная методология оценки возможных гуманитарных рисков и выигрышей от будущего применения некоторого инновационного проекта. Гуманитарная экспертиза выступает как самостоятельный метод реализации стратегии устойчивого развития, позволяющий использовать познавательные методы и инструменты различных наук и дисциплин. Между тем, учтен методический потенциал диалектического подхода, функционального подхода, методов индукции и дедукции, анализа и синтеза, сравнения.

Результатом гуманистической экспертизы должен стать итоговый баланс положительных и отрицательных эффектов различных аспектов технологии с представлением возможных корректирующих воздействий,

осуществляемых как со стороны государства, так и независимыми экспертными научными сообществами.

Обсуждение. Сегодня для предотвращения выхода последствий технологий за пределы человеческого контроля необходима систематически организованная профессиональная деятельность, направленная на прогнозирование как конструктивных, так и деструктивных воздействий научно-технического прогресса. Ядром такого рода деятельности должна быть гуманитарная экспертиза техносферы – как переход от технологической экспертизы к междисциплинарной экспертизе и далее – к широкой публичной научно подкрепленной дискуссии. Гуманитарная экспертиза техносреды – это оценка и анализ воздействия анализируемого технического и технологического объекта, события, проекта или принимаемого управленческого решения на жизнь человека и общества, их физическое, психическое и духовное состояния.

Экспертизу научно-технического прогресса иногда называют оценкой технологий – technology assessment, основные задачи которой: во-первых, выявить наиболее перспективные его направления, во-вторых, оценить его побочные технологические, экономические, социальные и культурные эффекты, и, наконец, выбрать один из альтернативных научно-технических вариантов решения конкретных задач.

Осуществление гуманитарной экспертизы невозможно без прочувствования и осознания противоречия между всемирно-историческим значением современной техники и теми структурными понятиями философии культуры, которые отводят технике роль чистой системы средств на службе других культурных ценностей. Трагедия технизации человека состоит в том, что не цели определяют средства, а технические средства обуславливают выбор цели, «объективная культура» выходит за пределы горизонта его опыта и поступков. Чем сложнее системы средств, тем более необходимой (правда, и более опасной) становится стратегия их производства. Целям грозит своего рода восстание средств. Человек технической эпохи часто забывает истинную ценность техническим средствам и их цели, и в результате своей недальновидности и антигуманных взглядов всецело поглощается системой средств, становясь заложником научно-технического прогресса.

Говоря о диалектике технократического и гуманитарного подходов, сошлемся на мнение норвежского философа Скирбекка, который настаивает на необходимости «укрощения» технократических подходов в пользу экологически просвещенной гуманитарной экспертизы. Основные недостатки существующих процедур технологической экспертизы он видит в неадекватности ее понятийного аппарата, который ограничен рамками отдельных частных дисциплин и не позволяет увидеть более широкий спектр проблем; в недемократическом, по своей сути, подходе к выбору экспертов, принимающих волевые решения, имманентные интересам политических,

хозяйственных или военных групп, ставящих групповые или личные интересы выше общественных, и в слишком большой открытости анонимным силам рыночной экономики [2]. Приоритет технократического подхода может привести к политике, направленной на производство ради производства, техники ради техники в ущерб человеку.

Гуманитарный анализ техногенного аспекта современной цивилизации представляет собой насущную необходимость, так как: во-первых, гуманитарная экспертиза учитывает сложность и противоречивость моральных и антропологических проблем современности, порождаемых научным и социальным прогрессом; во-вторых, происходит активное становление новой антропологической дисциплины – антропологии техники, или техноантропологии; в-третьих, наблюдается современная экспансия технологического этоса, радикальным образом меняющая экзистенциальную ситуацию человека, порождает новые, специфические проблемы; в-четвертых, галопирующим темпом продолжается глобализация технических систем, ставящая в технологическую зависимость отстающие государства.

В качестве особенностей гуманитарной экспертизы техносферы выделим:

- гуманистическую эффективность науки. Еще И.Т. Фролов поставил принципиальный вопрос о внесении гуманистического основания в науку;

- междисциплинарный характер. Задачи гуманитарной экспертизы оказываются существенно транснаучными. В процессе используются знания из разных областей науки, в том числе тех, которые не занимаются непосредственно человеком. На рубеже XX – XXI веков выкристализовывается новое соотношение между такими дисциплинами как антропология, гуманитарные науки, технические науки и техногуманистикой;

- оценка корреляции целей с техническими и информационными средствами, а также соотношение целей с общечеловеческих и культурных ценностей;

- прогнозирования технических и технологических угроз, последствий и факторов риска для человечества и возможностей корректирующих воздействий с целью минимизации негативного влияния, выявления заложенных в этой технологии новых возможностей для развития и реализации человеческого потенциала. Важная цель гуманитарной экспертизы – предвидеть риски и последствия внедрения различных проектов и технологий;

- объектом экспертизы могут быть и существующие технологии, особенно если они обнаруживают негативные эффекты в разных сферах: экологии, медицине, обществе, экономике, безопасности.

- для гуманитарной экспертизы принципиальное значение имеет то, что она должна осуществляться в форме диалога, как коммуникация индивидов и групп, которые различаются интересами и ценностными установками. В

этом смысле она представляет собой механизм согласования, подготовки компромиссных решений и выработки фундамента общих интересов, на котором возможна смена логики противостояния и конфронтации логикой объединения и взаимодействия.

В настоящее время увеличивается доля технических аспектов в физическом и психическом функционировании людей, он в то же время уменьшается доля «человечности» что может, исходя из логики, в итоге привести к деэволюции человечества, что означает конец Homo sapiens. Чтобы противостоять подобной перспективе, надо исходить из наличия техно-гуманистических границ рационального развития и естественного совершенствования человека. Человек, войдя несколько десятилетий назад в технократически-информационную эпоху, базирующейся отнюдь далеко не на гуманистических установках, а подкрепленной жестким прагматизмом, расчетливостью и силой, сегодня тратит время на многочисленные телесные трансформации и модификации организма, веря в возможность физического и интеллектуального совершенствования с помощью биотехнологий.

Технологии будут способствовать социобиологическому изменению человека. При этом, для человека останется право выбора вариантов его существования в мире технологического прогресса: или человек попадет в бурное течение научно-технического прогресса, утратив возможность контролировать его последствия, или будет принципиально защищать ценности, которые связаны с характером «общечеловеческих».

В результате сопряжения техносферы с антропосферой образовалась гибридная реальность [3; 43]. В связи с этим, исследуя возникновение новых понятий, затригавающих процесс взаимодействия человека и техники М. Эпштейн вводит такой термин как «техногуманистика», дисциплину, направленную на изучение радикальных изменений человека и модификацию его природы перед лицом новейших технологий [4;18].

Техногуманистика – это область гуманитарных искусств, практик и технологий, которая изучает человека наряду с возможными «техновидами» (формами искусственного разума) как часть техносферы, которая создается людьми, но постепенно охватывает и преображает их самих. Она изучает специфические признаки человека среди умных машин, техноорганизмов и коллективных форм сверхразума – интеллекта (киборгов, гуманоидов, андроидов, гиноидов), способы взаимодействия между био и техно в человеке, технизацию организма и очеловечивание машины.

Экспансия технического подхода к человеку началась с масштабной технологизации трудового процесса. Вслед за технологизацией производства началась технологизация образования, досуга, развлечений. Те формы проявления человечности, которые не укладываются в рамки технологических процессов все меньше имеют значения. Технологизации подвергаются естественные формы поведения человека, например, общение с другими людьми. Человек привыкает относиться к себе «технологично»:

он ищет «технологии» поиска друзей, технологии управления и воздействия на других людей, преодоления личностных кризисов, принятия решений, даже «технологии мышления». Таким образом, человек охотно становится для себя и, для других объектом технических манипуляций, поскольку в тотальной технологизации жизни видит легкий и удобный способ решения проблем. Но за кажущимся на первый взгляд удобством и комфортом, поддерживаемым технологиями, человека подстерегают угрозы и риски. Речь идет уже не просто о внешнем подчинении дисциплинарным нормам, но о манипулировании чувствами, мыслями и желаниями людей. В конечном итоге, возникает необходимость в формировании «технологического этоса», в условиях которого наблюдается мультипликация установок жестко рационального управления на новой информационно-коммуникативной волне. Примером может служить внедрение концепции результативного управления в систему высшего образования, когда игнорируются психологические и когнитивные основы образовательного процесса. В условия реформирования высшего образования инновация не должна опережать новацию [3; 57].

Техническая деятельность не должна лишаться гуманитарного содержания. Но и гуманитариям следует сделать шаги в сторону освоения общечеловеческих ценностей, накопленных в научно-технической сфере. Именно разрыв технической и гуманитарной подготовки привел к обеднению гуманитарного содержания учебно-воспитательного процесса, снижению творческого и культурного уровня специалиста, экономическому и правовому нигилизму, а, в конечном счете – к снижению потенциала науки и производства.

Подчеркнем, что в среде научно-технической интеллигенции господствует технократический стиль мышления, который «впитывают» в себя студенты с самого начала обучения в вузе. Поэтому они относятся к изучению гуманитарных дисциплин как к чему-то второстепенному, проявляя иногда откровенный нигилизм. Известный психолог В. П. Зинченко так определил опустошающее воздействие на человеческую культуру технократического мышления: «Для технократического мышления не существует категорий нравственности, совести, человеческого переживания и достоинства». Сущность гуманитаризации образования видится, прежде всего, в формировании духовной культуры, культуры мышления, творческих способностей студента на основе глубокого понимания истории культуры и цивилизации, всего культурного наследия.

Для противостояния антигуманистической перспективе расчеловечивания человека и порабощения его высокотехнологичными машинами, необходимо исходить из наличия морально-этических, правовых, экофилософских границ совершенствования человека и его рационального познания. Познание, как и практика должны быть гуманистическими и не все, что технически возможно – следует реализовывать. Только духовно-

нравственное совершенство и социогуманитарные технологии (ориентиры) обеспечат инновационное творчество, гармоничное коэволюционное развития человека и техники, плавный переход человечества в качественно новое состояние.

Гуманитаризация образования должна оставаться общемировой тенденцией. И это правомерно, так как ценностными ориентациями гуманитарного образовательного процесса являются развитие интеллектуального потенциала личности, становление человека с высокими культурными, духовно-нравственными качествами. Гуманизация инженерии – это процесс, направленный на формирование у инженеров гуманистического мировоззрения, которое провозглашает человека как главную ценность инженерной деятельности: его жизнь, нужды, будущее. Это предполагает учёт социально-гуманитарных, гуманистических, эргономических, психологических, этических, эстетических и экологических аспектов функционирования современной техники и технологии. Гуманизация инженерной деятельности связана с переходом от классической и системотехнической инженерной деятельности к социотехническому проектированию, в котором сделан поворот к человеку при разработке и внедрении в эксплуатацию новых технологий.

Технические знания современных студентов как будущих технологов и инженеров должны дополняться естественными, гуманитарными и информационными науками, значение которых нельзя недооценивать. Обучающиеся должны владеть профессиональной этикой и ощущать социальную ответственность, быть творческими личностями и новаторами, иметь развитые навыки устного и письменного общения, иметь понимание значения личной ответственности и личного вклада в развитие общества с технологическим укладом. И это далеко не все строго регламентированные компетенции, выдвигаемые к подготовке профессионалов технического профиля. В условиях глобальных рисков и проблем человечества деятельность профессионала с техническим складом ума не может быть не обращена к ценностям культуры, национальным, интернациональным интересам, так как острые проблемы выживания и безопасности жизнедеятельности стали проблемами всего человечества.

Фундаментальные ценности образования предполагают нерушимый фундамент – «культурный этос», который не отрицает «технологический этос», но обнаруживает в нем историко-культурное явление, трансформации которого в желаемом устойчивом будущем мыслятся на пути гуманистических смыслов [3; 62].

В основном молодое поколение, выбравшее для профессиональной реализации техническую сферу, обращает своё внимание на техническую составляющей своей специальности и забывает о гуманитарной, и, таким образом развивая только техномышление, ограничиваю в себе развитие

многогранной личности способной занять достойное место в научно-технической революции.

Философско мыслящие гуманитарии ставят вопрос о гуманитаризации инженерно-технического образования, воспринимаемого во многих аспектах. Во-первых, формирование общегуманитарной и социальной культуры в рамках преподавания философии, философии науки и техники, культурологии, социологии, политологии, истории, русского языка, методологии науки. Во-вторых, сохранение междисциплинарного диалога, предполагающего выход за пределы сугубо профессиональной сферы деятельности – трансдисциплинарность. Гуманитарии формируют духовную составляющую бытия, этические и эстетические основы жизни, расширяют кругозор и воспитывают личность. В-третьих, формирование методологического сознания будущих инженеров, которое понимается как необходимая компонента в структуре профессионального мышления [5;14]. В-четвертых обсуждение и принятие решений по важным и крупным социотехническим проектам, в выработке стратегии научно-технической политики не мыслится без участи ученых, экспертов, органов власти муниципального и государственного уровня, что способствует более демократическому процессу принятия решений. В-пятых, гуманитаризация инженерного образования требует развития критического мышления, умение давать социальную оценку техническим новациям и их последствиям. В-шестых вывод инженерной профессии в разряд культурообразующих.

Очевидно, что гуманитарная подготовка инженеров является важным показателем уровня их профессионализма, компетентности и интеллигентности, а, следовательно, становится просто необходимой для создания технокультуры будущего. Игнорируя технокультуру основанную на этике и морали, человек обречен стать киборгом «антропологической машиной» не только в физическом смысле, соединяя органы и проводники, но и в более глубоком смысле: как системы рассуждений, которые пронизывают границы биологического мозга и небиологических контуров.

Заключение. Овладение техникой, подчинение техносферы объективным интересам человека, сохранение контроля над нею, а, следовательно, и обеспечение ее безопасности – задача первостепенной важности, решить которую возможно с помощью гуманитарной экспертизы, требующей сохранения взаимосвязи техносферного развития с наукой, не преследующей коммерческий интерес, образованием и культурой. Гуманитарная экспертиза во многом предопределяет технокультуру будущего, которая уже сегодня, продвигает симбиоз человека и машин, создаёт предпосылки противостояния и конфликта между человеком и техникой. И способность предупредить и разрешить этот конфликт во многом зависит от отношения человека к гуманистической составляющей процесса производства и эксплуатации технических структур. Преобладание технократического подхода над гуманитарным может привести к политике,

направленной на производство ради производства, техники ради техники в ущерб человеку.

ГЭ способствует предотвращению кризиса инженерии, который проявляется:

- в поглощении инженерии нетрадиционным проектированием и трансгуманистическими технологиями;
- в кризисе традиционной научно-технической картины мира.

ГЭ способствует предупреждению кризиса инженерного образования, проявляющегося в противоречиях:

- между сложностью современных социоинженерных проблем и уровнем подготовки технических специалистов;
- между способом обучения инженеров и интегральными условиями и требованиями, которые предъявляет к ним современная жизнь;
- между футуристическими сценарием человечества, который требует своего научного предвидения, и ограниченными возможностями прогностической деятельности инженера;
- между порождением новых видов человеческих потребностей в результате инженерной деятельности и возможностями осмысления последствий удовлетворения этих потребностей;
- между сохранением технократического типа современного инженерного мышления и гуманистическим характером современных социоинженерных задач;
- между высоким гуманистическим назначением инженерного образования и не реализацией этого технократически ориентированной высшей технической школой.

Таким образом, гуманитарный подход к развитию техносферы направлен на создание технологий, которые не только эффективны, но и этичны, устойчивы и учитывают интересы всех слоев общества. Необходимо стремиться к тому, чтобы технологии служили на благо всем, а не только избранным. Согласно гуманитарной парадигме, технологические решения должны учитывать культурные контексты и традиции различных обществ, что помогает избежать конфликтов и способствует более гармоничному внедрению технологий.

Отсылка к гуманитарному подходу в образовательной среде и подготовке техно-профессионала позволяет формировать ответственную перед человечеством личность-инженера с высоким уровнем технической культуры, сохранившего созидательную связь с природной и социальной средой. Такой техно-профессионал сочетает в себе технические навыки и высокий уровень личной культуры, осознает важность экологических и социальных аспектов своей деятельности, акцентирует внимание на необходимости создания технологий, которые не только решают текущие проблемы, но и способствуют устойчивому развитию общества и экосистемы, стремится к внедрению ценностно-ориентированных практик в общественную жизнь.

Список литературы

1. Дубровский Д.И. К вопросу о глобальном будущем и трансгуманистической эволюции (ответ П.Д. Тищенко) // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 214–220.

2. Проблема гуманитарного контроля в науке и высоких технологиях. Экологическая и социально-гуманитарная экспертиза научно-технических проектов. URL: https://bsu-philosophy.fandom.com/wiki/ (дата обращения 30.09.2025)

3. Проблемы и риски инженерного образования в XXI веке: монография / Под общ. ред. И.А. Герасимовой – М.: Университетская книга, 2017. – 312 с.

4. Эпштейн М.Н. От знания к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М.Н. Эпштенй. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

5. Розин В.М. Образование в условиях модернизации и неопределенности. Концепция. М.: Книжный мир «ЛИБРОКОМ», 2013. 80 с.

УДК 130.2

«АНТРОПОЛОГИЯ МЕЛАНХОЛИИ: «ТОНИО КРЁГЕР» Т. МАННА КАК «ЧУЖОЙ» И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТОСКА ПО УТРАЧЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ»

Давыдкина Екатерина Павловна,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
г. Москва, Россия
kate.kin9@yandex.ru

Аннотация. Целью данной статьи, приуроченной к 150-летию со дня рождения Томаса Манна, является анализ феномена меланхолии в его повести «Тонио Крёгер» как экзистенциального состояния вследствие отчуждения творческой личности от общества. Задачи работы включают: исследование связи между страданием и творческим процессом, а также установление связей с философскими концепциями (Ф. Ницше, А. Камю) и литературой. Научная новизна исследования заключается в синтезе психологического и социокультурного подходов к анализу внутреннего конфликта художника, раскрывая меланхолию как нормальное условие существования художника и человека. Состояние Тонио Крёгера – это покой в условиях постоянного хаоса; для него душевный разлад и напряжение становятся единственной привычной средой. Практическая значимость и результаты заключается в выводе о меланхолии как об основе гуманизма Манна, который видит достоинство человека в принятии этого конфликта.

Ключевые слова: Томас Манн, Тонио Крёгер, меланхолия, экзистенциальная тоска, отчуждение, буржуазное общество, философия, литература, духовная безопасность.

«THE ANTHROPOLOGY OF MELANCHOLY: «TONIO KROEGER» by T. MANN AS AN STRANGER AND AN EXISTENTIAL LONGING FOR LOST BELONGING»

Davydkina Ekaterina Pavlovna,
The Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia
kate.kin9@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article, dedicated to the 150th anniversary of Thomas Mann's birth, is to analyze the phenomenon of melancholy in his novel «Tonio Kröger» as an existential state due to the alienation of a creative personality from society. The objectives of the work include: exploring the connection between suffering and the creative process, as well as establishing links with philosophical concepts (F. Nietzsche, A. Camus) and literature. The scientific novelty of the research lies in the synthesis of psychological and socio-cultural approaches to the analysis of the artist's internal conflict revealing melancholy as a normal condition for the existence of an artist and a person. Tonio Kroeger's condition is peace in conditions of constant chaos; mental disorder and tension for him become the only familiar environment. The practical significance and results lie in the conclusion about melancholy as the basis of Mann's humanism which sees human dignity in accepting this conflict.

Keywords: Thomas Mann, Tonio Kroeger, melancholy, existential longing, alienation, bourgeois society, philosophy, literature, spiritual security.

Томас Манн – немецкий писатель, автор таких произведений как: «Будденброки», «Волшебная гора», «Иосиф и его братья», «Доктор Фаустус» и других. Он один из гениальных мыслителей и эссеистов, который посвятил свое творчество анализу буржуазного общества, исследованию личности творца, размышлению о гуманизме и демократии [1]. В 1903 году он издал повесть «Тонио Крёгер», которая во многом носит автобиографический характер.

Как отмечал Т. Манн, в главном герое он видит самого себя и отражает внутренние метания так же, как переживал их сам. Произведение исследует проблему художника, который в связи с преданностью своему ремеслу сталкивается с противоположностью духа и жизни.

С юных лет Тонио Крёгер ощущает свою «чужеродность»: «Ну пусть уж я такой, как есть, нерадивый, упрямый, пусть я размышляю о вещах, которые нисколько не интересуют других, пусть не хочу и не могу измениться». Его одноклассники, Ханс Хансен и Ингеборг Хольм, с их светлой, «правильной» красотой, становятся для него воплощением гармоничного буржуазного мира, к которому Тонио тянется. Он мечтает стать им похожим, но его нутро противится этому [12].

Повесть выстроена как сборник ключевых моментов жизни главного героя, от детства до взрослых лет. Если в детстве он чувствовал себя чужим среди сверстников, то, повзрослев, он остается таким же чувствительным к миру, сменив окружение. Его мучает мысль о том, что подлинное творчество возможно лишь через страдание и разрыв с «бюргерской», обывательской жизнью.

Тема тревоги души художника поднималась многими философами и писателями. Согласно Ф. Ницше, «нужно носить в себе хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду» [10]. А. Камю в свою очередь трактует миф о Сизифе как извечной проблеме человеческого существования: художник, осознавший бессмысленность мира, находит свободу и достоинство в самом созидании, в действии. Его терзание заключается в осознании тщетности своего труда (как Сизиф, катящий камень) и упрямой гордости за этот труд [2].

В России экзистенциальную проблему поднимал, например, Н. Гоголь в повести «Портрет», где герой также находится между двух огней: погоней за славой и деньгами и истинным служением искусству [3].

Получается, по мнению не только Т. Манна, творец – это мученик, который раздирается между простым человеческим счастьем и потребностью в искусстве.

Его герой, Тонио, даже став писателем, не избавляется от чувства отчужденности и тоски по простой жизни. Центральным конфликтом его существования остается противостояние искусства и действительности, выбора между личным благополучием и аскетизмом, необходимым для творческой жизни. Но он понимает, что любовь – это тоже своего рода страдание. Поэтому он ищет плотских удовольствий, за что потом упрекает себя. Но в этой самокритике и рождаются его шедевры [13]. Преодолевая нравственные терзания, заново «умирая духовно», он дает жизнь новому великому произведению.

Но, по мнению В. Тихомирова, исходя из психологического портрета Тонио Крегера его меланхолия – это сублимация, при которой социально неприемлемая или травмирующая энергия (в данном случае энергия от вины и стыда) перенаправляется в социально одобряемую и продуктивную деятельность [4].

На тоску Тонио Крегера можно посмотреть с точки зрения психологии Ролло Мэу, а именно – художник свободен в любом своем выборе, но должен платить за «неправильный выбор» перед совестью [11]. Постоянные невротические установки, что подлинное чувство творчества неотделимо от муки, это форма самонаказания, которая приносит облегчение. Но, даже несмотря на то, что страдание является топливом для Тонио, оно истощает психику и создает цикл «страдание – творчество – новое страдание». Он не может отказаться от дара рефлексии и творчества, но и не может заглушить в себе «страстное, неутолимое стремление к общению с обыкновенными

средними людьми». Эта неутолимая жажда и рождает постоянное чувство меланхолии.

Меланхолия Тонио – это общий душевный фон, который состоит из различных чувств: печаль, страх, самоупреки, причина возникновения которых состоит в жизни в буржуазном обществе. Он родился и был воспитан в этом обществе. То есть именно это общество формировало его внутренний мир. Он видел суть мира, которая скрыта за словами и поступками, и из-за этого постоянно писал о том, где не имеет доли. Об этом говорил и А. Камю: «Да, мне по-прежнему было стыдно, я понял, что все мы живём в чумной скверне, и я потерял покой» – это о зле, которое живет внутри всякого в обществе, но бороться с ним готов не каждый [6].

Любовь – в этой новелле особенно примечательна. Согласно концепции Т.Манна, подлинное творчество немыслимо без любви к простому. Именно такой является привязанность Тонио к окружающим его людям: «Почему я какой-то отщепенец, не такой, как все, почему учителя ко мне придираются, а сам я сторонюсь товарищей? Ведь это хорошие, благонравные ученики, – то, что называется «золотой серединой» [4]. В финале повзрослевший Тонио Крёгер напрасно надеется на душевную беседу со своим неудавшимся другом Гансом. Представители «голубоглазого и светловолосого» мира не примут его в своё сообщество – пропасть между ними непреодолима. Тонио готов преодолеть этот разрыв: исцелить искусство и наполнить саму жизнь своих товарищей духовной любовью. Но, к сожалению, «царство искусства на земле расширяется, а царство здоровья и простодушия становится все меньше. Надо было бы тщательно оберегать то, что еще осталось от него, а не стараться обольщать поэзией людей, которым всего интереснее книги о лошадях, иллюстрированные моментальными фотографиями» [13].

В этой новелле Т. Манн очень точно изображает процесс духовного оскудения творчества в империалистическую эпоху. Так, Крёгера привлекает идея обезличенного, сугубо созерцательного искусства, свободного от индивидуальности творца.

В поисках идеала – культуры, сочетающей интеллектуальную глубину с духовным здоровьем – Т. Манн апеллирует к традициям русской литературы. Сюжетным воплощением этой связи становится русская женщина Лизавета Ивановна, выступающая для Тонио одновременно как критик и духовный ориентир. Она в равной степени осуждает Крёгера и за увлечение пессимизмом Шопенгауэра, и за его консервативную тоску по мещанской жизни. Однако именно она является его альтер эго, говоря о самоощущении Тонио: творчество – это оправдание для жизни. Благодаря ее словам, герой решает отправиться в Данию [5].

В образе Тонио Крёгера, особенно в юном возрасте, легко угадываются черты Ганно Будденброка. Оба происходят из семей среднего класса. Как и Ганно, Тонио одинок, чужероден в среде респектабельных ровесников. Однако, если у Ганно сомнений о своем существовании не появляется, то Тонио раздирают раздумья. Он вышел из мещанской среды, но натура

художника в нем преобладает, и стремится к самовыражению и поиску нового, а «мещанская» натура ориентирована на стабильность и материальное благополучие. Как писал Франца Кафка, герой Т. Манна интересен тем, что, он интересуется своей противоположностью. Исследователь Хайнц Полицер даже усматривает отголоски Манновской повести в более поздних произведениях Кафки, таких как рассказ «Голодарь» [4].

Буржуазное общество считает деятельность писателя сомнительной и ненадёжной: когда Тонио возвращается в родной город, чтобы воскресить воспоминания детства, полицейский едва не арестовывает его, приняв за разыскиваемого немецкого мошенника. Ирония этой ситуации очевидна. Попытка вернуться к ушедшему в прошлое не увенчалась успехом. Сам Тонио признаётся в переживании тотального одиночества и отчуждённости: «Я стою между двумя мирами, ни в одном, не чувствуя себя дома, и поэтому я должен охладеть…» [13].

О теме апатичности и одиночества писали многие: Герман Гессе, Райнер Мария Рильке, упомянутые уже Франц Кафка и Альбер Камю. В романах Томаса Манна и Германа Гессе особую значимость получают мотивы освобождения в смерти и воскресения [8].

В России же тема утраченной принадлежности поднимается И. Бунином («Жизнь Арсеньева») или А. Солженицыным («В круге первом»).

Именно внутренняя противоречивость делает образ Тонио Крёгера фигурой поистине универсальной и значимой не только для немецкой культуры, но и для любого человека, разрывающегося между долгом, семьей, родиной и сердечным порывом, стремлением и мечтой. Его путь – это судьба каждого вдумчивого литератора, задающегося мучительным вопросом: «Творю ли я ради самого искусства или ради того, чтобы выжить?». Ответ, который предлагает Манн, заключается в том, что необходимо и то, и другое, а силой для подлинной литературы становится именно это творческое напряжение: без «бюргерской, обывательской любви к человечному, живому, обыденному» литературы существовать не может [13].

Другими словами, единственный способ полностью избежать страданий – это перестать существовать. Боль и негативные переживания – это часть жизни. Это пессимистичный оптимизм или трагический гуманизм: жизнь по своей сути трудна и болезненна, но именно в этой борьбе и заключается ее настоящая ценность и достоинство человека [7]. «То, что меня не убивает, делает меня сильнее» – это знаменитое изречение Ницше [9].

Таким образом, Т. Манн пишет об экзистенциальном состоянии, которое не является ни болезнью, ни внешней проблемой, а образует собой часть человеческого существования. В современности такое состояние нормализируется и может случаться у совершенно здоровых людей. «Защитный пессимизм» помогает направить беспокойство в конструктивное русло и взять ситуацию под контроль. Раньше же считалось, что

предрасположенность к меланхолии говорит о высоких интеллектуальных и творческих качествах человека.

Ценность человеческого бытия проявляется не вопреки трудностям, а благодаря им. То есть воля намного выше разума в случаях трагического. У Ф.Ницше сверхчеловек преодолевает страдание через силу и мощь. У Т.Манна же обычный, «заблудший мещанин» преодолевает его через труд и любовь. Это источник подлинного величия человека и его признак глубокой и взрослой личности.

Список литературы

1. Encyclopedia Britannica: [сайт] / Pascal, R. – 2025 – URL: https://www.britannica.com/ (дата обращения: 24.11.2025). - Текст: электронный.
2. Артеменко, А. А. Экзистенциальное прочтение «Мифа о Сизифе» А. Камю: актуальные смыслы / А. А. Артеменко. - Текст: электронный // Молодой ученый. – 2022. – С. 36-39. – URL: https://moluch.ru/conf/stud/archive/457/17375 (дата обращения: 24.11.2025).
3. Гоголь, Н. В. Портрет. Петербургские повести: книга / Н. В. Гоголь; - Москва: Рипол-Классик, 2024. – 280 с. – ISBN 978-5-699-86983-1. Текст: непосредственный.
4. Е. Беркович: «Тонио Крёгер» глазами литераторов и математиков»: [Е. Беркович]. - Текст: электронный // Газета «Троицкий вариант – Наука». – 2022. – 8 фев. (№ 347). - С. 12-13.
5. Интертекст русской литературы в новелле Т. Манна "Тонио Крегер" / Г. Г. Ишимбаева. - Текст: непосредственный // Российский гуманитарный журнал. – 2019. –№1. – С. 68-76.
6. Камю, А. Чума: книга / А. Камю. - Москва: АСТ, 2021. – 320 с. – ISBN 978-5-17-146257-4. Текст: непосредственный.
7. Концепция трагического оптимизма Фридриха Вильгельма Ницше: философское осмысление и педагогическая интерпретация / Ю. В. Андреева – Текст: непосредственный // Педагогический ИМИДЖ. – 2024. – №4 (65). – С. 454-465.
8. Мамонова, Е. Ю. Мотив «второго рождения» в немецкоязычном романе первого десятилетия XX века: Т. Манн, Г. Гессе, Р. Музиль, Р. М. Рильке: специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (немецкая и австрийская литература)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Елена Юрьевна Мамонова; Уральский государственный педагогический университет. – Пермь, 2006. - 20 с. – Текст: электронный. – Место защиты: ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». – URL: https://elar.uspu.ru/ (дата обращения: 25.1.2025).
9. Ницше, Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом: книга / Ф. Ницше. - Москва: Издательство "Эксмо", 2018. – 160 с. – ISBN 978-5-04-091629-0. – Текст: непосредственный

10. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра: книга / Ф. Ницше. – Москва: Издательство "Эксмо", 2016. – 352 с. – ISBN 978-5-04-091629-0. – Текст: непосредственный

11. Ролло Мэй Мужество творить: книга / Ролло Мэй. - Санкт-Петербург: Изд-во Питер, 2020. – 160 с. – ISBN 978-5-4461-1436-8. – Текст: непосредственный.

12. Тихонова, О. В. Оппозиции «Север-Юг» в новелле Т. Манна «Тонио Крёгер» / О. В. Тихонова - Текст: электронный // ВЕСТНИК ВГУ. – 2025. – №3. – С. 66-70. - URL: http://www.vestnik.vsu.ru/ (дата обращения: 26.11.2025).

13. Тонио Крегер. Немецкие новеллы XX века / А. Шницлер, Т. Манн, Г. Манн, В. Борхерт. – Санкт-Петербург: Издательство Каро, 2024. – 384 с. - ISBN 978-5-9925-0610-5. – Текст: непосредственный.

УДК 316.4

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Даулетукаева Камила Дундовна,
Чеченский государственный педагогический университет,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова
г. Грозный, Россия
e-mail: kamila.dauletukaeva@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – обоснование роли национальной идентичности как фундаментального условия духовной безопасности общества и анализ механизмов её формирования в контексте современных образовательных парадигм Российской Федерации. Задачи исследования: раскрыть содержание понятия «духовная безопасность» как специфической составляющей национальной безопасности, определить структурные элементы духовной безопасности, включая культурную, религиозную, идеологическую, информационную и образовательную составляющие. В результате исследования обоснована необходимость системной интеграции духовно-нравственного воспитания, начиная с дошкольного периода, для формирования духовно-ценностного ядра личности. Показано, что национальная идентичность, базирующаяся на традиционных ценностях и историческом наследии, выступает механизмом устойчивого самоопределения и эффективным инструментом противостояния деструктивным внешним и внутренним вызовам. Подчёркивается, что современные образовательные парадигмы (в частности, системно-деятельностный и компетентностный подходы) в сочетании с

междисциплинарными и культурологическими методологиями являются ключевым механизмом поддержания духовной безопасности и национальной целостности России.

Ключевые слова: национальная идентичность, духовно-нравственные ценности, личность, образовательная парадигма, духовная безопасность.

SPIRITUAL SECURITY AND EDUCATIONAL PARADIGMS IN THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY

Kamila Dundovna Dauletukayeva,
Chechen State Pedagogical University,
A.A. Kadyrov Chechen State University
Grozny, Russia
e-mail: kamila.dauletukaeva@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to substantiate the role of national identity as a fundamental condition for the spiritual security of society and analyze the mechanisms of its formation in the context of modern educational paradigms of the Russian Federation. The objectives of the study are to reveal the concept of "spiritual security" as a specific component of national security; to identify the structural elements of spiritual security, including cultural, religious, ideological, informational, and educational components; to analyze the role of national identity as an integrator and factor in social stability in the context of globalization; and to examine modern educational paradigms aimed at developing spiritual and moral values and a sustainable national identity among young people. The study substantiates the need for systemic integration of spiritual and moral education, beginning in the preschool period, to develop the spiritual and value core of the individual. It is shown that national identity, based on traditional values and historical heritage, serves as a mechanism for sustainable self-determination and an effective tool for countering destructive external and internal challenges. It is emphasized that modern educational paradigms (in particular, the system-activity and competence-based approaches) in combination with interdisciplinary and cultural methodologies are a key mechanism for maintaining the spiritual security and national integrity of Russia.

Keywords: national identity, spiritual and moral values, personality, educational paradigm, spiritual security.

Духовная безопасность в современном понимании рассматривается как специфическая составляющая национальной безопасности, связанная с обеспечением нормального и гармоничного функционирования личности, общества и государственных институтов. Это состояние, при котором создаются и поддерживаются условия для свободного и безопасного развития духовных и нравственных начал, характерных для национальной

культуры и образа жизни, выступающее фундаментом национальной идентичности [4].

Структурно духовная безопасность включает несколько взаимосвязанных составляющих: культурную, религиозную, идеологическую, а также информационную и образовательную, охватывающих различные сферы общественной жизни. Вся эта совокупность элементов интегрируется на базе общих культурных норм и ценностей, формируя неизменную основу национальной идентичности. Отдельно следует выделить важность идеологических и образовательных компонентов, поскольку именно через воспитание и просвещение происходит закрепление духовных ориентиров и формирование устойчивой идентичности граждан.

Поддержание духовной безопасности способствует укреплению национального самосознания, формированию культурной независимости и стабильности политической системы, что выступает необходимым условием для гармоничного развития и социальной сплоченности. Без такого состояния невозможна адекватная адаптация к современным вызовам и сохранение историко-культурного наследия для будущих поколений.

Национальная идентичность базируется на традиционных духовно-нравственных ценностях, историческом и культурном наследии, формируя устойчивые системы ценностей и норм, направленных на воспитание патриотизма и укрепление духовных основ. Это способствует не только поддержанию национального самосознания, но и снижению уровней социальной фрагментации, уменьшению этнических и культурных напряженностей, выступая важным фактором социальной стабильности [1].

Кроме того, национальная идентичность играет роль интегратора в условиях глобализации – процесса, сопровождающегося ускоренным обменом информацией, технологиями и культурными смыслами. Глобализация создает «разрыв времен», размывая связи между поколениями и уменьшая способность общества сохранять свою духовно-культурную целостность. Создание и поддержание единой национальной духовно-ценностной платформы становится необходимостью для противостояния этим процессам, позволяя обществу не только сохранить свою уникальность, но и эффективно управлять этническими и социокультурными конфликтами [8].

Социальная устойчивость, обеспечиваемая национальной идентичностью, выражается в чувстве принадлежности к общей культурной традиции и истории, что является мощным механизмом коллективного самосознания. Именно через воспитываемые в образовательных институтах ценности и культурные нормы происходит формирование сознательных граждан, способных сохранить и развивать духовные основы общества.

Образовательные парадигмы, ориентированные на патриотическое и духовно-нравственное воспитание, способствуют укреплению национальной идентичности, формируя устойчивость к деструктивным внешним и

внутренним вызовам, а также создают основу для гармоничного развития личности и общества в целом [6].

Таким образом, национальная идентичность служит механизмом устойчивого самоопределения, а ее связь с образовательными парадигмами проявляется в способности через систему воспитания и просвещения формировать ценностные ориентиры будущих поколений, тем самым поддерживая духовную безопасность и национальную целостность общества.

Образовательные парадигмы в России направлены на формирование у молодежи системы духовно-нравственных ценностей через системно-деятельностный подход, заменяющий традиционную передачу знаний развитием рефлексивных и творческих компетенций. Этот подход способствует не только усвоению информации, но и осмыслению, а также формированию собственной позиции обучающегося, что особенно важно в контексте социализации и обретения духовной устойчивости личности [7].

В рамках государственной политики и Концепции духовной безопасности Российской Федерации образовательная система призвана интегрировать духовно-нравственное воспитание в учебный процесс, обеспечивая тем самым единство ценностных ориентиров и укрепление национального сознания. Особое внимание уделяется свободному и полноценному изучению истории, учений и традиций традиционных религий России, поскольку религиозные основы имеют большое значение для формирования устойчивых нравственных ориентиров и духовного здоровья граждан.

Современная образовательная среда фокусируется на развитии критического мышления и навыков самостоятельного поиска и оценки информации, помогая молодежи противостоять влиянию деструктивных идеологий и манипуляций. Компетентностный подход ориентирован на развитие личности в целом, включая эмоциональную, социальную и духовную сферы, что создает предпосылки для формирования гармоничной социальной интеграции и коллективной ответственности за состояние общества [3].

Образовательные программы, направленные на формирование духовной безопасности, помогают молодежи осознать свою значимость в национальном и мировом контексте, а также выработать механизмы саморегуляции, необходимые для успешной адаптации и продуктивного участия в жизни общества.

Для эффективного укрепления духовной безопасности необходимо интегрировать различные методы и формы обучения – от формального образования до внеучебных и просветительских программ. Такой комплексный подход позволит обеспечить системность и последовательность воспитания духовных ценностей, создавая условия для формирования целостного общества, способного отвечать на внутренние и

внешние вызовы современности. В итоге образовательные парадигмы должны стать не просто средством передачи знаний, а механизмом формирования духовной идентичности, обеспечивающим устойчивое развитие России как единого национального сообщества.

Молодёжь играет ключевую роль в сохранении культурных и духовных традиций как носитель будущей национальной идентичности, именно молодое поколение становится пространством поиска новых ценностных ориентиров и способов самоопределения, что делает его главной силой трансформации национально-государственного сознания.

Современные социокультурные тенденции требуют от молодёжи повышения коммуникативной толерантности, ответственности и способности к свободному выбору жизненных целей, создавая условия для формирования более зрелого и включённого гражданского сознания.

Активные формы поддержки национального самосознания через государственные просветительские проекты, такие как, проект «Развивающее пространство педагогического театра как средство формирования гражданской позиции у обучающихся в системе вуз-школа», подтверждают важность включения молодёжи в диалог о национальных ценностях и духовных основах общества.

Таким образом, социальный статус и уровень жизненного удовлетворения молодого поколения оказывают определяющее влияние на динамику национальной идентичности в России. Сохранение и развитие духовных традиций зависит от возможности молодёжи осознанно выбирать свои ценности, опираясь на опыт прошлого и современные социальные условия.

Обеспечение духовной безопасности общества требует стратегического подхода к образованию, в котором целенаправленно формируется духовно-ценностное ядро личности с раннего возраста. Этот подход предусматривает системное внедрение духовно-нравственного воспитания, начиная с дошкольного периода, поскольку именно в этот сенситивный этап закладываются основы мировоззрения и устойчивых духовных ориентиров. Создание соответствующих условий для развития духовных потребностей ребёнка становится первоочередной задачей образовательной системы, направленной на гармонизацию интеллектуального и духовного здоровья будущих граждан [2].

Для реализации этих целей разработаны специализированные внеурочные курсы, посвящённые духовно-психологической безопасности личности, включаемые в учебные программы средних школ. При этом важна интеграция современных педагогических методик с учётом этнокультурных традиций, поддерживающих сохранение национальной культурной идентичности и противостоящих негативным влияниям глобализации. Такой комплексный подход обеспечивает преемственность традиций и развитие

критического мышления, формируя у обучающихся способность к самостоятельному духовному выбору и внутренней устойчивости.

Дополнительно необходимо активное использование междисциплинарных методологий, позволяющих учитывать социально-культурный и этнокультурный контекст формирования личности. Это способствует формированию ценностных ориентиров, адекватных современным социокультурным вызовам, и поддержанию устойчивой системы духовных ценностей, подкрепляющей национальную идентичность и государственную безопасность [5].

Таким образом, интеграция образовательных парадигм и культурологических подходов должна быть системной и непрерывной, способствуя формированию у подрастающих поколений прочного фундамента национальной идентичности и самосознания.

Список литературы

1. Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Духовные аспекты формирования национальной идентичности: социологический анализ угроз социальному здоровью и духовной безопасности России // Инженерный вестник Дона
2. Володина Л.О. «К вопросу обеспечения духовной безопасности современной России» Гуманизация образования, №6, 2016, С. 4-12.04.12
3. Гильмидинова Т.В. «Парадигмы современного российского образования» Гуманитарные науки, №4 (64), 2023, С. 35-41.
4. Кокарева Ю.В., Миронова Н.В. «Проблема духовной безопасности в современной России: социальный и нравственный аспекты» // Манускрипт. 2025. №2. С. 585-594.
5. Погасий А. Статья для сборника статей / Погасий А.// Всероссийская научно-практическая конференция «Духовные основы государственности и правопорядка». – Казань, 2012. – С. 1
6. Шамин С.А. Значение понятий «духовность», «личность» в укреплении духовного единства современного российского общества // Христианское чтение. 2018. №4. С. 57-63
7. Юсупова Г.И., Магаррамов М.Д., Алибекова С.Я., Велиев О.В. «Проблемы современного образования в контексте духовной безопасности» Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки, 12, №4, 2018, С. 107-113.
8. Яненко А.С. Научная диссертация: специальность 09.00.11 – социальная философия: Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Яненко А.С.; Военный университет Министерства обороны РФ. – Москва, 2009. – С. 17

УДК 130.2

ИСКУССТВО И ДУХОВНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОПЫТА АЗЕРБАЙДЖАНА

Джабарова Шукюфа Барат гызы,
Азербайджанский Университет Языков
г. Баку, Азербайджан
E-mail: cshb@mail.ru
Абдиева Адалят Мурад гызы
Азербайджанский Университет Языков
г. Баку, Азербайджан
E-mail: adelya_abdiyeva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли искусства в формировании духовной устойчивости личности и общества в условиях глобализации, социальных трансформаций и культурных вызовов современности. Духовная устойчивость рассматривается, как способность человека сохранять внутреннюю гармонию, моральные ориентиры и ценностную целостность, несмотря на внешние воздействия. На основе философско-психологического анализа раскрывается, что искусство выступает одним из ключевых факторов укрепления духовной устойчивости, влияя на эмоциональную, когнитивную и нравственную сферы личности.

В работе анализируются идеи Платона, Аристотеля, Гегеля, Шеллинга, Бердяева, и др. о роли искусства в духовном становлении человека. Особое внимание уделено азербайджанскому культурному опыту, где традиционные формы искусства – мугам, поэзия классиков, театр и народное творчество - способствуют воспитанию нравственности, внутренней гармонии и социальной ответственности. Рассматриваются также современные практики использования искусства в образовательных и терапевтических целях, включая арт-терапию и театральные постановки, направленные на развитие эмпатии и эмоциональной регуляции.

Проведённый анализ показывает, что искусство способствует формированию морально зрелой и психологически устойчивой личности, укреплению национальной идентичности и социального единства. Делается вывод о необходимости интеграции искусства в образовательные и культурные программы как эффективного средства воспитания духовной устойчивости в современном обществе.

Ключевые слова: искусство, духовная устойчивость, философия культуры, мугам, театр, Азербайджан.

ART AND SPIRITUAL RESILIENCE: A PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF THE AZERBAIJANI EXPERIENCE

Jabarova Shukufa Barat
Azerbaijan University of Languages
Baku, Azerbaijan
e-mail: cshb@mail
Abdiyeva Adalat Murad
Azerbaijan University of Languages
Baku, Azerbaijan
e-mail: adelya_abdiyeva@mail.ru

Abstract. The article explores the role of art in shaping the spiritual resilience of individuals and society in the context of globalization, social transformations, and contemporary cultural challenges. Spiritual resilience is understood as a person's ability to maintain inner harmony, moral orientation, and value integrity despite external influences. Based on a philosophical and psychological analysis, the study reveals that art serves as one of the key factors in strengthening spiritual resilience, affecting the emotional, cognitive, and moral dimensions of personality.

The paper analyzes the ideas of Plato, Aristotle, Hegel, Schelling, Berdyaev, Dewey, and Jung on the role of art in the spiritual development of human beings. Particular attention is given to Azerbaijani cultural experience, where traditional art forms - such as mugham, classical poetry, theater, and folk creativity - contribute to the cultivation of morality, inner harmony, and social responsibility. Modern practices of using art for educational and therapeutic purposes are also examined, including art therapy and theatrical performances aimed at developing empathy and emotional regulation.

The analysis demonstrates that art fosters the development of a morally mature and psychologically resilient individual, while strengthening national identity and social unity. The study concludes that integrating art into educational and cultural programs is an effective means of fostering spiritual resilience in contemporary society.

Keywords: art, spiritual resilience, philosophy of culture, mugham, theater, Azerbaijan.

Введение: В современном мире духовная устойчивость личности и общества приобретает особое значение в условиях глобализации, социальных трансформаций, информационных потоков и культурных столкновений. Духовная устойчивость, или способность сохранять внутреннюю гармонию, ценности и моральную целостность, становится важным аспектом гуманитарной безопасности. Одним из ключевых средств формирования духовной устойчивости является искусство.

Искусство выполняет многогранную функцию в жизни человека: оно развивает эмоциональную сферу, формирует нравственные ориентиры, стимулирует когнитивное и духовное развитие. Через художественные образы человек осмысляет опыт, переживает эмоциональные состояния, формирует способность к эмпатии и саморефлексии. Особую значимость приобретает искусство в культурном контексте, где оно становится инструментом формирования национальной идентичности и преодоления социальных кризисов.

В азербайджанской культуре искусство традиционно занимало центральное место в воспитании духовных и моральных качеств личности. Музыка мугама, поэзия классиков (например, Насими, Физули), театральные постановки и народные ремесла формировали представления о добре, красоте, ответственности и социальной гармонии.

Цель настоящей статьи - исследовать роль искусства в воспитании духовной устойчивости личности и общества с философско-психологической точки зрения, приводя конкретные примеры из искусства Азербайджана.

Духовная устойчивость рассматривается, как способность личности сохранять внутреннюю целостность и моральные ценности, несмотря на внешние социальные и культурные воздействия. В философии эта концепция близка к идеям Аристотеля о воспитании добродетелей, Платона – о гармонии души, а также к гегелевскому пониманию самореализации духа через культуру.

В философской традиции роль искусства в духовном становлении личности обсуждалась многими мыслителями. Согласно Платону, искусство – это «подражание подражанию» [6], отражение идеального мира в чувственном. Через восприятие красоты человек приобщается к вечным нравственным принципам, формирует способность различать добро и зло, справедливость и несправедливость. В «Пире» Платон утверждал, что эстетическое восприятие способствует развитию внутренней гармонии и стремлению к моральному совершенству [6].

Аристотель в «Поэтике» развивал идею катарсиса - очищения души через эмоциональное переживание [2]. Трагедии и комедии позволяли человеку осознать внутренние конфликты, пережить страх и сострадание, что способствовало укреплению духовной устойчивости и моральной зрелости. Таким образом, искусство становится инструментом эмоционального и этического развития личности.

Г.В.Ф.Гегель рассматривал искусство как чувственное воплощение идеи и форму самопознания абсолютного духа [4]. В его концепции художественное произведение представляет собой пространство, где соединяются материальное и идеальное, индивидуальное и универсальное. Искусство позволяет личности постичь мир не только через рациональное

понимание, но и через чувственное созерцание, что укрепляет духовные основы личности и её устойчивость перед внешними вызовами.

Ф. Шеллинг в «Философии искусства» подчеркивал, что художественное творчество является высшей формой философского мышления, объединяющей субъекта и объект [7]. Искусство раскрывает истину через живой образ, а не абстрактные понятия, способствуя интеграции внутреннего опыта личности и её мировоззрения.

Джон Дьюи, американский философ XX века, подчеркивал, что искусство – это опыт, который объединяет воображение, эмоции и интеллект, способствуя формированию целостной личности [5]. Через художественное переживание человек учится принимать решения, осознавать последствия своих действий и формировать собственные моральные ориентиры. Это особенно важно для воспитания духовной устойчивости, так как формирует способность сохранять внутреннее равновесие и ценностные ориентиры в сложных жизненных ситуациях.

Н. Бердяев рассматривал искусство как проявление «божественной свободы человека» [3]. Художник и зритель через художественный акт становятся со-творцами мира, формируя духовную устойчивость через способность создавать и воспринимать новые смыслы. Искусство, по Н.Бердяеву, способствует утверждению высшего смысла человеческого существования, соединяя материальное и духовное, конечное и бесконечное.

С психологической точки зрения искусство способствует развитию эмоциональной регуляции, гибкости мышления и способности к самопознанию. Карл Юнг указывал на художественные образы как проявления архетипов коллективного бессознательного, через которые личность получает доступ к универсальному опыту человечества [8].

Искусство воздействует на личность через эмоциональные, мыслительные и нравственные каналы, формируя духовную устойчивость - способность сохранять внутреннюю гармонию и моральные ориентиры в условиях жизненных вызовов.

Художественный образ активирует эмоциональную сферу человека, позволяя безопасно переживать широкий спектр чувств - от сострадания до страха, от радости до грусти. Через эти переживания развивается эмоциональная гибкость и способность к эмпатии, что является важным компонентом духовной устойчивости.

В качестве примера можно привести мугам - традиционная классическая музыка Азербайджана. Он сочетает в себе эмоциональную глубину и сложную мелодику. Исполнение мугама требует высокой эмоциональной вовлеченности, как от исполнителя, так и от слушателя. Как отмечает известный исследователь философии мугама, профессор Г.Абдуллазаде, эмоциональное воздействие мугама помогает человеку справляться с внутренним напряжением, поддерживает внутреннюю гармонию и способствует духовному единению [1].

Музыкальные композиции мугама воспитывают у слушателя терпение, внимание, эмоциональную чувствительность. Исполнение мугама требует глубокого внутреннего погружения артиста, что делает процесс творческого взаимодействия терапевтическим как для исполнителя, так и для слушателя.

Так, например, исполнение мугама «Segah» может вызывать чувство душевного очищения, эмоционального катарсиса, формируя внутреннюю устойчивость и гармонию. Практика показывает, что прослушивание традиционной музыки улучшает эмоциональную регуляцию и снижает уровень тревожности, что прямо связано с укреплением духовной устойчивости.

Искусство создает символические пространства, через которые личность может интерпретировать собственный опыт, соотносить себя с историческим и культурным контекстом, выстраивать систему ценностей. Символическая форма выражения способствует выработке прочных нравственных ориентиров и закреплению внутренних убеждений. В качестве примера можно показать пьесу известного азербайджанского писателя Джалила Мамедкулизаде – «Алмас». Автор используют символику для обсуждения моральных и социальных проблем. Пьеса исследует конфликты между личной свободой и общественным давлением, религиозным догматизмом и социальной справедливостью. Для зрителя переживание этих конфликтов становится способом внутреннего осмысления, что укрепляет духовную устойчивость и способность к моральному выбору. Постигая смысл художественных произведений, человек учится распознавать скрытые значения, формировать собственные взгляды и включать новые идеи в уже сложившуюся систему ценностей.

Участие в коллективных художественных практиках - театр, хоровое исполнение, народные танцы, художественные кружки - способствует освоению социальных ролей, норм и моделей поведения. Через такие формы социализации формируются ценностные ориентиры и укрепляется духовная устойчивость.

Еще одним мощным инструментом коллективного переживания и социального воспитания является театр. Постановки, отражающие реальные социальные и исторические конфликты, помогают зрителям осмысливать коллективный опыт, формировать чувство ответственности и духовную устойчивость. Так, например, Азербайджанский государственный театр юного зрителя проводит постановки, посвященные памяти, реальным судьбам людей и последствиям Карабахской войны («Письма с фронта», «Монологи войны»). Зрители, сопереживая героям и анализируя представленные моральные дилеммы, развивают способность к эмоциональной регуляции и коллективной солидарности. Молодые зрители, участвуя в коллективных обсуждениях и встречах с режиссером и актерами после спектакля, развивают чувство коллективной ответственности, эмпатию, внутреннюю устойчивость и гражданское сознание.

Использование искусства в терапевтических целях – один из современных методов формирования духовной устойчивости. Арт-терапия помогает человеку безопасно переживать эмоции, осмысливать травмы и формировать целостное «я».

В Азербайджане арт-терапевтические программы активно используются в школах, детских домах и центрах реабилитации. Применяются техники рисования, музыкотерапии и театральной импровизации. Опыт показывает, что систематическое участие в таких программах способствует развитию эмоциональной регуляции, уверенности в себе и моральной стойкости, снижать уровень стресса и формировать устойчивую личность.

Примеры из Азербайджана подтверждают, что именно сочетание традиционных и современных форм искусства, образовательных инициатив и терапевтических практик создаёт устойчивую платформу для воспитания духовной зрелости, духовной устойчивости личности и общества. Также необходимо отметить, что искусство и культура Азербайджана служит пространством мультикультурного диалога и важнейшим источником духовной устойчивости общества. Многовековая культурная традиция Азербайджана, сформировавшаяся на пересечении различных цивилизационных влияний – тюркского, персидского, арабского и европейского, – создала уникальную систему ценностей, где толерантность, уважение к иному и стремление к гармонии выступают фундаментом духовного равновесия личности и народа [9].

В этом контексте искусство становится своеобразным «мостом» между культурами и одновременно внутренним ресурсом человека, укрепляющим его нравственную и психологическую устойчивость. Мугам с его глубоким философским содержанием, поэзия Низами Гянджеви, воспевающая любовь и мудрость, архитектурная гармония древнего Баку – все это не только выражает мультикультурное единство, но и питает духовную устойчивость, помогая сохранять внутреннюю целостность перед лицом глобальных изменений.

Таким образом, культура Азербайджана выполняет двойную миссию: она формирует пространство диалога между народами и культурами, а также укрепляет духовные основы общества, способствуя развитию личности, способной к эмпатии, саморефлексии и гармоничному взаимодействию с миром.

В целом можно сформулировать следующие выводы о роли искусства в воспитании духовной устойчивости: Искусство оказывает глубокое воздействие на эмоциональную, когнитивную и нравственную сферы человека. Оно способствует формированию человека как целостной личности. Через сопереживание, символическую интерпретацию и творческое самовыражение индивид развивается как морально зрелый и психологически устойчивый субъект, способный к осмысленному

взаимодействию с окружающим миром. Конкретные художественные практики - театр, музыка, живопись - в азербайджанском культурном контексте играют особую роль, содействуя укреплению национальной идентичности, выработке нравственных ориентиров и развитию эмоциональной регуляции. Интеграция искусства в образовательные и социальные программы становится, таким образом, эффективным инструментом воспитания духовной устойчивости и адаптации личности к вызовам современного общества.

Искусство создает пространство коллективного опыта и межкультурного диалога. Искусство способствует интеграции общества и укреплению его духовного здоровья. Фестивали, выставки, коллективные художественные проекты формируют чувство принадлежности, единства и общечеловеческих ценностей. Они являются социальными механизмами профилактики культурного и психологического кризиса, формируя у общества способность к адаптации и диалогу.

Заключение: Искусство в современном обществе играет ключевую роль в воспитании духовной устойчивости, объединяя эстетические, эмоциональные, нравственные и социальные функции. Анализ практик в Азербайджане показывает, что театр, музыка, изобразительное искусство и арт-терапия являются эффективными инструментами формирования целостной личности, способной к моральной рефлексии, эмоциональной регуляции и социальной интеграции.

Современное художественное образование должно учитывать эти возможности и создавать условия для системного воздействия искусства на подрастающее поколение. В этом контексте духовная устойчивость рассматривается как результат комплексного взаимодействия культурных, образовательных и психологических факторов, где искусство занимает центральное место.

Список литературы

1. Абдуллазаде Г. Философская сущность азербайджанских мугамов. – Язычи, 1983. – 39 с.

2. Аристотель. Поэтика. – М.: Академический проект, 2000. – 224 с.

3. Бердяев, Н. А. Смысл творчества. – М.: Республика, 1994. – 351 с.

4. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика. Т.1 – М.: Искусство, 1968. – 312 с.

5. Дьюи, Дж. Искусство как опыт. – М., 2024. – 530 с.

6. Платон. Пир. – М.: Мысль, 1993. – 240 с.

7. Шеллинг, Ф. Философия искусства. – М.: Мысль, 1999. – 412 с.

8. Юнг, К. Г. Архетип и символ. – М.: Канон, 2022. – 336 с.

9. Jabarova, Sh.; Abdiyeva, A. Cross-cultural education in Azerbaijan: the experience of the Azerbaijan University of Languages // Multicultural Studies. – 2024. – № 1 (18). – Huzhou, China. – P. 45–56.

УДК 37.013.78

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Джамурзаева Хеда Зелимхановна,
Болтаева Лейла Шаитовна,
Чеченский государственный педагогический университет,
г. Грозный, Россия
e-mail: dzhamurzaevaakh928@mail.ru
e-mail: lboltaeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о роли духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения как фактора профилактики девиантного поведения. Авторами были использованы следующие методы исследования: анализ литературы, который позволил определить понятие «девиантное поведение» с различных точек зрения; сравнительный анализ, наблюдение и обобщение. По мнению авторов, именно духовно-нравственное воспитание может стать ключевым элементом в формировании и развитии личности, соблюдающей нормы общества.

Ключевые слова: личность, поведение, девиантность, духовно-нравственное воспитание, подрастающее поколение.

SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION AS A FACTOR IN THE PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR

Dzhamurzaeva Kheda Zelimkhanovna,
Boltaeva Leila Shaitovna,
Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia
e-mail: dzhamurzaevaakh928@mail.ru
e-mail: lboltaeva@mail.ru

Abstract. This article examines the role of spiritual and moral education of the younger generation as a factor in preventing deviant behavior. The authors used the following research methods: literature review, which allowed them to define the concept of "deviant behavior" from various perspectives; comparative analysis; observation; and generalization. The authors believe that spiritual and moral education can be a key element in the formation and development of individuals who adhere to social norms.

Keywords: personality, behavior, deviance, spiritual and moral education, younger generation.

Введение. В современных реалиях активно сменяются приоритеты воспитания подрастающего поколения под влиянием трансформаций

общества. Если раньше основными институтами социализации личности выступали семья, образовательные организации, то сегодня, по мнению Книжниковой С.В., эту роль зачастую играет «медийно-информационная среда с девиантогенными посылами и стимулами» [2, с. 3]. Вследствие этого происходят изменения на мировоззренческом уровне подрастающего поколения, что, несомненно, отражается и на их поведении, которое часто отклоняется от норм общества.

Исходя из этого, мы понимаем, что человек постоянно сталкивается с различными социальными нормами. Соблюдение этих норм позволяет людям привести свое поведение в соответствие с ожиданиями общества, что создает и поддерживает социальную связь между людьми. Контроль за соблюдением этих стандартов осуществляется на постоянной основе либо обществом, либо через учреждения, которые оно создает, либо непосредственно членами общества. Тем не менее, некоторые люди не соблюдают эти стандарты, что приводит к неизбежному поведению, которое общество стремится предотвратить или исправить.

Цель исследования: определение роли духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения как фактора профилактики девиантного поведения.

Методика и организация исследования. В рамках данного исследования использовались следующие методы: анализ литературы, который позволил определить понятие «девиантное поведение» с различных точек зрения; сравнительный анализ, наблюдение и обобщение.

Результаты исследования и их обсуждение.

Рассмотрим понятие девиантное поведение. По мнению Кочерова А.В., девиантное поведение рассматривается как «устойчивое (повторяющееся) поведение, которое отклоняется от норм, признанных в обществе» [3, с. 33]. Змановская Е.В. рассматривает девиантность как «качество субъекта социальных отношений (личности, группы), которое проявляется в его направленности на нарушение социальных норм» [1, с. 17]. Михаелян Е.Е. рассматривает девиантное поведение с социологической точки зрения: «индивидуальное социально-отклоняющееся поведение» [4].

Так, мы склоняемся к точке зрения, согласно которой девиантное поведение представляет собой нарушение социальной нормы, которая санкционируется обществом. Необходимо отметить, что девиантное поведение определяется двумя критериями: нарушением нормы и неумением вести себя. Большинство примеров такого поведения не имеют большого значения для группы (например, выступления в классе), но другие могут нанести серьезный вред. Другими словами, общество дает нормы и ценности, которые позволяют человеку руководить своим поведением. Зачастую бывают такие ситуации, когда происходит потеря, ослабление или путаница этих социальных правил. С этого момента человек потеряет свою ориентацию и может быть подвержен к совершению девиантного действия. В этих условиях огромную роль играет духовно-нравственное воспитание.

Действительно, профилактика отклоняющегося поведения предусматривает в первую очередь духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения. Духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения – это искусство, практика которого должна быть усовершенствована несколькими поколениями. Каждое поколение бывает вооружено знаниями предыдущих, главное – уметь пользоваться ими. Так, многие исследователи данного вопроса склоняются к мнению, что необходимо проводить профилактические мероприятия в рамках духовно-нравственного воспитания. Анализ литературы позволил нам определить основные элементы этой работы.

Во-первых, это психолого-педагогическое сопровождение, представляющее собой поддержку на разных уровнях социализации со стороны психологов и педагогов. Такое сопровождение может реализоваться в образовательных учреждениях.

Во-вторых, это ресоциализация подрастающего поколения, которая предусматривает процесс восстановления утраченных общественных связей и ролей [5].

В-третьих, влияние информационных ресурсов. Сюда можно отнести СМИ, Интернет и т.д.

Кроме этого, в образовательных учреждениях активно проводятся классные и кураторские часы «Разговоры о важном», которые направлены на духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения. Следует отметить, я очень важную роль при проведении таких мероприятий играет этап рефлексии. Данный подход к проведению классных и кураторских часов на темы духовно-нравственного воспитания позволит обсуждать важные вопросы, анализировать и связывать со своим социальным опытом полученные знания или уроки.

Заключение. Таким образом, именно духовно-нравственное воспитание выступает ключевым элементом в формировании и развитии личности, соблюдающей нормы общества. Другими словами, оно является важным условием профилактики девиантного поведения.

Список литературы

1. Змановская Е.В. Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции // Российский девиантологический журнал. 2021. №1. С. 17. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-rossiyskaya-deviantologiya-istoriya-metodologiya-sotsialnye-vyzovy-i-aktualnye-tendentsii

2. Книжникова С.В. Научно-педагогические идеи о профилактике девиантного поведения детей в условиях школы: обзор диссертационных исследований за период 2000-2020 гг. Концепт. 2021. 10. С. 1-18.

3. Кочеров А.В. Девиантное поведение как психологический феномен // Вестник науки. 2020. №2 (23). С. 33. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnoe-povedenie-kak-psihologicheskiy-fenomen-1

4. Михаелян Е.Е. Социализация девиантного поведения личности // Теория и практика общественного развития. 2011. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-deviantnogo-povedeniya-lichnosti

5. Москвина Е.В., Миронов Д.Д. Коррекционно-развивающая среда специального учебно-воспитательного учреждения как условие ресоциализации подростков делинквентного поведения. Педагогическое образование в России. 2016. 3. С. 76-81.

6. Филипенко Е.В. Профилактика девиантного поведения подростков в контексте духовно-нравственного воспитания // Российский девиантологический журнал. 2022. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-deviantnogo-povedeniya-podrostkov-v-kontekste-duhovno-nravstvennogo-vospitaniya

УДК 008

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Зекиева Петимат Масудовна,
Зайналабдиева Танзила Сулумбековна,
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный, Россия
e-mail: sekieva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль гуманитарного знания в обеспечении культурной безопасности государства в условиях глобализации и цифровых трансформаций. Цель исследования состоит в теоретическом обосновании того, каким образом гуманитарные дисциплины формируют механизмы сохранения национальной идентичности, поддержания культурной памяти и укрепления культурной устойчивости общества. В рамках работы решаются задачи анализа концепции культурной безопасности, определения функций гуманитарного знания в её структуре, выявления современных культурных угроз и оценки потенциала гуманитарных наук для противодействия им. Использование системного и структурно-функционального анализа, а также аналитического обзора научных публикаций позволило установить, что гуманитарное знание выступает ключевым ресурсом интерпретации культурных смыслов, их трансляции и защиты от внешних и внутренних рисков. Практическая значимость работы проявляется в возможности применения её выводов при формировании государственной культурной политики, разработке

образовательных программ и создании инструментов сохранения исторической памяти и нематериального наследия.

Ключевые слова: гуманитарное знание, культурная безопасность, национальная идентичность, культурная память, культурная политика, глобализация, цифровая среда, культурное наследие, интерпретация культурных кодов, культурные угрозы.

HUMANITIES KNOWLEDGE IN THE SYSTEM OF CULTURAL SECURITY OF THE STATE

Zekieva Petimat Masudovna,
Zainalabdieva Tanzila Sulumbekovna,
Chechen State Pedagogical University
Grozny, Russia
e-mail: sekieva@mail.ru

Abstract. The article examines the role of humanities knowledge in ensuring the cultural security of the state under conditions of globalization and digital transformation. The purpose of the study is to theoretically substantiate how the humanities generate mechanisms for preserving national identity, maintaining cultural memory, and strengthening the cultural resilience of society. The research addresses the tasks of analyzing the concept of cultural security, identifying the functions of humanities knowledge within its structure, revealing contemporary cultural threats, and assessing the potential of the humanities to counter them. The application of systemic and structural-functional analysis, as well as an analytical review of academic literature, made it possible to establish that humanities knowledge serves as a key resource for interpreting, transmitting, and protecting cultural meanings from internal and external risks. The practical significance of the research is reflected in its applicability to state cultural policy, educational program development, and the creation of tools for preserving historical memory and intangible cultural heritage.

Keywords: humanities knowledge, cultural security, national identity, cultural memory, cultural policy, globalization, digital environment, cultural heritage, interpretation of cultural codes, cultural threats.

Введение. В условиях стремительных социальных и технологических трансформаций вопрос сохранения культурной самобытности государства приобретает стратегическую значимость. Глобальные медиа, миграционные процессы, цифровые платформы и новые формы массовой культуры усиливают давление на традиционные системы ценностей, формируя угрозы культурной эрозии и подмены исторической памяти. Именно поэтому в последние десятилетия культурная безопасность рассматривается не как факультативный элемент национальной политики, а как один из ключевых компонентов устойчивого развития государства. Исследователи

подчёркивают, что состояние культуры, способность общества к воспроизводству идентичности и передаче культурного наследия являются столь же значимыми показателями безопасности, как экономические или военные факторы [1; 3]

Гуманитарное знание, вбирающее в себя историю, филологию, культурологию, философию, антропологию и междисциплинарные гуманитарные исследования, оказывается своего рода «интеллектуальным каркасом» национальной идентичности. Именно через гуманитарные дисциплины общество осознаёт своё прошлое, интерпретирует культурные коды, конструирует общие смыслы и формирует ценностные ориентиры. Как отмечает А.Ю. Голобородько, культурная безопасность невозможна без понимания того, какие ресурсы (символические, исторические, языковые) формируют культурное единство нации [5].

Несмотря на признание важности культурной безопасности, в научной литературе сохраняется фрагментарность подходов к её осмыслению. Одни авторы фокусируются на угрозах, а именно глобализации, утрате языков, размывании традиций, экспансии массовой культуры [1]. Другие подчеркивают, что культурная безопасность – это не только защита, но и способность общества к творческому обновлению, адаптации и включению новых смыслов без утраты идентичности [3].

Однако в большинстве работ недостаточно раскрыт вопрос о гуманитарном знании как механизме обеспечения культурной безопасности. При том что гуманитарные дисциплины являются ключевыми инструментами осмысления культурного наследия, интерпретации символов и формирования коллективной идентичности, их роль редко представляется системно. Между тем международные исследования показывают: культура, идентичность и безопасность тесно взаимосвязаны [4]. Через гуманитарные практики общество продуцирует смысловые рамки, которые определяют, что считать ценностью, наследием, традицией, а что – угрозой.

Возникает необходимость комплексного анализа того, каким образом гуманитарное знание участвует в формировании культурной безопасности, какие функции оно выполняет и какие механизмы позволяет задействовать государству и обществу.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить и теоретически обосновать роль гуманитарного знания в обеспечении культурной безопасности государства, определить механизмы его влияния на сохранение национальной идентичности, культурной памяти и устойчивость общества в условиях глобальных и цифровых трансформаций.

Методы. Для достижения цели исследования использовался комплекс взаимодополняющих методов. Системный анализ позволил рассмотреть культурную безопасность как целостную структуру и выявить связи между гуманитарным знанием, культурной политикой и механизмами сохранения идентичности. Структурно-функциональный метод был применён для определения функций гуманитарного знания в трансляции культурных кодов,

поддержании памяти и укреплении культурной устойчивости. Аналитический обзор научных публикаций позволил обобщить теоретические основания исследования и выделить ключевые концепции.

Результаты исследования и обсуждение. Исходя из работ Ю.В. Верминенко и Н.В. Ершова, культурная безопасность определяется как состояние защищённости культурной среды государства от угроз, способных привести к утрате культурной идентичности и духовных ценностей [1]. Это состояние включает сохранение культурного наследия, поддержание культурной памяти, а также устойчивость символической структуры общества.

А.П. Романова подчеркивает, что культурная безопасность является фундаментальным фактором национальной безопасности. Угрозы, возникающие в культурной сфере, имеют долгосрочный и часто необратимый характер, что делает их стратегически значимыми для государства. [3]

Международные исследования предлагают рассматривать культуру как многослойную систему смыслов, где язык, история, коллективная память и символические практики действуют как механизмы конструирования идентичности. В этой структуре гуманитарное знание выполняет функцию интерпретации и трансляции смыслов, обеспечивая преемственность между поколениями [4].

Согласно А.Ю. Голобородько, культурная безопасность невозможна без «культурного потенциала» – совокупности ресурсов, формируемых именно гуманитарным знанием: историческими исследованиями, этнографией, филологией, культурологией, архивными практиками [5]. Данные ресурсы позволяют обществу удерживать целостную картину своего прошлого и понимать культурные коды настоящего.

Гуманитарное знание также выступает связующим пространством между культурным наследием и современными формами социальной жизни, а именно не только фиксирует и интерпретирует культурные смыслы, но и создает механизмы их сохранения, воспроизводства и трансляции. На уровне государства это знание становится частью более широкого комплекса культурной политики и стратегий, направленных на укрепление национальной идентичности и устойчивость общества к внешним и внутренним культурным угрозам [2].

Одним из значимых примеров интеграции гуманитарного знания в практику государственной культурной политики является реализация программы «Пушкинская карта» (2021–н.в.). Инициатива направлена на расширение доступа молодёжи к учреждениям культуры: театрам, музеям, концертным залам и выставочным пространствам. Программа выполняет не только просветительскую, но и социально-профилактическую функцию, способствуя включению молодого поколения в культурное пространство, укреплению интереса к национальному искусству и формируя устойчивые культурные ориентиры.

Современная культурная среда характеризуется высокой динамикой и неоднородностью. Технологические изменения, политические процессы и глобальные культурные потоки создают среду, в которой традиционные формы идентичности становятся более уязвимыми. Влияние этих факторов проявляется на разных уровнях – от индивидуального самоосознания до государственной культурной политики.

Глобализация усиливает проникновение универсализированных образов и ценностей, которые постепенно вытесняют локальные культурные особенности.

В условиях, когда глобальная массовая культура направляет внимание миллионов людей, национальные культурные коды могут стремительно терять своё влияние [5].

Основные угрозы включают:

- стандартизацию культурных практик;
- снижение интереса молодёжи к традициям;
- замещение локальных культурных образов универсальными;
- сужение пространства национальных нарративов.

В этой среде гуманитарное знание выполняет роль аналитического фильтра, позволяющего обществу осознавать ценность собственной культурной уникальности и формировать самостоятельные культурные траектории.

Цифровое пространство превращается в основную площадку для формирования образов прошлого, национальной идентичности и культурных смыслов. Но одновременно оно становится и зоной информационных манипуляций:

псевдоисторические реконструкции, фейковые интерпретации культурных событий, идеологизация культурных символов [5].

Опасность заключается в том, что цифровые симулякры маскируются под достоверное знание и быстро распространяются.

Гуманитарные науки здесь действуют как система проверки и интерпретации:

они позволяют обществу отличать подлинную историю и традицию от конструктов, созданных в информационных целях.

Многие элементы национальной культуры (диалекты, традиционные ремёсла, обряды, устные формы искусства) оказываются под угрозой исчезновения.

Они не всегда передаются от поколения к поколению, и их носители часто не имеют поддержки от государства. Гуманитарное знание здесь действует как система документирования, архивации и реконструкции нематериального наследия:

этнографические исследования, языковые атласы, цифровые архивы, культурные центры – все эти формы позволяют сохранить элементы культуры, находящиеся под угрозой исчезновения.

Заключение. Проведённый анализ позволяет утверждать, что гуманитарное знание занимает центральное место в системе культурной безопасности государства. Оно формирует интеллектуальные механизмы, через которые общество осознаёт свою идентичность, сохраняет историческую память, интерпретирует культурные коды и отвечает на вызовы глобализации.

Гуманитарные дисциплины создают основания для формирования устойчивой национальной идентичности и обеспечивают государству возможность гибко реагировать на трансформации культурной среды. Именно благодаря гуманитарному знанию культура становится не только объектом охраны, но и активным ресурсом развития, способным укреплять социальное единство и поддерживать межпоколенческую связь.

Современные вызовы требуют усиления роли гуманитарных наук в образовательной, культурной и информационной политике государства. Без их системной интеграции культурная безопасность оказывается уязвимой, а национальная идентичность – неустойчивой перед внешними и внутренними влияниями.

В этом контексте гуманитарное знание выступает не просто областью интеллектуальной деятельности, но стратегическим элементом национальной безопасности, определяющим способность общества сохранять культурную самобытность, передавать наследие и поддерживать социальную связанность в условиях быстро меняющегося мира.

Список литературы

1. Верминенко Ю. В., Ершов Н. В. Культурная безопасность общества и государства и ее основные угрозы // Управленческое консультирование. 2017. № 12 (108). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-bezopasnost-obschestva-i-gosudarstva-i-ee-osnovnye-ugrozy (дата обращения: 29.11.2025).

2. Коваленко Т. В. Культура как фактор национальной безопасности: концептуальные и стратегические аспекты // Журнал Института Наследия. 2018. № 1 (12). URL: http://nasledie-journal.ru/ru/journals/194.html (дата обращения: 29.11.2025).

3. Романова А. П., Мармилова В. О. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности // Южно-российский журнал социальных наук. 2008. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-bezopasnost-kak-vazhneyshiy-faktor-natsionalnoy-bezopasnosti (дата обращения: 29.11.2025).

4. Culture, Identity and Humanities / J. Kelmendi, D. B. Gupta, V. Bhatt, P. M. Tase. – New Haven: Yale University Press, 2025. – ISBN 979-8-89686-979-5.

5. Goloborod’ko A. Yu. Cultural Security: The Notion, Resources and the Instruments of Implementation // Comparative Politics Russia. 2015. Vol. 6, No. 4 (21). P. 10–19. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-4(21)-10-19.

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ШКОЛЬНОГО ТЕАТРА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Инаркаева Субран Исламовна?
Ахмадова Лайла Кюриевна
Чеченский государственный педагогический университет,
г. Грозный, Россия
e-mail: inarkaeva67@mail.ru;
e-mail: lyo_a@vk.com

Аннотация. В пространстве современного российского образования с 2022 активизировалась необходимость создания школьного театра. Важность использования его воспитательного потенциала в деле формирования духовно богатой личности молодого человека осознавалась не только современными учеными-методистами. Вопрос о театре как о способе и методе воспитания всегда был актуален во всех ведущих мировых образовательных системах образования. А на современном этапе его значение усиливается еще больше в связи со многими очевидными и скрытыми причинами. Принимая во внимание актуальность поднимаемой проблемы, цели и задачи исследования заключаются в том, чтобы обозначить широкий научно-теоретический контекст, основанный на трудах российских ученых, освещающих проблему с разных позиций, начиная с древности и до наших дней. В работе использован метод научного анализа и описания, благодаря которому удалось высветить многие значимые стороны материала, приведенного в статье. Исследование имеет безусловную практическую значимость: многие его посылы могут быть использованы в качестве научно-теоретического обоснования важности создания школьного театра в образовательном пространстве страны.

Ключевые слова: школьный театр, проблема формирования, современное российское образовательное пространство.

SCIENTIFIC AND THEORETICAL REVIEW OF THE PROBLEM OF FORMATION OF SCHOOL THEATRE IN THE SYSTEM OF MODERN RUSSIAN EDUCATION

Inarkayeva Subran Islamovna,
Akhmadova Layla Kurievna,
Chechen State Pedagogical University,
Grozny, Russia
e-mail: inarkaeva67@mail.ru;
e-mail: lyo_a@vk.com

Abstract. Since 2022, the need to create a school theater has intensified in the space of modern Russian education. The importance of using his educational potential in the formation of a spiritually rich personality of a young man was realized not only by modern methodologists. The issue of theater as a way and method of education has always been relevant in all the world's leading educational systems of education. And at the present stage, its importance increases even more due to many obvious and hidden reasons. Taking into account the urgency of the problem being raised, the goals and objectives of the study are to identify a broad scientific and theoretical context based on the works of Russian scientists who cover the problem from different perspectives, from antiquity to the present day. The work uses the method of scientific analysis and description, which has succeeded in highlighting many significant aspects of the material presented in the article. The research has an absolute practical significance: many of its messages can be used as a scientific and theoretical justification of the importance of creating a school theater in the educational space of the country.

Keywords: school theater, the problem of education, modern Russian educational space.

Актуальность поставленной в статье проблемы не вызывает сомнений с позиции стратегической важности создания школьного (педагогического) театра в системе современного российского образования. Практика показывает, что использование потенциала развивающего пространства педагогического театра в системе «школа–вуз» предусматривает прежде всего создание возможностей для многостороннего развития личности молодого человека, становления его внутреннего мира, стремления к творчеству и т. д. Театр по своей сути не может не влиять на процесс воспитания в образовательной системе, использование его развивающего пространства не может не дать должного результата по формированию разносторонне развитой личности. Он располагает ресурсом, способным воздействовать даже на малоактивных учащихся, не проявляющих большого интереса к обучению, психологически зажатых. Для такой части школьников театр вовсе становится площадкой преодоления комплексов, неуверенности в себе, открытия личностного потенциала.

Мы разделяем мнение М. Жуковой, руководителя театра Санкт-Петербургской школы «Estrella», утверждающей, что «театр творит чудеса». По ее мнению, «дети становятся смелыми и уверенными в себе, выпрямляются и идут красивой походкой, могут петь и танцевать, становятся подвижнее и активнее». Педагог справедливо считает, что «этот момент преодоления себя, своего комплекса, очень важен» для детей [7, с. 55]. М. Жукова рассуждает о театре не столько с точки зрения его важности как явления искусства (хотя и это тоже имеет свою безусловную ценность), сколько с позиции его значимости для детей как особой сферы, где происходит их самоутверждение, повышается самооценка, пробуждается

интерес к собственной личности. Она убеждена, что «в школьном театре искусство важно, но оно вторично. Главное – предоставить детям возможность творческой реализации, создать им условия для этого, раскрепостить, высвободить ту творческую энергию, которая в них до поры до времени дремлет» [7, с. 55].

В научно-педагогическом дискурсе идеи отечественного психолога, автора культурно-исторической концепции Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития и роли игры как ведущей деятельности в становлении личности находят практическое воплощение именно в театральной педагогике. Ученый считает, что «важно не то, что ребенок уже умеет, а то, чему он может научиться» [4, с. 252]. В обучении ребенка для него приоритетно не само обучение, а его развитие, создание возможностей для этого. Зона ближайшего развития – есть одна из таких возможностей, являющаяся ключевым открытием ученого. В этом контексте огромное внимание уделяется игре как важной форме проявления личности ребенка.

«Сущность игры в том, что она есть исполнение желаний, но не единичных желаний, а обобщенных аффектов», – утверждает он [4, с. 66]. Придавая огромное значение взаимодействию ребенка с педагогами, со сверстниками, погружению в общую коллективную работу (деятельность), полагал, что это будет способствовать развитию личности; считал культурное развитие ребенка важным фактором его благополучного вхождения в социальную среду, а создание в образовательном учреждении соответствующих для этого условий принимал как грамотно выстроенную систему обучения и воспитания.

Культурное становление личности ребенка, принимаемое Л. С. Выготским в качестве важного компонента обучения и воспитания, предполагает овладение языком, поведенческими нормами и нормами морали. В контексте выдвинутых ученым тезисов о необходимости творческого подхода к обучению и воспитанию школьный театр может занимать ведущее положение как инструмент, способный повлиять на процесс становления личности. В научном наследии ученого нет специально разработанных методик, посвященных вопросам воспитания и развития детей, но его идеи о правильной организации обучения и воспитания могут стать обоснованием необходимости и эффективности использования школьного театра в качестве одного из главных инструментов формирования личности в образовательной системе, являются подтверждением актуальности темы исследования.

Аристотель (ученик Платона) не оставил миру специальных работ, посвященных вопросам воспитания личности, хотя во многих его трактатах (**«**Никомахова этика», «Политика», «Этика») проблеме воспитания гармоничной личности он отводит одно из ключевых мест. Отдавая должное изучению специальных предметов и образованию в целом, Аристотель немало рассуждал о важности для государства воспитания людей с добродетельными

наклонностями. «Нет сомнения, что законодатели должны заботиться о воспитании детей и молодежи, как и о поддержке нравственности в обществе. Без этого никакое государство (демократическое или олигархическое, или др.) не в силах себя сохранить, – писал он [1, с. 375].

Рассуждая о принципе гармонии, античные мыслители предполагали абсолютное соответствие тела и духа. Красивое, физически «разработанное» тело человека должно было содержать в себе столь же гармонизированную (культивированную) душу. Только при абсолютной слитности в человеке этих двух субстанций можно было говорить о его гармонии. Переводя принцип гармонии из своего античного мира в реальность наших дней, широко применив его в жизнеустройстве современного российского образования (школьного и высшего), можно получить результат колоссальной силы, способной многое изменить в позитивном направлении, тем более, если «целевым его ориентиром является гармонически развитый человек» [11, с. 39–46].

Первые педагогические концепции, возникшие в трудах древности (Платон, Аристотель, Демокрит, Конфуций и пр.), наряду со многими важными принципами организации образовательного процесса включали в себя вопросы воспитания личности. Известно, что Платон и Аристотель были самыми выдающимися представителями древнего мира, кто уделял этой проблеме повышенное внимание. Они полагали, что здоровая телом и духом личность может стать оплотом государства и его стражем. Хорошо образованные и добродетельные люди, по их мнению, могут стать залогом успеха любого государства, свидетельством его крепости во всех смыслах. Актуальность тезиса и для наших дней, как видим, вполне очевидная. Платон мечтал об идеальном государстве, выстроенном на справедливости и добродетели. В своем главном философском трактате «Государство» вместе с учением о политике он сформировал и концепцию о воспитании личности, в основе которой лежит его вера, что «правильное воспитание является максимально возможным воплощением идеи справедливости в земной жизни» [1, с. 98].

Многие современные исследователи сходятся во мнении, что в работах древнегреческих ученых обнаруживается целый пласт идей и мыслей о том, какими средствами можно и нужно воспитать личность человека, особенно молодого. Признавая мастерство за теми, кто достиг в искусстве наибольшего успеха и совершенства, мыслители древнего мира полагали, что «мастерство, есть не что иное, как совершенство в искусстве» [1, с. 293]. Демонстрируя свою твердую убежденность в безусловной полезности и необходимости использования искусства в воспитании разносторонней личности, они пытались закрепить ее в своих философских трудах.

Определяя статус социального значения искусства («Поэтика» Аристотеля), древнегреческие философы рассуждали о необходимости предоставления гражданам возможности «заниматься делами и воевать, а в

еще большей степени – хранить мир и пользоваться досугом, исполнять необходимые и полезные дела, в особенности же – прекрасные» [1, с. 680]. Следствием таких посылов стало включение музыки в число общеобразовательных предметов. Музыка, по их мнению, имеет огромное влияние на воспитание души человека, формирование его духовного начала, является не просто средством развлечения, но и образования, обучения.

Считая театральное искусство явлением больше зрелищным, дающим людям пищу для удовольствий, музыке философы придавали особое значение, нисколько не сомневаясь в ее положительной роли в формировании нравственного начала в человеке. В последних главах «Политики», к примеру, Аристотель сообщает о своей твердой приверженности к идее широкого влияния музыкального искусства на нравственный строй человека. Он убежден, что «прослушивание музыки, которая в ритме и мелодии являет в себе подобие различных нравственных качеств, вырабатывает должные чувства по отношению к реальным проявлениям этих качеств» [1, с. 637].

Однако в этом же контексте развивается им и идея об использовании в качестве воспитательного инструментария античной трагедии. Он уделяет ей не меньше внимания, чем музыке. В «Поэтике» (гл. 8). об этом есть целый раздел. Говоря о воспитательном значении трагедии, мыслитель рассуждает о духовном очищении человека (катарсис), считает, что зритель, наблюдающий за событиями, испытывает сострадание и сочувствие к герою, испытывающим на себе весь их трагический накал. Аристотель считал, что такое возможно, если герой является олицетворением добродетели, и происходящее с ним не является следствием его аморального характера: он страдает безвинно. По этому поводу Берестовская Д.С. в своей статье «Аристотель о специфике и нравственных проблемах искусства» пишет следующее: «По определению Аристотеля, трагический герой «безвинно несчастен», он жертва, на которую обрушивается гнев богов или роковое стечение обстоятельств. Разрабатывая положение об очищении – «катарсисе», Аристотель формулирует мысль о силе воздействия трагического на человека – зрителя, читателя, – что заставляет задуматься над законами жизни» [2, с.6].

Автор статьи полагает, что «проблема добродетели как проблема нравственная находилась в центре внимания Аристотеля», и приводит три важные этические добродетели философа: «мужество, мудрость, умеренность» [2, с.7]. Аристотель был убежден в том, что «… тот человек мужественен, который переносит всё, что следует, мужественно страдает и действует соразмерно и разумно» [1, с.643].

В статье «Античный театр в свете понятия «катарсис» ее автор [12] попытается ответить на вопрос: «можно ли рассматривать античный театр как образовательно-воспитательное пространство» [12, с.91]. Путем анализа множества трудов, посвященных этой теме, ему удается сделать вывод, «что

в полной мере только интеллектуалистские интерпретации трагического катарсиса дает возможность рассматривать драматическое искусство как один из педагогических инструментов, а античный театр – как образовательное пространство» [12, с.95].

Автор статьи полагает, что воспитательная роль античного театра была велика: он способствовал расширению мыслительной деятельности человека, строил его эмоциональный фон, формировал чувства. По его мнению, «наблюдая страшные и жалкие (т.е. вызывающие жалость) события на сцене, зритель сопереживал им, делаясь как бы сам действующим лицом драмы, претерпевающим все эти ужасающие события» [12, с.95]. Способность человека (зрителя) «отозваться» тому, что происходит в античной трагедии, «примерить» на себя «страшные события», происходящие в жизни героев, «воспитывают в нем истинного стоика, готового к любым испытаниям, и он с должным спокойствием духа перенесет все то, что человека неподготовленного повергнет в ужас» [12, с.95].

Таким образом, влияние театральных постановок на человека Аристотелем сводится не только к их зрелищному проявлению и эстетическому наслаждению: ему важно их проникновение в его духовную субстанцию, вызывающее эмоции, чувства, преображающие его мировосприятие. Говоря о важности присутствия искусства (в особенности музыки и театра) в жизни человека, Аристотель был уверен в его благотворном влиянии на него.

Идеи выдающихся мыслителей, прорастая в глубь веков, не теряя своей актуальности в педагогических системах разных периодов истории человечества, дошли до наших дней и не утратили своей значимости. Их историческая отдаленность нисколько не уменьшает их ценность для современного педагогического сообщества, ищущего активные формы воздействия на подрастающее поколение, на воспитание многогранной и духовно организованной личности.

Использование возможностей искусства в образовательном пространстве России всегда имело важное значение. Педагогические мысли многих российских ученых, складывавшиеся в разные культурно-исторические эпохи, до сих пор востребованы, поскольку являются классическими и актуальными, несущими в себе широкое общечеловеческое начало. Значительное место в педагогических трудах русских ученых-методистов занимает творчество К. Д. Ушинского, отдававшего должное искусству в деле воспитания подрастающего поколения. Применяя к вопросам воспитания самый широкий междисциплинарный подход, ученый пришел к глубокому осознанию, что воспитание человека является сложным и непрерывающимся на протяжении жизни процессом. Для него, «всякая практическая деятельность, стремящаяся удовлетворить высшие нравственные и духовные потребности человека, т.е. те потребности, которые принадлежат

исключительно человеку, и составляют исключительные черты его природы, есть уже искусство…А вечно предшествующий идеал этого искусства есть совершенный человек» [13, с.25].

Проблема формирования определенной концепции воспитания гармоничной личности посредством использования возможностей школьного театра особенно обострилась в российской системе образования во второй половине XIX века. Проблема вызвала к себе довольно резонансный интерес, спровоцировала дискуссию вокруг школьного театра и участия в нем учащихся. Исследователями, интересующимися историей школьного театра, подобная ситуация связывается с общественными событиями, развернувшимися в России 1856-начала1860-х гг., когда переживался подъем революционного движения, осознавалась необходимость демократических преобразований в стране [8]. В статьях, посвященных этому вопросу, отмечается, что на этом фоне невозможно не заметить «значительное обострение общественного внимания к проблемам воспитания и обучения, установлению более требовательных критериев к характеру и содержанию воспитательной работы» [8].

Идея о необходимости «слияния» образования и театрального искусства в единый организм была в определенном смысле подогрета в начале XX века выдающимися русскими учеными-философами – В. Соловьевым и Н. Бердяевым, уделявших огромное внимание в своих работах проблеме творчества и его преобразующей силе, способной «вырвать человека из рабского принудительного состояния в мире, поднять его к новому пониманию бытия [3, с.252]. Русская философская мысль (в лице В. Соловьева) «дистанцируется от субъективной концепции красоты, зафиксированной понятием прекрасного, утверждая Красоту как реальную силу, преобразующую и преображающую мир [9, с.142]. А «опыт приобщения к Красоте позволяет человеку стать личностью, сочетающей в себе уникальное и универсальное» [10, с.5-14].

Интерес к школьным театрам обострился и в ранний советский период. Н. А. Дроздов в своей статье «Педагогические идеи А. А. Брянцева в период реформирования советской школы (1920-е годы)» [6] отмечает бурный интерес самого известного театрального деятеля того времени (А. А. Брянцева) к педагогическому театру, к его активному использованию в сфере нового советского школьного образования. В своем исследовании автор широко пользуется высказываниями А. А. Брянцева – не просто основателя первого театра юного зрителя, а человека, объединившего в своей деятельности огромную любовь к искусству и педагогике, активно высказывающегося за использование театральной педагогики в обучении и воспитании юных граждан страны.

В более поздние периоды советской системы образования в России случалось так, что интерес к театральному искусству обострялся с завидной периодичностью. Связано это было с тем, что ресурс театра в воспитании

гармоничной личности всегда был крайне велик, и не использовать его было равносильно проявлению халатного отношения к вопросам формирования образовательно-воспитательного процесса в образовательном учреждении.

Заключение

В 2022 году Министерство просвещения Российской Федерации объявило о необходимости организации театров во всех школах страны. Несмотря на то, что поставленные перед образовательными организациями задачи имеют предельно ясный и конкретный характер, следует признать, что их реализация будет сложной и неоднозначной в виду объективных и субъективных причин. Для организации школьного театра нужна будет хорошо продуманная концепция, будут необходимы материальные ресурсы, методический материал и многое другое. Однако, несмотря на возможные препятствия на пути к созданию педагогических (школьных) театров, их создание повсеместно в школах страны должно иметь свою непрерывную актуальность, поскольку государством и обществом очень высоко оценивается их роль в воспитании культурной и духовно обогащенной личности. Это означает, что современная российская система образования должна стремиться к тому, чтобы сполна использовать потенциал школьного театра в воспитании здорового и духовно богатого поколения молодых людей.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика / пер. М.Л. Гаспарова // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 98–293–375–637–643–645–680.

2. Берестовская Д.С. Аристотель о специфике и нравственных проблемах искусства. Философская проблематика в культурологии. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). 2016. № 2. С. 6–7.

3. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. – Москва: Искусство; ИЧП «Лига», 1994. С.66–252–375.

4. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982–1984. С. 66–252.

5. Гребенкин А.В. Театральная педагогика вчера и сегодня. http://theater111.ru/science03.php.

6.Дроздов Н. А. Педагогические идеи А. А. Брянцева в период реформирования советской школы (1920-е годы) // Педагогический ИМИДЖ. 2022. Т. 16. № 3 (56). С 270.

7. Жукова М. О школьном театре. Журнал «На путях к новой школе», №1. – Санкт-Петербург, 2004. С.55.

8. Климова Т.А. Образовательный потенциал театрально-педагогических практик // Национальный психологический журнал. 2023. Т. 18, № 3 (51), С. 183. https://doi.org/10.11621/npj.2023.0318.

9. Кожухов И.В. Философия творчества В.С. Соловьева. Журнал «Известия Российского педагогического университета им. А.И. Герцена. Выпуск 63-1. 2008. С. 142.

10. Соловьев В.С. Общий смысл искусства. – Москва: издательство «Новая Москва», 1924. С.5-14.

11. Круглова Л.К. Человек как проблема философии, философии культуры и культурологии. Человек, Культура, Образование. Научно-образовательный и методический журнал. № 2 (16) / 2015. Сыктывкар. Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2015. С. 39-46.

12. Санженаков А.А. Античный театр в свете понятия «Катарсис». Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 91–95.

13. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Педагогические сочинения: в 6 т. Т. 5 / Сост. С.Ф. Егоров. М.: Педагогика, 1990. 528 с. С.6-25.

УДК 37.013

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ КАК КЛЮЧЕВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Канкошев Арсен Мухадинович,
Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт
г. Невинномысск, Россия
e-mail: arsen.cankoshev@yandex.ru

Аннотация. В данной статье осуществляется комплексный анализ феноменов образования и воспитания в качестве системообразующих механизмов обеспечения духовной безопасности. Рассматриваются современные вызовы и угрозы духовному здоровью подрастающего поколения, включая распространение деструктивных идеологий и агрессивных форм информационного воздействия. На основе религиозно-философского, исторического и педагогического подходов доказывается, что целенаправленное духовно-нравственное воспитание, основанное на традиционных ценностях и этнокультурных традициях, формирует иммунитет к деструктивным влияниям. Предлагаются конкретные пути модернизации образовательно-воспитательной системы, направленные на укрепление духовного суверенитета России.

Ключевые слова: духовная безопасность, образование, воспитание, духовно-нравственное развитие, угрозы, этнокультурные ценности, информационное противоборство.

EDUCATION AND UPBRINGING AS KEY MECHANISMS OF ENSURING THE SPIRITUAL SAFETY OF THE INDIVIDUAL AND SOCIETY

Kankoshev Arsen Mukhadinovich,
Nevinnomyssk State Institute of Humanities and Technology
Nevinnomyssk, Russia
e-mail: arsen.cankoshev@yandex.ru

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the phenomena of education and upbringing as system-forming mechanisms for ensuring spiritual security. It examines the current challenges and threats to the spiritual health of the younger generation, including the spread of destructive ideologies and aggressive forms of information influence. Based on religious-philosophical, historical, and pedagogical approaches, the article argues that purposeful spiritual and moral education based on traditional values and ethno-cultural traditions forms immunity to destructive influences. The article proposes specific ways to modernize the educational system in order to strengthen Russia's spiritual sovereignty.

Keywords: spiritual security, education, upbringing, spiritual and moral development, threats, ethno-cultural values, and information warfare.

Введение. Актуальность проблемы обеспечения духовной безопасности в современную эпоху трудно переоценить. Глобальные вызовы, связанные с распространением деструктивных идеологий, агрессивной секуляризацией, навязыванием «новой нравственности» и цифровизацией всех сфер жизни, обуславливают необходимость поиска эффективных механизмов защиты внутреннего мира человека. В этих условиях система образования и воспитания выходит на передний план как ключевой инструмент формирования духовного иммунитета личности и общества в целом. Как верно отмечается в исследованиях, «без обеспечения духовной безопасности немыслима подлинная защита детства, а такие направления государственной политики, как качественное обучение, культурное развитие и информационная безопасность, являются лишь предпосылкой её реализации» [3, с.15].

Целью настоящей статьи является теоретическое обоснование и систематизация роли образования и воспитания как механизмов обеспечения духовной безопасности. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Раскрыть сущность и содержание категории «духовная безопасность» в контексте образовательной деятельности.

2. Выявить и классифицировать основные современные угрозы духовному здоровью учащихся.

3. Определить стратегические ориентиры и конкретные педагогические технологии формирования духовной безопасности в образовательном процессе.

Духовная безопасность не является узковедомственным понятием; это комплексный феномен, находящийся на стыке педагогики, философии, культурологии и юриспруденции. В контексте образования её можно определить как состояние защищённости ценностно-смыслового ядра личности и культурно-исторического кода нации от внутренних воздействий.

Содержательное наполнение этой категории раскрывается через её цели, среди которых «обеспечение духовного здоровья, которое понимается не только как часть индивидуального бытия человека, но и как элемент духовной среды всего общества» [5, с. 48]. Кроме того, ключевыми задачами являются «формирование духовных потребностей личности, а также создание готовности и возможности общества их удовлетворять» и «развитие устойчивости положительных духовных качеств, которые служат основой для противостояния негативным влияниям» [5, с. 49].

Образовательно-воспитательная система России, таким образом, выступает не только транслятором знаний, но и важнейшим фактором социальной безопасности в широком смысле. Как подчёркивают Д.С. Петросян С.А. Лочан, «система образования и воспитания является эффективным инструментом созидания и защиты духовного пространства страны» [4, с. 45].

Анализ современной социокультурной ситуации позволяет выявить ряд серьёзных угроз, требующих незамедлительной реакции со стороны педагогического сообщества.

- **Навязывание чуждых ценностных ориентаций.** Речь идёт о целенаправленной деструктивной информационно-психологической обработке сознания, направленной на подрыв традиционных устоев. К таким явлениям относится агрессивное продвижение концепции «интимного гражданства», радикальное переопределение понятий мужественности и женственности, а также навязывание модели раннего сексуального образования, искажающей естественное психосексуальное развитие ребёнка, что подтверждается исследованиями в области дошкольной педагогики [3].

- **Деформация методов воспитания и обучения.** В педагогическую практику проникают установки, ведущие к размыванию понятий добра и зла, что в конечном итоге может способствовать росту девиатного поведения и совершению преступлений [3].

- **Цифровизация и клиповое мышление.** Современные дети, являясь цифровыми аборигенами, обладают особым, клиповым мышлением, что создаёт трудности для усвоения системных знаний, в том числе и в сфере традиционных культурных ценностей [2]. Неустойчивый, ситуативный

интерес к этнокультурному материалу требует от педагога поиска новых, инновационных форм работы.

Стратегии и механизмы обеспечения духовной безопасности через образование и воспитание. Противодействие указанным угрозам требует системного подхода, интегрирующего усилия государства, образовательных учреждений, семьи и религиозных конфессий.

- Приоритет духовно-нравственного воспитания. Ядром всей образовательной политики должно стать формирование целостной личности, обладающей прочным духовным стержнем. Это предполагает не просто передачу суммы знаний, а аксиологический подход, пронизывающий каждый урок и всю внеурочную деятельность. По определению В. Ширшова, «духовно-нравственное воспитание – это целенаправленный процесс усвоения человеком вечных христианских ценностей: милосердия, правдолюбия, стремления к добру и неприятия зла» [6, с. 5].

- Опора на этнокультурные ценности и традиционную педагогику. Как отмечает в своём исследовании В. Ширшов, «Этнокультура представляет собой мощный ресурс для формирования духовной безопасности. Воспитание любви и уважения к своей малой родине, её истории, языку и традициям служит фундаментом для развития гармоничной личности, способной противостоять вызовам глобализации» [6, с. 97]. Практическими формами этой работы являются: создание музеев истории и быта; использование народных игр, сказок, пословиц и поговорок; проведение виртуальных экскурсий по этнографическим комплексам и святым местам.

Интеграция традиционного и инновационного. Для повышения эффективности воспитательного процесса необходимо органично сочетать проверенные временем практики с современными цифровыми образовательными ресурсами (ЦОР). Разработка обучающих видеофильмов, презентаций с использованием триггеров, интерактивных игр позволяет вовлечь детей в процесс освоения традиционных ценностей на понятном для них языке [2]. При этом ЦОР не должны подменять собой живую творческую деятельность, а должны быть интегрированы в неё как инструменты творчества.

Создание воспитывающей духовной среды. Невозможно воспитать духовно здорового человека без соответствующей среды. Это требует консолидации усилий всех участников образовательного процесса: детей, родителей, педагогов и широкой общественности. Как отмечается в библиографических источниках «непосредственное усвоение культурных эталонов должно происходить не только в стенах учебного заведения, но и в семье», что подчёркивает важность работы с родителями [1].

Проведённое исследование позволяет утверждать, что образование и воспитание являются не просто одним из элементов, а центральным

системообразующим механизмом обеспечения духовной безопасности России. В условиях обострившегося противоборства в идейно-ценностной сфере именно от эффективности образовательно-воспитательной системы зависит будущее духовное здоровье нации и суверенитет страны.

Перспективы дальнейшего развития видятся в последовательной реализации предложенных стратегий: усилении духовно-нравственной составляющей в образовательных стандартах, активном использовании потенциала этнокультурных традиций, грамотной интеграции цифровых технологий в воспитательный процесс и укреплении социального партнёрства между всеми институтами, ответственными за становление личности. Только так можно сформировать у подрастающего поколения тот прочный духовный стержень, который станет гарантией его безопасности и основой для процветания России.

Список литературы

1. Духовно-нравственное воспитание детей и подростков: Библиографический список литературы // Учалинская библиотека.

2. Коломицкая Т.В. Формирование качеств духовной безопасности дошкольников на этнокультурных ценностях // МААМ.ру.

3. Обеспечение духовной безопасности детей как стратегическая задача Российского государства // Научно-методический сборник «Православие, культура и образование. XXIвек». - Вып. 3.

4. Петросян Д.С., Лочан С.А. Социальная безопасность: образование и воспитание. Образовательно-воспитательная система детско-юношеского туризма и краеведения России. – М.: КноРус, 2018. – 302 с.

5. Рыбаков С.Ю. Духовная безопасность системы образования в России в модели «народ – конфессия – государство». – 2-изд. – М.: Артефакт, 2018. – 320 с.

6. Ширшов В. Духовно-нравственное воспитание. Учебное пособие. – М., 2018. – 182 с.

УДК 2-76:37.018.4

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И ПРОГРАММЫ ПО РАЗВИТИЮ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Козлов Владимир Петрович,
Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Казань, Россия
e-mail: *2920576@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена системному анализу образовательных практик Республики Татарстан в сфере межрелигиозного диалога и формирования толерантного сознания молодежи. Объектом исследования выступают институциональные формы взаимодействия образовательных субъектов, включая учебную дисциплину «Межконфессиональные отношения в молодежной среде», международную летнюю школу «Болгарский диалог культур» и республиканский форум по вопросам духовной безопасности. Выявлена многокомпонентная система институтов формального и неформального образования, интегрированная в механизмы государственной молодежной политики. Практическая значимость определяется возможностью адаптации региональных моделей в других субъектах федерации для профилактики религиозного экстремизма. Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении региональной парадигмы межрелигиозного образования через призму государственной политики.

Ключевые слова: межрелигиозный диалог, межконфессиональная толерантность, духовная безопасность, молодежь, образовательные программы, Республика Татарстан.

EDUCATIONAL PROJECTS AND PROGRAMS FOR THE DEVELOPMENT OF INTERRELIGIOUS DIALOGUE AMONG YOUTH: THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Kozlov Vladimir Petrovich,
Kazan State University of Architecture and Engineering,
Kazan, Russia
e-mail: 2920576@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a systematic analysis of educational practices in the Republic of Tatarstan in the field of interreligious dialogue and the formation of a tolerant consciousness among youth. The object of the study is the institutional forms of interaction of educational subjects, including the academic discipline «Interfaith Relations in the Youth Environment», the international summer school «Bolgar Dialogue of Cultures»», and the republican forum on

spiritual security issues. A multi-component system of formal and non-formal education institutions integrated into the mechanisms of state youth policy has been identified. The practical significance is determined by the possibility of adapting regional models in other constituent entities of the federation for the prevention of religious extremism. The scientific novelty lies in a comprehensive consideration of the regional paradigm of interreligious education through the prism of state policy.

Keywords: interreligious dialogue, interfaith tolerance, spiritual security, youth, educational programs, Republic of Tatarstan.

Трансформация современного российского социума в направлении поликультурности актуализирует задачу выработки у молодого поколения компетенций межрелигиозной толерантности и резистентности к идеологии экстремизма. Концептуальная модель российского исследователя Мельника С.В. интерпретирует межрелигиозный диалог как многоуровневую систему коммуникативных практик, дифференцируемую на когнитивный, партнерский, миротворческий и полемический типы взаимодействия [4]. Швейцарский теолог Ханс Кюнг сформулировал фундаментальный принцип: «Не будет мира между народами без мира между религиями», заложив основы концепции глобальной этики, на которой основываются многие современные образовательные инициативы [8].

Научная актуальность исследования детерминирована возрастанием роли образовательных институтов в архитектуре профилактики религиозного экстремизма и консолидации общественного консенсуса. Образовательные технологии, сфокусированные на развитии межрелигиозного взаимодействия, становятся эффективным инструментом социальной интеграции молодежи и укрепления духовной безопасности общества.

Цель исследования – комплексный анализ институциональных образовательных проектов и программных инициатив по развитию межрелигиозного диалога в молодежной среде Республики Татарстан с последующей оценкой их вклада в обеспечение социальной интеграции.

Методологический каркас исследования конституируется теорией межрелигиозного диалога Мельника С.В., рассматривающего разнообразие форм и модальностей коммуникативного взаимодействия между представителями различных конфессиональных общностей [4]. Согласно предложенной типологии, когнитивный диалог концентрируется на эпистемологическом освоении инорелигиозных систем, партнерский диалог предполагает реализацию совместных социальных проектов, миротворческий диалог ориентирован на превенцию и урегулирование конфликтов, полемический диалог репрезентирует апологетическую защиту собственной доктринальной позиции.

Теоретическую значимость исследованию придает методология «глубинного диалога», разработанная Леонардом Свидлером [9]. Л. Свидлер, профессор межрелигиозного диалога Темпльского университета и

основатель Института диалога, акцентирует необходимость трансформации мировоззренческих установок участников через взаимное познание и преодоление стереотипов, что находит практическое воплощение в образовательных программах Татарстана.

В качестве одной из теоретических основ для анализа интеграционных процессов в образовательной системе региона может быть рассмотрена концепция плюрализма, предложенная профессором Гарвардского университета и директором проекта «Плюрализм» (The Pluralism Project) Дианой Экк. В данной трактовке плюрализм понимается не как пассивная констатация многообразия, а как модель активного взаимодействия различных групп ради достижения общего блага [7]. Такой подход позволяет глубже осмыслить механизмы межкультурной коммуникации, реализуемые в современном Татарстане.

Эмпирической базой исследования явились официальные образовательные программы, аналитическая документация государственных и религиозных институтов, а также материалы региональных образовательных проектов. Применялись методы контент-анализа, сравнительного анализа и структурно-функционального анализа для выявления специфики региональной модели межрелигиозного образования и механизмов ее интеграции в систему государственной молодежной политики.

Республика Татарстан занимает уникальную позицию в пространстве межконфессиональных практик, располагая значительным историческим капиталом конструктивного сосуществования исламской и православной религиозных традиций. В регионе функционирует комплексная инфраструктура исламского религиозного образования, охватывающая восемь медресе, которые реализуют программы среднего профессионального образования для имамов и религиозных педагогов с элементами светского образования. На уровне высшего образования действуют Казанский исламский университет и Российский исламский институт, реализующие программы бакалавриата и магистратуры по направлениям теологии, философии и религиоведения. На уровне постдипломного образования функционирует Болгарская исламская академия, предоставляющая возможности для получения степени доктора исламских наук и проведения фундаментальных исследований [2]. Отдельного внимания заслуживает устойчивая тенденция развития системы православного образования в регионе. В ближайшей перспективе ожидается существенное расширение инфраструктуры Казанской православной духовной семинарии – ведущего высшего учебного заведения Русской православной церкви в республике. При поддержке региональных властей продолжается масштабное воссоздание архитектурного ансамбля Казанского Богородицкого монастыря. Планируется, что восстановленные объекты данного комплекса будут интегрированы в образовательный процесс и станут учебными корпусами возрождаемой Казанской духовной академии.

Таким образом, институциональный ландшафт Республики Татарстан отличается вертикально интегрированной системой религиозного образования, которая обеспечивает непрерывный цикл подготовки специалистов и тесно переплетается с программами светских вузов. Ярким примером такой интеграции выступает Казанский федеральный университет, где в рамках образовательного процесса реализуются специализированные модули, направленные на гармонизацию межэтнических и межконфессиональных отношений. В частности, для студентов бакалавриата по направлению «Организация работы с молодежью» внедрена учебная дисциплина «Межконфессиональные отношения в молодежной среде». Данный курс не только формирует теоретическую базу, но и способствует развитию практических компетенций, необходимых для профилактики конфликтов и выстраивания конструктивного диалога в поликультурном обществе [5].

Программа дисциплины развивает комплекс компетенций в области аналитического осмысления межконфессионального взаимодействия. Содержательное наполнение дисциплины охватывает следующие тематические блоки: историческую эволюцию межконфессиональных отношений на территории Татарстана и Российской Федерации, типологию межрелигиозного диалога, механизмы конструирования поликультурного образовательного пространства, теоретико-методологические основы толерантности и плюрализма. Активной образовательной технологией выступает деловая игра «Заседание комиссии по вопросам религиозных объединений Республики Татарстан», способствующая формированию практических навыков когнитивного и миротворческого диалога между представителями органов государственной власти, религиозных организаций и институтов гражданского общества.

Важным элементом институциональной инфраструктуры региона выступает Центр межрелигиозного диалога, функционирующий в структуре Болгарской исламской академии при тесном взаимодействии с Казанским федеральным университетом и Казанской православной духовной семинарией. Деятельность Центра сосредоточена на разработке научно обоснованных стратегий гармонизации межконфессиональных отношений и совершенствовании методологии теологического образования. Руководство данной академической площадкой осуществляет Эльмира Садыкова – признанный эксперт в области общественной дипломатии, исполнительный директор Фонда стратегического диалога и партнерства с исламским миром. Ключевую роль в научно-исследовательской работе Центра играет его ведущий научный сотрудник, известный специалист в сфере межрелигиозных коммуникаций Сергей Мельник.

В рамках деятельности Болгарской исламской академии особое место занимает международная летняя школа «Болгарский диалог культур». Этот проект представляет собой инновационную образовательную платформу,

нацеленную на практическое освоение компетенций межрелигиозного диалога и выработку навыков конструктивного взаимодействия. Программа школы, ежегодно реализуемая при поддержке партнерских структур, комплексно охватывает психологические, социокультурные и коммуникативные аспекты взаимопонимания между представителями различных конфессиональных сообществ. Функционируя как часть экосистемы Академии, данная инициатива позволяет трансформировать теоретические разработки Центра межрелигиозного диалога в прикладные социальные проекты, способствуя тем самым укреплению культуры мира и сотрудничества в молодежной среде.

Отличительная характеристика проекта заключается в многоступенчатой образовательной модели: подготовительный этап включает конкурсный отбор социальных проектов молодежи, сосредоточенных на проблемах межрелигиозного взаимодействия, результаты реализации которых становятся предметом коллективной рефлексии и экспертной оценки на заключительной фазе школы. Целевая аудитория Школы характеризуется широким географическим и конфессиональным представительством. В работе образовательной площадки принимают участие студенты, молодые ученые и специалисты из стран СНГ, Ближнего Востока, Азии и Африки, представляющие различные этнокультурные и религиозные традиции. Такой плюрализм участников создает уникальную коммуникативную среду для обмена опытом и межкультурного взаимодействия. Образовательная программа интегрирует лекционные занятия ведущих специалистов в области религиоведения, теологии и конфликтологии, интерактивные семинары, мастер-классы и тематические круглые столы, способствующие развитию практических диалоговых компетенций [3].

Логическим продолжением институциональных усилий по гармонизации межконфессионального пространства становится организация масштабных дискуссионных платформ. Одной из ключевых инициатив в этом направлении выступил Республиканский форум «Архитектура духовной безопасности: молодежный вопрос», прошедший в октябре 2025 года под эгидой Министерства по делам молодежи Республики Татарстан и республиканской Антитеррористической комиссии. Данное мероприятие конституирует важную площадку для практической реализации государственной молодежной политики в сфере профилактики религиозного экстремизма. Центральной задачей форума определена оптимизация деятельности религиозных приходов и конфессиональных образовательных учреждений, направленная на защиту различных групп молодежи от воздействия деструктивных идеологий террористического характера [1].

Программа форума охватывала актуальные проблемные области: механизмы трансляции религиозных традиций в молодежной среде, противодействие манипулятивным и радикальным интерпретациям

вероучительных текстов, обеспечение цифровой безопасности, роль образования в превенции экстремистских настроений. В работе форума приняли участие религиозные деятели, молодежные активисты, представители различных ветвей государственной власти.

Существенным инструментом укрепления межконфессионального согласия выступают научно-практические конференции, регулярно инициируемые религиозными организациями Республики Татарстан. Эти мероприятия создают уникальное коммуникативное пространство, обеспечивающее интеграцию интеллектуального потенциала академического сообщества – теологов, религиоведов, философов и социологов – и административного ресурса органов государственной власти. В ходе таких форумов, как, например, прошедшая в сентябре 2025 года на базе Болгарской исламской академии конференция «Роль межрелигиозного диалога в патриотическом воспитании», не только вырабатываются теоретические подходы к решению актуальных социальных проблем, но и подчеркивается критическая значимость консолидации усилий различных конфессиональных сообществ [6]. Подобная синергия науки, религии и власти служит фундаментом для утверждения в общественном сознании базовых ценностей мира, взаимоуважения и гражданского единства.

Опыт Республики Татарстан демонстрирует эффективность комплексной стратегии интеграции различных образовательных форматов в архитектуру государственной молодежной политики. Сочетание академических программ, систематизирующих знания о религиозных традициях и нормативно-правовых основах государственно-конфессиональных отношений, с гибкими дискуссионными проектами, культивирующими практические навыки межкультурного взаимодействия, создает целостную образовательную экосистему.

Региональная специфика, подкрепленная историческим опытом длительного мирного сосуществования традиционных конфессий, формирует благоприятный контекст для успешной реализации и постоянного совершенствования данных образовательных моделей. Апробированные в республике механизмы обладают высоким потенциалом экстраполяции на другие субъекты Российской Федерации, приобретая особую актуальность для регионов со сложным этноконфессиональным составом населения.

Сложившаяся многоуровневая система свидетельствует о том, что формирование устойчивой культуры диалога напрямую зависит от синергии усилий светских учебных заведений, религиозных учреждений и органов власти всех уровней. Такая межведомственная координация обеспечивает мультипликативный эффект, при котором фундаментальная академическая подготовка в вузах органично дополняется прикладным опытом участия в молодежных форумах и научно-исследовательской работой специализированных центров межрелигиозного диалога.

Таким образом, анализ татарстанского опыта позволяет сформулировать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию молодежной образовательной политики, направленные на развитие компетенций межрелигиозного диалога и укрепление духовной безопасности молодежи в условиях современных социальных и информационных вызовов.

Список литературы

1. Архитектура духовного иммунитета: в Казани создают систему защиты молодежи от деструктивных идеологий // IslamNews.ru. – 2025. – 27 октября. – URL: https://islamnews.ru/2025/10/28/arkhitektura-dukhovnogo-immuniteta (дата обращения: 28.11.2025). – Текст: электронный.
2. Исламское образование: где и на кого учат в Татарстане // INKAZAN.RU. – 2025. – 23 апреля. – URL: https://inkazan.ru/news/2025-04-23/islamskoe-obrazovanie-gde-i-na-kogo-uchat-v-tatarstane-5376069 (дата обращения: 28.11.2025). – Текст: электронный.
3. Международная летняя школа «Болгарский диалог культур» // Болгарская исламская академия: [сайт]. – URL: https://bolgar.academy/mezhdunarodnaya-letnyaya-shkola/ (дата обращения: 28.11.2025). – Текст: электронный.
4. Мельник С. В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации : монография / С. В. Мельник. – Москва: ИНИОН РАН, 2022. – 397 с. – ISBN 978-5-248-01013-3. – Текст: непосредственный.
5. Программа дисциплины «Межконфессиональные отношения в молодежной среде». – Казань: КФУ, [б. г.]. – URL: https://kpfu.ru/pdf/portal/oop/49669.pdf (дата обращения: 27.11.2025). – Текст: электронный.
6. Шарипов А. А. Перспективы развития межрелигиозного диалога как фактора социального единства современного общества / А. А. Шарипов // MINBAR. Islamic Studies. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 146–164. – DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-1-146-164. – Текст: непосредственный.
7. Eck D. L. A New Religious America: How a «Christian Country» Has Become the World's Most Religiously Diverse Nation / D. L. Eck. – New York : HarperOne, 2002. – 416 p. – Текст: непосредственный.
8. Küng H. Global Responsibility: In Search of a New World Ethic / H. Küng. – Eugene, Oregon : Wipf and Stock Publishers, 2004. – 168 p. – Текст: непосредственный.
9. Swidler L. Dialogue for Interreligious Understanding: Strategies for the Transformation of Culture-Shaping Institutions / L. Swidler. – New York : Palgrave Macmillan, 2014. – 227 p. – Текст: непосредственный.

УДК 130.2

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОГО СМЫСЛА ОБРАЗОВАНИЯ

Куница Светлана Алексеевна,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
г. Москва, Россия
e-mail: kunitsa.sa@rea.ru

Аннотация. Глобальные социально-экономические перемены в обществе и переход к новому технологическому укладу обусловливают необходимость поиска новых смыслов в образовании. В этой связи исследования образования как ключевого инструменты сохранения и воспроизведения культурных кодов, и формирования активной личности, способной адаптироваться к вызовам и принимать участие в позитивной трансформации социального бытия, приобретают особую актуальность. Данная статья посвящена анализу взаимосвязи ценностей и социального смысла образования. Целью статьи было выяснить и уточнить, в чем заключается роль ценностного воспитания в образовании, и как ценности соотносятся с социальным смыслом образования. Для достижения поставленной цели был проведен анализ декларируемых на законодательном уровне социальных функций образования, рассмотрен ценностный компонент воспитания. Была выявлена взаимная зависимость между социальными благами, которые обеспечивает образование, и ценностными ориентирами. В результате исследования было установлено, что образование одновременно отвечает запросам общества и трансформирует их посредством формирование новых смыслов и ценностей.

Ключевые слова: образование, аксиологический подход, социальный смысл, ценности, воспитание

THE AXIOLOGICAL ASPECT OF THE SOCIAL MEANING OF EDUCATION

Kunitsa Svetlana Alekseevna,
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia
e-mail: kunitsa.sa@rea.ru

Abstract. The global socio-economic changes in the society and the adoption of a new technological setting call for the search of new meanings. In this context the research of education as the key tool of preserving and reproducing culture codes, as well as upbringing an active individual capable of adapting to challenges

and taking part in the positive transformation of social being, gain great significance. The article is devoted to analyzing the connection between values and social meaning of education. The goal of the article is to establish and clarify the role of value-oriented upbringing in education and how these values relate to the social meaning of education. To achieve the set goal, an analysis of the social functions of education declared in legislation was conducted. Values were considered as elements of upbringing. The notion of values was clarified, and a mutual dependence between the benefits brought to society by education and values guiding individuals' daily lives was established. The results of the research demonstrated that education responds to the needs of society and simultaneously transforms them through creating new meanings and values.

Keywords: education, axiological approach, social meaning, values, upbringing.

Стремительное развитие технологий в 21 веке и последовавшие за ним трансформации во всех сферах жизни не могли не затронуть систему образования. В связи с переходом к новому технологическому укладу в обществе возникает запрос на индивида, способного не только адаптироваться к новым технологическим, социально-экономическим и политическим вызовам, но и занять про-активную позицию, взяв на себя роль инициатора и движущей силы преобразований, направленных на устойчивое развитие общества. [1], [2], [4]. Иными словами, общество нуждается в гражданах, чьи морально-нравственные установки и ценностные ориентации будут способствовать деятельности по улучшению общественной жизни. Ключевую роль в процессе формирования и передачи ценностных установок, безусловно, играет образование как один из важнейших институтов социализации. [2] По этой причине аксиологический, или ценностный, аспект образования уже на протяжении нескольких лет исследуется учеными из различных областей знаний.

Несмотря на значительную теоретическую базу (Гессен, Зеньковский, Розанов, Дьюи, Макаренко и др.) по теме, проблема ценности образования остается не до конца раскрытой. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного анализа роли образования в обществе.

Целью данного исследования является определение роли ценностного воспитания в процессе образования и уточнение взаимоотношений между ценностями и социальным смыслом образования. Задачи исследования включают в себя анализ декларируемых на законодательном уровне социальных функций образования и ценностного аспекта воспитания.

В настоящее время в образовательной политике делается акцент на ценностном компоненте. Формирование общечеловеческих и профессиональных ценностей у подрастающего поколения и создание у них морально-нравственных ориентиров на законодательном уровне относят к важнейшим задачам образования. Социальная значимость образования для

его субъекта и заинтересованных лиц декларируется на законодательном уровне. Согласно Федеральному Закону «Об образовании в Российской Федерации», образование – это «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и(или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей». [6] Рассмотрим некоторые социальные блага, которые образование приносит индивиду, обществу и государству.

Образование обеспечивает возможность участия индивида в создании экономических благ и доступа к ним. Будучи институтом обучения, образование позволяет индивиду получить знания и сформировать компетенции, необходимые для того, чтобы успешно справляться с задачами повседневной жизни и найти себе применение на рынке труда. Образование также может служить лифтом социальной мобильности, открывая доступ к более высоким должностям. Тем самым, получив образование, индивид получает возможность закрыть свои базовые потребности. Одновременно с этим, образование способствует удовлетворению потребностей экономики государства, обеспечивая его квалифицированными кадрами в востребованных сферах труда и сокращая расходы на меры социальной поддержки безработных граждан. Общество, в свою очередь, становится более безопасным – уровень преступности во всем мире неизменно коррелирует с образованностью населения и возможностью трудоустроиться.

Другим важным вкладом образования в личное, общественное и государственное благополучие является социализация детей и подростков. За время обучения в образовательных институтах индивид осваивает принятые в данном обществе на данном этапе его развития правила и нормы поведения, учится взаимодействовать с другими индивидами в рамках вертикальных (в парадигме ученик-преподаватель) и горизонтальных (в парадигме ученик-ученик) социальных связей. Эти навыки и умения впоследствии помогают индивиду выстраивать профессиональные и личные взаимоотношения и создают предпосылки для продуктивного сотрудничества.

Приведенный список охватывает лишь малую часть социально-экономических бонусов образования для субъекта и заинтересованных сторон. Однако было бы ошибочным применять столь узкий, прагматический подход в отношении такого сложного феномена. Рассматривая образование и оценивая его пользу и эффективность лишь с позиции количества информации, переданной индивиду за период обучения,

и набором функций, к выполнению которых индивид подготовлен в образовательном учреждении, легко упустить важный элемент – воспитание.

Возникшее из потребности в передаче знаний и опыта от старшего поколения младшему, образование никогда не сводилось лишь к обучению. Еще до становления формальных институтов образования большое внимание уделялось формированию у подрастающего поколения осознания принадлежности к группе, уважения к принятым в обществе правил, традиций и обычаев через ритуалы. [3], [5] В Древней Греции и Китае, помимо обучения грамоте и ремеслу, наставники прививали подопечным такие ценности как уважение к старшим и вежливость. [5] Необходимость прививания одобряемых в обществе ключевых ценностей была в значительной степени обусловлена страхом социального отвержения ввиду распространенных практик остракизма. В период, когда шансы на выживание индивида вне группы стремились к нулю, демонстрация поведения, идущего в разрез с принятыми ценностями, представляла угрозу для жизни индивида. В Средневековье ввиду возросшей роли церкви, основная задача образования виделась в спасении души через формирование благодетели. Образовательные институты стремились воспитать индивидов с морально-ценностными установками и ориентирами, продвигаемыми в распространенной в обществе религии. Нарушение принятых правил поведения или демонстрация и действие в соответствии с нормами, отличными от установленных церковью, каралось отлучением от церкви и, как следствие, социальной изоляцией и исключением из экономической цепочки. Таким образом, изначально передача ценностей через образование была необходима обществу главным образом для поддержания сложившегося порядка, а индивиду – для безопасности и принятия внутри группы. Образование считалось безусловной ценностью для общества и одновременно служило механизмом отражения и передачи ценностей.

Следует отметить, что образование и общество на протяжении всей истории человечества оказывают друг на друга взаимное влияние. С одной стороны, доминирующие в обществе тенденции находят отражение в образовательном процессе. Они затрагивают как его содержательную часть, так и реализацию образования, взаимодействие внутри института образования. Это влияние проявляется в изменениях в программах обучения, введении или упразднении специальностей, а также в появлении новых методик обучения и установления приемлемых моделей взаимодействия между участниками образовательных отношений. Примером таких преобразований является, например, упразднение телесных наказаний в школе, связанное с возросшим значением гуманизма в обществе. С другой стороны, посредством общения со сверстниками, значимыми взрослыми в лице преподавателя и других членов педагогического коллектива, и изучения наук, индивид формирует свою ценностную систему и мировоззрение, которые, в свою очередь, определяют его поведение в обществе и, в итоге,

приводят к социальным изменениям. Вызванные действиями большого количества индивидов, руководствующихся определенными морально-нравственным ориентирами, перемены влекут за собой потребность в новой системе ценностей. Круг замыкается, а процесс взаимного влияния снова запускается.

Таким образом, образование отражает и реализует культурные, моральные и нравственные установки, закрывая потребности общества. Одновременно с этим образование, выстраивая у индивида ценностную картину миру, выступает катализатором социальных изменений и задает им направление.

Список литературы

1. Баркова, Э. В. Экофилософское мировоззрение как ресурс развития человеческого капитала и преодоления рисков современного бытия / Э. В. Баркова // Человеческий капитал. – 2023. – № 3(171). – С. 62-68.
2. Григорьев, С. М. Прогностические и аксиологические подходы к формированию поликультурных ценностей студентов образовательных организаций высшего образования / С. М. Григорьев, Е. А. Пахомова // Человеческий капитал. – 2020. – № 2(134). – С. 90-101.
3. Корнетов, Г.Б. Воспитание в первобытном обществе / Г.Б. Корнетов. - М., 1993
4. Маслов, С. И. Содержание образования в рамках аксиологического подхода / С. И. Маслов, Н. В. Левченко // Методология педагогики в контексте современного научного знания: Сборник научных трудов Международной научно-теоретической конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения российского ученого-педагога, академика В.В. Краевского, Москва, 22 сентября 2016 года / Под редакцией А.А. Мамченко. – Москва: Институт стратегии развития образования Российской академии образования, 2016. – С. 209-216.
5. Тейлор, Э.Б. Первобытная культура / Э.Б. Тейлор; пер. с англ. - М.,1989
6. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года (с изменениями 2020 года). – М.: Юридическое издательство, 2020. – Ст.2

УДК 316.423

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Курбанов Муса Гасангусейнович
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
Дагестанский государственный университет,
Центр исламских исследований Северного Кавказа
г. Махачкала, Россия
e-mail: kurbanovm@mail.ru

Аннотация. В статье ставятся цели исследования государственно-цивилизационных основ совершенствования и эффективной реализации молодежной политики как надежного механизма в обеспечении духовной безопасности и воспитания молодого поколения. Актуальность использования современного государственно-цивилизационного подхода позволяет комплексно учитывать и эффективно реализовывать все имеющиеся возможности и ресурсы молодежной политики, нацеленной на всестороннее развитие российской молодежи и обеспечение ее духовной безопасности. Анализируется взаимное проникновение и согласованное функционирование цивилизационных основ государства и государственных основ цивилизации. Согласование этих оснований является одним из надежных внутренних источников саморазвития России как государства-цивилизации. В результате этого системного взаимодействия формируются более устойчивые основания для эффективного проведения молодежной политики и обеспечения духовной безопасности в современном развитии России.

Ключевые слова: Россия, государство-цивилизация, молодежь, молодежная политика, духовная безопасность, государственно-цивилизационные основы общества.

STATE AND CIVILIZATION FOUNDATIONS OF YOUTH POLICY IN ENSURING SPIRITUAL SAFETY

Kurbanov Musa Gasanguseynovich,
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Dagestan State University, Center for Islamic Studies of North Caucasus
Makhachkala, Russia
e-mail: kurbanovm@mail.ru

Abstract. The article aims to study the state-civilizational foundations of improving and effectively implementing youth policy as a reliable mechanism for ensuring the spiritual security and upbringing of the younger generation. The relevance of using a modern state-civilizational approach allows for a comprehensive consideration and effective implementation of all available opportunities and resources in youth policy, which is aimed at the all-round development of Russian youth and ensuring their spiritual security. The article analyzes the mutual penetration and coordinated functioning of the civilizational foundations of the state and the state foundations of civilization. The coordination of these foundations is one of the reliable internal sources of Russia's self-development as a civilizational state. As a result of this systemic interaction, more stable foundations are being formed for the effective implementation of youth policy and ensuring spiritual security in the modern development of Russia.
Keywords: Russia, state-civilization, youth, youth policy, spiritual security, state-civilizational foundations of society.

В сфере молодежной политики современное, систематическое «изучение консолидирующих цивилизационных основ приобретает не только исследовательскую, но и практическую значимость» [1, с. 575-576]. Россия как государство-цивилизация находится в числе самых динамично развивающихся цивилизаций современного мира. Молодежь достойно представлена и ярко присутствует во всех сферах цивилизованной жизни российского государства и общества. Весь потенциал развития России и все сферы цивилизованной жизни доступны и активно востребованы молодым поколением. Чтобы всемерно обеспечить такие возможности на их достойном уровне, российское государство проводит комплексную, широкомасштабную, долгосрочную политику развития молодежи. Для этого привлекаются не только возможности, ожидания и ресурсы самой молодежи, но и политические усилия всего российского общества и государства.

В организации молодежной политики на государственном уровне обеспеченны фактические и правовые условия для того, чтобы молодежь стала активным соучастником процессов государственного и цивилизационного развития России. В новой редакции федерального закона «О молодежной политике» [8] прописан комплексный, системный подход, полноценно учитывающий цивилизационную и государственную системность российского общества. В законе регламентируется порядок организации системного взаимодействия каждого направления действий с каждым другим. Молодежная политика определяется как «комплекс мер..., направленных на создание условий для развития молодежи, защиты ее прав и законных интересов, а также ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на патриотическое воспитание молодежи и духовно-нравственное воспитание молодежи в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности,

национальной безопасности Российской Федерации, укрепления ее суверенитета и традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [8]. Пошаговые и взаимосогласованные действия в реализации этих направлений могут определяться и исполняться на основе конкретных региональных особенностей, с учетом народных традиций, поставленных целей и местных условий.

Не все сферы и основания молодежной политики могут быть адекватно востребованы пропорционально своей необходимости и представлены к реализации в соответствии с региональными особенностями субъектов РФ. Так, вопросы межрелигиозного и межконфессионального диалога и сотрудничества в молодежной политике некоторых регионов нуждаются в особом внимании. В регионах компактного смешанного проживания представителей разных этносов и конфессий всегда будут востребованы интенсивные меры и повышенные запросы в этой сфере, требующие более основательной и достаточно продуманной регламентации в сфере духовно-идеологического воспитания молодежи и развития всего населения. Именно от того, что многие мировоззренческие и идеологические вопросы оставлены без должного внимания и пущены на самотек, в обществе могут и дальше возникать явления молодежного экстремизма и терроризма. В каждой религии и в каждом этносе есть известные положения и традиции, утверждающие справедливость и осуждающие насилие.

Цель исследования состоит в выяснении ряда вопросов, связанных с определением роли и значения цивилизационных оснований и решающих факторов в разработке, реализации и достижении эффективных результатов молодежной политики. Безусловно, российская цивилизация включает в себя и культивирует все лучшие и справедливые достижения политической жизни, нацеленные на благополучие, сотрудничество и процветание всех народов России, в том числе и ее молодого поколения. В современных условиях государственное внимание к молодежи молодой семье, независимо от ее социально-образовательных, национально-этнических и религиозно-конфессиональных различий является безусловным приоритетом. Российская цивилизация на государственном уровне проводит политику, исходящую из принципов равноправия и свободного доступа всех категорий молодежи к культурно-историческому потенциалу, богатству и благосостоянию общества. Так, в исследованиях современных проблем формирования института семьи и брака [7] выявлено, что взаимодействие и возможности согласования между правовыми нормами светского законодательства России и традиционными нормами ислама происходят на основе структурно-функционального единства государственных и цивилизационных факторов и тенденции, направленных на сближение и поиск соответствия между светскими и религиозными ценностями. В мусульманских регионах современной России семья является традиционно

«устойчивым институтом, функционирующим на основе синтеза адата, шариата и российского права» [7, с. 66]. В то же время, следует учитывать, что по целому ряду материально-экономических и психологических причин могут временно возникать негативные факторы, изначально подрывающие традиционную устойчивость, безопасность и благополучие, прежде всего, молодой семьи.

Методика и организация исследований определяется культурно-историческим подходом и системным анализом государственно-цивилизационных оснований молодежной политики в комплексном обеспечении духовной безопасности молодежи. Сама культурно-историческая реальность России складывается таким образом, что без надежных цивилизационных оснований не может быть полноценного государства. Точно так же допустимо будет исходить из того, что без эффективных государственных форм организации российское общество не может претендовать на свой цивилизационный статус. «Цивилизационные факторы формирования государственной политики» [3, с. 32], становятся краеугольными основами устойчивого и безопасного развития российской государственности в целом.

Цивилизационные основы молодежной политики складываются и проявляются в реальном положении, которое констатирует многомерное, комплексное, гармоничное сочетание молодого поколения со всеми слоями российского общества. Молодежь является неотъемлемой частью общества. Поэтому все основные отношения, существующие в обществе, распространяются и на молодое поколение. Сюда относятся национально-этнические, религиозно-конфессиональные, социально-экономические, культурно-исторические и другие отношения. Отдельный разряд всех этих отношений вступают друг с другом в общий, совместимый и взаимосогласованный синтез, результаты которого свидетельствуют о реальных возможностях и достижениях сбалансированного единства всей российской молодежи.

Рассматривая государственные и цивилизационные основы молодежной политики, необходимо прежде отметить, что российское государство, за свой более чем тысячелетний период существования, изначально формировалось в тесной связке с различными цивилизационными отношениями и их основаниями. Цивилизационные основы пронизывались государственными отношениями, а государственные основы наполнялись цивилизационным смыслом. Это означает, что политологические и социологические исследования, ведущиеся в области молодежной политики на Западе или в других цивилизационных системах, не могут быть идентичными и адекватными основаниями для научных выводов о развитии России как государства-цивилизации. Вместе с тем, следует учитывать общие для всего человечества гуманистические первоначала жизни, одинаковые для всех

цивилизаций, устремленных к справедливости, достоинству и благосостоянию.

Делая краткий культурно-исторический экскурс, следует отметить, что первоначально, российское государство и российская цивилизация формировались как синкретическое, аморфное, целостное образование. Но по мере развития возникали новые, различающиеся друг от друга основы и устои, с присущими им отношениями и пропорциями согласованного взаимодействия. Во времена бунтарства, смуты и потрясений одни способы и формы согласования сменялись на другие, более прочные и адекватные росту государства и цивилизации. Ныне, Россия как целостное системное образование «государство-цивилизация», формируется как гармонично слаженный социальный организм, в котором многие устои и основы относятся одновременно к государственным и к цивилизационным. Одним и тем же базисным основанием России всегда является народ. Следовательно, социальная основа цивилизации и социальная «основа государства – прежде всего люди» [10, с. 10], реализующие в общем потоке жизни свои разные возможности, направления, условия, цели и результаты всего общественного развития. В начале XXI века стало вполне очевидным, что «в политике и культуре утверждается в какой-то мере новое для нас понятие гражданской нации» [10, с. 11]. Гражданская нация россиян, сплачивающая все народы и национальности России в совместных усилиях на общее благо, становится особым результатом слияния как государственных, так и цивилизационных отношений, сходящихся в единое, прочное, устойчивое системное образование.

Однако есть и такие факторы и основы, которые эпизодически и избирательно могут приоритетно и попеременно функционировать только в государственном сегменте, или только в цивилизационном сегменте. В связи с этим, между разными основами могут возникать отдельные расхождения и рассогласования, которые связаны с проблемами роста и развития России как государства-цивилизации. Эти проблемы и расхождения в рабочем порядке устраняются цивилизационными и государственными механизмами, по мере их выявления, в том числе – через использование результатов научно-исследовательской и экспертной деятельности обществоведов и гуманитариев, а также в ходе повседневной практической деятельности Президента, правительства, правотворческой деятельности Государственной Думы и Федерального Собрания.

Решения ключевых и долгосрочных проблем молодежной политики определяются положениями Конституции, Законами РФ, а также Стратегией молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. К **государственным основам молодежной политики** относятся конституционно-правовые, социально-экономические, партийно-политические. Конституционно-правовые основы молодежной политики

определяются Конституцией РФ, федеральными законами, направленными на всестороннюю поддержку молодежи. Ключевое, профильное значение и ведущую роль здесь имеет федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» [8]. Отдельные аспекты и стороны жизни молодого поколения определяются в соответствующих федеральных законах об образовании, о занятости населения, о государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений и др. Реальность и системная обеспеченность современной государственной политики в деле защиты гражданских прав и свобод российской молодежи не вызывает сомнений, и нуждается в дальнейшем сбалансированном совершенствовании.

Социально-экономические основы молодежной политики определяются целями формирования профессионального, квалифицированного кадрового потенциала, готового к осуществлению активной экономической деятельности и обеспечению экономического суверенитета и безопасности. Этот порядок выражен в ряде указов Президента Российской Федерации, среди которых особо следует отметить указ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации» на период до 2030 года».

Партийно-политическая деятельность вызывает интерес среди большинства российской молодежи, которая принимает активное участие в выборах, но до широкого личного участия в партийно-политической деятельности у молодежи дело не доходит [9]. Поэтому, здесь требуются дальнейшие исследования и специализированный подход, нацеленные на поиск и разработку эффективных средств и политтехнологий развития политической культуры молодого поколения.

К **цивилизационным основам молодежной политики** относятся культурно-исторические, духовно-нравственные, национально-этнические, художественно-эстетические основы. В реализации молодежной политики необходимо учитывать, что соотношение и приоритетность значения этих основ в разных регионах и субъектах РФ могут значительно отличаться и в разных темпах варьироваться. Наглядно это видно в исследовании культурно-исторических основ, которые характеризуются цивилизационной преемственностью развития российского общества, богатым историческим опытом и памятью поколений.

В ходе исследования проблем сохранения и воспроизводства традиционных ценностей и национальной самобытности российских народов в условиях глобализации, становится все более очевидным, что бесконтрольное «развитие информационных технологий и возможностей для приобщения к чуждым социокультурным стандартам представляет угрозу для духовной безопасности страны» [5, с. 61]. Поэтому, необходимо уделять должное внимание полноценному использованию духовно-нравственных

основ молодежной политики, излагаемых в указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [11]. В рамках духовно-нравственных основ молодежной политики можно выделить мировоззренческие, рационально-логические, религиозно-конфессиональные, морально-нравственные, нормативно-ценностные, ценностно-ориентационные и др. основания, которые могут быть приведены в многомерную согласованную систему организационных, функционально упорядоченных мер, направленных на достижение всех обозначенных целей укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей. Духовно-нравственные основы жизни российской молодежи включает в себя свободомыслие и выбор между религиозно-конфессиональными и светскими (мирскими) убеждениями молодежи.

Консолидация молодежи на основе универсальных, современных цивилизационных принципов и ценностей многонационального и полиэтничного согласия, а также, межрелигиозного и межконфессионального диалога становится настоятельной необходимостью и условием дальнейшего развития всего общества. В связи с этим можно прямо сказать, что «такие религии как ислам, христианство и иудаизм обладают высоким потенциалом в обеспечении общественно-политической стабильности в полиэтничном регионе» [6, с. 31] и этот потенциал необходимо полноценно использовать в молодежной политике и, особенно, в деле обеспечения духовной безопасности молодежи, не имеющей богатого жизненного опыта. Национально-этнические основы молодежной политики определены в ряде указов Президента Российской Федерации, среди которых можно особо выделить указ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [12], который нацеливает общество на новые ориентиры и перспективы общей консолидации и развития России. Устойчивые формы сотрудничества молодежи в разных сферах ведут ее к единой общности и социальному единству, сформировавшемуся в духовно-нравственное ядро, вокруг которого распределяются политические, экономические, правовые факторы, условия и сферы совместной жизни.

В молодежной политике активно задействован весь потенциал молодежи, ее трудолюбие и любознательность, верность и усердие, ценности и идеалы, проекты, мечты и перспективы, которые охватывают все стороны жизни, составляют комплексное, надежное основание для будущего устойчивого развития российского государства и всего общества.

Если прежде считалось, что решающими и ведущими «субъектами молодежной политики выступают государство и различные общественно-политические силы» [4, с. 44], то теперь молодежь все громче, больше и

сильнее заявляет о себе не только как об объекте, но и субъекте молодежной политики, способном прямо выражать свои интересы, предпочтения и перспективы. Поэтому, среди целей молодежной политики все больше места отводится необходимости «обеспечить условия для самореализации молодежи, их ресурсного потенциала на основе их интересов и возможностей» [2, с. 16].

Все усилия России как государства-цивилизации нацелены на то, чтобы молодежь, вместе со старшими поколениями, могла достойно сосуществовать со всеми народами современного, многополярного мира, основанного на справедливости, уважении и сотрудничестве на благо всего человечества. Возрастающие интересы, стремления и потребности российской молодежи должны быть в центре внимания со стороны общества и государства, ученых и мыслителей. По мере развития российского государства-цивилизации возрастают не только его возможности и потребности, но и прямые угрозы, особенно, в сфере духовной безопасности молодого поколения. Могут возникать и новые непредвидимые, опасные угрозы, прямо подрывающие духовную безопасность общества, делающие будущую жизнь молодежи и всего общества более хрупкой, уязвимой и легко ранимой. Молодежная политика предназначена для опережающего устранения всех подобных угроз и развития достойной молодой смены.

Список литературы

1. Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Основы российской цивилизационной идентичности в представлениях молодежи Северного Кавказа // Народы Кавказа в XVIII-XXI вв.: история, политика, культура: Материалы XI Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию принятия первой союзной Конституции и образования Северо-Кавказского края, Ростов-на-Дону, 16–19 октября 2024 года. – Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2024. – С. 574-580.

2. Агеев Г.В. Молодежная политика: теоретическое измерение // Youth World Politic. 2022. № 1. С. 11-19.

3. Багдасарян В.Э. Цивилизационные факторы формирования государственной политики // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1. С. 32-43. https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-1-1059

4. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений / В. А. Луков, В. В. Алиев, В. А. Гневашева. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2013. – 717 с.

5. Джабраилов Ю.Д. Роль религии и традиционных ценностей в формировании национально-гражданской идентичности на Северном

Кавказе // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. 2025. № 5 (2). С. 61-74. https://doi.org/10.54398/2713-024X.2025.5.2.004

6. Магомедова М.А. Роль религиозных организаций в полиэтничном регионе (на примере Республики Дагестан) // Научный альманах стран Причерноморья. 2024. № 10 (4). С. 31-36. https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-4-31-36

7. Магомедова М.З. Институт семьи и брака в Республике Дагестан: конвергенция светских и религиозных ценностей // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2025. № 4 (143). С. 66-70. https://doi.org/10.18522/1997-2377-2025-143-4-66-70

8. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ. (в редакциях федеральных законов от 22.04.2024 № 95-ФЗ, от 28.12.2024 № 550-ФЗ, от 23.07.2025 № 258-ФЗ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://government.ru/docs/all/131881/ (дата обращения 10.11.2025 г.)

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409496275/?ysclid=mhwgvyg0he566860906 (дата обращения 10.11.2025 г.)

10. Тишков В.А. Российский народ: пространство и культура. – СПб.: СПбГУП, 2018. – 32 с.

11. Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 г. №809 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061 (дата обращения: 10.11.2025).

12. Указ Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 № 309 [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 10.11.2025).

УДК 324

ВЫБОРЫ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (2017-2025)

Мармилова Екатерина Петровна
независимый исследователь
e-mail: katyamme@mail.ru

Аннотация. В статье автор выявляет кейсы, тенденции и рассматривает современную политологическую дискуссию о влиянии искусственного интеллекта на институт выборов. После предварительного просмотра названий статей и аннотаций зарубежных статей из базы данных Web of Science в выборку для проведения библиометрического анализа, и написания систематического обзора по теме исследования попали 20 научных статей в период с 2017 по 2025 год. Автор статьи приходит к следующим выводам: 1) появление искусственного интеллекта оказывает влияние не только на технологический, но и политический ландшафт; 2) зарубежные страны изучают возможности применения искусственного интеллекта в политических кампаниях, одновременно работая над регулированием его использования в рамках своей политической системы; 3) на основе тщательного анализа зарубежной литературы, мы видим, что искусственный интеллект влияет на проведение избирательных кампаний, мнение избирателей и избирательный процесс. Научная новизна состоит в том, что это позволило выявить зарождающееся состояние зарубежной научной литературы по данной теме исследования.

Ключевые слова: выборы, избирательный процесс, искусственный интеллект, политология, зарубежная научная литература

ELECTIONS AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A BIBLIOGRAPHICAL ANALYSIS OF FOREIGN LITERATURE (2017–2025)

Marmilova Ekaterina Petrovna
Independent Researcher
e-mail: katyamme@mail.ru

Abstract. In the article, the author identifies cases, trends and examines the current political science debate on the impact of artificial intelligence on the institution of elections. After a preliminary review of article titles and abstracts of foreign articles from the Web of Science database, 20 scientific articles from 2017 to 2025 were included in the sample for bibliometric analysis and writing a

systematic review on the topic of the study. The author of the article comes to the following conclusions: 1) the emergence of artificial intelligence affects not only the technological but also the political landscape; 2) foreign countries are exploring the possibilities of using artificial intelligence in political campaigns, while simultaneously working to regulate its use within their political system; 3) based on a thorough analysis of foreign literature, we see that artificial intelligence affects the conduct of election campaigns, voter opinion and the electoral process. The scientific novelty lies in the fact that this made it possible to identify the emerging state of foreign scientific literature on this topic of research.

Keywords: elections, electoral process, artificial intelligence, political science, foreign scientific library

В настоящее время наблюдается активное внедрение искусственного интеллекта в различные сферы жизни общества. Искусственный интеллект активно используется в когнитивных науках, в здравоохранении, в лингвистике, в журналистике, в предиктивной аналитике, в финансах и в других сферах, а также применяется в различных секторах государственного и муниципального управления, в частности, в рамках политико-правового института выборов. Применение искусственного интеллекта приводит к увеличению конкурентоспособности, гибкости, текучести и скорости в рамках проведения избирательных кампаний.

Обзор литературы

Ала-Уддин, М., и Иттефак, М. освещают тему влияния искусственного интеллекта на различные сферы жизни общества в газетах 12 стран путем анализа новостных статей (2010-2023). Их анализ выявил влияние искусственного интеллекта на политику, выборы и общественное мнение в рамках 2,03 % [2].

Концептуализация и основные черты участия политических акторов в сети интернет, применение информационных технологий, включая искусственный интеллект в рамках института выборов, обозначенная в работе Гарсия-Ороса, Берта [8], представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Концептуализация применения информационных технологий и ИИ (1990-2016) в рамках института выборов по мнению Г.-О. Берта

Период	Изменения
в 1990-х гг.	Политические акторы начинают укреплять своё присутствие в интернете.
период с 2004 по 2008 года	Характеризуется консолидацией социальных сетей и растущей коммерциализацией вовлечения аудитории.
в 2008 году	Избирательная кампания Обамы была охарактеризована микросегментацией и использованием больших данных.
в 2016 году	Кампания по Brexit была отмечена активным использованием искусственного интеллекта.

П. Саважет, Т. Кьярини, С. Эванс с помощью выборки научных статей из научных журналах, индексируемых в таких базах данных, как Google Scholar и Scopus (2011-2021), исследовали как «гражданское общество может использовать технологии на основе искусственного интеллекта для стимулирования распространённого политического участия» [17].

Цель исследования: выявить кейсы, тенденции и рассмотреть современную политологическую дискуссию о влиянии искусственного интеллекта на институт выборов, с помощью библиографического анализа и систематизированного обзора зарубежной научной литературы.

Методология исследования

В базе Web of Science было найдено 186 научных статей по теме исследования. При поиске были использованы следующие ключевые слова: «выборы», «искусственный интеллект». Для проведения библиометрического анализа и написания систематического обзора по теме исследования было отобрано 20 релевантных теме исследования научных статей в период с 2017 по 2025 год.

Страны, где исследуется данный вопрос

Выход научных статей связан с проведением очередных выборов в таких странах, как Мексика (2018), Эквадор (2021), Бразилия (2022), Испания (2023), Турция (2023), Колумбия (2023), США (2024), Индонезия (2024), Италия (2024), Хорватия (2024).

Концепции, теории, подходы, принципы, используемые учеными для проведения исследований в рамках влияния искусственного интеллекта на институт выборов

Тема влияния искусственного интеллекта на институт выборов исследуется учеными в рамках 1) концепций: концепции алгоритмической политической коммуникации; концепции посредничества и участия [18]; 2) теорий: марксистской теории отчуждения, теории фрейминга [2]; 3) подходов: гибридного подхода, сочетающего аффективные вычисления и классический статистический анализ, а также смешанного подхода, совмещающего искусственный интеллект и ручной контент-анализ) [5]; 4) принципа «plug-and-play». Наиболее популярными методами исследования являются следующие методы: методы искусственного интеллекта, машинного обучения и классификаторы, для прогнозирования эмоций избираемых кандидатов и их влияние на других кандидатов (2018), метод Дельфи (2023) [14], математические модели, кластеризация (2024), формулы для измерения сопутствующих рисков, аффективные вычисления, анализ опроса (2017, 2019) [11], интервью с представителями центральных и местных органов власти, а также документальные исследования [19], критический и качественный аналитический метод, построение и валидация симуляций в обществе [20], мониторинг показателей [13].

Для автономного обнаружения контента, сгенерированного искусственным интеллектом, создаются новые информационные

инструменты, например, цифровые платформы [1]. В некоторых странах уже приняты законы, запрещающие использование дипфейков в избирательных кампаниях. Сотрудничество между правительствами, избирательными институтами, технологическими компаниями и гражданским обществом имеет решающее значение для сохранения целостности и легитимности избирательных процессов в цифровую эпоху.

SWOT-анализ применения искусственного интеллекта в рамках избирательного процесса и политико-правового института выборов представлен в таблице 2.

Таблица 2.

SWOT-анализ применения искусственного интеллекта в рамках избирательного процесса и политико-правового института выборов

Плюсы	Минусы
- Искусственный интеллект может радикально изменить существующую политическую парадигму, в условиях формирования мирового контекста раскрытия правительственных данных в интернете [17]; - искусственный интеллект может служить ценным инструментом для усиления положительного влияния на демократические процессы [9].	- риск фейковых новостей во время проведения выборов [7]; - появление искусственного интеллекта влияет на тайное голосование, так как оно может стать гораздо менее эффективным средством защиты избирателей [16]; - вызывает этические проблемы и риск распространения дезинформации.
Возможности	Угрозы
- Расширяет возможности более распространённых форм политического участия за пределами выборов; - может быть использован для определения поведения отдельных избирателей [16]; - используется для повышения кибербезопасности электронного голосования.	- Искусственный интеллект стремительно и неконтролируемо развивается; - достижения в области искусственного интеллекта могут быть использованы в «отрицательном» ключе для избирателей.

Исследования касаются разных аспектов влияния искусственного интеллекта на институт выборов:

- влияние искусственного интеллекта на социальные сети, в частности, на Twitter и автоматизированное написание новостей;

- интеграция искусственного интеллекта в другие информационно-технологические инструменты, например, применение искусственного интеллекта в разработке приложения для голосования [9],

- искусственный интеллект рассматривается, как рычаг, который стремится увеличить распространение и охват новостей в регионах с дефицитом журналистского освещения [3].

- как искусственный интеллект позволяет выявить потенциальную взаимосвязь эмоций кандидатов с избирателями.

Зарубежные страны изучают возможности применения искусственного интеллекта в политических кампаниях, одновременно работая над регулированием его использования в рамках своей политической системы.

Случаи применения искусственного интеллекта в рамках института выборов:

- искусственный интеллект, коммуникация и демократия являются их составными элементами (2011-2021) в таких странах Латинской Америки, как Колумбия, Эквадор и Мексика;

- искусственный интеллект использовался непосредственно перед выборами в США (2016) и других странах мира;

- в Нидерландах голландские политические партии обсуждали искусственный интеллект в своих политических программах к выборам 2023 года;

- искусственный интеллект позиционировался как инновационный инструмент повышения популярности в Индонезии в преддверии всеобщих выборов 2024 года [19];

- чат-бот на основе искусственного интеллекта, применялся итальянским кандидатом на выборах в Европейский парламент в 2024 году [18];

- проводилась оценка с помощью ChatGPT позиции французских политических партий в контексте выборов в Европарламент 2024 года [6];

- применение автоматизированной системы для обработки результатов трех последних общенациональных выборов в Эквадоре [4].

Дискуссия

На сегодняшний день ученые расходятся во мнении о том, что искусственный интеллект может усиливать или снижать политическое участие граждан в выборах. С одной стороны мы наблюдаем растущее влияние искусственного интеллекта на выбор избирателей, с другой стороны, простота и скорость создания новостей с помощью искусственного интеллекта для избирательных кампаний требуют постоянной проверки. Последствия современного искусственного интеллекта в политологии более специфичны [12].

В данной статье мы систематизируем в виде небольшого обзора изменения в свете продолжающейся дискуссии о регулировании выборов, избирательного процесса и искусственном интеллекте. На наш взгляд,

инструменты с искусственным интеллектом полезны; однако их применение и их адаптация к потреблению по-прежнему необходимы. Этот систематический обзор позволяет выявить зарождающееся состояние зарубежной научной литературы по данной теме исследования.

Выводы

Таким образом, появление искусственного интеллекта оказывает влияние не только на технологический, но и политический ландшафт. На основе тщательного анализа зарубежной литературы, мы видим, что искусственный интеллект влияет на проведение избирательных кампаний, мнение избирателей и избирательный процесс. В связи с этим, возникает вопрос не только о влиянии искусственного интеллекта на институт выборов, но и о том, как искусственный интеллект будет использоваться в политической сфере в будущем.

Список литературы

1. Adeleke, F. Reinstating trust in elections in the era of artificial intelligence and emerging technologies. Data Policy 2025, 7, e38, https://doi.org/10.1017/dap.2025.14.
2. Ala-Uddin, M., & Ittefaq, M. (2024). Global news media coverage of artificial intelligence (AI): A comparative analysis of frames, sentiments, and trends across 12 countries. Telematics and Informatics. https://doi.org/10.1016/J.TELE.2024.102223
3. Aramburú Moncada, L. G., López Redondo, I y López Hidalgo, A. (2021). Artificial intelligence in RTVE at the service of empty Spain. News coverage project with automated writing for the 2023 municipal elections. Revista Latina de Comunicación Social, 81, 1-16. https://www.doi.org/10.4185/RLCS-2023-1550
4. Asimbaya, J. A. M., Ramírez, G. M., & Díaz-Arancibia, J. (Aceptado/En prensa). Advancing democratic processes in Ecuador: A case study on neural network-driven OCR for election report verification. Expert Systems, 42(1), Artículo e13578. https://doi.org/10.1111/exsy.13578
5. Bentivegna, S., & Rega, R. (2024). Politicians Under Fire: Citizens' Incivility Against Political Leaders on Social Media. Social Media + Society, 10(4). https://doi.org/10.1177/20563051241298415 (Original work published 2024)
6. Bol, D., & Bono, P.-H. (2025). Can ChatGPT accurately identify the position of parties? A validation study with an expert survey in France. Research & Politics, 12(2). https://doi.org/10.1177/20531680251335653 (Original work published 2025)
7. Chiang, T. H. C., Liao, C.-S., & Wang, W.-C. (2022). Impact of Artificial Intelligence News Source Credibility Identification System on Effectiveness of Media Literacy Education. Sustainability, 14(8), 4830. https://doi.org/10.3390/su14084830

8. Garcí-a-Orosa, B. (2021). Disinformation, social media, bots, and astroturfing: the fourth wave of digital democracy. Profesional De La información, 30(6). https://doi.org/10.3145/epi.2021.nov.03

9. Gemenis K (2024) Artificial intelligence and voting advice applications. Front. Polit. Sci. 6:1286893. doi: 10.3389/fpos.2024.1286893

10. Intelligent Computing Social Modeling and Methodological Innovations in Political Science in the Era of Large Language Models. CoRR abs/2410.16301 (2024)

11. Jacobs, Julian, 2024. "The artificial intelligence shock and socio-political polarization," Technological Forecasting and Social Change, Elsevier, vol. 199(C).

12. Jungherr, A. (2023). Artificial Intelligence and Democracy: A Conceptual Framework. Social Media + Society, 9(3). https://doi.org/10.1177/20563051231186353 (Original work published 2023)

13. Kopal, Robert; Korkut, Darija; Znidar, Krešimir An in-depth analysis of AI perception in Croatia

14. López-Ponce, Marcela; Barredo-Ibáñez, Daniel; & Sánchez Gonzales, Hada. (2024). Uses and Risks of Artificial Intelligence in the 2023 Election Campaigns: Delphi Survey of Strategic Experts from Colombia. ICONO 14. Scientific Journal of Communication and Emerging Technologies, 22(2): e2078. https://doi.org/10.7195/ri14.v22i2.2078

15. Luca Rettenberger & Markus Reischl & Mark Schutera, 2025. "Assessing political bias in large language models," Journal of Computational Social Science, Springer, vol. 8(2), pages 1-17, May.

16. Mainz, J. T., Sønderholm, J., & Uhrenfeldt, R. (2024). Artificial Intelligence and the Secret Ballot. AI & Society: Journal of Knowledge, Culture and Communication, 39, 515–522. https://doi.org/10.1007/s00146-022-01551-7

17. Paulo Savaget, Tulio Chiarini, Steve Evans, Empowering political participation through artificial intelligence, Science and Public Policy, Volume 46, Issue 3, June 2019, Pages 369–380, https://doi.org/10.1093/scipol/scy064

18. Tosi, D., Chiappa, M., & Pizzul, D. (2025). AI Chatbots in Political Campaigns: A Practical Experience in the EU's 2024 Parliament Elections. Social Science Computer Review, 0(0). https://doi.org/10.1177/08944393251320063

19. Wadipalapa, R. P., Katharina, R., Nainggolan, P. P., Aminah, S., Apriani, T., Ma'rifah, D., Anisah, A. L. (2024). An ambitious artificial intelligence policy in a decentralised governance system: Evidence from Indonesia. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 43(1), 65-93. https://doi.org/10.1177/18681034231226393

20. Zhenyu Wang, Yi Xu, Dequan Wang, Lingfeng Zhou, Yiqi Zhou: Intelligent Computing Social Modeling and Methodological Innovations in Political Science in the Era of Large Language Models. CoRR abs/2410.16301 (2024)

УДК 130

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ В ДАГЕСТАНСКОЙ СЕМЬЕ

Махадов Ахмедия Камилович,
Дагестанский государственный университет
г. Махачкала, Россия
e-mail: ahmed020895@mail.ru

Аннотация. Семья как ключевой социальный институт всегда обеспечивала выполнение важных общественных задач: от организации быта и производства до передачи потомкам этнических традиций, норм и обычаев. Исторически она выступала базовой экономической единицей, готовя детей к освоению социальных ролей. Духовная культура народов обладает уникальной способностью к самообновлению, сочетая накопление новшеств с сохранением древних основ, что подчеркивает ценность исследования семейных традиций в Дагестане, где современные влияния сосуществуют с архаичными формами.

Ключевые слова: семья, Дагестан, Кавказ, культурно-социальная общность.

THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE TRADITIONAL EDUCATION SYSTEM IN THE DAGESTAN FAMILY

Makhadov Akhmedia Kamilovich
Dagestan State University
Makhachkala, Russia
e-mail: ahmed020895@mail.ru

Annotation. The family as a key social institution has always ensured the fulfillment of important social tasks: from organizing household and production to transmitting ethnic traditions, norms, and customs to descendants. Historically, it served as the basic economic unit, preparing children to master social roles. The spiritual culture of peoples possesses a unique capacity for self-renewal, combining the accumulation of innovations with the preservation of ancient foundations, highlighting the value of studying family traditions in Dagestan, where modern influences coexist with archaic forms.

Keywords: family, Dagestan, Caucasus, cultural-social community.

Семья выступает одним из базовых общественных институтов, форма и внутренний уклад которого в разные исторические периоды обычно согласуются с доминирующими социально-экономическими реалиями. Однако такая согласованность не является постоянной. Устанавливаясь под влиянием конкретных условий жизни, семейный образ существования со временем приобретает определённую самостоятельность. Это связано, среди прочего, с относительной закрытостью семейной сферы, что делает её более устойчивой к переменам и менее подверженной быстрым изменениям по сравнению с общественными формами быта [7, с. 3].

Семья издавна занимает центральное место в системе социальных институтов, поскольку на неё возлагались ключевые общественные функции: организация и распределение труда, участие в хозяйственной деятельности, а также передача подрастающему поколению культурных норм, обычаев и традиций. В исторической перспективе именно семейное объединение выполняло роль основной экономической единицы, в рамках которой происходило формирование поведения и навыков, необходимые человеку для включения в жизнь общины или общества.

Духовная культура народа обладает особым свойством –способностью к внутреннему обновлению. Она развивается и насыщается новыми элементами, не утрачивая при этом преемственности и связи с предшествующими культурными пластами. Такое сочетание традиции и обновления обеспечивает устойчивость культурных форм и позволяет семейным моделям адаптироваться к изменяющимся условиям, сохраняя при этом базовые ценностные ориентиры.

Традиционная культура народов Дагестана, отличаясь богатством форм и многовековой самобытностью, при этом демонстрирует удивительное духовное единство различных этнических общностей региона. Несмотря на различия в языках, бытовых укладах и локальных культурных традициях, многие ценностные ориентиры и представления о мире оказываются сходными. Об этом неоднократно писал один из крупнейших исследователей истории и культуры Дагестана, доктор исторических наук, профессор Р. М. Магомедов. В своих работах он подчёркивает, что общие духовные основания, закреплённые в фольклоре, обычаях, нравственных принципах и жизненных установках, создают прочную основу для внутреннего единства народов Дагестана, формируя общий культурный код региона: «Дагестанское единство – это ступень духовной зрелости и осознание дагестанцами своего национального духа, это единство народа, равенство народа. Дагестанское единство основано не на государственном объединении, а на понимании своей общности, самобытности существования и одной веры. Непрерывность бытования этнокультурной общности народов Дагестана в естественных проявлениях их исторической

жизни и в общественном сознании привела их к взаимозависимости, к тесному сотрудничеству и взаимопомощи. Эту близость исторических традиций и социально – культурной общности народы Дагестана пронесли через века» [6, С. 73-74].

Этнокультурные истоки народов Дагестана, включая сферу семейных обычаев, уходят в глубь древности и связаны с культурой племён, населявших регион на ранних этапах истории. Среди них –кочевые объединения скифов, сарматов, гуннов, аланов и хазар, игравшие значительную роль в этногенетических процессах на Северном Кавказе. Уже в VII–VI вв. до н. э. прикаспийские территории Дагестана служили коридором, по которому двигались скифские племена, направлявшиеся в Переднюю Азию и Восточную Европу. Эта зона контактировала и с другими кочевниками –савирами, берсилами, болгарами, –с которыми у местного оседлого населения складывались устойчивые связи. Согласно данным древних письменных памятников, часть этих групп, особенно савиры, не ограничивались временным присутствием, а постепенно интегрировались в местную среду, оседая на территории Дагестана и оставляя заметный след в его культурном развитии [5, С. 133].

Каждая историческая эпоха оказывается этапом особого культурного и духовно-нравственного обновления общества, когда народ поднимается на новую ступень развития и обогащает свой духовный потенциал. Именно устойчивость и передаваемая из поколения в поколение сила обычаев, традиций и обрядов обеспечивали сохранение культурного наследия: их консервативный характер становился фактором стабильности и преемственности.

Уже в X веке об этом писал арабский историк и путешественник Аль-Масуди, посетивший территорию, известную под названием Дагестан. Он отмечал, что здесь проживают около семидесяти племён и народов, каждый из которых имеет собственные обычаи, язык и форму правления. По наблюдению учёного, в горных областях региона существуют долины и труднодоступные ущелья, населённые сообществами, которые ввиду особенностей рельефа практически не поддерживают контактов друг с другом [1, С. 57-58]. Интерес к происхождению народов и человечества и к человеческой истории всегда сопровождался интересом к браку, семье, родству как специфическим формам существования, сохранения и возобновления поколений. А интерес к происхождению человечества способствовал развитию исторического взгляда на семейный образ жизни.

Археологические данные в совокупности с этнографическими наблюдениями позволяют исследователям утверждать, что в неолитический период базовой формой социальной организации выступала родовая община. Она включала в себя несколько парных семей и управлялась наиболее

опытным и уважаемым членом коллектива – старейшиной: «Счет родства мог быть и матрилинейным, и патрилинейным. Члены родовых общин обычно селились в одном поселении. Родовая община владела прилегающей территорией, которая использовалась для земледелия, охоты и скотоводства. Численность общины всегда была такой, чтобы она могла необходимой рабочей силой все циклы земледельческих работ» [4, С. 38].

В IX–VIII вв. до н. э. происходят существенные изменения в системе воспитания: если ранее оно носило коллективный, общинный и относительно равный характер, то со временем обязанности по воспитанию переходят преимущественно в сферу семейно-сословных отношений. Главными наставниками детей становятся их собственные родители, чьи повседневные поступки и труд выступали основным образцом поведения.

Матрилинейные нормы, характерные для данного этапа, придавали особый социальный статус женщине-матери, вокруг которой формировался круг кровных родственников. Это способствовало укреплению уважительного отношения к родительнице и прародительнице, а также созданию устойчивой системы нравственного и поведенческого воспитания подрастающего поколения. В условиях материнского рода складывалась продуманная и структурированная модель передачи жизненного опыта и культурных норм.

С началом включения территории Дагестана в государственные образования Кавказской Албании прежние родоплеменные формы сохраняли свою устойчивость. Замкнутый характер семейных объединений в значительной степени объяснялся природными и географическими особенностями региона, что усиливало автономность и самодостаточность местных этносов и препятствовало их быстрой интеграции в более крупные социально-политические структуры.

Содержание воспитания у народов Дагестана формировалось в нелегких условиях. У дагестанцев выработались особые взгляды на ключевые жизненные компетенции, физическое воспитание, ценность труда, гармонию с природой и подобные аспекты.

Воспитательный процесс молодежи определялся повседневным укладом жизни, природной средой, трудом и установленными обычаями.

Особое внимание уделялось всестороннему развитию детей – физическому, трудовому и нравственному. Подрастающее поколение с ранних лет приучали к владению оружием, верховой езде, умению переносить трудности и лишения, что рассматривалось как необходимая подготовка к взрослой жизни. Семейное воспитание не ограничивалось рамками домашнего быта: оно подкреплялось и контролировалось со стороны общины. Важную роль в этом играли такие социальные институты, как куначество, участие в свадебных обрядах, собрания жителей аула и

формы общественного общения, где ребенок постепенно осваивал нормы поведения и социальные обязанности. Как показывает историческая периодизация, истоки традиционной системы воспитания в дагестанской семье уходят корнями в глубину тысячелетий.

В первые десятилетия XX века семья как институт воспитания столкнулась с кризисом из-за разрушения традиционных основ образования. Изменения в семье неизбежно сопровождают общественный прогресс, и современная семья заметно отличается от прежних моделей, поскольку трансформации вызваны социально-экономическими, моральными, политическими и иными вызовами сегодняшнего дня. Эти сдвиги в первую очередь затрагивают структуру семьи, ее типологию и выполняемые ею функции [2, С. 124].

Необходимо возродить проверенные временем традиции народов Дагестана, восстановив в семье функцию воспитания и признав родителей главными воспитателями, ответственными за гармоничное развитие ребенка. Следует также искать пути сотрудничества и взаимного обучения между педагогами и семьями. Многовековой опыт дагестанских народов, где роль семьи всегда была высоко оценена, может служить ценным ориентиром в этом процессе.

Список литературы

1. Алигишиев Р. Долголетие в Дагестане. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. – 172 с.

2. Алиева Б.Ш. Этнопедагогика дагестанской семьи: Монография. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2007. – 341 с.

3. Дибиров М. Народные игры и спорт в Дагестане. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. – 60 с.

4. История народов Северного Кавказа с конца XVIII в. по 1917 г. / Под ред. Л.А. Народницкого. – М.: Наука, 1998. – 659 с.

6. Магомедов Р.М. Обычаи, традиции народов Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. – 144 с.

5. Магомедов Р. М. Легенды и факты о Дагестане. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. – 240 с.

7. Соловьев В.С. Духовные основы жизни. – 3 изд. – СПб., 1897. – 177 с

УДК 316.3.7.

ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЕЧЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Мацаева Малика Вахаевна,
Курбанова Лидия Увайсовна,
Чеченский государственный университет
имени Ахмата Абдулхамидовича Кадырова,
Грозный, Россия
e-mail: info.matsaeva@gmail.com, medna59@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является всестороннее теоретическое исследование диалектики традиционного и современного в политико-правовой культуре чеченской молодежи, выявление механизмов интеграции традиционных этноправовых норм, исламской религиозной практики и современных государственных институтов, а также анализ влияния этих процессов на формирование ценностных ориентиров, идентичности и социальной активности молодежных сообществ. В рамках исследования используется комплексный философский подход, включающий элементы социальной философии, философии истории, культурологии и политической философии, что позволяет проанализировать как структурные, так и функциональные аспекты взаимодействия традиции и современности.

Методы исследования включают системный анализ, диалектический подход, историко-философскую реконструкцию, метод сравнительного анализа традиционных и современных институтов, а также контент-анализ научных публикаций и нормативно-правовых документов. Такой методологический комплекс обеспечивает глубокое понимание процессов трансформации политико-правовой культуры, позволяет выявить скрытые противоречия, обусловленные взаимодействием локальных и государственных норм, и определить факторы устойчивого развития молодежной социальной практики.

Новизна статьи заключается в комплексной философской интерпретации гибридной политико-правовой культуры чеченской молодежи, в выявлении диалектического взаимодействия между традиционными этноправовыми и религиозными институтами и современными государственными механизмами, а также в систематизации проблем и вызовов, связанных с трансформацией идентичности и социальной активности молодежи. Предложена концептуальная модель, позволяющая рассматривать диалектику традиционного и современного как динамическую систему, интегрирующую ценностные, культурные и институциональные измерения, что открывает новые возможности для

разработки эффективной молодежной политики и стратегий социального развития.

Целью статьи является раскрытие философских аспектов диалектики традиционного и современного, методов интеграции традиций и современных институтов, а также влияния этих процессов на молодежную идентичность.

Ключевые слова: диалектика, традиционное, современное, молодежная культура, Чеченская Республика, политико-правовая трансформация, идентичность, государственная молодежная политика.

DIALECTICS OF TRADITIONAL AND MODERN POLITICAL AND LEGAL CULTURE OF CHECHEN YOUTH

Matsaeva Malika Vakhaevna,
Kurbanova Lidiya Uvaisovna,
Chechen State University
Grozny, Russia
e-mail: info.matsaeva@gmail.com , medna59@mail.ru

Abstract. The aim of this article is a comprehensive theoretical study of the dialectics of tradition and modernity in the political-legal culture of Chechen youth, identifying the mechanisms of integration of traditional ethnolaw norms, Islamic religious practices, and modern state institutions, as well as analyzing the influence of these processes on the formation of value orientations, identity, and social activity of youth communities. The research employs a complex philosophical approach, incorporating elements of social philosophy, philosophy of history, cultural studies, and political philosophy, allowing for an analysis of both structural and functional aspects of the interaction between tradition and modernity.

The research methods include system analysis, dialectical approach, historical-philosophical reconstruction, comparative analysis of traditional and modern institutions, and content analysis of scientific publications and normative legal documents. This methodological framework provides a deep understanding of the processes of political-legal cultural transformation, reveals hidden contradictions arising from the interaction of local and state norms, and identifies factors for the sustainable development of youth social practices.

The novelty of the article lies in the comprehensive philosophical interpretation of the hybrid political-legal culture of Chechen youth, the identification of dialectical interactions between traditional ethnolaw and religious institutions and modern state mechanisms, and the systematization of problems and challenges associated with the transformation of youth identity and social activity. A conceptual model is proposed, allowing the dialectics of tradition and modernity to be considered as a dynamic system integrating value, cultural, and institutional

dimensions, thereby opening new opportunities for developing effective youth policy and social development strategies.

Keywords: dialectics, tradition, modernity, youth culture, Chechen Republic, political-legal transformation, identity, state youth policy.

Введение

Актуальность исследования диалектики традиционного и современного в политико-правовой культуре чеченской молодежи определяется многогранностью социальных трансформаций, переживаемых Северным Кавказом на протяжении последних десятилетий. Чеченская молодежь выступает носителем сложного культурного синтеза, где традиционные этноправовые нормы и религиозные практики взаимодействуют с современными институциональными и государственными моделями молодежной политики, что создает уникальные конфигурации ценностных ориентиров, правовой сознательности и социального поведения [1, с. 6–9; 6, с. 45]. В этом контексте философский анализ позволяет выявить не только структурные изменения, но и скрытые противоречия, обусловленные интеграцией традиционных институтов в современные политико-правовые практики [2, с. 293–300].

Основная часть

Диалектика традиционного и современного в культуре чеченской молодежи требует рассмотрения через призму философии истории и социальной философии, где традиция понимается не только как совокупность исторически закрепленных норм и ценностей, но и как функциональная система, обеспечивающая социальную идентичность и когнитивную устойчивость молодежных сообществ [2, с. 295]. В этом аспекте традиция выступает не статическим феноменом, а динамической структурой, способной к адаптации и трансформации в ответ на социальные вызовы современности. Современное, напротив, характеризуется высокой степенью институциональной регламентированности и ориентированностью на рациональные и формализованные формы социального взаимодействия, что проявляется в реализации государственной молодежной политики и формировании правовой культуры [6, с. 57–63; 8, с. 85].

Интересно отметить, что религиозный фактор, в частности ислам, выступает связующим элементом между традиционными и современными моделями, создавая особую политико-правовую конфигурацию. Ислам на Северном Кавказе проявляется как не только религиозный, но и социально-политический институт, регулирующий нормы поведения и выступающий фактором трансформации традиционного общества в условиях постсовременности [9, с. 88–91; 12, с. 130].

С точки зрения философской антропологии, традиционные институты, включая адат и шариат, формируют базис коллективной идентичности, обеспечивая устойчивость социальных связей и механизмов разрешения

конфликтов в молодежной среде [2, с. 296–298]. Однако в условиях модернизации эти институты претерпевают значительные изменения: их нормативные функции частично интегрируются в современные юридические и административные системы, что ведет к формированию гибридных форм правового регулирования, включающих как религиозно-этнические нормы, так и государственные законодательные стандарты [3, с. 670–673; 11, с. 50–51].

Следует подчеркнуть, что данная трансформация сопровождается напряжением между консервативной и модернистской парадигмами, что находит отражение в противоречивой динамике общественно-политической активности молодежи. С одной стороны, сохраняется приверженность к локальным традиционным нормам, с другой – растет вовлеченность в формальные государственные и муниципальные инициативы [5, с. 37; 1, с. 7].

Современная молодежная политика Чеченской Республики является инструментом регулирования социального поведения и правовой социализации молодежи, направленной на формирование гражданской идентичности, социального капитала и институциональной грамотности [6, с. 74–80; 7, с. 12]. Важным аспектом является адаптация молодежной политики к этнокультурным особенностям региона, что проявляется в сочетании традиционных и современных практик, ориентированных на гармонизацию социальных отношений и снижение конфликтного потенциала [8, с. 86].

Философский анализ данной политики позволяет выявить сложную систему механизмов мотивации и стимулирования трудовой, общественной и политической активности молодежи, где рациональные стимулы (гранты, стипендии, карьерные возможности) сочетаются с ценностными и культурными ориентирами, формирующими устойчивые социальные практики [4, с. 119–120; 10, с. 953].

Важнейшей характеристикой диалектики традиционного и современного является трансформация идентичности чеченской молодежи, которая проявляется в способности к рефлексии собственных культурных и правовых норм, критическому восприятию институциональных структур и активному участию в социально-политических процессах [5, с. 38; 9, с. 91]. Социальная практика молодежи формирует новые модели поведения, которые одновременно сохраняют элементы коллективной памяти и традиционного опыта, но включают рационализированные и формализованные механизмы взаимодействия с государственными институтами [11, с. 51; 12, с. 132].

Диалектическое взаимодействие традиционного и современного проявляется также в формировании гибридных ценностных систем, где религиозные, этнокультурные и государственные нормы сосуществуют и конкурируют, создавая условия для конструктивной и деструктивной социальной динамики [2, с. 299; 3, с. 678].

Несмотря на успешное интегрирование традиционных институтов в современную политико-правовую систему, существует ряд проблем, связанных с конфликтом ценностных ориентаций, противоречиями между локальной и национальной идентичностью, а также рисками радикализации молодежных сообществ [3, с. 675; 9, с. 93]. В философском плане это можно интерпретировать как противоречие между императивами коллективного и индивидуального развития, требующее выработки новых методологических подходов к исследованию молодежной культуры и формирования адаптивных стратегий государственной политики [6, с. 120; 8, с. 90].

Исламская традиция, как было отмечено, выступает важнейшим фактором политико-правовой социализации молодежи, оказывая влияние на формирование правосознания, этических норм и гражданской ответственности [12, с. 134]. В условиях глобализации и технологической модернизации исламская культура сохраняет значимость через адаптацию религиозных предписаний к современным условиям жизни, что позволяет молодежи выстраивать личностные и социальные стратегии, учитывающие как традиционные, так и современные требования [9, с. 89–92].

Социальное действие чеченской молодежи следует рассматривать в контексте теории практики, где каждый акт участия в политико-правовых процессах является одновременно проявлением личной автономии и результатом внутренней социализации в традиционно-культурной среде [2, с. 297; 5, с. 37]. Такая интерпретация позволяет объяснить, почему определенные формы молодежной активности, формально регулируемые государственными институтами, не всегда совпадают с ожиданиями молодежи, и выявить внутренние противоречия между индивидуальными стратегиями и коллективными нормами.

Философская концепция гибридной политико-правовой культуры молодежи Чеченской Республики подразумевает существование структурного и функционального синтеза традиционных и современных элементов, где нормы адата, шариата и государственные законы взаимодействуют в условиях постоянно меняющейся социальной среды [2, с. 298; 11, с. 52]. Такая культура формирует у молодежи способность к адаптации, критическому мышлению и социальной инновативности, что является ключевым фактором устойчивого развития региона.

Заключение

Диалектика традиционного и современного в политико-правовой культуре чеченской молодежи проявляется как сложная система взаимодействий между исторически сложившимися нормами и современными институтами, где религиозная, этнокультурная и государственная компоненты создают уникальную динамику ценностных ориентаций и социальных практик [2, с. 300; 12, с. 138]. Философский анализ показывает, что традиция не является статичной, а современные институциональные механизмы адаптируются к локальным культурным

особенностям, формируя гибридную структуру, способную к саморегуляции и устойчивому развитию [6, с. 85; 8, с. 92].

Таким образом, исследование диалектики традиционного и современного позволяет выявить не только структурные и институциональные изменения, но и глубинные трансформации идентичности, ценностных ориентаций и социальной практики чеченской молодежи, что имеет фундаментальное значение для философской теории права, социологии и культурологии [3, с. 682; 9, с. 94]. Роль государственной молодежной политики в данном контексте заключается в гармонизации социальных отношений, поддержке традиционных ценностей и формировании условий для рационализированного взаимодействия молодежи с современными институтами [1, с. 9; 10, с. 954].

Таким образом, философская перспектива диалектики традиционного и современного в чеченской молодежной культуре позволяет рассматривать процесс социализации как многоуровневый, динамический и контекстуально обусловленный феномен, интегрирующий исторические, культурные и институциональные измерения. Выявление этих закономерностей открывает возможности для дальнейших исследований и выработки практических рекомендаций по совершенствованию молодежной политики в регионе [4, с. 121; 7, с. 22].

Список литературы

1. Албеков Х. Н., Ялмаев Р. А. Современная муниципальная молодежная политика в Чеченской Республике // ФГУ Science. – 2013. – № 1 (1). – С. 6–9.

2. Гозгешева С. М. Феномен традиционных институтов обычного права (адата) и мусульманского (шариата) на Северном Кавказе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 3. – С. 293–300. – EDN OOXIFZ.

3. Демиденко С. В., Маргулис С. Б., Файншмидт Р. И. Феномен исламизма постиндустриального времени на территории Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24. – № 4. – С. 665–685. – DOI 10.22363/2313-1438-2022-24-4-665-685. – EDN MSMGZN.

4. Илаева З. М., Яндарбаева Л. А., Гайрбекова Р. С. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности персонала // ФГУ Science. – 2015. – № 1 (5). – С. 118–121.

5. Лисица Е. С. Проблемы и перспективы общественно-политической активности молодежи Северо-Кавказского федерального округа // Власть. – 2012. – № 5. – С. 37.

6. Орцуев С.-М. Х. Государственная молодежная политика Чеченской Республики в составе Российской Федерации: монография. – М.: Этносоциум, 2017. – 190 с.

7. Орцуев С.-М. Х. Государственная молодежная политика Чеченской Республики – субъекта Российской Федерации: автореф. дис. … канд. полит. наук. – Калининград, 2018. – 24 с.

8. Орцуев С.-М. Х. Современное состояние и проблемы молодежной политики в Чеченской Республике // Вопросы федеративных и межнациональных отношений. – 2016. – № 1 (32). – С. 83–93.

9. Сальников Е. В., Власов В. В. Ислам как фактор политико-правовой трансформации традиционного общества на Северном Кавказе // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2021. – Т. 27. – № 8. – С. 86–94.

10. Саралинова Д. С. Приоритеты развития молодежной политики Чеченской Республики // Молодой ученый. – 2016. – № 11 (115). – С. 953–954. – URL: https://moluch.ru/archive/115/30857.

11. Шарафутдинова Э. Ф. Традиционная этноправовая культура чеченцев в контексте современных социально-политических процессов в Чечне // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2009. – № 3. – С. 49–52.

12. Власов В. В. Ислам на Северном Кавказе: история и современность // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Т. 13. – № 4. – С. 126–138.

РОЛЬ СТУДЕНЧЕСКОГО ТЕАТРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Мурадова Асет Каменовна,
Яхьяева Зухра Идрисовна,
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный, Россия

Аннотация. В статье рассматривается роль студенческого театра в учебном процессе, его влияние на личностное становление студентов. Сложившаяся социокультурная ситуация требует от студентов не только знаний профессиональных дисциплин, но и творческого развития. Студент педагогического вуза как будущий учитель должен обладать навыками коммуникации, лидерскими качествами, творческим мышлением. Театральная деятельность способствует развитию этих навыков.

Ключевые слова: студенческий театр, образовательный процесс, функции театра, студент, А.Н. Островский, развивающее пространство.

Работа выполнена в рамках государственного задания №125070808112-3 Министерства просвещения Российской Федерации по теме «Развивающее пространство педагогического театра как средство формирования гражданской позиции у обучающихся в системе «вуз-школа»

THE ROLE OF STUDENT THEATER IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Muradova Aset Kamenovna,
Yakhyaeva Zukhra Idrisovna,
Chechen State Pedagogical University
Grozny, Russia

Abstract. This article examines the role of student theater in the educational process and its influence on students' personal development. The current sociocultural situation requires students to develop not only professional knowledge but also creative skills. As future teachers, students at a pedagogical university must possess communication skills, leadership qualities, and creative thinking. Theatrical activity contributes to the development of these skills.

Keywords: student theater, educational process, functions of theater, student, A.N. Ostrovsky, a developmental space.

This work was completed as part of state assignment No. 125070808112-3 of the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic "Developmental space of pedagogical theater as a means of developing civic stance in students in the university-school system».

Введение

Развивающий аспект высшего образования включает в себя широкий спектр формирования духовно богатой и всесторонне развитой личности, способной воспринимать мир во всех его проявлениях. Важнейшим развивающим пространством, как инструмент решения образовательных, воспитательных, творческих задач является театр, который формирует один из компонентов профессиональной подготовки студентов. Также театр является универсальным педагогическим инструментом для формирования гражданской позиции у студентов.

Наверное, ни одно искусство не обладает таким образовательным потенциалом, как театр. Одной из важнейших форм деятельности, направленной на формирование и развитие гармоничной, творчески одаренной и с ясно выраженной гражданской позицией личности, является театральное искусство. Критик Ю.Б. Борев подчеркивал, что искусство – это «действие, творение художественного мира и преображение реального мира в соответствии с идеалами художника» [1, с. 121]. Со времен античности театр был важнейшим элементом общественной и религиозной жизни, объединял все слои населения и выполнял важнейшие функции, необходимые для развития личности: коммуникативную, регулятивную и катарсическую.

А.Н. Островский писал: «Если отнять у молодежи изящные удовольствия, как предмет ее восторгов, она будет увлекаться и восторгаться по другому поводу: восторг - потребность юного возраста. Найдутся хорошие поводы для увлечения, – юность увлекается; не найдется хороших, она увлекается, чем придется».[9]

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что нравственное, духовное, гражданское воспитание студенческой молодежи являлось во все времена, особенно на современном этапе развития общества, важнейшей проблемой общества. Театр может и должен сыграть ключевую роль в формировании личности человека. Также студенческий театр является мощным инструментом педагогической деятельности, влияет на все сферы человеческого развития: интеллектуальную, и эмоциональную, физическую, психологическую и социальную. Это обусловлено тем, что театр – искусство синтетическое и коллективное: «Театр - явление синтетическое по своей природе, способное вмещать в себя абсолютно все другие виды творчества и, вместе с тем, чрезвычайно хрупкое и недолговечное, более других зависимое от влияния внешней среды» [4, с. 2].

Проблема студенческого театра как развивающего пространства рассматривается в работах известных историков, педагогов, психологов, искусствоведов Л. А. Аннинского, Г. Н. Бояджиева, А. А. Гвоздева, Д. И. Золотницкого, П. М. Керженцева, Ф. Ф. Комиссаржевского, П. А. Маркова, А. И. Пиотровского, С. В. Стахорского К. Е. Антаровой, М. А. Голодова, Б. Г. Голубовского, П. М. Ершова, З. Я. Корогодского, К. С. Станиславского и др.

Цель настоящей статьи – выявить развивающие возможности студенческого театра в системе современного педагогического образования

Студенческий театр является уникальным явлением, представляющее из себя сочетание творческого самовыражения и образовательной деятельности. Особенностью студенческого театра и его отличия от профессионального является то, что он выполняет не только эстетическую, но и дидактическую функцию, интегрируясь в учебный процесс, а таже важной целью студенческого театра является формирование развитие творческого потенциала студентов. Эта цель изначально содержит в себе развивающее начало.

Реализация деятельности студенческого театра включает несколько этапов:

Подготовительный: Подготовка к спектаклю начинается с подбора произведения, которое могут предложить и сами студенты. Выбор произведения связан с заранее обозначенной целью: развлекать, поучать, или размышлять о смысле жизни. Тема произведения может быть совершенно разной: современной, исторической, военной, приключенческой. Если произведение не является пьесой то, необходимо написать сценарий при участии студентов. Руководитель читает пьесу или прозу таким образом,

чтобы студенты сумели уловить основной смысл произведения. Затем студенты пересказывают сюжет произведения, дают оценку, происходящим событиям в произведении, фиксируют идею пьесы и основной конфликт. Важный момент в подготовке к спектаклю - распределение ролей и процесс этот занимает достаточно много времени. Иногда выбор роли предоставляется самому студенту, который при выборе исходит из своих проблем и внутренних переживаний, которые не желает высказать. В период работы над ролью студенты ищут ответы на многие волнующие их вопросы, главным из которых является: в чем смысл жизни. Далее следует чтение по ролям, которое поможет понять, что главное, а что второстепенное в характерах персонажей, на что следует обратить особое внимание во время репетиций. Во время работы над ролью, студент становится частью коллектива, взаимодействует с коллективом, у него формируется умение слушать и слышать окружающих, что очень ценно для будущих учителей, что приводит социализации, развитию эстетического вкуса, адекватному отношению ко всему, что с ним происходит.

Это второй этап-репетиционный. Репетиционный период важен, в первую очередь, для создания собственно сценического действия. В отличие от профессионального театра, в студенческом театре главным объектом является не сам спектакль, как готовый продукт, а эмоциональная составляющая как участников, так и зрителей. С учетом того, что участники спектакля не профессиональные актеры и не владеют основами актерского мастерства, необходимо помочь избежать штампов в своей игре. Это входит в задачу режиссера, который осознает, что только проникновение студента вглубь личностной проблемы персонажа является решением проблемы. Перед началом репетиций театральный коллектив вместе с учителем-руководителем принимают определенные обязательства: не опаздывать, не пропускать репетиции, для достижения отличного результата, выкладываться полностью.

Для правильной сценической речи репетиции проводятся по мизансценам и этюдам, включаются упражнения для развития мимики, например, разминку лицевых мышц, а произношение выправляется чтением скороговорок, дыхательными упражнениями.

Надо обратить внимание на то, что одним из главных развивающих приоритетов студенческого театра является развитие воображения. Слабая материально-техническая база не позволяет театру обзавестись необходимыми декорациями, предметами интерьера, следовательно, надо использовать проекцию, маленькие детали. Например, при создании спектакля по трагедии А..С. Пушкина «Моцарт и Сальери» такой деталью был бокал с ядом. Таких примеров можно привести много.

После участия в нескольких постановках студенты признаются в том, что наблюдают улучшение памяти, концентрации внимания, умение увидеть

себя со стороны. Благодаря театру, студенты приобретают навыки ораторского мастерства, которые им пригодятся в дальнейшем.

В репертуаре студенческого театра «Маска» Чеченского государственного педагогического университета произведения известных российских и мировых писателей, поэтов и драматургов.

Одной из первых масштабных постановок студенческого театра стал спектакль, который мы назвали «Вечер мировой комедии». Были представлены фрагменты таких комедий как «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Мещанин во дворянстве» Ж.-Б. Мольера, «Севильский цирюльник» Бомарше, «Дуэнья» Р. Шеридана, «Лулахой» С.-Х. Нунуева. Спектакль был призван обучить, развить навыки и эмоциональный интеллект и воспитать будущего учителя. На сцене перед зрителями прошла целая галерея комических образов, вызвавшие как смех, так и презрение, даже жалость.

Большим достижением нашего театра является театрализованный вечер памяти Н.А. Некрасова «Стихи мои! Свидетели живые…», который был приурочен к юбилею великого русского поэта. Студенты знакомились с важными моментами жизни и творчества Некрасова, с его письмами, хотели понять его противоречивую душу и раскрыть неповторимую особенность его лирики.

Работа над спектаклем «В чужом пиру похмелье» по пьесе А.Н. Островского открыла для каждого студента новые грани творческих возможностей, дала практику работы над классической драматургией в жанре комедии. При жизни автора эта пьеса имела большой успех, но после его смерти ставилась достаточно редко. Студентам удалось передать светлую щемящую тоску комедии, волшебный воздух, который витал на сцене.

Студенческий театр также осуществил постановки очень сложных и разноплановых пьес как «Забыть Герострата» Г. Горина, «Странная миссис Сэвидж» Джона Патрика, «В добрый путь!» Виктора Розова, провел большое количество поэтических вечеров («Вечер мировой поэзии», «Любовь бывает разной…», «Нескучная классика для нескучных людей» и много др.), мероприятия, приуроченные к Году педагога и наставника, Году театра, Году чеченского языка, Году семьи и другие.

Самым масштабным проектом на данном этапе является участие студенческого театра в проведении Дней русского языка в странах Персидского залива (Оман, Катар, Саудовская Аравия, Бахрейн и Объединенные Эмираты). Студенческий театр представил для арабских зрителей три постановки по произведениям А.П. Чехова («Тонкий и толстый», «Размазня», «Медведь»), а также романсы на стихи великого русского поэта С.А. Есенина.

Участники студенческого театра признаются в том, что благодаря участию в театральных постановках, в поэтических вечерах и в других мероприятиях, в первую очередь, раскрыли не только свои творческие умения и способности, но и повысили мотивацию к образованию.

Таким образом, опыт работы студенческого театра подтвердил, что театр является важнейшей составляющей развивающего пространства в образовательном процессе и обеспечило развитие профессиональных и личностных качеств.

Список литературы

1. Борев Ю.Б. Эстетика. М., 1988. 496 с.
2. Ветошкин С. А., Власова Ю. А. Исторические и теоретические аспекты понятийного аппарата социоигрового подхода в педагогике // Понятийный аппарат педагогики и образования: коллективная монография / отв. ред. Е. В. Ткаченко, М. А. Галагузова. Том Выпуск 9. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. С. 99-109.
3. Григорьева О. А. Школьная театральная педагогика: пространство свободы и технологии будущего // Герценовские чтения. Художественное образование ребёнка: стратегии будущего: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. К 30-летию отдела "Российский центр музейной педагогики и детского творчества" Русского музея, Санкт-Петербург, 14 февраля 2020 года. Том 6. Выпуск 1. СПб. : ООО "Издательство ВВМ", 2020. С. 200-207.
4. Донова Д. Театр и зритель: стратегические основы взаимоотношений: автореф. дис. ... канд. искусств. Спб., 2007.
5. Корсунова Т. Н. Школьный театр и его воспитательное значение в Единой трудовой школе 1917 - 1931 годов // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2022. № 51 (70). С. 108-119.
6. Стаина О. А. Возможности театральных технологий в формировании коммуникативной компетентности учащихся // Речевая коммуникация: междисциплинарное взаимодействие, проблемы и перспективы: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, Волгоград, 26-27 ноября 2019 года / гл. ред. Е. М. Сафронова, С. Г. Ярикова. Волгоград: Фортесс, Амирит, 2019. С. 185-195.
7. Федорова Н. М. Театр в воспитательной деятельности А. С. Макаренко // Воспитательная система А. С. Макаренко в современном образовательном пространстве: сборник статей участников Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию основания детской трудовой колонии им. М. Горького, Москва, 24 марта 2021 года. М.: ООО «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2021. С. 265-270.
8. Суровцова Е. И. Поликультурная образовательная среда как феномен современной духовной жизни общества // Педагогическое образование в России. 2014. № 7.
9. Островский А.Н. О театре. Записки, речи и письма / Общ. ред. и вступ. ст. Владыкина Г.И. 2-е изд. М.; Л.: Искусство, 1947. С. 58.

УДК 130.2

ВЛИЯНИЕ ЭЛИТЫ НА РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Мусаева Макка Зайнудиновна,
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный, Россия
e-mail: Musaeva2030@mail.ru

Аннотация. В статье осуществлен обзор роли элит в развитии инновационных технологий: от древнейших времен до современности. Цель исследования – выявить особенности влияния элиты на развитие инновационных технологий: от древнейших времен до современности. В рамках достижения цели перед нами поставлены следующие задачи: изучить сущность понятие «технология»; выявить влияние элиты на генерацию технологий в древнем мире; раскрыть особенности влияния элитариев на создание технологий в эпоху Ренессанса; исследовать роль советской элиты в создании первых космических технологий. В данной работе рассматривается сущность понятия «технология» и проведен исследовательский анализ влияния представителей элиты на развитие технологий на протяжении всей человеческой истории. Выполнен анализ вклада элит в создание инновационных технологий в древних цивилизациях Египта и Рима, в эпоху Возрождения, на примерах, империи Тимуридов и Флорентийской республики. Дополнительно рассмотрена актуальность данного вклада на современном этапе, в контексте разработки космических технологий Советского Союза.

Ключевые слова: влияние, элита, развитие, инновации, технологии.

THE INFLUENCE OF THE ELITE ON THE DEVELOPMENT OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES: A HISTORICAL ASPECT

Musaeva Makka Zainudinovna,
Chechen State Pedagogical University,
Grozny, Russia
e-mail: Musaeva2030@mail.ru

Abstract. This article provides an overview of the role of elites in the development of innovative technologies, from ancient times to the present day. The purpose of the study is to identify the specific features of elite influence on the development of innovative technologies, from ancient times to the present day. To achieve this goal, we have been tasked with the following: exploring the essence of the concept of technology; identifying the influence of the elite on the generation

of technologies in the ancient world; uncovering the specific influence of elites on the creation of technologies during the Renaissance; and exploring the role of the Soviet elite in the creation of space technologies. This paper examines the essence of the concept of "technology" and conducts a research analysis of the influence of elite representatives on the development of technology throughout human history. An analysis of elite contributions to the creation of innovative technologies in the ancient civilizations of Egypt and Rome, as well as during the Renaissance, is presented, using the Timurid Empire and the Florentine Republic as examples. The relevance of this contribution today is also examined, in the context of the development of space technologies in the Soviet Union.

Keywords: influence, elite, development, innovation, technology.

С появлением частной собственности и первых цивилизаций, общество стало дифференцироваться по материальному признаку. Та часть социума, в руках которой были сосредоточены богатство и власть стали именоваться высшим обществом, элитой. Представители избранного сословия как правило, пользуясь своим положением угнетали и эксплуатировали низшие классы, что в последствии приводило к бунтам и революциям. Однако не все элитарии развивали динамику ассиметричного существования, часто на страницах истории появлялись выходцы из привилегированного меньшинства, которые благодаря своему врожденному чутью к талантам и экстенсивной щедрости, они внесли вклад в разработку уникальных инновационных технологий, расширяющих потенциальные возможности человека, что, в свою очередь, оказывало воздействие на развитие исторического процесса. Современный мир – это эпоха инновационных технологий, государства-гегемоны стремятся упрочить свои позиции на мировой арене за счет первенства в разработке технологий и тем самым диктовать свою волю. остальному миру. В данном технологическом соревновании принудительную роль занимает элита, чье стратегическое мышление и финансовые ресурсы определяют ход событий.

Цель исследования – выявить особенности влияния элиты на развитие инновационных технологий: от древнейших времен до современности. В рамках достижения цели перед нами поставлены следующие задачи: изучить сущность понятия технология; выявить влияние элиты на генерацию технологий в древнем мире; раскрыть особенности влияние элитариев на создание технологий в эпоху Ренессанса; исследовать роль советской элиты в создании первых космических технологий.

Объектом исследования является история развития инновационных технологий. Предметом исследования является влияния элитарной страты на развитие инновационных технологий: от древнейших времен до современности.

Теоретико-методологической основой исследования являются: метод исторического и сравнительного анализа.

Понятие «технология» происходит от древнегреческого языка и означает в переводе «от греч. technē – искусство и logos – учение. Совокупность наук, сведений о способах переработки того или иного сырья в фабрикат, в готовое изделие». [7, с. 677]. Хотя слово и восходит к древнегреческой лексике, однако люди научились создавать технологии задолго до древних греков. Впечатляющий технологический прорыв в истории человечества сделала Шумерская цивилизация. «В ней появились такие полезные орудия, ремесла и технические средства как гончарный круг, колесо, парусное судно, арка, свод, купол, медное и бронзовое литье, шитье иглой, клепка и пайка, скульптура из камня, гравирование и инкрустация. Шумеры изобрели систему письма на глине, которая была заимствована на всем Ближнем Востоке на протяжении двух тысяч лет» [3, с. 13].

Влияние данных технологий на прогресс человечества было колоссальным. При более внимательном исследовании мы увидим, что при создании технологии большую роль играла элита. Часто благодаря финансовой поддержке и упорству элитариев, гении разных эпох генерировали уникальные идеи, которые в последствии воплощались в различные технические новшества и инженерные разработки. Так, например, были построены египетские пирамиды в Гизе, назначенные как усыпальницы для фараонов. «Геродот наиболее подробно описал процесс создания каменных блоков для пирамид и технологию их перемещения. Так, камни приобретали более-менее ровные очертания в карьерах - рабочие придавали им форму при помощи зубил и других приборов из меди» [5, с. 89].

Подобно египетским фараонам, римские императоры Веспасиан и Адриан возвели уникальные архитектурные памятники. При сооружении амфитеатра Колизей и римского Пантеона были применены передовые технологические решения, без которых реализация данных архитектурных объектов была бы невозможной. «Римские строители при строительстве Колизея сочетали материалы самого разного рода и состава» [4, с. 89]. Новаторский подход был применен также при строительстве купола Пантеона. «Кирпично-бетонная ротонда Пантеона перекрыта полусферическим куполом (диаметр свыше 43 м). Купол состоит из окружностей, которые легко прочитываются благодаря кессонированному потолку. <…> Через круглое отверстие в своде диаметром 9 метров в храм проникает дневной свет» [4, с. 90].

Аналогичные примеры встречаются не только в древней истории, но и в других, последующих исторических эпохах. В XV в. среди всех остальных мусульманских правителей выделяется внук великого завоевателя Тамерлана, Улугбек. Ему принадлежит заслуга в строительстве великолепной обсерватории в Самарканде. «На протяжении более четверти века, с 1420 г. по 1447 г., астрономы Самарканда планомерно занимались

скрупулезными наблюдениями, измерениями и предсказанием движения звезд и планет. Главное здание Самаркандской обсерватории представляло собой большое цилиндрическое сооружение из трех этажей. <…> В центре обсерватории располагался огромный секстант Фахри высотой более 40 м: это был один из самых точных научных инструментов начала–середины XV в.» [6, с. 58].

Образцом выдающейся архитектуры является купол собора Санта-Мария-дель-Фьоре, установленный в 1446 году архитектурным гением эпохи Возрождения Филиппо Брунеллески. Однако не смотря на бесспорный талант гения, немаловажную роль в завершении строительство собора сыграл банк Медичи, благодаря материальной помощи Козимо Медичи стало возможным завершения строительство собора, именно он одобрил инновационный проект Брунелески и выделил финансы для его реализации. «Архитектор при расчете подобрал изгиб ребер равный 60 градусам, такая дуга обладает высокой прочностью. Обращает на себя внимание тот факт, что для стабилизации конструкции было принято решение установить 24 вертикальных ребра жесткости и 6 горизонтальных колец, данный каркас по сей день удерживает купол, умеющий внушительный вес» [2, с. 10].

Наглядным примером, влияние элиты на развитие инновационных технологий является события, связанные с полетом Ю.А. Гагарина в 1961 году. «Успешная разработка космической программы в СССР во многом проходила благодаря заинтересованности политического руководства в стране. Н.С. Хрущев видел в этом пропагандистскую роль – первый советские спутники, первые советские космические корабли, первые советские пилотируемые орбитальные полеты… Кроме того, нельзя не оставить без внимания колоссальный вклад советских ученых и инженеров, одним из которых был С.П. Королев. [1, с. 54]. Н.С. Хрущев финансировал советскую космическую программу и активно ее поддерживал, благодаря его политической воле и организаторскому таланту стало возможным отправка человека в космос. Он смог найти нужных людей, способных справиться с невероятно сложным проектом, величайших умов своего времени, создавших инновационные космические технологии, открывших новую эру в истории человеческих существ.

Таким образом, изучив поставленные задачи мы приходим к следующим выводам: технология – совокупность наук, сведений о способах переработки того или иного сырья в фабрикат, в готовое изделие. Пионером в области создании технологии является Шумерская цивилизация, изобретенные шумерами инновации люди использовали на протяжении 4000 тысячу лет и остаются актуальными даже в современном мире. Появление и развитию инновационных технологий способствовали элитарии разных

эпох: начиная от фараонов в Древнем Египте, правителей эпохи Возрождения и заканчивая политической элиты Советского Союза. В этой связи мы можем предположить, что человеческий прогресс – это дело рук не только гениев, а также элитариев, жаждущих создать для будущих поколений нечто грандиозное.

Список литературы

1. Анастасова, Л. И. Космическая гонка СССР и США в период холодной войны / Л. И. Анастасова // Война и мир в Отечественной и мировой истории: материалы международной научной конференции, в 2 т. Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Санкт-Петербург, 27 марта 2020 года. Том 2. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2020. – С. 52-58.
2. Горкольцева Д. С. Исследование купола как архитектурного элемента //Фундаментальные и прикладные исследования: гипотезы, проблемы, результаты. – 2017. – С. 7-12.
3. Крамер С. «Шумеры. Первая цивилизация на Земле» – М.: «Центрполиграф», 2025. – 383 с.
4. Куракова, О. А. Архитектура Древнего Рима / О. А. Куракова, Н. Н. Хомяк // Недвижимость: экономика, управление. – 2016. – № 4. – С. 88-92.
5. Олейников, А. С. Пирамида как форма в архитектуре с древних времен до наших дней / А. С. Олейников // Международная научно-техническая конференция молодых ученых БГТУ им. В.Г. Шухова, посвященная 300-летию Российской академии наук: Сборник докладов Национальной конференции с международным участием, Белгород, 18–20 мая 2022 года. Том Часть 2. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2022. – С. 180-184
6. Поскетт Дж. «Незападная история науки: Открытия, о которых мы не знали» – М.: «Альпина Паблишер», 2024. – 474 с.
7. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков – М.: «Аделант», 2014. – 800 с.

УДК 130.2

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Мусаева Макка Зайнудиновна,
Мальцагов Аднан Турпал-Алиевич
Чеченский государственный педагогический университет,
г. Грозный, Россия
e-mail: Musaeva2030@mail.ru
e-mail: 641.ro1san.641@gmail.com

Аннотация. В статье проведен анализ роли искусственного интеллекта как фактора изменения общественного сознания в эпоху цифровизации. Цель исследования – проанализировать особенности искусственного интеллекта как фактора изменения общественного сознания в эпоху цифровизации. В рамках достижения цели перед нами поставлены следующие задачи: изучить сущность термина «общественное сознание»; выявить факторы формирования общественного сознания в истории; раскрыть понятие «искусственный интеллект»; изучить искусственный интеллект как фактор изменения общественного сознания в эпоху цифровизации. В настоящем исследовании рассмотрена сущность понятия «общественное сознание». Проведен исторический анализ причин факторов формирования общественного сознания на различных этапах развития общества. Проанализирован термин «искусственный интеллект», а также исследована его роль в конструировании общественного сознания в условиях цифровой эпохи.

Ключевые слова: искусственный интеллект, фактор, общественное сознание, эпоха, цифровизация.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Musaeva Makka Zainudinovna,
Maltsagov Adnan Turpal-Alievich
Chechen State Pedagogical University,
Grozny, Russia
e-mail: Musaeva2030@mail.ru
e-mail: 641.ro1san.641@gmail.com

Abstract. This article analyzes the role of artificial intelligence as a factor in changing public consciousness in the digital age. The aim of the study is to examine the characteristics of artificial intelligence as a factor in changing public consciousness in the context of digitalization. To achieve this goal, we have been tasked with the following: exploring the essence of the term "public

consciousness"; identifying the factors shaping public consciousness throughout history; elucidating the concept of "artificial intelligence"; and exploring artificial intelligence as a factor in changing public consciousness in the digital age. This study examines the essence of the concept of "public consciousness." A historical analysis of the factors shaping public consciousness at various stages of societal development is provided. The term "artificial intelligence" is analyzed, and its role in the construction of public consciousness in the digital age is explored.

Keywords: artificial intelligence, factor, public consciousness, era, digitalization.

Важность изучения данной проблемы обусловлена тем, что общественное сознание современного индивида формируется в условиях цифровой эпохи с динамичным внедрением искусственного интеллекта во все сегменты социального пространства, в том числе и в социальные сети, которые, в свою очередь, являются цифровым отражением реального общества. С помощью ИИ социальные сети способны управлять общественным сознанием, регулировать его деятельность в соответствии с поставленными целями. Важно понимать, что за инновационными техническими достижениями могут быть имплицитно встроены новые методы манипулирования общественным сознанием, что грозит развитием авторитарных и тоталитарных структур.

Цель исследования – проанализировать особенности искусственного интеллекта как фактора изменения общественного сознания в эпоху цифровизации. В рамках достижения цели перед нами поставлены следующие задачи: изучить сущность термина «общественное сознание»; выявить факторы формирования общественного сознания в истории; раскрыть понятие «искусственный интеллект»; изучить искусственный интеллект как фактор изменения общественного сознания в эпоху цифровизации

Объектом исследования является общественное сознание. Предметом исследования является искусственный интеллект как фактор изменения общественного сознания в эпоху цифровизации.

Теоретико-методологической основой исследования являются: метод исторического и сравнительного анализа.

«Общественное сознание представляет собой коллективное сознание, носителем которого является социальная объединенность, обладающая объемом и исторической статусностью не меньшими, чем у социального класса. <…> Общественное сознание выражено в оценочно-познавательной деятельности, необходимо для понимания и составления картины мира. Побуждает к единению, солидарности и выступает в качестве мотивационной стороны деятельности людей, побуждая их к действиям и поддерживая обратную связь с социальным миром, обеспечивая устойчивые коммуникации» [7, с. 222].

А. Богданов в своем труде «Наука об общественном сознании: краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах» пишет о возможности изменения общества, воздействуя на сознание определенных социальных групп: «Помогать выработке сознания в определенном классе значит – развивать самые основы его организации, участвовать в образовании того мозга, который должен управлять этим могучим телом» [2, с. 7].

«Содержание общественного сознания не является статичным или неподвижным, оно постоянно меняется под воздействием новых социальных условий и изменений культурной матрицы» [1, с. 19]. О том, что общественное сознание характеризуется гибкостью и изменчивостью, отметил и К. Маркс, провозгласив свое знаменитое утверждение: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [5, с. 7]. Действительно простой исторический анализ показывает, что с изменением экономической формации происходила и трансформация общественного сознания.

На протяжении исторического развития социального континуума фиксируются различные формы общественного сознания, включающие мифологическую, религиозную и научную. Мифологическое общественное сознание возникало на базе мифов и характеризовалось своей принадлежностью к ранним формам исторического бытия. «Мифологическое сознание – это сознание целостного человека, у которого все способности к восприятию, пониманию и реагированию выступают в единстве. <…> Символизм мифологического сознания делает возможным действительное соединение реальностей – видимой и невидимой, посюсторонней и потусторонней, профанной и сакральной.» [4, с. 73]. С наступлением эпохи Средневековья произошло превалирование религиозного сознания, вытеснившего ранее господствовавшую мифологическую форму общественного мировоззрения. «Основой религиозного сознания является внутренняя потребность человека в осмыслении своей роли в мироздании. Эта потребность обусловлена способностью человеческого мозга к абстрактному мышлению и психической особенностью продуцировать веру. Религиозная вера неразрывно связана с идеей Бога, который синтезирует в себе все сверхъестественные силы» [8, с. 16]. Наиболее существенное влияние на развитие религиозного сознания оказали религиозные тексты – Библия, Коран и другие. С течением времени религиозное общественное сознание в европейской части света стало уступать свои позиции новому типу мышления – научному. «Научное сознание можно условно представить, как совокупность научных, философских и религиозных взглядов на окружающий мир и явления, которые входят в рамки научного познания и дают объяснения явлений, не противоречащие фундаментальным принципам научной методологии» [6, с. 214]. Появление научного сознания тесно коррелирует с наступлением эры Гутенберга, экстраполяция книг в социальном пространстве способствовало перемене общественного

сознания. В XX веке данная тенденция только усиливалась в связи с распространением средств массовой информации и изобретением интернета. «Современный период в развитии человечества в определённом смысле уместно рассматривать периодом вхождения в IT-цивилизацию» [9, с. 26]. Одна из характеристик IT-цивилизации – технология искусственного интеллекта.

Дж. Маккартни в рамках своей статьи «Что такое искусственный интеллект?» предлагает следующее определение искусственному интеллекту: «Это наука и технология создания интеллектуальных систем, в особенности – интеллектуальных компьютерных программ. Искусственный интеллект связан с задачей использования компьютеров для понимания работы человеческого разума, но не ограничивается использования методов, наблюдаемых в биологии» [10, с. 2]. ИИ на сегодняшний день – важнейшая информационная технология, быстро ставшая популярной, его внедрение приобрело глобальный и повсеместный характер, исключением не стали и социальные сети.

«Факты показывают, что информация передается через «сложное заражение», т. е. чем чаще человек сталкивается с некоей идеей в интернете, тем больше вероятность того, что он примет ее и будет делиться ею с другими» [3, с. 100]. В соответствии с этим, социальные сети могут служить идеальной площадкой для создания эффекта эхо-камеры. «Эхо-камера – это метафорический термин для ситуации, в которой определенные идеи, взгляды, точки зрения и убеждения подкрепляются повторением внутри закрытой системы и изолируются от опровержения. Находясь в такой замкнутой системе, люди ищут и находят информацию, которая подтверждает их уже существующие взгляды, и лишни раз убеждаются в собственной правоте» [3, с. 99]. Чтобы сработала эхо-камера должным образом социальные сети используют возможности искусственного интеллекта, именно он считывает предпочтения пользователя и предлагает ему, в соответствии, с его интересами контент, а учитывая тот факт, что практический каждый представитель общества, имеющий смартфон зарегистрирован в социальных сетях, мы можем с уверенностью сказать, что на современном этапе своего развития общественное сознание формируется искусственным интеллектом и в перспективе данная динамика будет иметь тенденцию к росту.

Таким образом, изучив поставленные задачи, мы приходим к следующим выводам:

Общественное сознание – это коллективное сознание, отличающиеся социальной обьединенностью, имеющая такой же масштаб и историческую значимость, как и социальный класс. Оно характеризуется пластичностью, меняется в соответствии с общественными условиями и культурной матрицы. Общественное сознание формировалось на протяжении истории различными факторами, в зависимости от формы экстраполируемой информации. В Древнем мире фактором влияния был человеческий язык, с

помощью которого передавались рассказы о богах и героях, в Средние века общественное сознание строилось под влиянием религиозных текстов, а появлением печатного станка Гутенберга доступным источником информации в обществе стали книги, а в XX веке к письменным источникам информации добавились цифровые, мировое сообщество вступило в эру IT-цивилизации. В условиях информационных технологий человеческое общество работает над созданием и внедрением искусственного интеллекта во все структуры общественного пространства. ИИ – научно-инновационная деятельность по созданию интеллектуальной технологии, которая способна имитировать работу человеческого разума. В современном мире использование ИИ систем наблюдается глобально и повсеместно, одна из областей, где активно внедряется являются социальные сети. Благодаря ИИ социальные сети создают эффект эхо-камеры, что позволяет формировать и управлять общественным сознанием.

Список литературы

1. Бетильмерзаева, М. М. Сущность общественного сознания: становление смыслов / М. М. Бетильмерзаева // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 7 (111). – С. 14-20.
2. Богданов А.А. Наука об общественном сознании: краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. 4-е изд. М., 2016. 313 с.
3. Вячистов, В. М., Влияние информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта на когнитивные функции / В. М. Вячистов, Н.Е. Шафажинская // Вестник МГУТУ. – 2024. – № 1. – С. 96-108.
4. Мальцева, А. П. Мифологическое сознание как основание и условие ответственности / А. П. Мальцева // Человек. – 2009. – № 4. – С. 71-81.
5. Марк К. «К критике политической экономии» – Ленинград: «Госполитиздат», 1949. – 269 с.
6. Распопов, В. Я. Научное мировоззрение / В. Я. Распопов // Известия ТулГУ. Технические науки. – 2017. – № 9. – С. 211-222.
7. Серегина, Т. Н. Общественное сознание: история и перспективы / Т. Н. Серегина // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 3. – С. 219-223.
8. Синько, Г. И. Религиозное сознание в современном мегаполисе: тенденции к трансформации / Г. И. Синько // Феномен новых религий в ситуации религиозного плюрализма и религиозной конкуренции: Материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 мая 2019 года / Составитель М.Ю. Смирнов. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2019. – С. 15-19.
9. Фатенков, А. В. Общественное сознание в реалиях IT-цивилизации / А. Н. Фатенков, А. В. Грехов// Гуманитарный вектор. – 2021. – № 5. – С. 25-35.
10. McCarthy J. What is artificial intelligence? Stanford University Press, 2004. С. 1-15.

УДК 37.012.3

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ И РОЛЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В ЕГО ПРЕОДОЛЕНИИ

***Мусалова Заира Магомедовна*,**
Дагестанский государственный университет
г. Махачкала, Россия
e-mail: zaira2378@mail.ru

Аннотация. Исследуется феномен кризиса идентичности, усугубляемый процессами цифровизации и глобализации. Методологической основой выступает анализ научных публикаций, позволивший выявить ключевые проявления кризиса: размывание национально-государственной идентичности, фрагментацию сознания под влиянием информационной перегрузки, формирование алгоритмической идентичности и подмену реальной идентичности цифровыми аватарами. Рассматриваются как деструктивные проявления кризиса (национальный радикализм, религиозный фундаментализм, гиперпотребление), так и адаптивные формы гибридной идентичности. Особое внимание уделяется методологическому потенциалу гуманитарного знания в преодолении кризисных явлений. Обосновывается роль гуманитарного знания, которое предоставляет инструменты для рефлексивного конструирования идентичности. Доказывается, что философия формирует критическое мышление, история восстанавливает нарративную целостность, а культурология создает ценностные ориентиры. Предлагаются практические пути интеграции гуманитарных практик в образовательную среду и культурную политику. Делается вывод о необходимости переосмысления роли гуманитарного знания как стратегического ресурса для формирования осознанной, рефлексивной идентичности в цифровую эпоху.

Ключевые слова: идентичность, глобализация, цифровизация, кризис личности, гуманитарное знание.

IDENTITY CRISIS IN THE ERA OF DIGITALIZATION AND THE ROLE OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE IN OVERCOMING IT

Musalova Zaira Magomedovna,
Dagestan State University
Makhachkala, Russia
e-mail: zaira2378@mail.ru

Abstract. The article explores the phenomenon of identity crisis, which is exacerbated by the processes of digitalization and globalization. The

methodological basis is based on the analysis of scientific publications, which allowed us to identify the key manifestations of the crisis: the erosion of national and state identity, the fragmentation of consciousness under the influence of information overload, the formation of algorithmic identity, and the substitution of real identity with digital avatars. The article examines both the destructive manifestations of the crisis (national radicalism, religious fundamentalism, and hyperconsumption) and the adaptive forms of hybrid identity. Special attention is paid to the methodological potential of humanitarian knowledge in overcoming the crisis. The article substantiates the role of humanitarian knowledge, which provides tools for reflection.

Keywords: identity, globalization, digitalization, personality crisis, humanitarian knowledge.

Введение. В последние годы в научной сфере все чаще говорят о тенденции нарастания кризиса идентичности и поиске путей решения этой проблемы. Не углубляясь в исследование категории «идентичность» как таковой, отметим ее многоплановость и наличие в ее содержании психологического (внутренняя структура, отношение личности к себе, восприятие себя [1]), социального (интегрированность личности в обществе, внешняя структура [2]) аспектов. При этом в рамках данного исследования допустимо исходить из определения идентичности, предложенного А. М. Монаковым – как «эмоционально оформленный процесс самоотождествления индивида, социальной группы с другим человеком, группой или образцом, интериоризации занимаемых социальных статусов и освоения значимых социальных ролей» [3].

При этом относительно понятия «кризиса идентичности», то согласимся с позицией Е. Н. Власюка и определим его как «особую ситуацию сознания, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность» [4].

Также следует отметить расширение внимания к гуманитарному знанию как со стороны научной общественности, так и со стороны властных институтов. Все чаще гуманитарные науки определяются как фундамент смыслового наполнения российской государственности и поиска своей идентичности, как на личностном уровне, так и на общегосударственном.

Цель исследования: проанализировать механизмы воздействия цифровизации на кризис идентичности и обосновать ключевую роль гуманитарного знания как системного инструмента его преодоления.

Методика и организация исследования. Основным методом выступает анализ научных публикаций в российских научных изданиях. Источниковую базу составят труды, содержащие исследование проблем кризиса идентичности и роли гуманитарного знания в его преодолении. Организация исследования включает составление репрезентативной выборки научных

источников по заданным критериям. Последовательный анализ проблематики предполагает определение содержания категории «кризис идентичности», выявление основных проблем, характеризующих его состояние. Далее через интерпретационный анализ обозначены основные модели преодоления кризиса. Организационно исследование можно разделить на этапы формирования источниковой основы, ее контекстуального анализа и формулирование результатов. Теоретической основой послужат работы российских и зарубежных философов по проблемам идентичности. Критерием достоверности выступают верифицируемые процедуры интерпретации.

Результаты исследования и их обсуждение.

Анализируя вопросы идентичности на современном этапе важно отметить два процесса, оказывающих существенное влияние на них – глобализация и цифровизация. При этом можно выделить следующие характеристики такого влияния:

1. Двойственная природа глобализации. Глобализация, создавая единое экономическое и информационное пространство, одновременно является фактором, размывающим традиционные основы личной и коллективной идентичности (национальной, культурной, религиозной).

2. Тенденция отхода от предполагаемой к выборной модели идентичности. В последние годы наблюдается отход от жестко заданной, унаследованной идентичности (в силу рождения, например, от сословия или местной общины) к идентичности рефлексивной, формирующейся самим индивидом в процессе выбора из множества предлагаемых вариантов (осознанная, избранная самой личностью).

3. Парадокс «глокализации». Ответом на гомогенизацию (процесс достижения однородности, единообразия) становится феномен «глокализации» – сочетание глобальных и локальных тенденций. Личность пытается одновременно быть «гражданином мира» и сохранить уникальные черты своей малой родины.

В этих условиях обостряются кризисные аспекты категории идентичности. Можно выделить ряд направлений кризисных аспектов идентичности, характерных для современного состояния общественных институтов:

- Кризис национально-государственной идентичности. Глобальные миграционные потоки, транснациональные корпорации и наднациональные институты (например, ЕС) ослабляют чувство принадлежности к конкретному государству и национальной культуре, которое было характерно для личности на протяжении веков. Как отмечает Мухаев Р.Т., «субъектность национальных государств ограничена деятельностью новых акторов международной политики - надгосударственных образований, международных правительственных и неправительственных организаций, транснациональных корпораций и т.д.» [5].

- Унификация культурного пространства. Широкое распространение и доминирование массовой культуры, прежде всего американизированной, через глобальные медиа и развлечения создает единые стандарты потребления, поведения и ценностей, вытесняя локальные культурные коды.

- Информационная перегрузка и фрагментация сознания. Конец 20 – начало 21 веков характеризуются колоссальным информационном потоком, который увеличивается в геометрической прогрессии. Постоянный поток разнородной информации (как правило, не требующей глубокой аналитической работы и легко потребляемой) из разных культурных источников затрудняет формирование целостной и непротиворечивой картины мира, ведет к фрагментации идентичности.

- Цифровизация коммуникаций (виртуализация социальных связей). Социальные сети и онлайн-сообщества создают новые формы идентичности (цифровой аватар, сетевая личность), которые могут сильно отличаться от реальности и вступать в конфликт с «реальной» идентичностью, зачастую подменяя ее. Социальные сети и платформы поощряют создание curated identity –идеализированной версии себя, то есть отредактированной идентичности. Это порождает «онтологический разрыв» между реальным и цифровым «Я», что ведет к дезориентированности и росту внутренней тревожности, самонеприятия, фрагментации целостного самоощущения.

- Алгоритмическая идентичность и утрата агентности. Данный фактор напрямую связан с цифровизацией и является ее продуктом. Следует признать, что современный человек находится под влиянием медиа-индустрии и социальных платформ, а идентичность все чаще формируется не в результате рефлексии, а под воздействием алгоритмов рекомендательных систем. Цифровые платформы создают «пузыри фильтров», подсовывая контент, основанный на прошлом поведении пользователя. Это приводит к «алгоритмической колонизации», когда человек «уязвим перед новыми тонкими формами контроля» [6] и начинает воспринимать навязанные ему предпочтения и нарративы как собственные. Он утрачивает агентность, то есть способность к самостоятельному, осознанному выбору траектории своего развития.

- Консьюмеризм (идея о том, что счастье и успех связаны с потреблением, с приобретением благ) как основа идентичности. Идентичность все чаще строится не на профессии, убеждений или происхождении, а на стиле потребления («я – то, что я покупаю»), что делает ее поверхностной и зависимой от постоянно меняющихся рыночных трендов. Цифровая экономика фактически превращает идентичность в товар.

- Мультикультурализм и проблема выбора. Ранее идентичность во многом была «предустановленная» или предполагаемая, сейчас она связана с выбором личности. Столкновение с множеством культурных моделей в одном социальном пространстве ставит личность перед сложным выбором, что может приводить к маргинализации, конфликту идентичностей или

дезориентации личности. При этом процесс поиска собственной идентичности может продолжаться всю жизнь, а вариативность выбора довольно широкая.

- Ослабление роли традиционных институтов. Семья, религия, местные сообщества, которые раньше были главными трансляторами идентичности, теряют свой авторитет и влияние в условиях глобализации и цифровизации.

В этих условиях формирование и сохранение идентичности проходит в различных форматах, среди которых можно выделить следующие:

- Возрождение и интенсификация локальной идентичности. В ответ на глобализацию наблюдается рост интереса к локальной истории, диалектам, традициям и ремеслам.

- Религиозный и этнический фундаментализм как форма гиперкомпенсации. Чувство растерянности и утраты ориентиров толкает часть общества в сторону архаичных, упрощенных форм идентичности: агрессивный национализм, религиозный фундаментализм, субкультурный радикализм. Эти формы предлагают четкие, бинарные оппозиции («свой-чужой») и снимают с индивида бремя личного выбора. Радикальные формы сохранения идентичности, отвергающие любые компромиссы с глобальными тенденциями, становятся привлекательными для тех, кто чувствует угрозу своей культурной самобытности.

- Формирование «гибридной идентичности». Многие современные люди успешно формируют сложную, многоуровневую идентичность, интегрируя в свою личность элементы разных культур (например, «россиянин - европеец - профессионал в международной компании»). Особенно это характерно для молодого поколения.

- Цифровая идентичность и саморепрезентация. Социальные сети становятся ключевым инструментом для сознательного конструирования и презентации своего «Я» миру, что является новой формой борьбы за сохранение индивидуальности.

Указанные формы – это формы решения проблемы кризиса идентичности, выбор же остается за личностью. При этом практически в каждом из указанных решений содержится ценностный дуализм, который в зависимости от содержания заложенных в личности смыслов может иметь как конструктивный, так и деструктивный результат.

И в этом выборе ключевую роль может сыграть просвещение и образование, как инструмент формирования устойчивой идентичности. В современном мире образование должно выполнять не только функцию передачи знаний, но и помогать личности в критическом осмыслении культурного многообразия и формировании целостного мировоззрения.

Причем именно гуманитарное знание способно противопоставить глобализации и цифровизации с их дезориентирующим действием осмысленность и фундаментализм:

- Философия: защита от «алгоритмической колонизации». Философия учит задавать фундаментальные вопросы, подвергать сомнению очевидное и выявлять скрытые предпосылки. Навык критического мышления, формируемый при изучении философских текстов, позволяет человеку дистанцироваться от навязываемых алгоритмами нарративов, деконструировать манипулятивные техники и восстанавливать свою автономию, делая выборную модель идентичности свободной от манипуляций.

- История и литература: восстановление нарративной целостности. История предоставляет масштабные временные перспективы, позволяя увидеть свою жизнь в контексте долгих исторических процессов, что придает ей смысл и объем. Классическая литература, в свою очередь, является «тренажером эмпатии и рефлексии». Проживая вместе с персонажами их драмы и экзистенциальные выборы, человек учится выстраивать сложные, нелинейные нарративы о самом себе, противостоя клиповой фрагментации.

- Культурология и искусствоведение: формирование культурного кода и эстетического иммунитета. Изучение мировой и отечественной культуры формирует «культурный код» – систему символов, ценностей и смыслов, обеспечивающую глубинную связь с сообществом и его традициями. Это создает прочный фундамент идентичности, не зависящий от сиюминутных цифровых трендов. Эстетическое воспитание развивает вкус и способность отличать подлинную культурную ценность от рыночного симулякра.

- Этика: навигация в пространстве моральных неопределенностей. Цифровая среда порождает принципиально новые этические дилеммы (например, связанные с приватностью, искусственным интеллектом, кибербуллингом). Гуманитарная этика предоставляет язык и категориальный аппарат для их осмысления, помогая выстраивать устойчивую систему моральных координат в условиях, когда традиционные нормы часто оказываются нерабочими.

Преодоление кризиса идентичности требует не просто возврата к классике, в том числе применительно к гуманитарному знанию, но ее творческого переосмысления и включения в цифровой контекст. Интеграция гуманитарных практик в современность требует изменения традиционных подходов и поиска альтернативных путей. В этом направлении можно предложить следующие направления:

1. Образовательная среда: Смещение акцента в образовании с заучивания фактов на развитие «мягких навыков» через гуманитаристику.

2. Цифровой гуманизм: Создание и продвижение качественного отечественного цифрового контента гуманитарной направленности – онлайн-курсы, просветительские приложения, цифровые архивы и музеи, использующие современные технологии для погружения в культурный контекст.

3. Культурная политика: Поддержка проектов, находящихся на стыке гуманитарного знания и актуального искусства, публичных лекций, дискуссионных клубов, где происходит осмысление современных вызовов через призму классических концептов.

4. Психолого-педагогические практики: Разработка методик, использующих приемы нарративной психологии и арт-терапии, основанных на работе с литературными и историческими текстами, для помощи людям в построении целостной самоидентичности.

Выводы.

Кризис идентичности в условиях глобализации и цифровизации – это вызов фундаментального характера. Однако он содержит в себе и возможность для роста – перехода от «готовой», навязанной извне идентичности к идентичности осознанно выстроенной, рефлексивной и многоплановой. Гуманитарное знание в этом процессе выступает не как архаичный пережиток, а как жизненно необходимый ресурс. Оно позволяет личности выстроить фундамент для последующего осознанного выбора и идентификации, свободного от алгоритмических манипуляций.

Гуманитарное знание предоставляет категориальный аппарат для рефлексии оснований человеческого бытия, позволяя субъекту самостоятельно осмыслить свою самость, вне влияния со стороны. Через освоение философских антропологических концепций индивид обретает язык для формулировки ответов на вызовы, порождаемые цифровой средой. Исторические знания демонстрируют вариативность моделей идентичности, противостоя категоричности современных алгоритмов. Литературные практики формируют способность к сложному самовыражению, противостоящую клиповой фрагментации сознания. Эстетический опыт культивирует целостное мировосприятие, объединяя расщепленные цифровые аватары в единый психологический образ.

Инвестиции в гуманитарную сферу сегодня – это стратегические вложения в человеческий капитал, психическое здоровье нации и ее конкурентоспособность в мире, где главным ресурсом становится не информация, а способность ее осмыслить. Будущее принадлежит не тем, кто владеет большими данными, а тем, кто владеет большими смыслами. И в этих условиях развитие гуманитарного знания представляет собой необходимое условие существования национальной суверенной государственности.

Список литературы

1. Красовская Н.Р. Этнокультурные аспекты кризиса идентичности личности // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. № 2. С. 205-210.

2. Муха В.Н. Ресурсный потенциал этнической идентичности в современном обществе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 9. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/resursnyy-potentsial-etnicheskoy-identichnosti-v-sovremennom-obschestve

3. Монаков А.М. Этнос и этническая идентичность // Вестник Московского университета. Сер. 12. Философия. М., 2008. № 1.

4. Власюк Е.Н. Особенности проявления кризиса идентичности у сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 9 (268). С. 45-49.

5. Мухаев Р.Т. Глобализация и кризис национальной идентичности: в поисках новых форм репрезентации // PolitBook. 2020. № 4. С. 78-100.

6. Макатов З. В. Деконструкция алгоритмической идентичности: постструктуралистские перспективы цифровой субъективности // Философия. 2024. №4 (53) - С.249-258.

УДК 37.013.42

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНКОЙ ПОЗИЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА

Мусханова Исита Вахидовна
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный, Россия
e-mail: vinter_65@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования гражданской позиции обучающихся как педагогически значимого и социально обусловленного процесса, актуализированного современными нормативно-правовыми требованиями и трансформациями общественного сознания в условиях цифровизации образовательного пространства. В исследовании применены методы теоретического анализа научной литературы, нормативно-правовых источников, моделирования и педагогического обобщения. Установлено, что гражданская позиция обучающихся представляет собой интегративное личностное образование, включающее мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностный и рефлексивный компоненты. Обосновано, что процесс её формирования носит целенаправленный, педагогически управляемый характер и реализуется через интеграцию образовательной, воспитательной и социокультурной деятельности. Уточнена авторская трактовка формирования гражданской позиции обучающихся как системного процесса личностного развития, направленного на становление гражданской идентичности, ответственности и социальной зрелости обучающихся.

Ключевые слова: гражданская позиция, обучающийся, развитие, личность, образование, общество, формирование, воспитание, социальная активность.

Работа выполнена в рамках государственного задания №125070808112-3 Министерства просвещения Российской Федерации по теме «Развивающее пространство педагогического театра как средство формирования гражданской позиции у обучающихся в системе «вуз–школа».

FORMATION OF STUDENTS' CIVIC POSITION: ESSENCE, STRUCTURE.

Muskhanova Isita Vakhidovna
Chechen state pedagogical university
Grozny, Russia
e-mail: vinter_65@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of students' citizenship formation as a pedagogically significant and socially determined process, actualized by modern regulatory requirements and transformations of public consciousness in the context of digitalization of the educational space. The research uses methods of theoretical analysis of scientific literature, regulatory sources, modeling and pedagogical generalization. It is established that the civic position of students is an integrative personal education, including motivational-value, cognitive, activity and reflexive components. It is proved that the process of its formation is purposeful, pedagogically guided and implemented through the integration of educational, educational and socio-cultural activities. The author's interpretation of the formation of students' citizenship as a systemic process of personal development aimed at the formation of civic identity, responsibility and social maturity of students is clarified.

Keywords: citizenship, student, development, personality, education, society, formation, upbringing, social activity.

The work was carried out within the framework of the state assignment No. 125070808112-3 of the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic "The developing space of the pedagogical theater as a means of forming a civic position among students in the "university–school" system.

Значимость вопросов, связанных с формированием гражданской позиции обучающихся обусловлена как системой нормативно-правовых установлений Российской Федерации в сфере образования, воспитания и молодежной политики, так и современными социальными вызовами: на государственном уровне воспитание социально ответственной, патриотически ориентированной и правосознательной личности рассматривается в качестве стратегического приоритета развития образования. Задача формирования гражданской ответственности и социальной активности обучающихся закреплена в федеральных

государственных образовательных стандартах общего и высшего образования, в которых воспитательный аспект выступает обязательным элементом образовательного процесса, а личностные результаты образования включают развитие гражданской идентичности, уважения к правам и свободам человека и патриотизма. Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», «воспитание определяется как неотъемлемая часть образования, направленная на развитие личности, создание условий для её самоопределения и социализации на основе социокультурных, духовно-нравственных и гражданских ценностей» [6]. Кроме того, дополнительное нормативное обоснование актуальности содержится в положениях Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2030 года [7], в которой обозначены ключевые направления воспитательной работы, включая формирование чувства патриотизма, гражданской солидарности, социальной ответственности молодежи и правовой культуры. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [5] подчеркивается значимость укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, формирования у молодёжи противодействия идеологическим угрозам и активной гражданской позиции. Следует отметить, что важное значение в нормативном обеспечении формирования гражданской позиции имеет реализация федеральных проектов национального проекта «Образование», в рамках которого «особое внимание уделяется развитию системы воспитания, вовлечению молодежи в общественно значимую деятельность и формированию социальной активности обучающихся» [4]. Таким образом, несмотря на формальное закрепление задач гражданского воспитания в нормативных документах, в образовательной практике сохраняется противоречие между нормативными требованиями к результатам воспитательной деятельности и недостаточной разработанностью научно обоснованных механизмов формирования гражданской позиции, её структуры и критериев оценки в педагогической деятельности; необходимость научного осмысления сущности и структуры гражданской позиции обучающихся определяется не только логикой развития педагогической науки, но и прямыми требованиями государственной образовательной политики.

На современном этапе проблема формирования гражданской позиции личности активно исследуется в педагогических, социологических и философских научных работах, что обусловлено возрастанием значимости гражданской идентичности, патриотизма и социальной ответственности молодежи в условиях трансформации общественных отношений, цифровизации всех сфер жизнедеятельности. Анализ современных публикаций свидетельствует о многоаспектности интерпретации данного феномена и отсутствии единообразного подхода к его структурной и содержательной оставляющей. Так, в работах Д. В. Марару [3] гражданская позиция и патриотизм рассматриваются в контексте преодоления кризисных

явлений и общественной стабилизации. Автор интерпретирует данные категории как социальные ценности, обеспечивающие развитие национального самосознания молодежи и консолидацию общества. В данном подходе гражданская позиция приобретает характер интегративного фактора, направленного на формирование устойчивости личности к деструктивным идеологическим воздействиям и чувства социальной ответственности. Анализ практической деятельности институтов воспитания, в частности - фигуры советника по воспитанию как ключевого субъекта формирования гражданской позиции старшеклассников представлен в исследованиях Л. Р. Кильдеевой, О. А. Поливкиной и О. Е. Фефеловой [1]. Учеными подчёркивается важность индивидуально ориентированных технологий воспитания, сопровождения обучающихся и реализации системного подхода в образовательной деятельности, а также отмечается, что эффективность формирования гражданской позиции во многом зависит от компетентности педагогов и полноты реализации воспитательной функции школы. В. В. Ковалев [2] в своей работе раскрывает потенциал внеурочной деятельности как особого образовательного пространства, обладающего значительными возможностями для формирования гражданской зрелости обучающихся. Автор обосновывает, что участие обучающихся в социально значимых проектах, волонтёрских и общественных инициативах способствует развитию гражданской активности и ответственности. Интересной представляется позиция В. С. Чивчяна [8], который гражданскую позицию молодёжи анализирует в системе высшего образования с акцентом на взаимосвязь патриотических установок и гражданской ответственности студентов. Автор подчёркивает роль университетской среды в формировании ценностных ориентаций личности, развитии правосознания и социальной активности, гражданская позиция представлена им как результат интеграции воспитательной, образовательной и социокультурной функций высшей школы. Более широким социологическим подходом отличается работа Н. С. Шумской [9], которая посвящена анализу положения молодежи в современном обществе. Формирование гражданской позиции рассматривается в контексте общих социальных процессов, фиксируя противоречия между социальными ожиданиями общества и реальным уровнем гражданской активности молодых людей, акцентируя внимание на необходимости создания благоприятной образовательной и воспитательной среды как условия формирования активной жизненной позиции обучающихся.

Таким образом, обобщая анализ современных исследований, можно констатировать, что гражданская позиция рассматривается как сложное личностное образование, включающее мотивационно-ценностный, когнитивный, поведенческий и рефлексивный компоненты. Однако в научной литературе сохраняется фрагментарность подходов к определению структуры гражданской позиции, а также недостаточность

унифицированных критериев оценки уровня её сформированности, что создает затруднения в разработке педагогических технологий и диагностических инструментов ее исследования.

Основываясь на анализе научных работ и собственном педагогическом опыте нами формирование гражданской позиции обучающихся интерпретируется как процесс целенаправленного, систематически организованного педагогического воздействия, направленного на становление у личности устойчивых ценностно-смысловых ориентаций, гражданского самосознания, готовности к активному участию в общественной жизни на основе осознания прав и обязанностей гражданина и социальной ответственности.

На наш взгляд, сущность процесса формирования гражданской позиции обучающихся заключается в целенаправленном преобразовании ценностно-смысловой, когнитивной и деятельностной сфер личности в направлении осознанного принятия социально значимых норм, правовых установок и гражданских идеалов, обеспечивающих его становление субъекта общества. Важно отметить, что данный процесс представляет собой педагогически организованную социально-культурную практику, направленную не только на освоение нормативных представлений о гражданстве, но и на формирование устойчивой внутренней установки личности, связанной с ответственным отношением к родине, государству и обществу.

В структурном отношении процесс формирования гражданской позиции обучающихся содержит следующие характеристики: ценностно-ориентированная направленность (формирование гражданской позиции предполагает усвоение личностью базовых гражданских ценностей: патриотизма, социальной справедливости, правового сознания, уважения к закону и гражданской солидарности, важно их принятие на уровне личностных смыслов); развитие социальной активности (переход от формального усвоения гражданских норм к активной социальной позиции, проявляющейся в готовности защищать правовые ценности, проявлять инициативу в решении социально-значимых задач и участвовать в общественной жизни); сознательное принятие социальной роли гражданина (формирование у обучающихся представления о себе как о гражданине, принадлежащем к обществу и государству, осознающем свою сопричастность к судьбе страны и ответственность за происходящие социальные процессы; интеграция знания и поведения (освоение правовых и историко-культурных знаний сочетается с участием в социально значимой деятельности: проектах, общественных инициативах, добровольчестве); формирование ответственности и правосознания (развитие способности к осознанному выбору, пониманию правовых последствий собственных действий, формированию моральной ответственности и правовой культуры); педагогическая управляемость процесса (научно обоснованная организация педагогической деятельности, проектирование ситуаций гражданского

выбора, практико-ориентированных форм работы и систематической рефлексии); рефлексивное осмысление личного опыта (формирование способности осмысливать собственный социальный опыт, оценивать свои поступки с точки зрения общественных норм и гражданских ценностей и корректировать модели поведения).

Обобщая вышеизложенное отметим, что сущность процесса формирования гражданской позиции обучающихся может быть определена как: системный педагогически управляемый процесс личностного развития, направленный на интеграцию гражданских знаний, ценностей и опыта социальной деятельности, обеспечивающий становление социальной зрелости, ответственности обучающихся и их гражданской идентичности.

Список литературы

1. Кильдеева, Л. Р. Формирование гражданской позиции старшеклассников в деятельности советника по воспитанию / Л. Р. Кильдеева, О. А. Поливкина, О. Е. Фефелова // Научное творчество молодежи как ресурс развития современного общества: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции молодых исследователей, Нижний Новгород, 25 апреля 2025 года. – Нижний Новгород: Мининский университет, 2025. – С. 151-155.

2. Ковалев, В. В. Становление гражданской зрелости старшеклассников посредством внеурочной деятельности / В. В. Ковалев // Молодежь и наука: реальность и перспективы развития: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции, Махачкала, 22–23 апреля 2025 года. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, 2025. – С. 155-160.

3. Марару, Д. В. Формирование патриотизма и гражданской позиции в молодежной среде, как один из элементов преодоления общественных кризисов / Д. В. Марару // Патриотическое воспитание молодежи: проблемы истории и современности: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 18 ноября 2024 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет, 2025. – С. 122-124.

4. Национальный проект «Образование»: паспорт утв. Президиумом Совета при Президенте Рос. Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 дек. 2018 г. № 16). – Доступ с официального сайта Правительства Рос. Федерации.

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 02 июля 2021 г. № 400. – Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (ред. действующая). – Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р. – Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».

8. Чивчян, В. С. Патриотизм и гражданская ответственность как залог формирования активной гражданской позиции молодежи (на примере студенчества) / В. С. Чивчян // Патриотическое воспитание молодежи: проблемы истории и современности: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 18 ноября 2024 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет, 2025. – С. 196-199.

9. Шумская, Н. С. Место молодёжи в современном обществе / Н. С. Шумская // Молодежь и наука: реальность и перспективы развития: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции, Махачкала, 22–23 апреля 2025 года. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, 2025. – С. 229-233.

УДК 37.01

ЦЕННОСТЬ БОГОСЛОВСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ МУСЫ БИГИЕВА ДЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МУСУЛЬМАН РОССИИ

Оганесян Сергей Саядович,
Хаади Тарим Анверовна,
Научно-исследовательский институт ФСИН России
г. Москва, Россия,
e-mail: Ossduma@mail.ru
e-mail: Tarim.Khaadi@mail.ru

Аннотация. В данной работе представлены результаты историко-педагогического исследования богословско-педагогических воззрений просветителя, ученого-богослова, теолога, педагога, общественного деятеля и публициста Мусы Ярулловича Бигиева (Мусы Биги, Джарулла) (1875–1949). Опираясь на интеллектуально-духовное наследие М. Бигиева, была выполнена выборка его богословско-педагогических воззрений и проведён анализ их значимости для формирования педагогической культуры мусульман России.

Результаты исследования интеллектуально-духовного наследия М. Бигиева в решении актуальных проблем мусульманского богословия, теоретических проблем шариата, вопросов о месте и роли женщины в исламском обществе, проблем исламской системы образования, показывают,

что уровень его суждений, выходя за рамки сложившихся в мусульманском мире начала XIX века оценок, говорят о высоком интеллектуальном и культурно- цивилизационном уровне ученого.

Анализ богословско-педагогических воззрений Мусы Бигиева позволил выделить ключевые направления формирования личности и социализации, которые могут рассматриваться как духовные ценности педагогической культуры мусульман России. Его подходы вносят принципиально новые идеи в образовательный процесс, включая интерпретацию Корана. Значение наследия Бигиева в педагогической культуре определяется как неореформизм, обеспечивающий переход от традиций к инновациям в образовании.

Ключевые слова. Муса Бигиев, педагогическая культура мусульман, богословско-педагогические воззрения, ислам, Коран.

THE VALUE OF MUSA BIGIEV'S THEOLOGICAL AND PEDAGOGICAL VIEWS FOR THE PEDAGOGICAL CULTURE OF MUSLIMS IN RUSSIA

Oganesyan Sergey Sayadovich,
Khaadi Tarim Anverovna,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia
e-mail: Ossduma@mail.ru
e-mail: tarim.khaadi@mail.ru

Abstract. This paper presents the results of a historical and pedagogical study of the theological and pedagogical views of the enlightener, theologian, theologian, teacher, public figure and publicist Musa Yarullovich Bigiev (Musa Bigi, Dzharulla) (1875–1949). Drawing on the intellectual and spiritual heritage of M. Bigiev, a selection of his theological and pedagogical views was compiled, and their significance for the development of the pedagogical culture of Muslims in Russia was analyzed.

The results of a study of the intellectual and spiritual heritage of M. Bigiev in solving current problems of Muslim theology, theoretical problems of Sharia, questions about the place and role of women in Islamic society, problems of the Islamic education system, show that the level of his judgments, going beyond the framework of the principles established in the Muslim world XIX century estimates speak of the high intellectual, cultural and civilizational level of the scientist.

The analysis of Musa Bigiev's theological and pedagogical views made it possible to identify key directions in personality development and socialization, which can be regarded as the spiritual values of the pedagogical culture of Muslims in Russia. His approaches introduce fundamentally new ideas into the educational

process, including the interpretation of the Qur'an. The significance of Bigiev's legacy in the pedagogical culture is characterized as neo-reformism, facilitating the transition from tradition to innovation in education.

Keywords: Musa Bigiev, pedagogical culture of Muslims, theological and pedagogical views, Islam, Koran.

Введение. Изучение основ религии ислама и его истории в настоящее время является активной областью исследования в таких направлениях, как политология, исторические науки, социология, философия и др., но в педагогике не хватает фундаментальных научных трудов. А тем временем актуальность исследований ценностных основ педагогической культуры мусульман в современной России является важной задачей для педагогической науки и обусловлена спецификой современного социально-экономического и политического момента, когда момент эволюции российского общества характеризуется стечением-совпадением четырех феноменов - кризиса мировоззренческого, кризиса идеологий, кризиса нравственного, морально-этического, а также кризиса института религий.

Данное исследование, призывающее обратить внимание на интеллектуально-духовное наследие ученого, «признанного учителя шариата, Корана Ислама» [13, с.41] Мусы Бигиева, раскрывающее основные направления его исследований, показывает актуальность и для современного мира его концепций, ориентированных на подготовку смены поколений и социализации личности.

Цель данной работы показать ценность и значение богословско-педагогических воззрений выдающегося просветителя, ученого-богослова, педагога, теолога, общественного деятеля и публициста Бигиева Мусы Ярулловича (Муса Биги, Джарулла) (1875–1949). Сто двадцать больших и малых трудов, написанных им за семидесятичетырехлетнюю жизнь, полную страданий и трудностей, являются бессмертными свидетелями его научной силы, его интеллектуального вклада в педагогическую культуру татар-мусульман России.

В контексте исследуемой темы подчеркнем основное определение терминологизированного словосочетания ««педагогическая культура мусульман России», которая рассматривается нами как часть общей мусульманской культуры, объединяющая духовные и материальные ценности, нашедшие отражение в идеях и практике педагогической деятельности, и сложившаяся под воздействием общих условий жизни, геополитических обстоятельств, экономических и культурных связей» [14, с.5].

Методы и источники темы исследования. Данная работа объединила в себе общенаучные и специальные историко-педагогические методы. Основываясь на доступные автору научные работы М.Бигиева, в частности, как такие как, «Әдәбият гарәбия илә голуме Исламия» («Арабоязычная литература и исламские науки»), «Шаригать эсаслэре» («Основы шариата»),

«Тарих аль-куран ва аль-масахиф» («История Корана и его сводов»), «Рәхмәт илаһия борһанлары» («Доказательства божественного милосердия»), «Озын көнләрдә рузә» («Пост в длинные дни»), «Корьән кәрим аять кәримәләренен нурлары хозурында хатын» («Женщина в свете священных аятов Благородного Корана»), «Низам ал-Джами‘ат ал-исламийа ал-‘илмийа» («Концепция исламского научного Университета»), была проведена выборка богословско-педагогических воззрений, с целью анализа их ценности для педагогической культуры мусульман России. Также были использованы историко-структурный метод и герменевтический анализ, позволившие охарактеризовать педагогическое наследие мусульманского педагога, теолога. Частичное применение сравнительно-сопоставительного анализа и метода экзегетики в работе с текстами Священных Писаний единобожия (Торы, Библии, Корана) дало возможность понимания концепции исламского научного Университета «Низам ал-Джами‘ат ал-исламийа ал-‘илмийа».

Результаты исследования. В научных исследованиях и трудах неореформатора богословской, общественной и педагогической мысли М.Бигиева особую роль занимают проблемы образования, структура педагогического процесса и социализации личности. Испытав на себе различные подходы и методы обучения в русской реальной гимназии и в казанском медресе, изучив науки, странствуя в странах мусульманского мира, посещая такие города как Бухара, Каир, Стамбул, Мекка и Медина, Деобанд (Индия), Дамаск и Бейрут «он был неудовлетворен и крайне разочарован увиденным положением науки и образования в мире ислама» [10, с.137]. Свою точку зрения и видение этих проблем М.Бигиев изложил в научном труде Тарих аль-куран ва аль-масахиф («История Корана и его сводов»), опубликованном в Петербурге в 1905 году. В дальнейшем (в 1907 году) эта работа была перепечатана в журнале «Аль-Манар» (Египет).

Прежде всего обратим внимание в творческом наследии М.Бигиева, на тему, которая касается вопросов гносеологии и способов получения знаний. Обращаясь к ученым, М.Бигиев пишет: «То, что преподнесено в книгах в качестве знаний, не приведет к истине. Если хочешь изучать явления, имеющиеся в природе, то думай самостоятельно» [1, с.24]. Эта мысль вполне согласуется с мировосприятием новой цивилизационной эпохи, когда решающую роль в познании окружающей действительности начинают играть интеллектуальные способности и возможности самого человека. Также эта мысль особо важна для педагогики, ибо одной из основных педагогических задач является - научить обучающихся думать и добираться до сути вещей, то есть научить их жить с меньшими проблемами. В противном случае, они будут вынуждены тратить ресурсы на исправление своих ошибок. Также нужно отметить, что эффективные решения наболевших жизненных проблем и задач облегчают будущее; между тем непродуманные решения – усложняют жизнь. И если рассматривать мысль

богослова глубже, то мы приходим к пониманию, что для решения наиболее трудной для освоения способности – «думать самостоятельно», педагогической задачей становится не столько изучение содержания образования, а сколько обучение процессу мышления, то есть умению скептически смотреть на мир, задавать вопросы и устанавливать связи между различными темами. Говоря современными терминами, важна не сама информация, а то, как человек с ней работает. И только в этом случае можно будет перейти к реализации наиболее ценного навыка, думать самостоятельно. А такие навыки нужны современным обучающимся для того чтобы, обеспечить глубину и гибкость мышления, позволяющие адаптироваться к постоянно меняющемуся миру.

Нельзя не заметить, что позиция М.Бигиева восходит к философским взглядам великих реформаторов эпохи Просвещения. В частности, к таким великим деятелей просвещения, как Р. Декарт, Д. Дидро, Дж. Локк, И. Кант и др.

Напомним известное высказывание И. Канта: «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения» [11].

Важнейшим инструментом социализации личности М.Бигиев видел образование, предлагая такую программу: «при обучении детей следует начинать с азов всех наук – чтения, письма и первооснов веры. Затем им преподаются знания общественные, такие, как языки и умение сочинять на них, основы математических наук – арифметика, алгебра и геометрия, биология и геология, основы естествознания, химия, астрономия; необходимые религиозные и литературные науки; обширные сведения по истории и событиям первых веков; география и астрономия. Следует обучать этому ребенка, чтобы он стал полностью сознательным и разумным. Обучение всему этому занимает считанные годы, ведется по самой легкой методе и в той последовательности, которую предусмотрели для воспитания духовные наставники (раббанийун) и ученые люди» [6, с.19].

Осенью 1909 г. М.Бигиев был приглашен для преподавания арабского языка и истории религий в джадидское медресе «Хусаиния», находившееся в Оренбурге. В числе нескольких учебных дисциплин, М. Бигиев вел также курс истории религий – «Тарих адъян». Данный предмет был включен в учебную программу медресе еще в 1906 году, но из-за отсутствия преподавателя обучение шакирдов не проводилось. В Российской империи в мусульманских медресе курс истории религий не преподавался. «На занятиях по этой дисциплине Муса Бигиев познакомил слушателей с

древним учением о всеохватности божественной милости и конечности во времени Ада, которое занимало умы не только современников и первых последователей пророка Мухаммада, но и предшествовавших им мыслителей раннего христианства» [13, с.4]. За такое смелое начинание, по недовольству некоторых мугаллимов и попечителей медресе, тогда еще молодого учителя, в 1910 г. отстранили от преподавания.

Имея обширные знания, Муса Бигиев подверг резкой критике принципы традиционного классического исламского образования, которые он знал изнутри. Так, еще учась в Бухаре, он испытал на себе схоластику веками не менявшейся системы образования (например, ученики полгода занимались анализом двух предложений в тексте комментария, который к тому же был написан к другому комментарию). Он описывал свое удивление, вызванное тем, что в мусульманских медресе не преподавались ни Коран, ни Сунна, и выражал возмущение: «…в мусульманских медресе мы из детей мусульман делали абсолютных кяфиров» [1, с.26]. Образование, будь оно светским или религиозным, призвано не только снабдить человека знаниями об окружающем мире, истории, культуре и религии, но и научить его мыслить – мыслить позитивно, творчески, объемно и последовательно, используя логику и обращаясь к первоисточникам, и таким образом постигать истину.

Понимая процессы, происходящие в мусульманском социуме, как, впрочем, и во всех остальных сообществах, которые были связаны с социально-экономическими, политическими и нравственно-этическими преобразованиями его времени, М.Бигиев считал необходимым обновить всю систему образования, ее содержательную основу и методику преподавания различных дисциплин. Он писал: «Поскольку же общественные потребности людей вращаются вокруг наук, религии, ремесла и торговли, нужно, чтобы у них, кроме начальных школ, были также средние и школы уровня рушдийа и и‘дадийа – религиозные, общеобразовательные, ремесленные и торговые; нам нужны также высшие учебные заведения, которые готовили бы людей науки и труда, способных трудиться ради общественного блага на религиозном поприще и во всех областях жизни» [6, с.21].

В подготовленной им пятнадцатистраничной программе «Низам ал-Джами‘ат ал-исламийа ал-‘илмийа» («Концепция научного исламского Университета») М,Бигиев наиболее полно описал свое видение мусульманской высшей школы. Трактат М.Бигиева о возможности и необходимости скорейшего открытия исламского научного университета или научно-образовательного центра, сформулированном в 16 пунктах, был опубликован в Бомбее (современный Мумбаи, Индия) в 1946 г.

Создавая программу М.Бигиев, сформулировал основные методы формирования и социализации личности, исповедующей ислам. Судя по общей направленности и настрою его записей, эту концепцию можно считать не только учебной программой для университета, но скорее, программой для реформированного медресе. Она содержит в себе краткое описание учебной

программы, которая состоит из трех ступеней-комплексов дисциплин, по мнению ученого, последовательное изучение которых могло бы составить основное общее правило работы университета или научно-образовательного центра.

Первую ступень подготовки богослова М.Бигиев рекомендует начать с изучения лексики, морфологии, синтаксиса, риторики арабского языка, а также стихосложения. Вторая ступень возможна только после достаточного освоения арабского (коранического) языка и включает изучение текста первоисточников ислама - Священного Корана и Сунны пророка (сборника хадисов). А переход к изучению богословских наук и фикха (мусульманского права) возможен только на третьей ступени обучения. По мнению М.Бигиева, такая расстановка учебных дисциплин повысит эффективность усвоения материала и самое главное, что она позволит студенту не обращаться при изучении основного источника по дисциплинам к многочисленным комментариям и мнениям предыдущих ученых, которые были традиционными для исламской системы образования [10, с.138].

М.Бигиев нашел возможным изучение и сравнение с Кораном священных Писаний иудеев и христиан – Ветхого и Нового заветов, которые в Коране признаны истинными Посланиями от Единого Бога (Аллаха) и названы «Афсар», а также арабских и русских толкований к ним. И при разработке полноценной образовательной программы для мусульманских учебных заведений он предлагает изучать Тору и Библию, поскольку считает, что без знания этих книг понимание ислама будет несовершенно. По мнению ученого-теолога, это важно не только для того, чтобы опровергать или вступать в полемику с «людьми Писаний», но для того, чтобы «лучше понимать сотни айатов Корана», в которых дана информация о ветхозаветных историях, об Иисусе сыне Марьям, о Моисее - пророке Мусе и др.

По поводу образования по фикху (мусульманскому праву) М.Бигиев говорил, что все труды древних богословов студенты должны знать, но относиться к ним критически, а не как к незыблемым истинам, потому что они выражают всего лишь мнение людей, а не Бога. И в этом отношении М.Бигиева можно сравнить с другим великим просветителем-реформатором – Р. Декартом, который, будучи глубоко верующим человеком, тем не менее в работе «Первоначала философии» призывал на пути познания истины все подвергать сомнению («De omnibus dubitandum») [9, с.314].

М.Бигиев был абсолютным приверженцем открытия «врат иджтахада», т. е. размышлений и вывода собственной позиции. Согласно М.Бигиеву, любой специалист, обладающий базовыми знаниями Корана и Сунны пророка, имеет право высказывать свое мнение и выносить свое правовое решение. В своем труде «Основы шариата» он пишет «С исламской общиной навеки и до конца времен пребудет не только право иджтахада, но и прерогатива вынесения правовых решений применительно к каждому отдельному случаю и ситуации» [2, с.24].

М.Бигиев высказывал мнение, что именно Коран является главным источником и мировоззренческим фундаментом ислама и что поэтому мусульманам необходимо вернуть Коран в его первозданной чистоте, чтобы они непосредственно работали с этим текстом по самым разным направлениям. Он полагал, что важны и графика Корана, и исправление ошибок, и правильная рецитация Корана, и стили рецитации, и весь комплекс коранических наук.

Поэтому задачей мусульман является возвращение к Корану, который больше обращен в будущее, чем в прошлое, и поиск в нем света, который осветит день сегодняшний и будущее. Несмотря на то, что Муса Бигиев всю жизнь посвятил изучению исламских наук, его очень интересовали и судьбы мусульманских народов, и то, какую роль может сыграть в их истории правильное понимание ислама и Корана. Муса Бигиев считал, что в будущем у человечества не будет иной альтернативы для выживания и благополучия, кроме следования исламу, что ислам – это спасительный маяк для всего человечества. Он писал: «Все бедствия, которые обрушились на мир ислама, проистекают от игнорирования содержащихся в Коране безграничных потенций совершенствования и заключения жизни мусульман, опирающейся на определенные комментарии и толкования, в тесные рамки уложений, претендующих на истинность во веки веков» [15, с.80]. Те, кто считает, что в исламе имеются ответы на все вопросы, которые выдвигает та или иная эпоха, найдут способ их разрешения.

Выводы. Анализ богословско-педагогических воззрений Мусы Бигиева позволил выделить несколько важных моментов предлагаемого им направления формирования человека и социализации личности, которые, вне всякого сомнения, являются духовно-нравственной ценностью в педагогической культуре мусульман России:

– «значимость для любого человека образования и просвещения, посредством которых человек знает свои права и обязанности и познает мир;

– приобщение человека непосредственно к первоисточникам, то есть к «небесным» писаниям, в частности, к Корану и Сунне пророка; почтительность и уважение в соблюдении законов, основанных на Справедливости и Истине;

– развитие интеллектуальных способностей посредством самостоятельного толкования отдельных положений Корана и Сунны для формирования собственного мнения о них;

– осознание значимости плюрализма мнений, исключающего диктат и авторитаризм, которые веками насаждались исламскими богословами в виде религиозных догм и постулатов; наличие силы и мужества, достаточных для того, чтобы не смиряться с унижением достоинства человека и не следовать за ложными призывами богословов;

– право на свободу мысли для каждого мусульманина, который имеет право на иджтихад; формирование чести у каждого мусульманина и его надежности с целью сохранения его от нарушения прав окружающих;

– право на личную свободу для каждого человека – избавление от всякого рода рабства и принуждения, в том числе от собственных негативных внутренних качеств;

– необходимость изучения не только Корана и Сунны пророка, но и Торы, Библии, включая Новый завет, для полноценного религиозного понимания мира» [14, с192].

Анализ научной, просветительской и педагогической деятельности М. Бигиева дают основание говорить, что он является именно тем ученым, который проповедовал «лучший» смысл аята Корана (39: 18): «Тех, кто Господне Слово слышит и следует за лучшим (смыслом) в нем. Они – все те, которых вел Аллах, и те, кто обладает разуменьем» [12, с.489].

Педагогические воззрения Мусы Бигиева формировались в переломные для судеб жителей России годы и несли на себе отпечаток принципиально новых подходов, в том числе и в осмыслении Корана. Их ценность для педагогической культуры мусульман России можно характеризовать как неореформизм, предопределяющий движение от традиций к новациям в сфере образования.

Список литературы

1. Бигиев М. Әдәбияте гарәбия илә голуме Исламия. Казан: Мәгариф, Е.к. (Лито-Тип. И.Н.Харитонова), 1911. Б. 24.

2. Бигиев Муса. Основы шариата / пер.с тат.-осман. И примеч. А.Г. Хайрутдинова. – М.: ИД «Медина», 2022. – 165 с.

3. Бигиев, М. Озын көннәрдә руза / М. Бигиев. – Казан: Электро-типография «Умидъ», 1911. – 204 б.

4. Бигиев, М. Рәхмәте илаһийә борһанлары / М. Бигиев. – Оренбург: Шәрык, 1911. – 97 б.

5. Бигиев, М. Халык нәзарына берничә мәсьәлә / М. Бигиев. – Казан: Электро-типография «УМИД», 1912. – 72 б.

6. Бигиев, Муса. История Корана и его сводов / Муса Бигиев; пер. с арабск.; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. – М.: ИД «Медина», 2016. – 88 с.

7. Габдулхусейн Шарафутдин ал-Мавсуви. Ответы на вопросы Джаруллы (Бигиева) (Аджвибату масаиль Джарулла). /пер. с арабского Адгамов РК. – Казань: «ИМАН», 2006 – 98 с.

8. Гермез М. Муса Джаруллах Бигиев: Учебно-методические и научные материалы для составления учебных пособий, курсов лекций, хрестоматий, а также научно-исследовательской работы студентов. Казань: Изд-во ДУМ РТ, 2009. – 167 с.

9. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 313–315.

10. Зарипов И.А. Концепция исламского университета Мусы Бигиева // Ислам в современном мире. 2016. Том 12. № 2 –с.137-143.

11. Кант, И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; примеч. Ц.Г. Арзаканяна. – М. : Эксмо, 2007. – 736 с.

12. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. – Изд. 10-е, дополненное. – М.: Рипол Классик, 2008. – 800 с.

13. Наследие Муса Джаруллаха Бигиева. Сборник документов и материалов /подготовил Хайрутдинов А.Г.– Казань, «ИМАН», 2000 –52 с

14. Хаади Т.А. Развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья (конец XVIII - начало XX вв.): диссертация … кан. пед. наук: 5.8.1. / Т.А. Хаади. – Москва, 2023. – 238 с.

15. Хайрутдинов А.Г. Сущность и содержание веры с точки зрения Мусы Бигиева // Ислам в современном мире. 2017. № 13(2). С. 73-90. URL: https://doi.org/10.22311/2074-1529-2017-13-2-73-90.

16. Хайрутдинов А.Г. Последний татарский богослов (жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева). – Казань: «ИМАН»,1999. –138 с.

УДК 159.9.07

АГРЕССИЯ И ГНЕВ КАК ДЕЗАДАПТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОВЛАДАНИЯ С ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИМ СТРЕССОМ У ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ХРОНИЧЕСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ТРАВМАТИЗАЦИИ

Саидов Асланбек Арбиевич
Хажуев Ислам Сайдахмедович
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный, Россия
e-mail: aslsaidov@gmail.com
e-mail: hazhuev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются агрессия и гнев как специфические реакции на хронический семейный стресс у детей, воспитывающихся в семьях участников специальной военной операции. Эмпирическое исследование (N=302) выявило, что высокий уровень травматизации матерей коррелирует с формированием у детей не ситуативных реакций, а устойчивых диспозициональных черт («гнев-темперамент»), а также с интернализацией агрессивных импульсов. Установлено, что агрессивное поведение тесно сопряжено с симптомами психофизиологического гипервозбуждения и интрузивными воспоминаниями, но не связано с симптомами избегания. Это позволяет интерпретировать детскую агрессию в данном контексте как дезадаптивный защитный механизм активного совладания с тревогой и ощущением угрозы.

Ключевые слова: детская агрессия, гнев-темперамент, посттравматическое стрессовое расстройство, гипервозбуждение, семьи участников СВО, экстернализация, дезадаптация, защитные механизмы.

AGGRESSION AND ANGER AS MALADAPTIVE MECHANISMS OF COPING WITH POST-TRAUMATIC STRESS IN CHILDREN UNDER CONDITIONS OF CHRONIC FAMILY TRAUMA

Saidov Aslanbek Arbievich,
Khazhuev Islam Saidakhmedovich
Chechen State Pedagogical University
Russian Federation, Grozny
e-mail: aslsaidov@gmail.com
e-mail: hazhuev@mail.ru

Abstract. This article examines aggression and anger as specific reactions to chronic family stress in children raised in families of special military operation participants. An empirical study (N=302) revealed that high levels of maternal trauma correlate with the development of stable dispositional traits in children rather than situational reactions, as well as with the internalization of aggressive impulses. Aggressive behavior was found to be closely associated with symptoms of psychophysiological hyperarousal and intrusive memories, but not with symptoms of avoidance. This allows childhood aggression in this context to be interpreted as a maladaptive defense mechanism for actively coping with anxiety and a sense of threat.

Keywords: childhood aggression, anger-temperament, post-traumatic stress disorder, hyperarousal, families of special military operation participants, externalization, maladaptation, defense mechanisms.

Проблема адаптации детей, растущих в условиях хронического семейного стресса, вызванного участием одного из родителей в боевых действиях, становится одной из наиболее острых в современной психологии экстремальных состояний. Актуальные исследования показывают, что психотравмирующие последствия затрагивают не только непосредственных участников событий, но и членов их семей, приводя к формированию специфического социально-психологического портрета ребенка, пострадавшего в результате боевых действий [6].

Ведущим фактором, определяющим благополучие ребенка, является эмоциональное состояние матери. В ситуации длительного ожидания и угрозы жизни супруга женщины подвергаются риску викарной (вторичной) травматизации, феноменология которой включает постоянную тревогу, страх утраты и эмоциональное истощение [4]. Такое состояние родителя неизбежно сказывается на функционировании семейной системы. Семья, призванная быть источником безопасности и стабилизации, перестает выполнять функцию эмоциональной регуляции, оставляя ребенка наедине с травмирующей реальностью [5].

В условиях дефицита внешней поддержки и незрелости собственных механизмов совладания, дети вырабатывают специфические защитные стратегии. Если одни реагируют через интернализацию (уход в себя, депрессия), то другие выбирают путь экстернализации – направления дистресса вовне через агрессивное, оппозиционное или разрушительное поведение [8].

Агрессия в данном контексте рассматривается не как педагогическая запущенность, а как дезадаптивный механизм совладания с непереносимым напряжением. Исследования показывают, что дети, чьи семьи затронуты военным стрессом, демонстрируют достоверно более высокие уровни агрессивности по сравнению со сверстниками из благополучных семей [6]. Лонгитюдные наблюдения за детьми, пережившими травмирующие события (например, теракт в Беслане), также подтверждают, что нарушения эмоционально-личностной сферы, включая вспышки гнева и раздражительности, могут сохраняться на протяжении многих лет, трансформируясь из острых реакций в устойчивые черты характера [2].

Механизм формирования агрессивного поведения тесно связан с феноменом физиологического гипервозбуждения. Ребенок, находящийся в стрессогенной среде, пребывает в состоянии постоянной боевой готовности (гипербдительности). Субъективно это переживание угрозы может трансформироваться в гнев как активную форму защиты от чувства беспомощности и уязвимости. При этом на выбор стратегии реагирования влияют паттерны взаимодействия с травмированным родителем. В частности, феномен «оставленности», когда ребенок сталкивается с эмоциональной отстраненностью матери, может провоцировать агрессию как способ привлечения внимания или как реакцию на фрустрацию потребности в безопасности [8].

Таким образом, агрессия и гнев у детей из семей участников боевых действий представляют собой форму «функционального крика» о помощи и попытку вернуть контроль над ситуацией через активное, пусть и деструктивное, действие. Понимание этого механизма требует смещения фокуса с коррекции поведения на работу с первопричиной – высоким уровнем тревоги и семейной дисфункцией.

Целью настоящего исследования является изучение специфики агрессивных реакций и гнева у детей из семей участников специальной военной операции, а также определение роли родительской травматизации и детских посттравматических симптомов в формировании экстернализующих форм поведения. Исследование направлено на проверку гипотезы о том, что агрессия в данной выборке выступает не просто поведенческой проблемой, а защитным механизмом совладания с хроническим стрессом.

Материал и методы исследования. Эмпирическую базу исследования составили 302 респондента – обучающиеся 6–11 классов общеобразовательных организаций г. Грозного, а также родительская

выборка, состоящая из матери обследуемых школьников. В исследовании использовались следующие методики: полуструктурированное интервью для оценки травматических переживаний детей; опросник выраженности гнева (State-Trait Anger Expression Inventory, STAXI) – методика Ч. Спилбергера, предназначенная для измерения гнева как состояния и как черты личности, способности проявлять и контролировать гнев. Для количественной обработки данных использовались описательные статистики, H-критерий Краскела-Уоллиса и корреляционный анализ по Ч. Спирману.

Результаты исследования

Анализ данных, полученных с помощью H-критерия Краскела-Уоллиса, позволил выявить избирательный характер влияния родительской травмы на формирование агрессивных черт у детей (см. табл.1).

Таблица 1.

Различия в показателях агрессивности в зависимости от частоты травмы родителя (фрагмент)

Показатель	H-критерий	Уровень значимости (p)	Характер связи
Гнев-темперамент	11,110	0,004	Значимая
Гнев-реакция	11,029	0,004	Значимая
Склонность к раздражительности	9,734	0,008	Значимая
Экспрессия гнева внутрь	8,210	0,016	Значимая
Сиюминутное состояние гнева	2,757	0,252	Незначимая

Было установлено, что количество травматических эпизодов, пережитых матерью, имеет статистически значимую связь с формированием у ребенка склонности к раздражительности и гневу (p=0,008), реактивного гнева (p=0,004) и, что наиболее важно, гнева как устойчивой черты темперамента (p=0,004). Средние ранги по этим шкалам демонстрируют прогрессивный рост по мере увеличения травматической нагрузки на семью. Например, для показателя «Гнев-темперамент» средний ранг возрастает с 93,60 в группе без травмы до 152,57 в группе с множественными эпизодами травматизации.

При этом значимой связи с «Сиюминутным состоянием гнева» обнаружено не было (p=0,252). Данное различие указывает на то, что родительская травма не просто провоцирует ситуативные вспышки, а трансформирует личностную диспозицию ребенка, делая гнев привычным способом взаимодействия с миром.

Особого внимания заслуживает вектор направленности агрессии. Исследование выявило достоверную связь родительской травмы с экспрессией гнева внутрь (p=0,016), тогда как связь с экспрессией гнева вовне оказалась статистически незначимой (p=0,105). Обнаруженная

закономерность позволяет предположить, что в условиях нестабильной эмоциональной среды (травмированный родитель) дети склонны подавлять открытое проявление враждебности, направляя агрессивные импульсы на самих себя (интернализация), что является фактором риска для аутоагрессивного поведения.

В свою очередь, корреляционный анализ (см. табл. 4) позволил раскрыть внутренние механизмы, запускающие агрессию. Были выявлены сильные положительные связи между симптомами посттравматического стресса и различными формами гнева.

Таблица 4

Сопряженность детских травматических переживаний и тревожно-депрессивных состояний

Критерии травматического стресса		Шкала депрессии Бека (у ребенка)	Шкала явной тревожности для детей CMAS (у ребенка)
A (немедленное реагирование) (у ребенка)	r	0,330	0,343
	p	0,000	0,000
B (навязчивое воспроизведение) (у ребенка)	r	0,354	0,343
	p	0,000	0,000
C (избегание) (у ребенка)	r	0,196	0,277
	p	0,001	0,000
D (возросшая возбудимость) (у ребенка)	r	0,400	0,435
	p	0,000	0,000
F (нарушения функционирования) (у ребенка)	r	0,371	0,418
	p	0,000	0,000
Общий уровень посттравматических симптомов (у ребенка)	r	0,204	0,293
	p	0,001	0,000
	N	283	285

Как мы видим в таблице 4, наиболее тесную связь с агрессией демонстрирует критерий D (возросшая возбудимость/гипервозбуждение). Коэффициенты корреляции между гипервозбуждением и «Склонностью к раздражительности» ($r=0,403$, $p<0,001$), «Гневом-темпераментом» ($r=0,385$, $p<0,001$) и «Гневом-реакцией» ($r=0,372$, $p<0,001$) являются самыми высокими в матрице корреляций. Также значимый вклад в агрессивное поведение вносят симптомы навязчивого воспроизведения (критерий B).

В то же время критерий C (избегание), напротив, показал наиболее слабые связи с агрессивными тенденциями. В частности, корреляция избегания с «Сиюминутным гневом» статистически незначима ($p=0,628$), а

связи с другими шкалами агрессии выражены значительно слабее, чем у критериев B и D.

Полученные данные свидетельствуют о существовании двух расходящихся путей совладания с дистрессом. Агрессия у детей из семей участников СВО тесно сцеплена с механизмом психофизиологического гипервозбуждения. Ребенок, находящийся в состоянии хронической бдительности и ожидания угрозы (высокие показатели по критерию D), склонен реагировать нападением («бей») в качестве превентивной защиты. В то же время дети, использующие стратегию избегания и эмоционального оцепенения (высокие показатели по критерию C), склонны к пассивности и уходу от конфликта, что объясняет отсутствие связи этого симптома с агрессией.

Таким образом, агрессивное поведение в исследуемой выборке является прямым следствием непереработанного травматического напряжения и неспособности регулировать состояние физиологического возбуждения.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют переосмыслить природу агрессивности у детей из семей участников боевых действий. Данные показывают, что агрессия в данном контексте является не столько следствием недостатка воспитания, сколько симптомом дисрегуляции нервной системы. Тот факт, что родительская травма коррелирует с «гневом-темпераментом», но не с «сиюминутным гневом», указывает на глубинные изменения в структуре личности ребенка: он не просто злится в моменте, он становится предрасположенным к гневливости как устойчивой черте.

Важным механизмом, поддерживающим это состояние, выступает психофизиологическое гипервозбуждение (критерий D). Сильная корреляция между возбудимостью и агрессией подтверждает, что агрессивное поведение – это экстернализация внутреннего напряжения («бей» в ответ на мнимую угрозу). Примечательно расхождение путей совладания: дети с выраженным симптомом избегания (критерий C) не склонны к агрессии, что говорит о существовании двух разных фенотипов посттравматического реагирования – «нападающего» и «избегающего». Также важным является обнаруженный феномен интернализации гнева: дети травмированных родителей склонны направлять агрессию на себя, что создает парадоксальную картину «тихого», но внутренне разрушительного гнева.

Выводы

Хронический травматический опыт родителей способствует формированию у детей устойчивых личностных черт (гнев-темперамент, раздражительность), а не ситуативных эмоциональных реакций. С ростом травматизации матери у ребенка закрепляется готовность реагировать гневом на нейтральные стимулы.

Центральным драйвером агрессивного поведения выступает механизм посттравматического гипервозбуждения. Агрессия является дезадаптивной попыткой разрядки физиологического напряжения и защитной реакцией на субъективное чувство опасности, характерное для семей с высоким уровнем стресса.

Посттравматический стресс у детей манифестирует через расходящиеся поведенческие пути: интрузивные симптомы и возбудимость провоцируют агрессию (экстернализация), тогда как симптомы избегания связаны с пассивностью и подавлением реакций, но не с враждебным поведением.

Список литературы

1. Сасина К. В. Стресс и стрессовая ситуация в детском возрасте: особенности и специфика реагирования // Молодежная наука: тенденции развития. – 2018. – № 1. – С. 11-19.
2. Текоева З. С. Особенности эмоционально-личностного развития детей с ПТСР (лонгитюдное исследование детей г. Беслан 2005–2015 гг.) // Теория и практика образования. – 2018. – С. 38-45.
3. Тихонова И. В. Родительские состояния, связанные со стрессом: понятийный дискурс и дифференциация // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 84–92.
4. Тихонова И. В. Феноменология травматического стресса «нормотипичных» родителей и посттравматическая симптоматика // Консультативная психология и психотерапия. – 2024. – Т. 32, № 3. – С. 139–161.
5. Точиева М. М., Цечоева Р. Х. Формирование эмоциональной регуляции ребенка в стрессовых ситуациях // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 74-4. – С. 311-313.
6. Ульянина О. А., Никифорова Е. А., Тараненко О. А., Шипилова А. А. Социально-психологический портрет детей, пострадавших в результате боевых действий // Вестник практической психологии образования. – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 93-103.
7. Ушаков Д. В., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В. [и др.] Психология посттравматического стресса: история и современность // Психология посттравматического стресса: методология, теория, практика: Материалы конференции, Москва, 22–23 мая 2025 года. – Москва: Институт психологии РАН, 2025. – С. 15-27.
8. Харламенкова Н. Е., Никитина Д. А., Шаталова Н. Е., Дымова Е. Н. Психологические последствия переживания стресса в детском возрасте – феномены «оставленности» и «вовлеченности» // Клиническая и специальная психология. – 2022. – Т. 11, № 3. – С. 71-96.

УДК 172.4

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Саркарова Наила Ахедовна,
Дагестанский государственный университет
г. Махачкала, Россия
e-mail: nailafil@mail.ru

Аннотация. В статье осуществлен социально-философский анализ концепта «духовная безопасность», направленный на преодоление его терминологической неопределенности. Наблюдается терминологический парадокс: концепт активно используется в политическом и экспертно-академическом дискурсах, однако его содержательное наполнение зачастую сводится к либо излишне идеологизированным, либо к предельно размытым формулировкам, что затрудняет его операционализацию и верификацию. Цель исследования – выявление и систематизация философско-методологических оснований данного концепта через призму его соотношения со свободой, нравственностью и идеологией. В результате установлено, что духовная безопасность представляет собой интегральное, полиморфное понятие, описывающее как состояние защищенности ценностно-смысловой сферы личности и общества, так и динамический процесс его обеспечения. Показана диалектическая взаимосвязь с категорией свободы, разрешаемая в идее «ответственной свободы», выявлено, что нравственность выступает в качестве субстанционального основания духовной безопасности. Аргументация позволяет заключить, что в современном демократическом обществе данный концепт не должен служить инструментом идеологического монополизма, а должен быть направлен на защиту права на свободный мировоззренческий выбор и поддержание минимального ценностного консенсуса.

Ключевые слова: духовная безопасность, философско-методологический анализ, национальная безопасность, нравственность, свобода, идеология, личность, общество.

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE CONCEPT "SPIRITUAL SECURITY": TOWARDS THE PROBLEM OF DEFINITION

Sarkarova Naila Akhedovna,
Dagestan State Universit,
Makhachkala, Russia
e-mail: nailafil@mail.ru

Abstract. The article provides a socio-philosophical analysis of the concept of "spiritual security", aimed at overcoming its terminological ambiguity. A terminological paradox is observed: the concept is actively used in political and expert-academic discourses, but its content is often reduced to either overly ideological or extremely vague formulations, which complicates its operationalization and verification. The purpose of the study is to identify and systematize the philosophical and methodological foundations of this concept through the prism of its relationship with freedom, morality, and ideology. As a result, it is established that spiritual security is an integral, polymorphic concept describing both the state of protection of the value-meaning sphere of the individual and society and the dynamic process of its provision. The dialectical relationship with the category of freedom, resolved in the idea of "responsible freedom", is shown. It is revealed that morality acts as the substantive basis of spiritual security, and its erosion is a key threat. The argumentation allows us to conclude that in a modern democratic society, this concept should not serve as a tool for ideological monopolism but should be aimed at protecting the right to free worldview choice and maintaining a minimum value consensus.

Keywords: spiritual security, philosophical and methodological analysis, national security, morality, freedom, ideology, personality, society.

Введение

Актуальность исследования концепта «духовная безопасность» обусловлена комплексом вызовов, с которыми сталкивается современное общество в условиях глобализации, информационной открытости и ценностной трансформации. Наблюдается терминологический парадокс: концепт активно используется в политическом и экспертно-академическом дискурсах, однако его содержательное наполнение зачастую сводится к либо излишне идеологизированным, либо к предельно размытым формулировкам, что затрудняет его операционализацию и верификацию. Как справедливо отмечается в ряде исследований, духовная безопасность является неотъемлемым элементом национальной безопасности, тесно связанным с сохранением культурной идентичности и суверенитета [1; 3; 6].

Целью данной статьи является выявление и систематизация философско-методологических оснований концепта «духовная безопасность» через призму его соотношения с категориями свободы, нравственности и идеологии. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать существующие подходы к определению духовной безопасности в современной социально-философской мысли и предложить их классификацию.

2. Определить место и роль духовной безопасности в системе безопасности государства и личности.

3. Исследовать диалектику духовной безопасности и свободы личности, привлекая классические философские концепции.

4. Выявить взаимосвязь духовной безопасности с нравственными основаниями общества.

5. Проанализировать влияние идеологических факторов на состояние духовной безопасности и сформулировать принципы ее обеспечения в условиях демократического плюрализма.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных авторов, посвященные социально-философскому и социальному аспектам проблемы [1; 3; 4; 5], а также исследования, затрагивающие культурно-образовательный [2] и правовой [6] контексты духовной безопасности. Методологическим ресурсом выступает также обращение к классическим философским учениям (И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Аристотеля, Э. Дюркгейма), позволяющее углубить анализ ключевых категорий.

1. Духовная безопасность как объект социально-философского анализа: к проблеме дефиниции

Первоочередной методологической проблемой является само определение «духовной безопасности». В самом общем виде, вслед за Ж.А. Кедейбаевой, Л.В. Безукладовой и другими авторами, ее можно рассматривать как состояние защищенности системы базовых духовно-нравственных ценностей личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [1; 2]. Однако это определение требует детализации и систематизации существующих подходов.

В современной социально-философской мысли можно выделить несколько основных подходов к концептуализации духовной безопасности:

1. Институциональный подход акцентирует роль государства и его институтов (системы образования, культурной политики, права) в качестве ключевых субъектов и механизмов обеспечения защищенности ценностно-смысловой сферы.

2. Ценностно-аксиологический подход фокусируется на содержательной стороне концепта, трактуя духовную безопасность как защиту конкретной, исторически сложившейся иерархии ценностей от деструкции и подмены.

3. Коммуникативно-дискурсивный подход рассматривает духовную безопасность как сохранение здорового пространства для публичного диалога, в ходе которого происходит выработка, трансляция и критическое осмысление ценностей.

С одной стороны, духовная безопасность выступает как состояние защищенности. В этом аспекте она близка к понятию национальной безопасности, но с акцентом на нематериальную, ценностно-смысловую сферу. Как аргументируют С.В. Михалев и В.В. Плотников, духовность является ключевым фактором национальной безопасности, поскольку определяет жизнеспособность и целостность социума [3]. Без духовного

стержня любые экономические и военные гарантии безопасности оказываются недолговечными.

С другой стороны, духовная безопасность – это динамический процесс, механизм обеспечения этого состояния. К таким механизмам относятся система образования, культурная политика, правовое регулирование информационного пространства и деятельность гражданского общества.

Центральным элементом духовной безопасности являются ценности. Х.С. Вильданов, И.Г. Хабибуллин и Р.Г. Бикимбетов поднимают проблему взаимосвязи духовности индивида и духовной безопасности общества, подчеркивая, что деградация ценностных ориентиров личности неминуемо ведет к кризису на макросоциальном уровне [6]. Следовательно, проблема определения упирается в необходимость идентификации иерархии этих ценностей, которая, в свою очередь, является предметом философских и идеологических дискуссий.

2. Духовная безопасность в системе безопасности личности и государства

В системе безопасности существует сложная взаимосвязь между индивидуальным и коллективным уровнями. Духовная безопасность личности – это состояние защищенности внутреннего мира человека, его мировоззренческих основ и нравственных ориентиров от деструктивных воздействий. Она выступает в качестве предпосылки для психического здоровья и социальной адаптации индивида.

Духовная безопасность государства – это способность социума сохранять свою культурную и цивилизационную идентичность, воспроизводить и транслировать традиционные ценности, противостоять информационно-психологическим и культурным экспансиям. Между этими двумя уровнями существует диалектическая связь: без духовно безопасной личности не может быть духовно безопасного общества, и наоборот – деструктивные общественные процессы подрывают духовные основы индивида. Ю.В. Кокарева и Н.В. Миронова, исследуя социальные и нравственные аспекты проблемы в современной России, демонстрируют, как макросоциальные кризисы (ценностный вакуум, социальное неравенство) порождают конкретные угрозы на уровне индивидуального сознания [5].

3. Диалектика духовной безопасности и свободы личности

Проблема диалектического соотношения духовной безопасности и свободы личности является одной из ключевых методологических проблем. Ее рассмотрение восходит к фундаментальным философским антиномиям. С одной стороны, тотальный контроль над духовной сферой, ведущий к догматизму, репрезентирует гегелевскую «дурную бесконечность» несвободы. С другой – абсолютизация свободы как произвола, описанная еще И. Кантом, оборачивается ценностным релятивизмом и атомизацией общества, что, в свою очередь, создает питательную среду для «бегства от

свободы», описанного Э. Фроммом, когда индивид в поисках ориентиров добровольно подчиняется авторитарным системам.

В этом контексте, кантовская идея автономии воли, где свобода тождественна следованию моральному закону, продиктованному собственным разумом, предлагает продуктивный путь решения. Ответственная свобода, о которой идет речь в статье, это не внешнее ограничение, а внутреннее условие подлинной свободы, которая реализуется в нравственном выборе. Таким образом, духовная безопасность, основанная на принципе ответственной свободы, представляет собой не ограничение, а *условие возможности* для реализации высших, нравственно ориентированных форм свободы личности, что на общественном уровне предотвращает как сползание к тоталитаризму, так и распад в хаосе вседозволенности.

4. Нравственность как основа духовной безопасности

Категория нравственности является стержневой для понимания духовной безопасности. Если безопасность в экономической или военной сфере может опираться на рациональные расчеты и нормативные акты, то духовная безопасность базируется на моральных принципах и этических нормах. Данный тезис находит подтверждение в классической философской традиции.

Так, Аристотель в своей концепции эвдемонии (счастья-благоденствия) обосновал, что высшее благо и полнота человеческой жизни достижимы лишь через добродетельную деятельность. Это укрепляет позицию, согласно которой нравственность выступает не внешним ограничением, а имманентным условием полноценного существования и развития личности и социума. Исследование Кокаревой Ю.В. и Мироновой Н.В. прямо указывает на нравственные аспекты как на центральные для проблемы духовной безопасности в России [5]. Нравственность выступает здесь как внутренний регулятор, который не требует внешнего принуждения. Общество, в котором нормы морали являются разделяемыми большинством и внутренне принятыми, обладает высоким уровнем духовной безопасности, так как оно устойчиво к деструктивным влияниям извне.

Угрозы духовной безопасности в этом контексте – это, прежде всего, разрушение нравственных норм: распространение цинизма, оправдание насилия, пропаганда гедонизма и потребительства, разрушение института семьи. Противодействие этим угрозам не может быть исключительно запретительным. Как подчеркивает Л.В. Безукладова, ключевую роль в этом процессе играет культурно-образовательная сфера, призванная не индоктринировать, а воспитывать личность, способную к самостоятельному нравственному выбору [2].

5. Идеологический контекст концепта духовной безопасности

Понятие духовной безопасности неизбежно оказывается в поле идеологии, поскольку вопрос о том, какие именно ценности подлежат

защите, является идеологически нагруженным: с одной стороны, провозглашается плюрализм мнений и идеологий; с другой – само существование государства и общества предполагает наличие некоего ценностного минимума, «рамочного консенсуса». В этом ключе продуктивной представляется идея конституционных ценностей или «конституционного патриотизма» (по образцу дискурса Ю. Хабермаса). Речь идет не о единой идеологии, а о наборе «правил игры»: уважение к правам человека, верховенство закона, демократические процедуры, запрет на разжигание ненависти. Эти ценности образуют нейтральное, по отношению к частным идеологиям, правовое поле.

Таким образом, духовная безопасность в демократическом обществе – это не безопасность *какой-либо* идеологии, а безопасность *пространства*, в котором возможен диалог идеологий, ограниченный лишь защитой самого этого пространства от деструктивных сил. Ее объектом является не содержание убеждений, а право на их свободное и ответственное формирование и выражение. Следовательно, задача государства в этой области – не определять, во что именно верить гражданину, а гарантировать и защищать условия для свободного мировоззренческого выбора, противодействуя тем силам (экстремизм, пропаганда ненависти), которые стремятся это пространство разрушить.

Заключение

Проведенный философско-методологический анализ позволяет синтезировать полученные результаты в целостную теоретическую модель.

Во-первых, духовная безопасность трактуется как интегральное, полиморфное понятие, находящееся на стыке интересов личности, общества и государства. Оно описывает как состояние защищенности ценностно-смыслового ядра социума, так и процесс обеспечения этого состояния через систему культурных, образовательных и правовых механизмов, что находит отражение в выделенных институциональном, аксиологическом и коммуникативно-дискурсивном подходах.

Во-вторых, духовная безопасность занимает системообразующее место в общей архитектуре безопасности. Будучи фундаментом, она определяет жизнеспособность и устойчивость всех других ее видов – экономической, военной, информационной.

В-третьих, ключевая методологическая проблема – диалектическое соотношение духовной безопасности со свободой личности – находит свое разрешение не в подавлении одной категории другой, а в утверждении идеи ответственной свободы, теоретически обоснованной обращением к философии И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. Эта свобода, основанная на нравственном выборе и автономии воли, выступает условием возможности подлинной духовной безопасности.

Дальнейшие исследования в данном направлении должны быть сосредоточены не только на выявлении угроз, но и на разработке позитивной

программы по укреплению духовно-нравственного потенциала личности и общества, основанной на принципах открытости, диалога и уважения к человеческому достоинству. Перспективным представляется исследование духовной безопасности в контексте цифровой среды, а также сравнительный анализ моделей духовной безопасности в различных культурно-цивилизационных контекстах.

Список литературы

1. Кедейбаева Ж.А., Маматова А.Б., Кубатбекова Н.К. Духовная безопасность как объект социально-философского анализа // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. № 12. С. 449-453.
2. Безукладова Л.В. Духовная безопасность в культурно-образовательной сфере // Гуманитарная парадигма. 2025. № 2 (33). С. 134-139.
3. Михалев С.В., Плотников В.В. Духовность как фактор национальной безопасности: социальный аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 11. С. 78-82.
4. Артемьев А.А. Актуальные проблемы духовной безопасности в современном российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 1. С. 212-216.
5. Кокарева Ю.В., Миронова Н.В. Проблема духовной безопасности в современной России: социальный и нравственный аспекты // Манускрипт. 2025. Т. 18. № 2. С. 585-594.
6. Вильданов Х.С., Хабибуллин И.Г., Бикимбетов Р.Г. К проблеме духовности индивида и духовной безопасности общества // Евразийский юридический журнал. 2024. № 11 (198). С. 524-526.
7. Коробкова В.Д. Современная реформа образования в России и угрозы национальной безопасности // Молодой ученый. 2024. № 45 (544). С. 304-306.

УДК 37.013

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Сельмурзаева Маржа Рамзановна,
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный, Россия
e-mail: selmurzaeva8696@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальность и значимость формирования профессионально-этической культуры будущего педагога начальных классов в контексте обеспечения духовной безопасности младших школьников. Анализируются ключевые компоненты профессиональной этики учителя и сущность понятия «Духовная безопасность» применительно к личности ребенка. Особое внимание уделяется роли педагога как транслятора ценностей и создателя этически здоровой образовательной среды, способной противостоять современным социальным и информационным угрозам. Предложены педагогические условия и методы, способствующие эффективному формированию профессионально-этической культуры студентов педагогических вузов.

Ключевые слова: профессионально-этическая культура, педагог начальных классов, духовная безопасность, образовательно-воспитательный процесс, ценностные ориентации, младший школьник, педагогическая этика.

DEVELOPING A PROFESSIONAL AND ETHICAL CULTURE IN FUTURE PRIMARY SCHOOL TEACHER AS A FUNDAMENTAL MECHANISM FOR ENSURING SPIRITUAL SAFETY IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Selmurzaeva Marizha Ramzanovna,
Chechen State Pedagogical University
Grozny, Russia
e-mail: selmurzaeva8696@mail.ru

Abstract. This article examines the relevance and importance of developing a professional and ethical culture in future primary school teachers in the context of ensuring the spiritual safety of young schoolchildren. It analyzes the key components of a teacher's professional ethics and the essence of the concept of "Spiritual Security" as it applies to the child's personality. Particular attention is

given to the role of the teacher as a transmitter of values and creator of an ethically sound educational environment capable of countering modern social and information threats. Pedagogical conditions and methods are proposed that facilitate the effective development of professional and ethical culture in students of pedagogical universities.

Keywords: professional and ethical culture, primary school teacher, spiritual security, educational process, value orientations, primary school student, pedagogical ethics.

В современном быстро меняющемся мире, характеризующемся нарастанием информационных потоков, социокультурными трансформациями и появлением новых вызовов, особую остроту приобретает проблема обеспечения духовной безопасности личности, особенно подрастающего поколения. Младший школьный возраст является сенситивным периодом для формирования мировоззрения, ценностных ориентаций и нравственных установок, что делает роль педагога начальных классов поистине уникальной и ответственной [1]. От его профессионализма, а в особенности от уровня развития его профессионально-этической культуры, напрямую зависит, насколько эффективно будет обеспечена духовная безопасность детей в образовательно-воспитательном процессе.

Актуальность данной темы обусловлена не только возрастающими угрозами духовной сфере личности (деструктивные идеологии, информационные манипуляции, размывание традиционных ценностей), но и тем, что система образования призвана не только транслировать знания, но и формировать полноценную, нравственно зрелую личность. В этой связи, профессионально-этическая культура педагога выступает не просто как совокупность норм поведения, но и как фундаментальный механизм, определяющий качество и направленность всего педагогического взаимодействия [2].

Вопросы профессиональной этики педагога широко освещены в работах В.А. Сухомлинского, И.А. Коменского, К.Д. Ушинского, а также современных исследователей (И.Ф. Исаев, В.А. Сластёнин, А.И. Титова). Проблема духовной безопасности рассматривается в трудах философов, социологов, психологов и педагогов (Л.И. Кузнецова, В.А. Лекторский, О.Л. Протопопова). Однако системное исследование взаимосвязи профессионально-этической культуры будущего педагога начальных классов и обеспечения духовной безопасности младших школьников, с акцентом на механизмы этого обеспечения, требует дальнейшей научной разработки.

Профессионально-этическая культура педагога представляет собой сложное, многоуровневое образование личности, интегрирующее в себе глубокие этические знания, убеждения, ценностные ориентации, нормы поведения и моральные качества, которые реализуются в его

профессиональной деятельности [3]. Это не просто набор правил, а внутренний нравственный стержень, определяющий отношение учителя к детям, коллегам, родителям и самому процессу обучения и воспитания. В структуру профессионально-этической культуры включают: 1. Моральные знания: понимание этических принципов, норм, идеалов педагогической деятельности. 2. Нравственные убеждения: осознанное принятие и глубокое осмысление ценностей гуманизма, справедливости, ответственности. 3. Этические чувства: эмпатия, сопереживание, совесть, чувство долга. 4. Профессионально-нравственные качества: честность, порядочность, толерантность, требовательность к себе и другим, терпение, любовь к детям. 4. Этическое поведение: способность принимать морально обоснованные решения, действовать в соответствии с этическими нормами в различных педагогических ситуациях [4].

Для педагога начальных классов эти компоненты приобретают особое значение, так как именно он является первым профессиональным образцом для ребенка, формируя его представления о добре и зле, правильном и неправильном.

Взаимосвязь профессиональной этики и духовной безопасности в педагогической деятельности очевидна. Духовная безопасность» – это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, направленных на разрушение духовно-нравственных ценностей, культурного наследия, национального самосознания и мировоззренческих ориентиров [5]. Применительно к младшему школьнику духовная безопасность означает защищенность его формирующейся личности от негативного влияния, способность к критической оценке информации, устойчивость к деструктивным идеологиям, наличие прочных моральных ориентиров и ценностей. Это состояние, при котором ребенок способен развиваться в гармонии с собой, окружающим миром и общепринятыми этическими нормами, сохраняя свою уникальность и идентичность [6].

Педагог, обладающий высокой профессионально-этической культурой, является гарантом создания безопасной и развивающей среды. Его этические установки определяют содержание и методы взаимодействия с детьми, способствуя формированию у них духовно-нравственных качеств, устойчивости к внешним деструктивным воздействиям и развитию внутренней гармонии. Отсутствие или низкий уровень этической культуры педагога, напротив, может стать источником угроз духовной безопасности учащихся, приводя к деформации ценностных ориентаций, возникновению конфликтов и психологическому дискомфорту [7].

Профессионально-этическая культура будущего педагога начальных классов выступает не просто как желаемое качество, а как активный, фундаментальный механизм, способный системно обеспечивать духовную безопасность младших школьников. Этот механизм реализуется через несколько ключевых направлений:

1. Роль педагога как транслятора ценностных ориентаций и мировоззрения. Младший школьный возраст – это период активного усвоения социальных норм и ценностей. Педагог начальных классов, выступая в роли значимого взрослого, не только передает знания, но и моделирует образцы поведения, отношения к миру, людям, труду. Его профессионально-этическая культура проявляется: в примере личного поведения: дети неосознанно копируют и интериоризируют нормы поведения, эмоциональные реакции, отношение к моральным дилеммам, демонстрируемые учителем. Справедливость, честность, эмпатия педагога становятся образцом для подражания [8]; целенаправленном формировании ценностей: через содержание учебных предметов (литература, окружающий мир, основы религиозных культур и светской этики), внеклассную работу (этические беседы, проектная деятельность) педагог прививает детям такие ценности, как доброта, взаимопомощь, ответственность, уважение к старшим, любовь к Родине. Эти ценности формируют внутренний фильтр, защищающий ребенка от деструктивных идей; Развитии критического мышления: этически зрелый педагог учит детей не просто принимать информацию на веру, а анализировать ее, различать добро и зло, правду и ложь, что является основой для противостояния информационным манипуляциям и негативным влияниям [9].

2. Создание этически здоровой и безопасной образовательной среды. Духовная безопасность ребенка во многом зависит от атмосферы, царящей в классе. Профессионально-этическая культура педагога позволяет создать такую среду, которая характеризуется: 1. Взаимным уважением и доверием: учитель строит отношения с каждым учеником на основе уважения его личности, признания его права на ошибку, поддержки и веры в его потенциал. Это способствует формированию у детей чувства защищенности и принятия. 2. Справедливостью и беспристрастностью: этический кодекс педагога требует объективного отношения к каждому ученику, исключая фаворитизм или предвзятость. Это формирует у детей чувство справедливости и уверенности в том, что их права будут защищены [10]. 3. Толерантностью и инклюзивностью: педагог, обладающий высокой этической культурой, активно формирует у детей толерантное отношение к различиям (национальным, культурным, физическим), обучая их принимать и уважать индивидуальность каждого. Это предотвращает возникновение буллинга и способствует формированию сплоченного коллектива. 4. Психологическим комфортом: доброжелательная атмосфера, отсутствие страха перед ошибкой, поддержка инициативы – все это компоненты этически выстроенной образовательной среды, которые способствуют гармоничному духовному развитию ребенка.

3. Развитие эмпатии, толерантности и ответственности у младших школьников через этический пример учителя. Эти качества являются краеугольными камнями духовной безопасности, позволяя ребенку не только противостоять внешним угрозам, но и гармонично взаимодействовать с

миром. Педагог, демонстрирующий эмпатию, толерантность и ответственность, становится ролевой моделью. Он учит детей: * Сопереживать другим, понимать их чувства и мотивы. * Принимать людей, отличающихся от них, видеть ценность в многообразии. * Отвечать за свои слова и поступки, понимать их последствия. Этически подкованный учитель создает ситуации, где дети могут практиковать эти качества, тем самым укрепляя свою духовную зрелость и устойчивость.

Эффективное формирование профессионально-этической культуры будущих педагогов начальных классов требует создания целого комплекса педагогических условий в рамках системы высшего образования:

1. Интеграция этического компонента в содержание педагогического образования. Это означает не только изучение отдельных курсов по этике и деонтологии, но и пронизывание этическими аспектами всех профессиональных дисциплин (педагогика, психология, методики преподавания). Будущие учителя должны понимать, как этические принципы реализуются в каждом аспекте их будущей деятельности [12].

2. Активное использование интерактивных методов обучения. Формирование этических качеств невозможно без активного включения студентов в процесс осмысления и переживания моральных дилемм. Эффективными являются:

– Кейсы: анализ реальных или гипотетических педагогических ситуаций, требующих этического выбора.

– Ролевые игры и тренинги: отработка навыков этического общения, разрешения конфликтов, проявления эмпатии.

– Дискуссии и дебаты: обсуждение острых этических проблем современного образования, формирование аргументированной позиции.

– Проектная деятельность: разработка и реализация социальных и воспитательных проектов, направленных на формирование нравственных ценностей у детей.

3. Развитие рефлексивных способностей студентов. Будущие педагоги должны уметь анализировать собственное поведение, мотивы, последствия своих действий с этической точки зрения. В этом помогают ведение дневников самонаблюдения, рефлексивные эссе, анализ видеозаписей учебных занятий и педагогических практик [13].

4. Организация этически ориентированной педагогической практики. Практика в школе – это не только отработка предметных навыков, но и погружение в реальную этическую среду. Важно, чтобы студенты работали под руководством опытных учителей-наставников, которые сами являются носителями высокой профессионально-этической культуры. Обсуждение этических ситуаций, возникающих во время практики, является незаменимым условием.

5. Формирование ценностного отношения к профессии. Мотивация к этическому поведению невозможна без глубокого понимания социальной значимости профессии педагога, любви к детям, осознания своей миссии.

Воспитательная работа в вузе, личный пример преподавателей, встречи с выдающимися педагогами – все это способствует укреплению ценностного отношения [14].

6. Создание в вузе атмосферы академической честности и этичности. Студенты должны видеть и ощущать проявление этических принципов в деятельности своего учебного заведения – в отношениях между преподавателями и студентами, в оценке знаний, в организации научной работы. Это формирует у них представление о том, что этика – это не просто теория, а неотъемлемая часть профессиональной жизни.

Таким образом формирование профессионально-этической культуры будущего педагога начальных классов является не просто одним из аспектов его подготовки, а фундаментальным механизмом, напрямую влияющим на обеспечение духовной безопасности младших школьников. Педагог, обладающий высоким уровнем этической культуры, становится ключевой фигурой в процессе формирования ценностных ориентаций ребенка, создания этически здоровой образовательной среды и защиты его от деструктивных социальных и информационных влияний.

Выявленные механизмы – трансляция ценностей через личный пример, создание безопасной среды, превентивная функция и развитие эмпатии – подчеркивают многогранность и глубинную значимость профессиональной этики учителя. Для достижения этой цели система педагогического образования должна интегрировать этические аспекты во все уровни подготовки, активно используя интерактивные методы, рефлексивные практики и обеспечивая качественное наставничество в период педагогической практики.

Список литературы

1. Сухомлинский, В.А. Сердце отдаю детям. – Киев: Радянська школа, 1974. – 288 с.
2. Исаев, И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя: Учебное пособие. – М.: Академия, 2002. – 320 с.
3. Сластёнин, В.А. Педагогика: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. – М.: Академия, 2002. – 576 с.
4. Титова, А.И. Профессиональная этика педагога. – М.: Флинта, 2011. – 232 с.
5. Кузнецова, Л.И. Духовная безопасность как социально-философская проблема. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2004. – 156 с.
6. Протопопова, О.Л. Духовная безопасность личности в контексте современного образования // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 10. – С. 134-138.
7. Лекторский, В.А. Этика и мораль в современном мире // Вопросы философии. – 2008. – № 1. – С. 3-12.

8. Коменский, Я.А. Великая дидактика // Избранные педагогические сочинения. – М.: Учпедгиз, 1955. – С. 245-256.
9. Ушинский, К.Д. Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. – М.: Педагогика, 1974.
10. Зеленкова, И.Л. Этика: Учебное пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2007. – 304 с.
11. Мудрик, А.В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов. – М.: Академия, 2000. – 200 с.
12. Байденко, В.И. Компетентностный подход к проектированию образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы). – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. – 114 с.
13. Щуркова, Н.Е. Педагогическая технология. – М.: Педагогическое общество России, 2002. – 224 с.
14. Хуторской, А.В. Компетентностный подход в обучении. – М.: Эйдос, 2013. – 73 с.

УДК 640.4:004

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СТУДЕНТА С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОТВОРЧЕСКОГО ПОДХОДА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Соловьев Сергей Геннадьевич
Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, г. Донецк, Россия
e-mail: solergei@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты задействования современных цифровых технологий в процессе формирования профессиональной идентичности студента на основе применения «технотворческого» подхода – подхода, основанного на активном использовании современных информационных технологий. Предполагается, что ключевые особенности процесса формирования профессиональной направленности могут базироваться на переходе от классической «знаниевой» парадигмы к «проектно-творческой» с последовательным переходом к цикличной и итеративной методике формирования профнаправленности, что во многом обусловлено применением «технотворческого» подхода. В статье определяется методология, инструментарий, средства, задачи, содержание функциональной нагрузки «технотворческого» подхода, предлагаются

непосредственные пути реализации подобного подхода. Статья адресована специалистам в области философии, психологии, педагогики, информационных технологий, а также самому широкому кругу читателей.

Ключевые слова: творческий подход, цифровые технологии, технотворчество, формирование профессиональной направленности, профессиональная идентичность.

FEATURES OF THE STUDENT'S PROFESSIONAL ORIENTATION FORMING PROCESS USING A TECHNO-CREATIVE APPROACH IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIAL AND INFORMATION THREATS TO SPIRITUAL SECURITY

Solovjov Sergei Gennadievich,
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk, Russia
e-mail solergei@gmail.com

Abstract. This article examines several aspects of integrating modern digital technologies into student professional identity development using a "techno-creative" approach–an approach that actively utilizes modern information technology. It is suggested that key aspects of professional development can be based on a shift from the classical "knowledge-based" paradigm to a "project-based creative" one, with a gradual transition to a cyclical and iterative methodology for developing professional orientation, which is largely determined by the use of a "techno-creative" approach. The article defines the methodology, tools, resources, objectives, and functional content of the "techno-creative" approach, and proposes practical ways to implement this approach. This article is intended for specialists in philosophy, psychology, pedagogy, and information technology, as well as the general reader.

Keywords: creativity, digital technologies, techno-creativity, developing professional orientation, professional identity.

В современных условиях непрерывно развивающегося технологического пространства сложно переоценить значение творческого подхода в осуществлении любой деятельности, будь то преподавание философских дисциплин, разработка очередного нового мероприятия или формирование профессиональной направленности личности студента. Скорость изменений, происходящих в современном мире, актуализирует значение творческого подхода, который сегодня представляет собой уже не просто "желательное дополнение", а необходимый компонент качественного профессионального образования.

Анализ приведенного выше тезиса предполагает рассмотрение нескольких ключевых аспектов, определяемых, с одной стороны, растущей

скоростью происходящих в мире технологических изменений и, с другой стороны, сложностью взаимодействия с достаточно сбалансированными и отличающихся определённой ригидностью когнитивными процессами, в терминах которых описывается понятие направленности личности и не менее ёмкое понятие творчества.

Прежде всего, нужно отметить, что технологии в современном мире представляют собой не просто инструменты, а новую среду обитания человека. Однако сами по себе технологии – это лишь «сырая мощность». И именно творческий подход является тем «двигателем», который превращает эту мощность в готовый результат в виде инноваций, способен решать сложные проблемы и придавать технологиям человеческое, осмысленное измерение. Для студента, формирующего собственную профессиональную идентичность, это сочетание становится критически важным.

Профессиональная направленность как целостная система устойчивых мотивов, интересов и целей личности связана с конкретной профессиональной сферой. Применение современных технологий и творческий подход кардинально меняют процесс ее формирования.

Действительно, направленность личности в терминах общей психологии представляет собой важнейшее свойство содержания личности, которое в целом выражает динамику развития человека как социального существа и основные тенденции его поведения.

Направленность личности традиционно определяют как совокупность устойчивых мотивов, взглядов, убеждений, потребностей и устремлений, ориентирующих человека на определённое поведение и вид деятельности, на достижение относительно сложных целей.

Направленность личности, по мнению А.А. Радугина, - это совокупность устойчивых мотивов, относительно независимых от ситуации, ориентирующих избирательную активность личности. Направленность личности связывается с саморазвитием, самоопределением, самосовершенствованием, конструктивным самоутверждением человека.

Понятие «профессиональная направленность», очевидно, не ограничивается знанием предмета своей профессии. Это сложное личностное образование включает в себя несколько ключевых компонентов:

- Устойчивый интерес к профессии.
- Мотивацию к профессиональной деятельности.
- Понимание целей и смысла своей будущей работы.
- Систему ценностей, соответствующих профессии.
- Готовность к постоянному обучению и развитию в выбранной сфере.

Роль творческого подхода в процессе формирования профессиональной направленности личности студента является преимущественной, поскольку творческий подход выступает катализатором и инструментом формирования всех этих компонентов. Значение этой роли проявляется, во-первых, в преодолении "потребительской" позиции и переходе к созидательной,

потому что вне творчества обучение зачастую сводится к простому запоминанию фактов и алгоритмов ("надо знать"). Студент становится пассивным потребителем информации. Творческие задачи (кейсы, проекты, исследования) заставляют его ставить вопросы, а не просто искать на них ответы, экспериментировать и находить нестандартные ходы, создавать новый продукт (проект, решение, гипотезу). По образному выражению М.М. Бетильмерзаевой, «мир царства образованности – мир знаний, науки и культуры. Это территория людей, которые стремятся к постоянному самосовершенствованию через получение новых знаний и опыта» [4]

Погруженность в подобные виды деятельности формирует у студента ощущение, что он не просто "учится на экономиста", а уже является экономистом, который решает реальные задачи, помогая своей компании.

Кроме того, информация, полученная в процессе эвристического творческого поиска, усваивается гораздо прочнее. Подкрепим этот тезис практическим примером. Можно заставить студентов-архитекторов выучить типы фундаментов. Но если дать им задание спроектировать здание на сложном рельефе, они не просто запомнят, а поймут принципы работы разных фундаментов, их достоинства и недостатки в конкретной ситуации. Знание при наличии творческого подхода становится эффективным инструментом, а не просто данностью.

В-третьих, именно творческий подход способствует и во многом определяет формирование коммуникативных навыков, так называемых soft skills, столь востребованных на современном рынке труда.

Ключевые особенности процесса формирования профнаправленности могут базироваться на переходе от «знаниевой» парадигмы к «проектно-творческой», и если традиционный подход предполагал, что студент последовательно изучает дисциплины, и его направленность формируется по принципу «от простого к сложному», то современный «технотворческий» подход предполагает цикличную и итеративную методику формирования направленности – посредством работы над реальными или смоделированными проектами. Так процесс формирования может начинаться с появления идеи в общем виде, трансформироваться при помощи технологий в прототип, тестироваться с последующим анализом результатов тестирования. Последовательность подобных этапов может формировать новую, более осознанную идею. Например, студент-эколог не просто изучает теорию, а использует технологии геоинформационных систем и данные дистанционного зондирования для создания креативного проекта по визуализации вырубки лесов в своем регионе. В процессе он не только осваивает инструмент, но и «прочувствует» значение собственной профессиональной роли и ее воздействия на финальный результат.

«Технотворческий» подход также может предложить «примерку» различных профессий и виртуальное погружение в их атмосферу. Симуляторы виртуальной и дополненной реальности позволяют студенту

«примерить» на себя профессиональную роль до того, как он войдет в профессию. Так, применение современных технологий позволяет будущему хирургу проводить виртуальную операцию, архитектору - «ходить» по своему недостроенному зданию, педагогу - отрабатывать навыки ведения урока с виртуальным классом. Эффект подобных предварительных погружений очевиден: у студента формируется не абстрактное представление, а «мышечная память» о профессии, понимание ее реальных, а не романтизированных, задач и реалий. Это позволяет скорректировать профессиональные ожидания и сделать более осознанный выбор отношении будущей сферы деятельности.

Профессиональная направленность формируется не в вакууме, а в коллективе, во взаимодействии с профессиональным сообществом, что определяет важное значение менторства и сетевого взаимодействия в цифровой среде.

Онлайн менторство, определяемое как возможность делиться знаниями и навыками с коллегами, не имеющими соответствующего опыта и компетенций и нуждающихся в них, также является важным фактором формирования профессиональной направленности. При этом участники подобной коллаборации должны обладать не только высоким уровнем профессиональной подготовки, но и широкого набором того, что на профессиональном жаргоне называется soft skills – навыки коммуникации в самом широком смысле слова. Пользуясь профессиональными форумами и платформами, типа LinkedIn, студент может находить менторов по всему миру, обучаясь требуемым компетенциям непосредственно у опытного коллеги, независимо от места нахождения последнего.

Существуют также коллаборативные платформы, типа Miro, Figma, GitHub, работа на которых совместно с сокурсниками или даже действующими профессионалами помогает студенту включиться в профессиональный дискурс, перенять не только знания, но и ценности, этос и «язык» профессии, что в конечном счёте укрепляет его профессиональную самоидентификацию.

Сегодня в IT существует тенденция формирования гибких профессиональных траекторий (специалисты с Т-образными компетенциями), которая предполагает формирование не узкого специалиста, а профессионала с Т-образными компетенциями, где вертикальная черта буквы Т (глубина) символизирует глубокие экспертные знания в одной специализированной области (познания в профильных дисциплинах), тогда как горизонтальная черта (ширина) обозначает широкий набор коммуникативных навыков, soft skills, и способность применять свои знания в смежных областях. Именно творческие междисциплинарные проекты с использованием современных технологичных инструментов формируют эту «горизонталь».

Например, программист (глубина) участвует в проекте по созданию цифрового арт-объекта. Чтобы понять задачу, он вынужден погрузиться в основы дизайна, психологии восприятия и маркетинга (ширина), развивая свою профессиональную направленность в направлении «творческого технолога».

В психологии сегодня укрепляется понятие информационно-индуцированной (data-driven) рефлексии и осознанного построения карьеры. Вкратце содержание этих понятий можно определить как возможность анализировать свои успехи и формировать портфолио в цифровом виде.

Студенты и специалисты в процессе работы формируют и ведут цифровое портфолио (e-portfolio), которое представляет собой не просто папку с работами, а динамичный «музей» профессионального роста, где видны все этапы: от черновика и креативных поисков, скажем, в Miro до разработки и защиты финального проекта.

Профессиональные цифровые платформы уже сегодня способны выстраивать аналитику обучения, показывая студенту, в каких областях он силен, а над чем нужно работать, помогая ему осознанно выстраивать свою траекторию профессионального роста.

Реализуя творческий подход, студент может представить свое портфолио как творческий проект – например, в виде интерактивного веб-сайта, что само по себе демонстрирует его профессиональный уровень.

Таким образом, основная особенность формирования профессиональной направленности в современных условиях – это ее интерактивность, персонализация и проектный характер.

Современные технологии предоставляют пространство для проб, а технотворческий подход наполняет это пространство личностным смыслом и авторским замыслом. Студент проходит путь от пассивного потребителя знаний к активному «конструктору» своей профессиональной идентичности, где он постоянно экспериментирует, создает, ошибается, рефлексирует и в итоге находит свою уникальную нишу в сложном и быстро меняющемся мире профессий.

С точки зрения работодателя подобный подход тоже имеет очевидные преимущества. Работодатель сегодня ценит не только узкоспециальные познания, но и критическое мышление, формируемое на основе анализа информации, выявления противоречий и поиска оптимальных решений, которые составляют основу творческого подхода.

Столь необходимые современному работнику навыки коммуникации и коллаборации также приобретаются при работе в команде, где нужно договариваться, слушать других и аргументировать свою точку зрения, что составляет содержание работы над большинством творческих проектов.

Способность решать сложные задачи по сути представляет собой эрзац прикладного творчества – процесса решения задач, для которых нет готового алгоритма.

Творческая деятельность также способствует развитию профессиональной идентичности и уверенности в себе. Когда студент создает что-то новое и свое, пусть даже в учебной аудитории, он получает мощный эмоциональный отклик: "Я могу! У меня получилось!" Это, в свою очередь, повышает самооценку и веру в собственные силы, помогает осознать свою роль в будущей профессии, формирует эмоционально-положительное отношение к своей будущей работе, что является ключевым элементом профессиональной направленности.

Мир профессий в мире современных технологий стремительно трансформируется. Появляются новые сферы деятельности, рутинные операции автоматизируются. Необходимость непрерывной адаптации к неопределенности и быстрым изменениям в современном мире возможна только на основе технотворческого подхода, который воспитывает психологическую готовность к изменениям, учит самостоятельно находить новые области для применения своих навыков, делает специалиста " ориентированным на будущее", а не «заточенным» под устаревающие стандарты.

Практическая реализация технотворческого подхода возможна в виде метода проектов (от длительных учебных исследований до создания реальных продуктов (сайт, бизнес-план, макет, социальный проект)), в форме прецедентного обучения на основе кейс-стади – метода разбора реальных профессиональных ситуаций, требующих анализа и выработки решения. Деловые и ролевые игры с большой долей достоверности позволяют моделирование кейсов будущей профессиональной деятельности (суд, переговоры, консилиум врачей). В контексте практической реализации творческого подхода невозможно не упомянуть так называемые эвристические задания – задачи с открытым условием, где нет единственно правильного ответа, а также необходимость использования междисциплинарных связей, например, при постановке задачи для программистов

Без наполнения конкретным творческим содержанием профессиональная направленность личности студента имеет тенденцию оставаться формальной – просто дипломом о полученной специальности, а не внутренним стержнем личности.

Таким образом, технотворческий подход является системообразующим фактором в процессе формирования профессиональной направленности личности студента в условиях информационного общества. Он трансформирует личность студента, превращая её из объекта обучения в субъект профессиональной деятельности, помогая ей не только усвоить сумму знаний, но и стать гибким, мотивированным и мыслящим специалистом, способным к самореализации, инновациям и принятию гибких и нестандартных решений в своей будущей карьере. А современные технологии являются не просто "дополнением" к профессиональной

подготовке, а катализатором творческого переосмысления самой профессии, требуя от будущего специалиста принципиально нового типа мышления – гибкого, аналитического и вместе с тем по-человечески теплого.

Список литературы

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975
2. Культурология /под ред. А.А. Радугина М.: Центр, 2002 - 224 с.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. - М.,1994.
4. Бетильмерзаева М.М. Сущность общественного сознания: становление смыслов // Общество, философия, история, культура. 2023. № 7. С. 14-20.

УДК 37.015.3

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕДАГОГА В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ ЧЕРЕЗ МЕТОД СОКРАТА

Сугаипова Элина Ибрагимовна,
Чеченский государственный педагогический университет,
г. Грозный, Россия
e-mail: sugaipova20@gmail.com

Аннотация. В эпоху стремительных перемен и возрастающей потребности в критическом мышлении формирование профессиональной идентичности педагога становится ключевой задачей педагогического образования. Данная статья посвящена исследованию потенциала Сократовского метода как эффективного инструмента в процессе становления педагога-мыслителя, педагога-фасилитатора, способного не только транслировать знания, но и стимулировать самостоятельное мышление и познание. В работе представлен обзор и анализ применения Сократовского метода в контексте высшего педагогического образования как актуального подхода, способствующего развитию критического мышления, поиска истины, саморефлексии, а также навыков ведения конструктивного диалога. Автор раскрывает возможности Сократовского метода в условиях формирования профессиональной идентичности педагога, акцентируя внимание на комплекс умений (эмпатия, рефлексия, активное слушание, устойчивость и адаптивность, фасилитация). Предлагается организация занятий (на примере философии), ориентированных на активное вовлечение студентов в аудиторные дискуссии, формирование навыков критического мышления/аргументации, толерантного отношения к альтернативным точкам зрения.

Ключевые слова: Сократовский метод, философия образования, профессиональная идентичность педагога, критическое мышление, диалог, рефлексия, эмпатия, фасилитация, высшее образование.

FORMATION OF THE PROFESSIONAL IDENTITY OF A TEACHER IN THE CONTEXT OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE THROUGH THE SOCRATES METHOD

Sugaipova Elina Ibragimovna,
Chechen State Pedagogical University,
Grozny, Russia
e-mail: sugaipova20@gmail.com

Abstract. In an era of rapid change and a growing need for critical thinking, the development of a teacher's professional identity is becoming a key task in pedagogical education. This article explores the potential of the Socratic method as an effective tool in the process of developing a teacher-thinker, a teacher-facilitator, capable of not only transmitting knowledge, but also stimulating independent thinking and learning. The paper presents an overview and analysis of the application of the Socratic method in the context of higher pedagogical education as a relevant approach that promotes the development of critical thinking, the search for truth, self-reflection, and skills for conducting constructive dialogue. The author reveals the potential of the Socratic method in the context of developing a teacher's professional identity, focusing on a range of skills (empathy, reflection, active listening, resilience and adaptability, facilitation). It is proposed to organize classes (using philosophy as an example) aimed at actively involving students in classroom discussions, developing critical thinking/argumentation skills, and a tolerant attitude towards alternative points of view.

Keywords: Socratic method, philosophy of education, professional identity of a teacher, critical thinking, dialogue, reflection, empathy, facilitation, higher education.

Современная система образования сталкивается с беспрецедентными вызовами. Стремительное развитие технологий, информационная перегрузка требуют от педагога не только глубоких предметных знаний, но и способности ориентироваться в сложном и динамичном мире, критически оценивать информацию, эффективно взаимодействовать с обучающимися и формировать у них навыки, необходимые для успешной самореализации. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о формировании профессиональной идентичности педагога, способного быть не просто транслятором знаний, а вдохновителем, наставником, партнером в процессе познания. В поисках эффективных подходов к решению этой проблемы мы обращаемся к классическому наследию педагогической мысли, а именно к

Сократовскому методу, который, на наш взгляд, обладает огромным потенциалом для формирования педагога новой формации.

Целью исследования является теоретическое обоснование и разработка практических рекомендаций по использованию Сократовского метода в процессе формирования профессиональной идентичности педагога в современной педагогике.

Современное общество требует от человека способности анализировать информацию, выявлять противоречия, формулировать собственную позицию и отстаивать ее, опираясь на аргументы и доказательства. Сократовский метод, основанный на вопросах и диалоге, является мощным инструментом для развития этих навыков. В истории образования всегда было важно создать связь между педагогом и обучающимися в условиях атмосферы взаимного доверия и уважения, а также сохранения педагогического принципа учета индивидуальных особенностей обучающихся, что способствовало гуманизации педагогического процесса и формированию субъект-субъектных отношений, где участники образовательного процесса – равноправные партнеры. Сократовский метод, на наш взгляд, может быть адаптирован к различным формам обучения. Онлайн образование – не исключение. Так, например, использование цифровых инструментов (интерактивных платформ), информационных и игровых технологий, проектной деятельности, технологий проблемного обучения позволяют создавать новые виртуальные пространства для диалога и обмена идеями. Несмотря на то, что Сократовский метод известен уже более двух тысяч лет, его потенциал для формирования профессиональной идентичности педагога в современной педагогической практике остается недостаточно изученным.

Сократ считал, что истина уже сокрыта в человеке, и задача педагога – помочь ее «припомнить» через вопросы и диалог. Это перекликается с нашей идеей о формировании педагога-мыслителя, способного стимулировать самопознание студентов.

Приступая к теоретическому анализу проблемы формирования профессиональной идентичности педагога в контексте Сократовского метода, следует обратиться к работам современных отечественных исследователей, которые обращают внимание на диалогические отношения и профессиональное становление личности в педагогической деятельности.

Так, например, исследование Н.Л. Регуш [10], посвящено профессиональной идентичности учителя на различных этапах его деятельности. Автор рассматривает идентичность как проявление самосознания, анализирует взаимосвязь идентичности с Я-образами, исследует уровни самосознания и процесс идентификации, а также подчеркивает единство динамичности и устойчивости самосознания. Эти теоретические положения, на наш взгляд, являются ключевыми для понимания механизмов формирования профессиональной идентичности педагога и позволяют нам рассматривать Сократовский метод не только как

инструмент обучения, но и как средство развития самосознания и формирования профессионального «Я».

Исследование Е.Н. Чесноковой [16] предлагает метод построения развивающих диалогических отношений между учителем и учеником. Эта работа представляется особенно ценной, поскольку она непосредственно затрагивает проблематику диалога, который является основой Сократовского метода. Е.Н. Чеснокова рассматривает диалог как инструмент развития, анализируя его культурно-исторический контекст, природу, условия возникновения и роль критического мышления. Она предоставляет конкретные инструменты и методики для организации диалогического взаимодействия в образовательном процессе, что может быть использовано для адаптации Сократовского метода к современным педагогическим условиям.

Т.А. Козлова и И.И. Сулима [4] в одной из своих работ подчеркивают важность тандема философской антропологии и философии образования в формировании профессиональной идентичности. Авторы акцентируют внимание на необходимости самопознания, критического осмысления трендов современного образования и гармонизации процесса самоидентификации. Это созвучно с идеей использования Сократовского метода. Диалог, основанный на вопросах и поиске истины, позволяет педагогу глубже понять себя, свои ценности и цели, а также сформировать собственную профессиональную идентичность.

Исследование Г.Б. Корнетова [5] акцентирует внимание на порождающем характере Сократовской педагогики, ее способности раскрывать творческий потенциал человека. Он подчеркивает, что Сократовский метод является интерактивным подходом к обучению, направленным на самопознание и развитие критического мышления.

Научный труд Н.К. Чапаева [15] раскрывает методологические основы педагогической интеграции, что, в свою очередь, может быть полезным для понимания того, как Сократовский метод может быть интегрирован в современную систему образования.

В.Н. Соколов [11] в своем исследовании проводит анализ психологических характеристик и педагогических условий реализации эвристически организованной учебной деятельности. Здесь, на наш взгляд, прослеживается связь между эвристикой и Сократовским методом, поскольку оба подхода направлены на стимулирование самостоятельного поиска знаний и решений.

Изучение профессиональной идентичности как междисциплинарного феномена является сложной задачей, требующей обращения к различным теоретическим подходам и концепциям. Как отмечает А.А. Яшина [17], профессиональная идентичность молодого преподавателя ВУЗа представляет собой динамичный процесс, зависящий от множества факторов, включая индивидуальные особенности личности, социальную среду и профессиональный опыт.

Е.Р. Ахметшина [1] в своей работе также рассматривает профессиональную идентичность преподавателей ВУЗов, но в контексте стратификации высших учебных заведений, выявляя факт того, что статус и категория ВУЗа оказывают существенное влияние на формирование профессиональной идентичности преподавателей, определяя их профессиональные ценности, цели и стратегии профессионального развития.

Ю.В. Красникова [6] в своем исследовании предлагает модель процесса формирования профессиональной идентичности будущих специалистов в образовательной среде техникума. Ее работа акцентирует внимание на роли образовательной среды в формировании профессиональной идентичности и предлагает конкретные педагогические технологии, направленные на развитие профессионального самосознания и самоопределения студентов.

Исследования в области профессионального самоотношения, представленные в работе К.В. Карпинского и А.М. Колышко [3], обращают внимание на важности осознания и принятия себя в профессии. Авторы предлагают методики психологической диагностики профессионального самоотношения, которые могут быть использованы для выявления проблемных зон и разработки стратегий коррекции и развития профессиональной идентичности.

Н.П. Сенченков и А.П. Шпон [9] провели сравнительное международное исследование профессиональной идентичности педагогов. Авторы анализируют различные модели формирования профессиональной идентичности, принятые в разных странах, и выявляют общие тенденции и специфические особенности.

Метод Сократа, основанный на диалоге, вопросах и совместном поиске истины, может стать мощным инструментом для развития профессиональной идентичности педагога. Такого же мнения придерживается С.А. Лебедев [7], который подчеркивает, что Сократовский метод способствует развитию критического мышления, саморефлексии и осознанию собственных ценностей и убеждений. Применение Сократовского метода в педагогической практике может помочь педагогам глубже понять свою роль и место в профессии, осознать свои сильные и слабые стороны, а также сформулировать свои профессиональные цели и ценности.

Зародившийся в Древней Греции Сократовский метод представляет собой особый способ ведения диалога, направленный на обнаружение истины путем последовательного задавания вопросов, выявления противоречий в суждениях собеседника и совместного поиска более точных определений. Этот метод предполагает не передачу готовых знаний, а стимулирование самостоятельного мышления и критического анализа существующих представлений. «Майевтика Сократа – извлечение скрытого в человеке знания: «мы можем разными способами допытываться, рождает ли мысль юноши ложный призрак или же истинный и полноценный плод» [8, С. 242.] – предполагала совместное в вопрошании размышление» [12].

Очевидно, что Сократовский метод не утратил своей актуальности в современной педагогике. Более того, в условиях информационного изобилия и готовых решений, он приобретает особое значение как инструмент развития критического мышления, способности к аргументации и умения вести конструктивный диалог.

Ключевым элементом Сократовского метода является диалог. Диалог как фасилитация, где происходит не просто обмен информацией, а ведется групповое общение (совместный поиск истины), в контексте которого педагог-фасилитатор занимает нейтральную позицию и помогает обучающимся самостоятельно открывать для себя новые знания, формировать собственную позицию с возможностью ее свободной трансляции в аудитории и делать интересные умозаключения. Особенно эффективным в формировании профессиональной идентичности педагога, на наш взгляд, является Сократовский диалог. Вовлекаясь в Сократовский диалог, педагог имеет возможность здраво оценить свой профессионализм, а именно: критически осмыслить собственные слабые и сильные стороны, оценить свою роль в образовательном процессе и представить себе образ идеального педагога. К тому же, педагог совершенствуется в навыках общения со своими учениками, коллегами и родителями в форме уникального диалога.

Достижение целей освоения дисциплин (модулей) ВУЗовской подготовки обеспечивается через формирование соответствующих компетенций у обучающихся: универсальных, общепрофессиональных, профессиональных. Их достижению способствует преподаватель. На основе этого мы предлагаем некоторые примеры, вопросы и кейсы использования Сократовского метода в ВУЗовской практике на занятиях, ориентированные на формирование профессиональной идентичности педагога.

Традиционные лекции, как правило, не способствуют активному вовлечению студентов в процесс познания. В отличие от них, Сократовский диалог предполагает активное участие каждого студента в обсуждении тематических проблем. Преподаватели педагогических ВУЗов, например, вместо стандартного вступительного слова к курсу лекций по педагогике могут начать занятие с вопроса: «Какова, на ваш взгляд, главная цель образования в современном мире?». Далее, на основе ответов студентов, преподаватель задает уточняющие вопросы: «Что вы подразумеваете под «развитием личности»?»; «Чем это отличается от «подготовки к жизни»?»; «Какие критерии позволяют оценить, достигнута ли цель образования?»; «Что значит быть хорошим учителем в XXI веке? (вопрос-провокация, т.к. студенты часто ориентируются на устаревшие представления)»; «В чем разница между обучением и воспитанием? (вопрос-провокация, т.к. часто эти понятия смешиваются)»; «Если бы у вас была возможность изменить систему образования, что бы вы изменили в первую очередь и почему? (стимулирование креативности и осознания проблем)»; «Как вы думаете, что сложнее: научить ребенка читать или научить его любить чтение? (вопрос с

акцентом на ценности и мотивацию)» и т.д. Вопросы не должны содержать готовых ответов или подсказок. Важно, чтобы вопросы были открытыми, провокационными и побуждающими к поиску истины.

Также, в начале каждого занятия студентам можно предложить проблемную ситуацию, связанную с современной образовательной практикой (например, проблема цифровизации образования, инклюзивного образования, или оценки качества образования). Студенты, разделенные на небольшие группы, должны обсудить эту ситуацию, выявить противоречия, сформулировать вопросы и предложить возможные решения. Преподаватель, в свою очередь, выступает в роли модератора, направляя дискуссию и задавая уточняющие вопросы. По результатам встречи важно оценить уровень критического мышления, коммуникативных навыков и осознанности профессионального выбора у студентов.

Роль преподавателя в Сократовском диалоге – не доминировать, а направлять дискуссию, создавая атмосферу доверия и открытости. При этом преподаватель должен внимательно слушать каждого студента, проявляя интерес к его мнению и задавать уточняющие вопросы. Возможно, перефразировать высказывания студентов, чтобы убедиться в правильном понимании и стимулировании дальнейшего развития мысли. Не менее важна поддержка студентов, которые испытывают затруднения в выражении своих мыслей, и поощрение их участия в дискуссии. Важно, чтобы каждый студент чувствовал себя комфортно, выражая свои мысли и задавая вопросы. Конфликты, возникающие в ходе дискуссии преподаватель должен направить в конструктивное русло.

Сократовский метод можно использовать по завершению прохождения студентами производственной педагогической практики. Так, например, после прохождения педагогической практики студентам можно предложить участвовать в рефлексивном семинаре, организованном в формате Сократовского диалога. Преподаватель может задавать следующие вопросы: Какие моменты практики были для вас наиболее сложными? Что вы узнали о себе как о будущем педагоге? Какие качества вам необходимо развивать? Какие ценности являются для вас главными в педагогической деятельности? и др. В результате семинара студенты смогут более глубоко осознать свои профессиональные цели, ценности и мотивы.

Так, например, «дипломатическая академия МИД России (уникальный многопрофильный учебно-научный центр) ежегодно принимает десятки иностранных делегаций, в ее аудиториях читают лекции и выступают с докладами министры иностранных дел, политики, общественные деятели, руководители международных организаций, крупные военачальники, авторитетные ученые, редакторы ведущих средств массовой информации из более чем 70 стран. Команда Лаборатории аналитики ИАМП данного центра проводит дискуссии по «методу Сократа»: участники еженедельно в произвольном порядке делятся на 2 группы и на протяжении каждой недели в удобное для себя время горячо доказывают свою правоту в обсуждении

предложенной темы в закрытом чате в приложении Telegram. По условиям дискуссии, две группы должны отстаивать противоположные позиции» [2].

Влияние Сократовского метода на формирование профессиональной идентичности педагога, использующего его, выходит далеко за рамки простого освоения педагогической техники. Погружение в Сократовский диалог оказывает глубокое преобразующее воздействие на самого преподавателя, заставляя его переосмыслить собственную роль, ценности и профессиональные убеждения. Это не просто передача знаний, а постоянный процесс самопознания и профессионального роста.

Так, Сократовский метод требует от педагога отказа от позиции всезнающего эксперта и принятия роли фасилитатора. Это означает готовность признать ограниченность собственных знаний, увидеть ценность во мнениях студентов и воспринимать их как равноправных участников образовательного процесса. Такой подход требует от педагога постоянной рефлексии: действительно ли я направляю студентов к истине, или просто транслирую свои собственные предубеждения? Готов ли я изменить свою точку зрения под влиянием аргументов студентов? Такая самопроверка, работа над возможными ошибками и стремление к постоянному совершенствованию становится определяющим фактором формирования профессиональной идентичности педагога.

Немало важен этап подготовки педагога к использованию в педагогической практике Сократовского метода, где он должен заблаговременно глубоко осмыслить предмет обсуждения, расширить свои знания, следить за новшествами в той или иной области, сформулировать вопросы для обсуждения, а также развивать собственные аналитические и коммуникативные навыки посредством методик и образовательных практик. Отсюда, Сократовский метод выступает источником непрерывного профессионального развития для простого педагога «транслятора знаний».

Другой особенностью Сократовского диалога является создаваемая педагогом атмосфера в аудитории, а именно атмосфера доверия и комфортная среда. Это означает, что педагог должен быть эмпатичным, внимательным к потребностям студентов и способным разрешать конфликты, возникающие в ходе дискуссии. Развитие этих качеств способствует формированию профессиональной идентичности педагога, основанной на уважении к личности студента, гуманизме и готовности к сотрудничеству.

Мы предлагаем примеры, иллюстрирующие влияние Сократовского метода на педагога (применить формат Сократовской методики к собственной персоне). Так, для формирования профессиональной идентичности педагог может организовать регулярные встречи с самим собой (в форме дневника, медитации или беседы с коллегой), где ставит перед собой «Сократовские» вопросы о своей педагогической практике: Что я действительно хочу, чтобы мои студенты вынесли из моего курса? Как я могу узнать, достигаю ли я этой цели? Что мешает мне обнаружить

возможный потенциал моих студентов? В таких вопросах кроется педагогическая философия.

Не менее интересным кажется возможность самоанализа педагога посредством привлечения студентов, когда используется обратная связь, где студенты, прошедшие курс обучения, задают педагогу вопросы философского характера относительно его педагогической практики (методах, мотивах). Такие «Сократовские» вопросы дадут возможность педагогу проследить собственную практику глазами своих студентов. Дополнением к такому подходу может стать и «Сократовская» ирония, где педагог делится своими неудачами, сомнениями, профессиональными ошибками, что, на наш взгляд, позволит установить более тесный контакт со студентами и, возможно, признать свою уязвимость. Такая профессиональная самоирония и публичная «откровенность» может привести к психологической аутентификации профессиональной идентичности педагога.

Анализ потенциала Сократовского метода как эффективного инструмента в процессе становления педагога-мыслителя, педагога-фасилитатора, способного не только транслировать знания, но и стимулировать самостоятельное мышление и познание может быть эффективным инструментом формирования профессиональной идентичности педагога. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку конкретных методик применения Сократовского метода в различных образовательных контекстах и оценку его эффективности в формировании профессиональных компетенций педагога с учетом институциональной среды и философско-антропологических оснований педагогической деятельности.

Список литературы

1. Ахметшина Е.Р. Профессиональная идентичность преподавателей вузов в условиях стратификации высших учебных заведений: дис. … канд. наук: 22.00.04 / Ахметшина Екатерина Рифовна. – Ульяновск, 2013. – 185 с.

2. Дипломатическая академия МИД России – [Электронный ресурс]: URL: https://dipacademy.ru/about/ (дата обращения: 19.02.2025).

3. Карпинский К.В. Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики: монография / К. В. Карпинский, А. М. Колышко. – Гродно: ГрГУ, 2010. – 140 с.

4. Козлова Т.А. Тандем философской антропологии и философии образования как почва формирования профессиональной идентичности / Т. А. Козлова, И. И. Сулима. – Том 11, № 2 (2023). – [Электронный ресурс]: URL: https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-2-14 (дата обращения: 19.02.2025).

5. Корнетов Г.Б. Порождающая педагогика Сократа / Г. Б. Корнетов // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2018. – №. 3. – С. 17-23.

6. Красникова Ю.В. Формирование профессиональной идентичности будущих специалистов в образовательной среде техникума: дис. … канд. наук: 13.00.08 / Красникова Юлия Владимировна. – Белгород, 2017. – 238 с.

7. Лебедев С.А. Научный метод: история и теория: монография / С. А. Лебедев. – Издательство: «Проспект», 2018. – 457 с.

8. Платон. Теэтет / Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древ-негреч. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. – С. 229-327.

9. Профессиональная идентичность педагога: сравнительное международное исследование: коллективная монография / Н. П. Сенченков, Т. В. Богданова, С. В. Сильченкова [и др.]; под ред. Н. П. Сенченкова, А. П. Шпоны. – Смоленск: Смоленский государственный университет, 2016. – 214 с.

10. Регуш Н.Л. Профессиональная идентичность учителя на разных этапах педагогической деятельности: дис. … канд. психол. наук: 19.00.07 / Регуш Наталия Львовна. – Санкт-Петербург, 2002. – 167 с.

11. Соколов В.Н. Методологические и теоретические основы педагогической эвристики: дис. … д-ра. пед. наук: 13.00.01 / Соколов Валерий Николаевич. – Самара, 1999. – 464 с.

12. Сократический диалог как обучение совместному решению проблем / О. Э. Иванова, Т. Г. Точилкина // АНИ: педагогика и психология. – 2017. – №3 (20). – [Электронный ресурс]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sokraticheskiy-dialog-kak-obuchenie-sovmestnomu-resheniyu-problem (дата обращения: 17.02.2025).

13. Сократический метод и его использование в организации сократических семинаров / М. С. Губайдуллина, О. П. Черных // Манускрипт. – 2018. – №10 (96). – [Электронный ресурс]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sokraticheskiy-metod-i-ego-ispolzovanie-v-organizatsii-sokraticheskih-seminarov (дата обращения: 17.02.2025).

14. Трансформация сократической беседы как образовательной практики / О. Э. Иванова, Ф. Х. Хабибуллин // БГЖ. – 2018. – №1 (22). – [Электронный ресурс]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sokraticheskoy-besedy-kak-obrazovatelnoy-praktiki (дата обращения: 17.02.2025).

15. Чапаев Н.К. Педагогическая интеграция: методология, теория, технология: 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург / Н. К. Чапаев. Изд-во Рос. гос. проф.- пед. ун-та; Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. проф.- пед. колледжа, 2005. – 325 с.

16. Чеснокова Е.Н. Метод построения развивающих диалогических отношений «учитель-ученик»: дис. … канд. психол. наук: 19.00.07 / Чеснокова Елена Николаевна. – Санкт-Петербург, 2005. – 259 с.

17. Яшина А.А. Профессиональная идентичность молодого преподавателя вуза: дис. … канд. психол. наук: 19.00.05 / Яшина Алина Александровна. – Волгоград, 2007. – 213 с.

УДК. 297.1
УДК 37.017.922

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И КОРАН В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Сулейманова Зумруд Сулеймановна,
Абдурахманов Абдурахман Ибрагимхалилович,
Старший преподаватель кафедры лингвистики ОАНО ВО «Дагестанский Гуманитарный Институт», (г. Махачкала, Россия),
e-mail: zumrud-suleyman@ list.ru
e-mail: abdurakhmani@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме применения ИИ в исламском контексте. Данная проблема является весьма актуальной и активно обсуждается в исламском научно-богословском дискурсе. В статье приведены мнения и позиции исследователей и религиозных деятелей отечественного, арабо-мусульманского и зарубежного дискурса по данной проблематике. Проблема применения ИИ к вопросам фикха, как одной из составляющих идентичности мусульман и к Корану как культурному коду религии ислам, является ключевой проблемой в статье. Авторы приходят к выводу о необходимости баланса между технологическими и этическими аспектами при применении ИИ к религиозной тематике. Технологии могут стать ценным инструментом в применении к религиозной тематике в целом и вопросам фикха и Корана в частности, но их применение должно сопровождаться строгими этическими и научными нормами. И тут возникает проблема регламентации и правового сопровождения соблюдения этических и научных норм применения ИИ пользователями. Данную проблему авторы выдвигают в качестве новой, только зародившейся научной проблемой для исследователей в обработку.

Ключевые слова: Коран, искусственный интеллект, религиозная идентичность, культурное наследие, исламский контекст.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE KORAN IN THE CONTEXT OF PRESERVING RELIGIOUS IDENTITY AND CULTURAL HERITAGE

Suleymanova Zumrud Suleymanovna,
Abdurakhmanov Abdurakhman Ibragimkhalilovich,
Senior lecturer at the Department of Linguistics of the Dagestan Humanitarian Institute, (Makhachkala, Russia),
e-mail: zumrud-suleyman@ list.ru
e-mail: abdurakhmani@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the use of AI in the Islamic context. This problem is very relevant and is actively discussed in the Islamic scientific and theological discourse. The article presents the opinions and positions of researchers and religious figures of the domestic, Arab-Muslim and foreign discourse on this issue. The problem of applying AI to Fiqh issues as one of the components of Muslim identity and to the Koran as the cultural code of the religion of Islam is a key problem in the article. The authors conclude that there is a need for a balance between technological and ethical aspects when applying AI to religious topics. Technology can be a valuable tool when applied to religious topics in general and Fiqh and Qur'an issues in particular, but their application must be accompanied by strict ethical and scientific standards. And here there is a problem of regulation and legal support of compliance with ethical and scientific standards of AI application by users. The authors put forward this problem as a new, emerging scientific problem for researchers in Russia.
Keywords: Quran, artificial intelligence, religious identity, cultural heritage, Islamic context.

Современная эпоха выделяется беспримерным прогрессом в сфере цифровых технологий.

Искусственный интеллект (ИИ) глубоко проник в нашу повседневность, от простых гаджетов, таких как виртуальные ассистенты, до сложных систем. Сегодня является обычным делом, что ИИ решает такие задачи, как понимание естественного языка, распознавание образов, принятие решений и обучение на основе массивов данных.

По мере развития интеллектуальных технологий возникает множество вопросов о влиянии этих технологий на различные аспекты жизнедеятельности, включая культурные ценности и религиозную идентичность.

Культурное наследие – часть материальной и духовной культуры, созданная прошлыми поколениями, выдержавшая испытание временем и передающаяся поколениям как нечто ценное и почитаемое [7].

Религиозная идентичность, форма самосознания, основанная на принадлежности к религии, осмысления собственного вероисповедания, отождествлении себя с некоторым образцом [2].

Искусственный интеллект или ИИ, Искусственный разум (англ. artificial intelligence; AI) в самом широком смысле – это интеллект, демонстрируемый машинами, в частности компьютерными системами. Это область исследований в области компьютерных наук, которая разрабатывает и изучает методы и программное обеспечение, позволяющие машинам воспринимать окружающую среду и использовать обучение и интеллект для выполнения действий, которые максимально увеличивают их шансы на достижение поставленных целей [12].

Проблема применения ИИ в исламском контексте активно обсуждается в исламском научно-богословском дискурсе. Мнения исследователей и

религиозных деятелей, относительно данного вопроса разнятся. В данном труде приведем некоторые примеры отечественного, арабо-мусульманского и зарубежного дискурса.

На портале Kazislam.kz., со ссылкой на журнал «Труды национальной академии наук» (Proceedings of the National Academy of Sciences / PNAS), говорится, что рост автоматизации и внедрение искусственного интеллекта напрямую коррелируют с падением уровня религиозности на различных уровнях, начиная от стран и городов и заканчивая отдельными профессиями. В ходе анализа, охватывающего более 3 миллионов человек, ученые выявили, что этот эффект сохраняется даже с учетом таких факторов, как уровень дохода, образование, доступ к технологиям и политическая позиция. В странах с наиболее развитой автоматизацией, таких как Сингапур, Южная Корея и США, доля нерелигиозных людей за последние 10 лет увеличилась более чем на 10%. Эти данные подтверждают, что распространение искусственного интеллекта ускоряет процессы секуляризации, изменяя духовный ландшафт во многих регионах мира. Ученые объясняют это прежде всего тем, что нейросеть частично заменяет функции, ранее выполнявшиеся религией. Люди, которые прежде полагались на сверхъестественное, теперь все чаще проявляют доверие к технологиям, которые воспринимаются как более надежные и практичные [3].

Так, например, муфтий Равиль Гайнутдин рассказал о невозможности использования ИИ для написания проповедей и подкрепил собственным примером: «Я как религиозный деятель не могу принимать текст проповеди от ИИ. Там нет души» [10].

Зампред Духовного управления мусульман Московской области, муфтий Рушан Аббясов считает что: «Ничего противоречащего нормам ислама в использовании нейросетей нет…если говорить про духовную сферу, ИИ не сможет заменить имама, священника или раввина» [8].

Управление мусульман Узбекистана официально выступило с заявлением, предостерегающим верующих от использования искусственного интеллекта, такого как ChatGPT, в качестве источника для получения ответов на религиозные вопросы [13].

Мы так же согласны с данной позицией. Та как один из постулатов исламской догматики это обращение к мусульманам о необходимости обращаться к обладателям знаний, в случае возникновения вопросов, споров.

Данная практика сохранилась до наших дней со времен Пророка Мухаммада (мир ему), когда, обращаясь к нему, Аллах говорит:

وَمَا أَنزَلْنَا عَلَيْكَ الْكِتَابَ إِلَّا لِتُبَيِّنَ لَهُمُ الَّذِي اخْتَلَفُوا فِيهِ وَهُدًى وَرَحْمَةً لِّقَوْمٍ يُؤْمِنُونَ

«Мы (Аллах) ниспослали тебе (о, Пророк) Писание, дабы ты разъяснил им (людям) то, в чем они разошлись во мнениях, а также как руководство к прямому пути и милость для верующих людей (ан-нахль:64) [6].

وَمَا أَرْسَلْنَا مِن قَبْلِكَ إِلَّا رِجَالًا نُّوحِي إِلَيْهِمْ فَاسْأَلُوا أَهْلَ الذِّكْرِ إِن كُنتُمْ لَا تَعْلَمُونَ

«…Если вы не знаете, то спросите обладателей Напоминания» (ан-нахль:43) [6].

بِالْبَيِّنَاتِ وَالزُّبُرِ وَأَنزَلْنَا إِلَيْكَ الذِّكْرَ لِتُبَيِّنَ لِلنَّاسِ مَا نُزِّلَ إِلَيْهِمْ وَلَعَلَّهُمْ يَتَفَكَّرُونَ

«…И ниспослали Мы тебе (о, Пророк) Напоминание (Коран), чтобы ты разъяснил людям, что им ниспослано (положения Закона Аллаха), и чтобы они задумались (размышляли)» (ан-нахль:44) [6].

Мусульмане обязаны следовать руководству Посланника Аллаха. Как сказано:

يَا أَيُّهَا الَّذِينَ آمَنُوا أَطِيعُوا اللَّهَ وَأَطِيعُوا الرَّسُولَ وَأُولِي الْأَمْرِ مِنكُمْ فَإِن تَنَازَعْتُمْ فِي شَيْءٍ فَرُدُّوهُ إِلَى اللَّهِ وَالرَّسُولِ إِن كُنتُمْ تُؤْمِنُونَ بِاللَّهِ وَالْيَوْمِ الْآخِرِ ذَلِكَ خَيْرٌ وَأَحْسَنُ تَأْوِيلًا

О те, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь Посланнику и обладающим влиянием среди вас. Если же вы станете препираться о чем-нибудь, то обратитесь с этим к Аллаху и Посланнику…»(ан-ниса:59) [6].

Преемственность так же имеет огромное значение в исламской догматике. И практика обращения к обладателям знаний по вопросами в целом, и частности по вопросам фикха (исламского права) сложившегося на базе Корана, сунны, иджма (мнение ученых), кияс (сравнение) сохранилась и по сей день.

Практически все богословы и проповедники предупреждают мусульман о том, что руководствоваться ответами ИИ в вопросах фикха опасно и недопустимо с точки зрения исламской догматики и логики.

Шейх Джалул Хаджими, генеральный секретарь Национальной федерации имамов и работников религиозных служб (г.Алжир), выражает беспокойство, обращая внимание на сложность вопросов, связанных с ИИ. Он подчеркивает, что проблема искусственного интеллекта очень сложна. Это может иметь последствия, как психологические так и социальные, особенно если речь идёт о вопросах фетвотворчества и использования фетв
أكد الأمين العام للفيدرالية الوطنية للأئمة وموظفي الشؤون الدينية، الشيخ جلول حجيمي، أن مسألة الذكاء الاصطناعي معقدة جدا، فهذه التقنية لها أمور متعلقة بتداعياته وتطورات سريعة وما تخلفه من آثار اجتماعية ونفسية، وخاصة عندما الأمر بقضايا دبلجة الفتاوى واستعمالها واستغلالها وتأثيرها على مستوى العالم والأفراد والمجتمعات [14].

Вопросы фикха – один из важных вопросов в затронутой проблематике. Так как соблюдение установок фикха является одной из составляющих идентичности мусульман.

Вторым важным вопросом является проблема сохранности Корана, который помимо многого другого предстает как культурный код религии ислам как теоретически так и практически. Коран в целом является «муджиза халида» - вечным чудом. А по этическим нормам Корана, применяемыми мусульманами идентифицируется образ истинного мусульманина.

Как искусственный интеллект может служить Речи Аллаха, не затрагивая святость и достоверность? – вопрос, который волнует множество мусульманских ученых и исследователей.

Так, по сообщению агентства IQNA, переданному из «Аль-Джумхур», группа мусульманских ученых и проповедников предупредила об искажении Корана в социальных сетях с использованием искусственного интеллекта.

Мусульманские ученые также подчеркнули необходимость уверенности в точности текстов Корана перед их распространением индивидуумами и призвали информировать ответственные группы об искаженных Коранах, чтобы сообщества не попали в ловушки секташеских смятений [11].

Плюсы и минусы обозначенные исследователями относительно применения ИИ в служении Корану, на наш взгляд, можно разделить на следующие пункты:

Проблемы использования ИИ:

1. **Искажение смысла**: Использование ИИ для перевода и анализа Корана может привести к искажению оригинального смысла. Алгоритмы машинного перевода часто не способны передать нюансы языка, что может привести к неправильному толкованию значений Это особенно критично для священных текстов, где каждое слово имеет глубокое значение.

2. **Коммодификация религиозного текста**: С распространением цифровых технологий Корана как культурного наследия может произойти его коммерциализация. Это может привести к утрате глубокой духовной ценности текста и его превращению в товар. Рынок приложений и онлайн-ресурсов, использующих ИИ для работы с Кораном, может не всегда учитывать его священный статус.

3. **Этические и социальные вопросы**: Использование ИИ в интерпретации Корана поднимает важные этические вопросы. Кто имеет право на интерпретацию священных текстов? Как избежать манипуляций и недопонимания? Эти вопросы требуют внимания как со стороны ученых, так и религиозных лидеров.

Потенциал ИИ для служения Корану

Несмотря на указанные проблемы, ИИ также предлагает возможности для укрепления и сохранения религиозной идентичности:

1. **Оцифровка и доступность**: ИИ может помочь в оцифровке редких манускриптов и текстов Корана, что позволит сохранить их для будущих поколений и сделать доступными для исследования.

2. **Образовательные ресурсы**: Платформы на базе ИИ могут быть использованы для создания образовательных программ, которые помогут людям понять контекст Корана и его интерпретации. Это может повысить уровень грамотности и понимания среди молодежи.

3. **Автоматизированный анализ**: ИИ может использоваться для анализа текстов, выявления закономерностей и структур, что может углубить понимание как самого Корана, так и его влияния на культуру и общество.

Тем временем, заместитель председателя Духовного управления мусульман России Шамиль Аляутдинов сообщил о запуске в России ИИ для изучения Корана. Это первый в мировой практике ИИИ.

«ИИИ – это интеллектуальный помощник, он способен дать исчерпывающие ответы на актуальные вопросы по исламу на основе достоверных богословских источников» - считает Аляутдинов. Он подчеркивает, что, в отличие от стандартных чат-ботов, исламский ИИ

проводит глубокий анализ религиозных текстов, статей и теологических трудов для формирования аргументированных заключений [9].

Заместитель муфтия мусульман Крыма Айдер Исмаилов в комментарии РИА Новости Крым выразил свою позицию относительно ИИИ. Исмаилов считает, что созданный в России ИИИ – это прекрасное начало для дальнейшего развития, но также и большая ответственность за то, как эта платформа будет работать, и за то, какую информацию будет предоставлять [4].

Информационное агентство IslamNews опубликовало тезисы исследователя Аля ад-Дин Хамиди под названием: «Искусственный интеллект и его применение в толковании Корана» [1].

Вкратце, доклад Хамиди содержит следующий посыл:

Ключевыми возможностями ИИ в области толкования Корана:

- Улучшение переводов и интерпретаций: Использование для достижения большей точности в переводах и толкованиях.
- Доступность знаний: ИИ может систематизировать информацию, облегчая доступ к ключевым темам и вопросам

Опасения в применение ИИ в толковании Корана связанные с серьезными вызовами:

- Точность и надёжность: Ошибки в интерпретации могут привести к искажению смысла. Очень важно, чтобы данные, на которых обучаются ИИ-системы, были проверены, а результаты контролировались квалифицированными учеными.
- Культурные и интерпретационные искажения: ИИ должен отражать многообразие мнений и подходов, учитывая исторический и культурный контекст различных тафсиров.
- Религиозная чувствительность: Толкование Корана – глубоко духовная практика.

Неуместное использование новых технологий может угрожать святости текста.

Важно, чтобы разработка ИИ-систем осуществлялась при участии специалистов в области шариата и тафсира.

Хамиди так же выдвигает идею о необходимости создания научных комиссий по шариату для проверки интерпретаций и формирование фреймворка, исключающего произвольные и субъективные мнения [1].

Между тем отметим, что уже разработан исламский кодекс применения искусственного интеллекта.

«Исламский кодекс ИИ» раскрывает принципиально важные аспекты взаимодействия технологий и религиозных норм в исламе. Этот документ основан на ключевых исламских ценностях: единобожии, личной ответственности и стремлении к социальному благу, что обуславливает его цель – формирование этической и правовой основы для применения искусственного интеллекта (ИИ) в исламском контексте. Кодекс подчеркивает, что все технологические достижения должны соответствовать шариатским предписаниям и моральным нормам, что представляет собой

принципиальный подход, призывающий разработчиков и пользователей оценивать новшества через призму исламской этики.

Кроме того, кодекс обозначает важные задачи: предотвращение рисков, разъяснение ответственности, установление норм поведения. Это важные аспекты, так как они акцентируют внимание на необходимости тщательной подготовки и оценки каждого этапа в жизненном цикле системы ИИ. Кодекс также готовит основополагающие рекомендации для различных секторов, включая образовательные, медицинские и финансовые, что усиливает его практическую значимость.

Таким образом, Исламский кодекс ИИ предлагает ориентир для интеграции технологий в жизнь мусульманских обществ, поддерживая баланс между техническим прогрессом и духовными требованиями, что важно в условиях быстро меняющегося технологического мира [5].

Принятые в кодексе исламские принципы, такие как справедливость, критичность к источникам информации и решение на основе разума в сочетании с откровением, систематизируют подход к ИИ, сохраняя при этом духовные и гуманистические ориентиры. Соблюдение этих принципов возможно позволит минимизировать негативные последствия технологий, обеспечивая их конструктивное использование.

Однако здесь возникает вопрос о регламентации и правовом сопровождении данного кодекса. И данный вопрос на наш взгляд является зарождающейся научной проблемой.

Заключение. Коранический текст, как одна из основ исламской веры, представляет собой важный элемент религиозной идентичности и культурного наследия. Применение ИИ в области обработки и интерпретации религиозных текстов может как способствовать их сохранению, так и представлять угрозу для их подлинности и идентичности.

ИИ следует рассматривать не как замену человеческому пониманию, а как вспомогательный инструмент. Баланс между технологическим прогрессом и духовными принципами является ключевым для обеспечения правильного и уважительного применения в изучении Корана.

Проблема сохранения религиозной идентичности и культурного наследия в эпоху искусственного интеллекта является сложной и многогранной. Необходимо найти баланс между использованием технологий применительно к религиозной проблематике, и уважением к её духовной и культурной ценности. Исследования в этой области должны учитывать как технологические, так и этические аспекты.

Выводы о необходимости осторожного использования ИИ можно подвести следующим образом: технологии могут стать ценным инструментом в применении к религиозной тематике в целом и вопросам фикха и Корана в частности, но их применение должно сопровождаться строгими этическими и научными нормами.

И тут возникает проблема регламентации и правового сопровождения соблюдения этических и научных норм применения ИИ пользователями.

Данную проблему считаем открытой для исследования.

Список литературы

1. Аля ад-Дин Хамиди. ИА IslamNews:https://islamnews.ru/2025/5/22/iskusstvennyy-intellekt-i-ego-primenenie-v-tolkovanii-korana (дата обращения: 23.11.2025)
2. Большая Российская энциклопедия. Религиозная идентичность. https://bigenc.ru/c/religioznaia-identichnost-50bb7d (дата обращения: 19.11.2025)
3. Бірәлі Эльмира Атиғоллақызы, Әбдікамал Мөлдір Серікбайқызы. Алгоритмы веры: как искусственный интеллект переосмысливает духовное https://kazislam.kz/ru/2025/10
4. Исламский ИИ станет хорошим помощником не только для мусульман. РИА Новости Крым https://crimea.ria.ru/20251114/islamskiy-ii-stanet-khoroshim-pomoschnikom-ne-tolko-dlya-musulman--mnenie-1150898121.html (дата обращения: 19.11.2025)
5. Исламский кодекс ИИ. © All rights reserved. 2025. Nafisullin Ruslan Talgatovich. https://islamicaicode.com/code-ru/
6. Коран. С. 604. (Перевод смыслов Корана, с текста оригинала, автора статьи Сулеймановой З.С.).
7. Медведева Н.В., Стоналова А.С. Материалы Афанасьевских чтений \ Прочие социальные науки \ Понятие «культурное наследие» и основные теоретические подходы к его изучению. 2016. https://cyberleninka.ru (дата обращения: 19.11.2025).
8. Муфтий Аббясов: Нейросети не противоречат нормам Ислама. Общественная служба новостей. https://www.osnmedia.ru (дата обращения: 19.11.2025)
9. Муфтий Аляутдинов сообщил о запуске в России ИИ для изучения Корана. NEWS. Новости. Общество. 11.11.2025. https://news.ru/society (дата обращения: 19.11.2025)
10. Муфтий рассказал о проповедях, написанных искусственным интеллектом. RT на русском. https://russiatoday.ru/russia/news/1459487-ii-propovedi-muftii (дата обращения: 19.11.2025)
11. Предостережение ученых об искажении Корана с помощью искусственного интеллекта. https://iqna.ir/ru/news (дата обращения: 23.11.2025)
12. Рассел, Стюарт. Искусственный интеллект: современный подход / Стюарт Рассел, Питер Норвиг. – 4-е. – Хобокен: Пирсон, 2021. – ISBN 978-0134610993 (дата обращения: 19.11.2025).
13. Узбекистанцам объяснили, что ChatGPT не даёт достоверные ответы на религиозные вопросы. UPL.UZ кор. Мона Машкевич. https://upl.uz/obshestvo/52867-news.html (дата обращения: 20.11.2025)
14. القرآن والذكاء الاصطناعي.. تحديات كبيرة لثورة بين الروح والتقنية https://www.echoroukonline.com (дата обращения: 20.11.2025)

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ГЛАЗАМИ ПРАВОСЛАВНОГО СВЯЩЕННИКА В СОВРЕМЕННОЙ ИЕРЕЙСКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ТОРИКА «ФЛАВИАН. АРМАГЕДДОН»)

Суровцева Екатерина Владимировна
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
г. Москва, Россия
e-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

Аннотация. В современной русской прозе активно работают священники. Критики и литературоведы выделили их в отдельное направление – иерейскую прозу. В русле изучения данного материала необходимо, в частности, исследовать вопрос о восприятии православным священником современной Западной Европы и происходящих в ней духовных процессов. В произведении описываются европейские страны (Италия, Франция, Германия, Португалия), в которых побывал Флавиан. Анализ повести показывает, что, по мнению православного священника, Западная Европа переживает духовный кризис, который затронул также и сферы политики, культуры, искусства, бытового поведения. Причина этого кризиса – в отрыве от традиционного, изначального христианства. Присутствие Бога сильнее всего ощущается в тех странах, которые лучше других помнят о своей вере, – в России и в Португалии.

Ключевые слова*:* иерейская проза, Александр Торик, образ Европы, сравнительное литературоведение, духовный кризис, религиозный взгляд.

WESTERN EUROPE'S SPIRITUAL CRISIS THROUGH THE EYES OF AN ORTHODOX PRIEST IN CONTEMPORARY PRIESTLY PROSE (BASED ON ARCHPRIEST ALEXANDER TORICUS'S STORY «FLAVIAN. ARMAGEDDON»)

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

Abstract. Priests are actively involved in contemporary Russian prose. Critics and literary scholars have identified them as a distinct genre – priestly prose. In studying this material, it is necessary, in particular, to explore the Orthodox priest's perception of contemporary Western Europe and the spiritual processes taking place there. The work describes the European countries (Italy, France, Germany, Portugal) visited by Flavian. An analysis of the story reveals that, according to the Orthodox priest, Western Europe is experiencing a spiritual crisis that has also affected politics, culture, art, and everyday behavior. The cause

of this crisis is the disconnect from traditional, original Christianity. God's presence is felt most strongly in those countries that remember their faith best – in Russia and in Portugal.

Keywords: priestly prose, Alexander Torik, image of Europe, comparative literature, spiritual crisis, religious view.

В современной русской прозе активно работают священники. Критики и литературоведы выделили их в отдельное направление – иерейскую прозу. На настоящий момент составлен список более чем из 20 имён, и он постоянно пополняется (более подробное обоснование темы см. в [1; 2; 3; 4]). В русле изучения данного материала необходимо, в частности, исследовать вопрос о восприятии православным священником современной Западной Европы и происходящих в ней духовных процессов. Под этим углом зрения мы предлагаем проанализировать повесть Александра Торика «Флавиан. Армагеддон» [5], в которой описывается европейское путешествие монаха и священнослужителя Флавиана и его помощника Алексея, а именно – его посещение Италии, Франции, Германии, Португалии. Мы не рассматриваем изображение о. Александром Греции и Афона, о которых речь идёт не только в данном произведении, но и повестях «Флавиан. Жизнь продолжается» и «Флавиан. Восхождение» (это тема для отдельного рассмотрения).

Завязка повести такова: Флавиан перенёс инсульт, и теперь ему требуется лечение и отдых. Помощник Флавиана Алексей оказывает ему в этом помощь, сопровождая его в поездке и ограждая от излишнего общения с людьми, жаждущих духовного окормления и житейского совета.

Европейское путешествие начинается с Италии – с городка-водолечебницы Фьюджи (глава 3), где Флавиан поправляет здоровье целебной водой. Из впечатлений о городке остаются итальянские пенсионеры, танцующие под исполнение песни Тото Кутуньо, и семья – сын-олигофрен лет 50 и его пожилая мать, смотрящая на сына с выражением безграничной любви.

Из Фьюджи Флавиан и Алексей направляются на экскурсию в Помпеи (главы 4 – 6) – в этот город они попадают после обзорной экскурсии по Неаполю, почти не запомнившейся Алексею [5, с. 66]. После разговора участников экскурсии о вере и религии, о несовместимости Христа и греха идёт описание самих Помпей – «вечно умирающих» [5, с. 67]. Гид подробно живописал гастрономические и эротические удовольствия, которым предавались жители этого города, высочайшую культуру горожан (Флавиан даже замечает, что понятие «культура греха» тоже «имеет право на существование» [5, с. 69]). После речи экскурсовода один из туристов нашёл надпись на стене – «Содом и Гоморра», другой участник группы говорит: «Кажется, я понимаю, почему здесь извержение произошло» [5, с. 73].

Затем Флавиан и Алексей направляются в Рим (глава 7). Алексей отмечает красоту расположения Вечного города, толпы туристов, стремление официантов обсчитать клиентов – но поразил его Рим не этим, а

особым духом («не скажу “благодатным”, скажу “позитивным”» [5, с. 80]) – тысяча лет христианства, от появления его в этих местах до отделения католицизма от мирового православия, никуда не исчезла, она пропитала «саму почву Вечного города» духом первохристианского мученичества и аскетизма, и даже следующие тысяча лет обмирщения католицизма не смогли их вытравить. Возникает на страницах повести и Колизей, однако осмотреть его внутри Флавиан отказался – для него это место является «святыней христианского мученичества» [5, с. 79], и входить туда «с сонмищем туристов и “щёлкать фотиком” как-то душа не лежит!» [5, с. 161]. Римский таксист Маурицио рассказывает Алексею о вторжении американской поп-культуры в Италию, о том, что масоны (их «мозг» находится в Англии, а «бицепсы» – в Америке) загнали европейцев в Евросоюз и во главе его поставили жуликов и извращенцев, о том, что ближайшее будущее – Армагеддон, который, собственно, уже начался. Флавиан разъясняет сатанинскую природу масонства и вообще всех идей о превосходстве, основа которых – гордыня.

Из Рима Маурицио отвёз путешественников в катакомбы Святого Себастьяна (глава 8). Во время экскурсии по ним Алексей заблудился – и попал на литургию, на которой присутствовали люди в древнеримских одеждах. Проводник Стефано уже в шестой раз слышит о подобной литургии. Алексей размышляет – верно ли он поступил, отказавшись от причастия?

В повести упоминается также Милан, который Флавиан и Алексей посетили после Парижа и Берлина (глава 13). Сидя в кафе на одной из миланских площадей, Алексей вспоминает, что уже видел этот город и эту площадь – в фильме начала 1980-х годов «Сан Бабила 20 часов: бессмысленное убийство», призванном развенчать идеи неофашизма, а в нашей стране воспринятом совсем иначе, – наш тогдашний зритель понял этот фильм как фильм о «крутых и модным парнях» [5, с. 173], у нас даже пошла мода «а-ля сан-бабиловский» стиль в одежде, поведении, самоощущении. Сам Алексей тоже поддался этой моде. Однако, как нам разъясняет Флавиан и как мы видим на примере Алексея, с помощью Бога на свете остаётся много неиспорченных людей. Про Милан речь идёт также в одной из главок, посвящённых Греции (глава 14). Этот итальянский город характеризуется как «сплошной гламур и откутюр», в котором много холёных и разодетых мужчин и дорогих бутиков не только с женской, но и мужской одеждой и где запоминается только красивая архитектура, в первую очередь – замок Сфорца.

Из Италии через Грецию Флавиан и Алексей прибывают в Париж (глава 10), где первым впечатлением становится откровенное хамство пограничника на паспортном контроле. В Париже есть Сена, старые здания, Эйфелева башня – но дух города начисто лишён былого шарма. Улицы заполняли многочисленные мигранты из восточных и африканских стран, развязные «фемины», коренные европейцы, большинство из которых

напоминают «паноптикум», с татуировками, пирсингами, нездоровой толщиной, неряшливой одеждой, вызывающим хохотом. На вопрос Алексея, куда девалось было очарование Парижа, Флавиан отвечает, что глубинная причина подобной «эволюции» – в том, что европейская культура построена на христианстве, искажённом ересью – сперва латинской, затем протестантской, и это имеет отношение не только к догматике, ко касается и всех сторон жизни человека, в том числе культуры, искусства и даже внешнего вида. И Париж также увлёкся идеями политкорректности, эмансипации и прочих современных течений, которые являются искажениями евангельских истин. В повести упомянуты и парижские аферисты – цыгане о «опросными листами», шайки «напёрсточников» и пр. Путешественники поклонились Терновому Венцу в Нотр-Дам де Пари, одновременно отметив колоссальную разницу между Нотр-Дам и любым православным храмом. Согласно Флавиану, совершенно неважно, подлинный Венец хранится в соборе или нет, – Божья благодать освятила его настолько, что он стал «тем самым» венцом. Упоминаются знаковые места Парижа – Латинский квартал, Сена, Площадь Согласия, Елисейские Поля. Алексей вспоминает известную фразу «Увидеть Париж и умереть» [5, с. 141] и делает вывод: «Париж увидел. Умереть не захотелось…» [5, с. 161]. Вывод Флавиана таков: «… теперь я понимаю тех, кто утверждает, что сейчас настоящая “Европа” в плане нравственном, духовном и культурном, это – Россия!» [5, с. 151 – 152].

Знакомство с Берлином (глава 12), где путешественники оказались проездом (из Парижа в Милан), ограничилось знакомством с универмагом «КаДеВе», где был куплен «Грюндиг» китайского производства, проработавший всего две недели, и Археологическим музеем. Там они осмотрели Пергамский алтарь и Царицу Нефертити, которая произвела на Алексея неизгладимое впечатление. Флавиан и Алексей побывали также на Унтер ден Линден – знаменитой улице города, отстроенного заново после Второй мировой войны. В целом впечатления от города – «чистенько, аккуратненько, неприветливенько… Вновь приезжать сюда желания не возникло. Разве что к Нефертити…» [5, с. 169].

Последняя страна, упоминаемая в повести, – Португалия. В первый раз она упоминается в одной из «греческих» главок (глава 14). Русский эмигрант, посетивший Афон одновременно с Флавианом, характеризует эту страну как страну бедную, но с добрыми людьми, без ксенофобии и национализма (хотя западные украинцы-иммигранты подпортили репутацию русскоязычных), где переселенцы из бывших колоний не такие, как в других странах Европы, – они не самоутверждаются, так как нет никакой напряжённости между ними и коренными португальцами. Главы, целиком посвящённые Португалии (упомянуты такие места, как Лиссабон, Алгарве, Армасао де Пера), описывают местные природные (эвкалиптовые рощи, вид с горы на океан) и бытовые (большой торговый магазин по московским меркам походил на районный универмаг) особенности, но прежде всего – людей и их обычаи

(главы 23 – 25). Португальцы не стремятся заработать денег, поэтому с ними тяжело вести бизнес, у них большие крепкие семьи, их дети – спокойные и жизнерадостные (капризный ребёнок будет орать или по-русски, или по-украински). Хозяйки пастелярии разрезала единственную булочку на три части, чтобы её трём посетителям было удобно её есть, – потому что ей, как и большинству её соотечественников, важнее всего человеческие отношения. Именно в силу перечисленных особенностей Португалии избрал эту страну для проживания наш бывший соотечественник эмигрант Василий, до получения португальского гражданства поживший и в других европейских странах. Флавиан из своего турне делает вывод: «В Португалии и России присутствие Бога ощутимее, чем на всей территории, отделяющей их друг от друга» [5, с. 301].

Анализ повести Александра Торика «Флавиан. Армагеддон», на наш взгляд, показывает, что, согласно религиозному православному взгляду, Западная Европа переживает духовный кризис, который затронул также и сферы политики, культуры, искусства, бытового поведения. Причина этого кризиса – в отрыве от традиционного, изначального христианства. Присутствие Бога сильнее всего ощущается только в России и Португалии, лучше других помнящих о своей вере.

Список литературы

1. Суровцева Е.В. Иерейская проза в контексте духовно-нравственного воспитания на уроках литературы // Духовно-нравственные и идеологические проблемы в современном обществе. Сборник статей / Под общей редакцией Н.А.Саркаровой. Махачкала: АЛЕФ, 2020. С. 253 – 260.
2. Суровцева Е.В. Современная русская литература в школе и вузе (иерейская проза) // Всероссийский съезд учителей и преподавателей русского языка и литературы (Москва, Россия, МГУ имени М.В.Ломоносова, 5 – 7 ноября 2019 г.). Сборник материалов. Москва: Издательство Московского университета, 2020. С. 426 – 429.
3. Суровцева Е.В., Полищук Е.В. Иерейская проза в иноязычной аудитории: вопросы преподавания // Слово. Грамматика. Речь. Выпуск XVI. Материалы VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» (Филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, 26 – 28 ноября 2015 г.). М.: МАКС Пресс, 2015. С. 593 – 595.
4. Суровцева Е.В., Полищук Е.В. Современная русская литература в иностранной аудитории: На материале иерейской прозы // V Международная научная конференция «Русская литература XX – XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)». Материалы конференции. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 8 – 9 декабря 2016 / Ред.-сост. Леденёв А.В., Спиваковский П.Е. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 337 – 340.
5. Торик Александр, протоиерей. Флавиан. Армагеддон. М.: Флавиан-ПРЕСС, 2017. 352 с.

МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА ВОКРУГ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

Фофанова Катерина Владиславовна
Гребенникова Алина Андреевна,
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
Саранск, Россия
e-mail: kateri02@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается моральная паника вокруг искусственного интеллекта в контексте современных социокультурных и духовных трансформаций. На основе экспертных интервью выявляются типы страхов и рисков, связанные с развитием технологий, их антропологическое и символическое значение. Показано, что страх перед искусственным интеллектом отражает не столько рационально обоснованные опасения, сколько глубинные экзистенциальные переживания, связанные утратой человеческой уникальности и индивидуальности.

Ключевые слова: духовная безопасность, искусственный интеллект, моральная паника, страх, экспертный анализ.

MORAL PANIC AROUND ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN INDICATOR OF THE STATE OF SPIRITUAL SECURITY OF SOCIETY

Fofanova Katerina Vladislavovna
Grebennikova Alina Andreevna,
Ogarev Mordovian State University,
Saransk, Russia
e-mail: kateri02@yandex.ru

Abstract. The article examines the moral panic around artificial intelligence in the context of modern socio-cultural and spiritual transformations. Based on expert interviews, the types of fears and risks associated with the development of technology, their anthropological and symbolic significance are revealed. It is shown that the fear of artificial intelligence reflects not so much rationally justified fears as deep existential experiences associated with the loss of human uniqueness and individuality.

Keywords: spiritual security, artificial intelligence, moral panic, fear, expert analysis.

Искусственный интеллект в последнее десятилетие развивается с беспрецедентной скоростью, он внедряется в различные сферы жизнедеятельности – образование, здравоохранение, культуру,

производственную и финансовую сферу, в повседневную жизнь человека. Практически невозможно представить сферу современной жизни незатронутую ресурсом искусственного интеллекта, однако масштабное его внедрение сопровождается не только ожиданиями прогресса, но и усилением общественных тревог, выливающихся в моральную панику. Современное медиапространство заполнено нарративми «восстания машин», уничтожающими, дегуманизирующими человека и обесценивающими культурный капитал. Однако особенностью современного дискурса выступает скорее не сам искусственный интеллект, сколько социальные процессы, которые проецируются на него. Агенты властных ресурсов используют нарратив об угрозах искусственного интеллекта для переключения фокуса внимания от ряда проблем, характерных для современного общества и нуждающихся в решениях. Искусственный интеллект становится символом тех процессов, с которыми социальные институты и человек не могут справиться напрямую, то есть показателем снижения духовной безопасности. А общественном дискурсе формируется ситуация смещения ответственности: вместо анализа реальных структурных причин страха и тревоги происходит фиксация на искусственном интеллекте как виновнике проблем современного человека.

Цель статьи – на основе экспертной оценки выявить типы страхов, вызываемые искусственным интеллектом и проанализировать как экспертное сообщество оценивает влияние искусственного интеллекта на духовную безопасность общества.

Эмпирической базой исследования послужили экспертные полуструктурированные интервью с представителями академического сообщества, IT-сферы, проведенные в 2025 года (г. Саранск, n=8).

Методологическая основа исследования опирается на концепцию моральной паники (С. Коэн, Э. Гуди, Н. Бен-Йехуда), идеи У. Бека об «обществе риска» и концепцию духовной безопасности.

В исследовании искусственный интеллект рассматривался не как угроза, а как дискурсивный конструкт, используемый для снятия ответственности.

Понятие «моральная паника» впервые было введено С. Коэн в 1972 году для описания состояния «индивида или социальной группы на основе эпизода, который народными массами воспринимается как серьезнейшая угроза интересам и ценностям социума» [3, с. 12]. С. Коэн определил моральную панику как форму коллективного реагирования, при которой социальные страхи преувеличиваются средствами массовой информации, политиками, экспертами, превращаясь в символические конфликты между «нормой» и «отклонением». Одной из движущих сил конструирования моральной паники, как отмечает С. Коэн, являются массмедиа [3, с. 32]. Позднее Е. Гуд и Н. Бен-Йехуда предложили определять моральные паники через такие индикаторы, как обеспокоенность, враждебность, консенсус, непропорциональность и неустойчивость [6, p. 150], уточнив, что моральная

паника выполняет функцию социального контроля, мобилизуя общество на защиту устоявшихся ценностей.

Понятие «духовная безопасность» в отечественной социогуманитарной традиции, как правило, связано с состоянием сохранности базовых ценностей личности, общества и государства. Духовная безопасность рассматривается как способность общества защищать свои смысловые основания, мировоззренческие ориентиры и культурные идентичности от разрушения внешних и внутренних воздействий. В целом, духовная безопасность предполагает опору на моральные ориентиры, позволяющие человеку ориентироваться между тем, что социально приемлемо, а что – нет. Когда эти ориентиры размываются под влиянием угрозы, подобной искусственному интеллекту, то возникает ощущение неопределенности и потери внутренней опоры. Появление моральной паники можно рассматривать как один из индикаторов снижения духовной безопасности общества.

Мнения экспертов об искусственном интеллекте позволил выделить несколько устойчивых типов страхов, вызванных развитием искусственного интеллекта. Эти страхи отражают не столько технические риски, сколько символическую роль искусственного интеллекта в воспроизводстве страхов.

Первый тип – социально-экономические страхи, связанные с угрозой массовой безработицы, вытеснением человека с рынка труда: *«экспоненциального роста безработицы»; «искусственный интеллект отнимет работу (как минимум, у программистов (джуниоров и миддлов)».* Стоит отметить, что данный тип страха имеет под собой основания, можно назвать ряд сфер и направлений профессиональной деятельности, где искусственный интеллект уже заменил человека и заменит в будущем. А.А. Сычев отмечает: «цифровизация общества привела к изменениям в функционировании этих институтов, сделав их в одних отношениях более надежными и удобными, а в других - более уязвимыми» [4, с. 51]. Однако, вместо того, чтобы решать проблему безработицы, переструктурировать экономику, создавать новые рабочие места, где человека не может заменить искусственный интеллект, властные агенты отвели искусственному интеллекту роль символического виновника, вытесняющего современного человека с рынка труда. По мысли К. Маркса, техника становится не инструментом освобождения, а фактором отчуждения, а страх – попыткой вернуть ценность человеческого участия. Этот страх маскирует кризис трудовой модели современного общества.

Второй тип страхов связан с деинтеллектуализацией, то есть со снижением когнитивных, мыслительных способностей человека, человеку не надо самому думать, за него это сделает машина: «*«оглупление» человека, в том плане, что некоторые когнитивные способности могут начать инволюционировать, например, мои родители лучше меня считают в уме благодаря тому, что в их школьные годы не было калькулятора».* Эксперты отмечают, что современного человека тревожит будущее детей, молодежи,

новых поколений. Данный страх вызывает панику, тогда получается, что человеку на протяжении всей истории присущ данный страх, ведь вся история человечества шла по пути технологического совершенства. В подобных страхах кроется скорее проблема кризиса современной системы образования, не соответствия образовательной политики требованиям времени, перенос вины за несостоятельность современного образования идти в ногу со временем на искусственный интеллект.

Третий тип страхов связан с угрозой личным границам, актуализирующийся масштабным распространением нейронных сетей. В общественном дискурсе стали активно тиражироваться угрозы цифровой слежки, генерализации персональных данных: «*искусственный интеллект уничтожит пространство приватного»; «все данные обо всех собираются, хранятся, обрабатываются, используются».* Распространение технологий, способных собирать, анализировать, воспроизводить личные данные – вызывает у человека ощущение потери приватности, открытости личной жизни. Это традиционная и, скорее всего, одно из самых распространенных объяснений. Мы считаем, что данный тип страха – это отражение растущего недоверия к государству и политическим институтам, которые используя технологии, получают легитимацию для контроля над жизнью граждан. Данный тип страха показывает как моральная паника выступает инструментом отвлечения общественного внимания от реальных структурных механизмов наблюдения, являющегося ресурсом государственного принуждения и контроля.

Четвертый тип - это страх утраты человеком контроля над принятиями решений: *«искусственный интеллект может воспроизводить все человеческие пороки. И здесь человеку надо мониторить и вмешиваться, вовремя корректировать программу», «к основным страхам людей относительно искусственного интеллекта можно отнести страх того, что искусственный интеллект может обладать самосознанием и принимать решения вопреки общественным интересам, что может быть опасно для человечества».* Данный тип страха отражает боязнь общества перед ситуациями, когда моральные, правовые, экзистенциальные решения выйдут из поля компетенции человека. Это создает ситуацию, когда человек перестает быть центром морального выбора и решений, что угрожает духовной безопасности, решения обезличиваются. Данный тип страха свидетельствует о снижения уровня доверия, за подобным страхом может скрываться то, что агенты власти могут прятать свои решения за действиями искусственного интеллекта [2].

Пятый тип связан с угрозой социальной и информационной безопасности человека – *«искусственный интеллект может вызывать страх из-за угрозы безопасности. Злоумышленники уже сейчас используют дипфейки для обмана людей и организаций, обходя сразу несколько уровней защиты».* Подобные тревоги вызваны тем, что с помощью технологий искусственного интеллекта возможно собирать, генерировать,

воспроизводить личные данные человека, соответственно, это приводит к ощущению потери своей собственной идентичности, чувства, что за тобой постоянно следят, наблюдают, делают жизнь прозрачной. Этот страх соединяет в себе психологические и этические аспекты, с одной стороны, ощущение уязвимости и зависимости, с другой – защита прав личности в условиях цифровой реальности. Страх информационной безопасности может быть инструментом легитимации новых форм социального контроля, что усиливает угрозы духовной безопасности.

Шестой тип – *экзистенциальный* страх исчезновения человека как вида *«при дальнейшем развитии искусственного интеллекта есть ненулевая вероятность, что он может выйти из-под контроля и воспринять человечество как угрозу своего существования»; «искусственные интеллект-системы научатся взаимодействовать друг с другом, обретут телесность (сочетание искусственного интеллекта и робототехники) и независимость от человека, после чего люди будут не нужны и могут быть уничтожены»; «искусственный интеллект работает непредсказуемо, это «черный ящик». Развитые системы искусственного интеллекта могут преследовать свои цели, которые могут вообще не совпадать с целями человека».* Этот страх касается самих оснований человеческого существования, смысла жизни. Экзистенциальный страх воспринимается как угроза исчезновения человека не как биологического вида, а как социокультурного существа. Этот страх усиливается институциональными механизмами, делая ряд нерешённых социальных проблем таких как безработица, социальное неравенство второстепенными по сравнению с исчезновением человека как вида. По мнению З. Баумана, «неустойчивость проникает во все уголки человеческого существования» [1, с. 108].

Выявленные типы страхов показывают, что моральная паника вокруг искусственного интеллекта — это не просто тревоги различного плана, а комплексное социальное явление, в котором технические угрозы подменяют собой реальные социальные риски, нерешенные социальные проблемы. Каждый тип страхов, названный экспертами, указывает на то, что человек обеспокоен потерей уникальности, индивидуальности, хочет сохранить свою моральную целостность и ценностную автономию в условиях технологизации, которая в общественном дискурсе конструируется как угроза человеку. Рациональный подход позволяет по-иному посмотреть на искусственный интеллект: *«как математик и человек, который знаком с информатикой, я считаю, что фобии относительно искусственного интеллекта сильно преувеличены. Достаточно сказать, что это не более, чем программный продукт, который не автономен от человека, влияние на него несущественно со стороны роботизированной техники».* Математики понимают, что искусственный интеллект не обладает теми качествами, которые могут привести к реальной угрозе, страха нет, искусственный интеллект – это управляемый инструмент. Искусственный интеллект – это не самостоятельный субъект, он сам не принимает решений, не имеет собственных целей.

Страхи вокруг искусственного интеллекта, высказанные экспертами показывают, что паника носит не технический, а институциональный характер. Анализ экспертных интервью позволяет сделать вывод, что показывает не столько обеспокоенность общества проблематикой искусственного интеллекта, сколько важнейшие страхи общества, которые проецируются на проблематику искусственного интеллекта и преломляются через нее. Если человек боится потерять работу, то искусственный интеллект усиливает эти страхи.

Моральные паники снижают безопасность общества, потому что отвлекают от реальных проблем, которые нужно решать [5, с. 283]. Искусственный интеллект – это удобный механизм символизации угроз, манипуляции общественным мнением, позволяет обществу выражать накопленные противоречия, а агентам власти – перераспределять ответственность и усиливать контроль. Моральная паника – это проекция внутренних системных кризисов на технологию. Они отражают кризис доверия, напряжения в сфере социальной справедливости, неопределённость будущего и усиливающееся чувство уязвимости перед лицом властных агентов. Моральная паника вокруг искусственного интеллекта отражает реальный источники рисков – институциональный контроль, эрозию ценностей, снижением уровня духовной безопасности современного общества. Поэтому моральная паника вокруг искусственного интеллекта, это скорее тревога не о технологии, а о человеке, его благополучии, институтах.

Список литературы

1. Бауман З. Текучая современность. – М.: Питер, 2008. – 238 с.
2. Дмитриев А. В., Сычев А. А. Провокация. Введение в теорию. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство ЮРАЙТ», 2018. – 264 с.
3. Коэн С. Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокеров / пер. с англ. А. Морозова, Д. Хамис; под науч. ред. Е. Бондал; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 352 с.
4. Сычев А. А. В поисках надежности: трансформация доверия в эпоху цифровых технологий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2024. – № 5(183). – С. 37-59. – DOI 10.14515/monitoring.2024.5.2595.
5. Фофанова К.В. Моральная паника в системе политической коммуникации // Реклама и современный мир. Материалы IV Международной научной конференции. под ред. Смеловой М.В., Брызгаловой Е.Н. – Тверь: Тверской государственный университет. 2016., - С. 282-287
6. Goode E., Ben-Yehuda N. Moral panics: culture, politics, and social construction // Annual review of sociology. Proquest Social Sciences Journals 1994. Т. 20. – P. 149-171

УДК 392

ВЗАИМОПОМОЩЬ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ ГУМАННОСТИ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Хабаев Ибрагим Дагаевич,
Чеченский государственный педагогический университет,
г. Грозный, Россия
e-mail: ibragim_habaev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена социальному институту взаимопомощи, широко развитому у народов Северного Кавказа и представляющему собой одну из самых древних форм проявления гуманности. Автор путем анализа научных публикаций исследователей, посвященных безвозмездной поддержке и готовности горцев помочь друг другу, приобщив к ним сведения, собранные в ходе полевых работ, констатирует, что понятия гуманизм и взаимопомощь роднят межличностные отношения, несмотря на их различие в значениях. Как известно, на практике процесс взаимопомощи, реализуется в общении людей между собой при их совместной деятельности, в то время как гуманность представляет собой личное качество индивида, проявляющееся в его отношениях к себе подобным. Именно по этой причине взаимопомощь, как тип человеческих отношений, в основе которых лежит забота, взаимоподдержка и беспокойство друг о друге, выступает как одна из форм проявления гуманности.

Ключевые слова: этнография, обычаи, традиции, народы Северного Кавказа, животноводство, взаимопомощь, «белхи», «шIыхьаф», «марша», «бухъа», «мел», «мил», «кюмек», «гвай», «булкъа».

THE SOCIAL INSTITUTE OF MUTUAL ASSISTANCE «MASH DALAR» AND «VOTTALLA» IN THE TRADITIONAL CHECHEN SOCIETY

Khabaev Ibragim Dagaevich
Chechen State Pedagogical University,
Grozny, Russia
e-mail ibragim_habaev@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the social institution of mutual assistance, which is widely developed among the peoples of the North Caucasus and represents one of the most ancient forms of humanity. By analyzing the scientific publications of researchers devoted to the gratuitous support and willingness of mountaineers to help each other, the author states that the concepts of humanism and mutual assistance are related to interpersonal relationships, despite their

difference in meanings. As you know, in practice, the process of mutual assistance is realized in the communication of people with each other in their joint activities, while humanity is a personal quality of an individual, manifested in his relationship to others. It is for this reason that mutual assistance, as a type of human relationship based on caring, mutual support and concern for each other, acts as one of the forms of humanity.

Keywords: ethnography, customs, traditions, peoples of the North Caucasus, animal husbandry, mutual assistance, «belkhi», «shihiaf», «marsha», «bukha», «mel», «mil», «kumek», «gvai», «bulkya».

В конце XVIII - начале XIX вв. после составления русскими естествоиспытателями, путешественниками и учеными-энциклопедистами Иоганном Гюльденштедтом и Петром Палласом многоязычных словарей народов Кавказа началось зарождение «кавказоведения (Кавказиология) - совокупности научных дисциплин, изучающих природу, историю, экономику, литературу, языки, искусство, религию, философию, этнографию, проблемы безопасности, памятники материальной и духовной культуры стран Кавказа» [38, с. 759-774].

Вслед за первыми исследованиями, по кавказоведению приуроченными в основном лингвистике вскоре появились и труды по другим наукам и, в частности, по этнографии, в которых впервые был освящен институт взаимопомощи, бытовавший издревле на Кавказе.

Необходимо пояснить, что, по сути, это были не специальные работы, посвященные взаимоподдержке или выручке, а представляли собой путевые заметки, короткие записи и очерки в дневниках этнографов-путешественников. Особого внимания заслуживают среди них дореволюционные публикации С.В. Фарфоровского [43], Е.В. Маркова [31], Н.И. Воронова [17], Н.Н. Харузина [46] и Ф.А. Щербины [51]. Из современных исследователей обычай коллективной помощи получил освещение в работах Г.Х. Мамбетова [30], А.И. Мусукаева [35], М. Албогачиевой [7], Э.Д. Эльмурзаевой [53], Р.П. Кулумбегова [24], М.К. Мусаевой [34], С.И. Аккиевой [6], З.И. Хасбулатовой [47], З.С. Исакиевой [48], З.Х. Соблировой [40] и др.

Хозяйственно-трудовая взаимовыручка, в традиционных обществах представляет собой особую форму социального института взаимопомощи. «Большой толковый словарь русского языка» понимает под ним «взаимную поддержку, выручку» [15, с. 124]. Такое же определение дает ему и «Толковый словарь русского языка» определяя ее как «взаимную помощь, помощь друг другу» [37, с. 79].

Известный отечественный этнограф и антрополог, африканист, профессор кафедры этнографии и антропологии СПбГУ Попов В.А. сформулировал его так: «Взаимопомощь, в антропологии один из основных принципов (наряду с родством) организации общества. Проявляется в

обмене материальными ценностями и услугами, часто с элементами солидарности социальной и/или кооперации труда. На взаимопомощи основываются важнейшие социальные институты первобытных и архаических обществ (род, семья, община и др.). Взаимопомощь регулируется как общими моральными установками, так и нормативными предписаниями регулярного обмена помощью, как, напр., обычай делиться с сородичами и общинниками пищей и др. ценностями, поддерживать их в трудных обстоятельствах, защищать во время опасности, соблюдать обычаи кровной мести, оказывать взаимные ритуальные услуги и др. В правовых культурах некоторые виды взаимопомощи кодифицируются, создаются различные общественные ассоциации взаимопомощи (институты взаимного страхования, самообороны, кооперативы и т.п.), в то же время существует и неформальная взаимопомощь (добровольные взаимные услуги на индивидуальном и коллективном уровнях)» [14, с. 241-242].

Более широкое и объемное по своему содержанию определение функции, смысла и ценности понятия взаимопомощи дал «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона». Его составители пишут: «Общежитейский смысл и значение этого слова вполне понятны и обозначают оказание помощи несколькими лицами друг другу. Сферы применения взаимопомощи столь широки, что трудно указать, где бы она не применялась. Наибольшее значение взаимопомощь приобретает с точки зрения экономической. Здесь этому началу в настоящее время дается известное ограничительное толкование: под ним понимается обыкновенно более или менее добровольное оказание помощи друг другу частными лицами, находящимися в приблизительно одинаковых условиях жизни и деятельности. Взаимные услуги оказываются, например, и гражданами одного и того же государства, как членами одного обширного союза или общежития. Но в основе такого общежития лежит более или менее принудительное начало, и связь членов не так рельефно выступает, как в более мелких и специальных общениях. Принудительность как отрицательный признак не исключает, однако, начала взаимопомощи в местных общественно-административных союзах, как, например, в деле земского или городского взаимного страхования. Особенное значение взаимопомощь имеет именно в деле взаимного страхования от огня и других внешних стихийных условий, в страховании жизни, пожизненных доходов, пенсий, пособий, в болезнях и от несчастных случаев. В более примитивной форме принцип взаимного вспомоществования осуществляется во всевозможных взаимовспомогательных кассах. Не меньшее значение имеют и различные формы взаимного кредита - земельного, промышленного и т.п.» [54, с. 166-167].

Как видно из содержания авторы словаря в духе своего времени дали разъяснение не только понятию взаимопомощь, но обозначили и все известные сферы ее применения на практике. Примечательно, что в данном

определении, отмечена экономическая основа взаимовыручки между людьми равного общественного статуса что, по сути, очень верно подмечено. В данном случае, вероятно, имеется в виду не только взаимопомощь между малоимущими слоями общества, но и богатыми. Ведь не секрет, что состоятельные люди нередко приходят на выручку друг другу в случае финансовых проблем или затруднений, возможно, даже чаще чем остальные.

В перечисленных нами определениях понятия взаимопомощь приведены общие для них формы и методы ее реализации. Однако по отдельности у каждого народа процесс ее осуществления имеет присущие только им отличительные черты и в частности у народов Северного Кавказа, о которых пойдет речь в нашем исследовании.

Анализ бытования обычая взаимопомощи у кавказских народов показывает, что в большинстве случаев она оказывалась при постройке дома, восстановление разрушенного жилища, что не является редкостью в горных условиях жизни, особенно после стихийных бедствий. Кроме того к нему часто прибегали во время свадебных торжеств, похоронных обрядов, стрижке овец и т.д.

Среди национальных субъектов Северного Кавказа самым крупным по территории, численности населения, разнообразию религиозных конфессий и народов, населяющих его, является Дагестан. Этимология этой горной страны происходит «от тюркского «даг» - гора, персидского «стан» - страна, земля» [38, с. 130]. Здесь проживает более 30 народов, у каждого из которых обычаи и традиции взаимопомощи называются по-своему «отражая специфику основных занятий населения, социальные отношения в обществе, характерные черты родственных связей, норм морали и этики» [52, с. 81].

Известный исследователь обычаев и традиций народов Дагестана Эльмурзаева А.Д. в своих работах отмечает, что «традиционный обычай соседско-общинной и родственно-тухумной взаимопомощи был широко распространен, на Кавказе … Обычай взаимопомощи отражал специфику основных занятий населения, социальные отношения в обществе, характерные черты родственных связей, норм морали и этики» [52, с. 81].

Один из крупных тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа - кумыки обозначают взаимопомощь термином «булкъа - коллективная безвозмездная помощь» [27, с. 86] и обращаются к нему «не только при восстановлении сгоревшего дома, но и во многих других случаях, начиная со стройки дома, очисткой территорий, заканчивая чисткой кукурузы и т.д. Чаще всего во время булкъа работа сопровождается народными песнями. Следует отметить, что если где то объявили о том, что в чьём-то доме намечается булкъа, помимо того, чтобы оказать свою помощь, молодые кумыки ходили туда и для того, чтобы присмотреть себе невесту. Ибо там, где не принято заговаривать на улице, это было единственным местом где в весёлой обстановке и во время работы можно было

познакомиться с девушкой или, на крайний случай, хотя бы обратить на себя внимание той, которая уже нравилась» [26].

Автор историко-этнографического исследования «Кумыки» С.Ш. Гаджиева пишет: «Если где-нибудь устраивалась «булкъа», они направлялись туда, чтобы встретиться с девушками. Обычно юноши являлись на «булкъа», взяв с собой сладости для угощения девушек. Поэтому накануне «булкъа» в одном из кварталов селения юноши устраивали игру - «гудурбай», целью которой был сбор продуктов, обменивавшихся потом на фрукты и сладости» [20, с. 265]. В своей работе она раскрывает и некоторые интересные черты, касающиеся разнообразия причин организации «булкъа», из чего выясняется, что кумыки не всегда устраивали его по причине нужды. Часто их учреждали по просьбе молодежи, которая обращалась для этого к одной из самых авторитетных в селе женщин. Она в свою очередь созывала на «булкъа» незамужних сельчанок, на которых указывали сами юноши, и цель такой церемонии заключалась в том, чтобы устроить встречи для любящих сердец.

Примечательно, что на подобном «булкъа» в обязательном порядке присутствовали женщины старшего возраста и хозяйка, дома организовавшая посиделки «которая несла ответственность перед родителями приглашенных за соблюдением ими правил приличия» [20, с. 266]. Таким образом, по мнению С.Ш. Гаджиевой «на разных «булкъа» и в других видах коллективной работы проверялись трудолюбие и скромность девушек, особенно теми, кто имел намерение посвататься» [20, с. 267].

Аварцы - крупнейший этнос многонационального Дагестана, придававший обычаю взаимопомощи особое значение, обозначает его термином «гвай» (буквально - много)» [3]. Как и у остальных народов Северного Кавказа ее формы у аварцев «были разнообразны - коллективная трудовая помощь при вывозе навоза на поля, сенокошении, уборке урожая, обмолоте, строительстве дома. Этот обычай был и своеобразной формой совместного проведения досуга. Широко были распространены посиделки - цIадух чIей («посидеть у огня»), гъастIабакI («место у камина»), во время которых, так же выполнялась небольшая коллективная работа» [12, с. 377].

Оказание посильной помощи односельчанину, родственникам, другу или соседу, оказавшемуся в затруднительном положении или попавшему в беду, считался священным долгом каждого аварца. В тяжелых условиях гор часто многие семьи не могли справиться в одиночку с тяжелыми физическими работами без помощи сородичей. Кроме этого по мнению М.Н. Гаджиевой «Совместная работа сближала людей, делала их душевно щедрыми, добрыми, облегчала труд. Люди получали моральное удовлетворение, а хозяин проникался чувством благодарности, желанием в свою очередь сделать им приятное. … Взаимопомощь была существенным подспорьем для семьи: ведь всегда можно рассчитывать на помощь сельчан, родственников в трудный момент» [18].

Как известно постройка жилья в условиях горной местности требует очень многих трудовых усилий и ресурсов, так как это дело весьма непростое и трудозатратное. Горцы прибегали к нему часто. Табасаранцы эту форму взаимопомощи обозначают термином «мил» (строительство с помощью родственников, соседей, односельчан) [9, с. 93]. К ней они прибегали «выполняя наиболее трудоемкую и тяжелую работу: возведение стен и крыши. Работы внутри дома в основном выполняли сами хозяева» [9, с. 93] поэтому его можно охарактеризовать как «трудовую помощь друг другу родственников, соседей, односельчан, друзей, кунаков в сельскохозяйственных работах, при строительстве дома и т.д.» [9, с. 185].

Вместе с тем кроме нее у табасаранцев существовала и другая форма коллективной взаимопомощи «кюмек» - «помощь сиротам, вдовам, немощным старикам, пострадавшим от пожара, града и других стихийных бедствий» [5]. По традиции «кюмек» и «мил» как и «любая коллективная помощь на селе всегда сопровождались обильными угощениями, проходили в праздничной обстановке. Нелегким был труд женщины при уборке урожая. Но она превращалась в настоящий праздник. Женщины надевали свои лучшие платья, каждая приходила со своим серпом. Они становились в ряд, и кипела работа в сопровождении весёлых песен, часто под мелодии зурначей» [5]. Главным образом на такие мероприятия приглашались близкие родственники обеих полов. Женщины обычно расчесывали овечью шерсть и изготовляли из нее нитки для ковродельческого ремесла, традиционно развитого у них. Мужчины в основном оказывали помощь при сенокосе. Как известно в горных условиях Дагестана косьба была очень трудоемким и сложным делом, так как косить траву приходилось на склонах гор. Иногда приходилось даже привязывать косаря веревкой за пояс, чтобы скосить траву в расщелинах, каньонах, теснинах и оврагах. Конечно, здесь нужен был не только опыт косьбы, но и мужская помощь и рука. Занятно, что для исполнения работ общего характера, работоспособные табасаранцы выходят по традиции всем селом без исключения. Примечательно, что эти обычаи бытуют у них до сих пор. По мнению большинства исследователей благодаря таким видам взаимопомощи на табасаранской земле за очень короткие сроки возникали красивые мосты, дороги, дома, родники, объекты религиозного культа и т.д., что придавало этому краю особый колорит.

Почти как у табасаранцев звучит термин обозначающий взаимопомощь и у лезгин, а именно «мел» [19, с. 41-44]. Вполне возможно, что причиной тому является культурное взаимопроникновение, ведь на северо-западе и юге табасаранцы соседствуют с селениями лезгин. В понимании лезгин «мел» представляет собой «коллективную помощь одному человеку (семье) для выполнения какой-либо сложной и трудоемкой работы. Это, прежде всего, строительство жилого дома (кIвал эцигдай мел). Мел в сознании лезгин святое слово, по первому зову все спешат на «мел» - помочь безвозмездно человеку, нуждающемуся в помощи» [1].

В том же значении, но уже под другим названием взаимопомощь практикуется и у даргинцев. Большинство исследователей отмечают, что «из-за недостатка рабочего скота, нехватки оборудования и рабочей силы, даргинцы постоянно в течение сельскохозяйственного года прибегали к обычаю родственной взаимопомощи - «вука» [8, с. 73]. Весьма занимательно то, что кроме вышеупомянутого общедаргинского термина обозначающего взаимопомощь у жителей некоторых даргинских сел существуют и другие ее разновидности. Например, в селе Урахи, Сергокалинского района Республики Дагестан «важное место занимал обычай взаимопомощи - «кумек», «бухъа», основанный на коллективной трудовой деятельности, уходящий своими корнями в глубокую древность» [11, с. 10] о чем подробно писала К.К. Ахмедова. Ее работа, лишний раз подтвердила концепцию разнообразия форм и видов взаимопомощи, и не только в Дагестане, но и на всем Северном Кавказе.

Продолжая тему коллективной взаимопомощи народов Дагестана, стоит сказать и о лакцах, которые «строго придерживаются традиции и взаимовыручки марша» [28, с. 67]. Лакцы почитают за честь и «долг каждого - помогать соседям, односельчанам в трудные периоды их жизни. Пострадавшим помощь оказывается незамедлительно как моральная, когда человека поддерживают словами, так и материальная, когда людям, попавшим в беду, помогают деньгами, вещами, одеждой и т.д.» [28, с. 67].

Исследователь-этнограф Магомедова-Чалабова М.И. осветила некоторые аспекты процедуры принятия решения об оказании взаимопомощи у лакского народа. В частности она пишет: «В горах часто случаются непредвиденные ситуации, и на годекане (ккIурчIа) при получении неприятных известий о каких-то чрезвычайных происшествиях аксакалы поручали молодым пойти на место происшествия и оказать помощь. На годекане обсуждали, как помочь погорельцам, больным, одиноким, детям-сиротам в строительстве или ремонте дома, пахоте, севе, уборке урожая, сенокосе и т.д.» [28, с. 67].

У адыгов северо-западного Кавказа, институт взаимопомощи является важнейшим элементом культуры и носит название «шIыхьаф (по-кабардински щIыхьэху) - трудовая взаимопомощь» [25, с. 23]. К нему они обычно «прибегали в затруднительных случаях, связанных со строительством нового дома, с уборкой урожая (необходимость в регламентированное время успеть освободить поле) и выполнением других трудоемких работ» [32]. По традиции адыгов перед началом строительства дома все родственники собирались на семейный совет. Оказание помощи сородичу в деле обустройства молодой семьи считался у них не только долгом, но и делом чести. Этим адыги «подчеркивали свою близость и расположение к хозяевам строящегося дома, а иногда (если до этого между ними были какие-то недоразумения или ссора) шIыхьаф служила поводом

примирения сторон и притом без всяких оправданий или упреков, без выяснения отношений» [42].

Польский офицер, революционер и писатель-мемуарист Теофил Лапинский в своем описании северокавказских народов так писал об адыгах: «Соседи между собой живут в таком согласии, которое могло бы послужить примером для европейских селян; полевыми работами всегда совместно занимается несколько соседей» [41, с. 85]. Тут нам на память приходят старинные адыгские поговорки и пословицы о соседях: «Хороший сосед лучше плохого родственника»,- говорили сами адыги. Или же высказывались еще определеннее: «Сосед дороже дальнего родственника» [35, с. 208].

Полевые материалы по этнографии адыгов свидетельствую о том, что у них было особенное отношение к процессу сева, требовавшего большого опыта. Адыги не каждому доверяли эту работу и «нередко семьи устраивали трудовую взаимопомощь - шIыхьаф и приглашали опытных сеяльщиков, которые, следуя обычаю гостеприимства, работали без вознаграждения. Однако хозяин должен был их кормить, пока они работали у него» [25, с. 42].

Карачаевцы, живущие бок о бок с адыгскими народами, обозначают взаимопомощь термином «маммaтлыкъ - безвозмездная помощь друг другу» [36]. Как и у прочих народов северокавказского региона, она выражалась в «хозяйственных работах: сенокос, пахота, уборка урожая, постройка и ремонт жилища, обязательная помощь в случае болезни или смерти (къайгъаш). Традиция неписаная, но незыблемая: если попросили о помощи, обязательно помоги» [21]. Кроме вышеуказанных видов коллективной помощи в Карачае «во время осенней стрижки овец широко бытовала взаимопомощь соседних кошей» [13, с. 43] также обозначавшаяся словом «маммaтлыкъ».

Коснувшись традиций соседской взаимопомощи карачаевцев посредством «коши - «временные стоянки в процессе кочевья» [23] нужно пояснить, что наряду с традициями родственной взаимопомощи они играли весомую роль в жизни не только карачаевского и прочих кочевых тюркоязычных народов, но и русско-украинского сословия казаков. Как ни странно в русском языке тоже существует термин «кош» в значении «казачий лагерь, стоянка кочевников» [44, с. 359], глава которого носит титул «кошевой - старшина, предводитель коша» [44, с. 359]. Закономерность этого утверждения заключается в том, что в местах компактного проживания какой-либо значительной части близких по родству людей часто преобладает соседская взаимопомощь.

Из вышесказанного напрашивается вывод о том, что обычай взаимопомощи у всех народов Северного Кавказа имел единое функциональное значение и поэтому «отражал специфику основных занятий населения, социальные отношения в обществе, характерные черты родственных связей, норм морали и этики. Обычай зародился еще в глубокой древности, т.к. слаборазвитые формы труда, сложности в ведении хозяйства

способствовали сохранению этого обычая как характерной черты производства и быта и на последующих этапах социально-экономического развития общества» [52, с. 81].

Крупнейший советский историк, этнограф и кавказовед Косвен М.О. изучавший семейную общину и патронимию горцев коснувшись темы взаимопомощи в горской среде писал: «эта черта особо стойко сохранилась в быту у всех народов Кавказа даже тогда, когда патронимия испытала уже глубокий распад. Взаимопомощь выражалась в том, что все семьи патронимии неукоснительно являлись на помощь тогда, когда одна из семей предпринимала какую-нибудь работу, для выполнения которой сил одной семьи было недостаточно» [22, с. 198].

Перечень кавказских народов, практикующих обычаи коллективной взаимопомощи можно было бы продолжить, однако мы решили проанализировать некоторые черты этого социального института в классическом чеченском обществе. У чеченцев, являющихся на Северном Кавказе самым крупным этносом, традиция коллективной помощи восходит к глубокой старине и обозначается термином «белхи». Она представляет собой «сложный по своей структуре обычай, в центре, которого находился совместный бескорыстный, неоплачиваемый труд» [47, с. 87] и немало изучен до нас этнографами-кавказоведами.

Наше обращение к данной тематике связано с желанием исследовать и обобщить опыт института взаимопомощи у северокавказских народов с точки зрения гуманизма, т.е. взаимоподдержки, заботе и беспокойстве людей друг о друге, что было актуально во все времена и злободневно в наши дни. Кроме того, в нашем арсенале есть пусть и не столь важная на первый взгляд, но значимая по существу поправка, касающаяся организации «белхи», о которой мы скажем чуть ниже.

Одним из первых исследователей, упомянувших о существовании в традиционном чеченском обществе обычая взаимопомощи «белхи» был известный чеченский публицист, поэт и прозаик М.А. Мамакаев. Он отмечает что: «Несомненным пережитком или, вернее, остатком этой тайповой помощи были так называемые белхи, которые широко использовались до последних дней, главным образом материально состоятельными лицами, духовенством» [29, с. 37]. Позже исследователи традиционного уклада жизни чеченцев и ингушей в своих трудах часто возвращались к причинам, способствовавшим становлению обычая коллективной взаимопомощи получившего наименование «белхи» от чеч. «буолх» - «работа, дело» [16, с. 113], которые «как правило, скрываются в социально-экономической жизни» [50, с. 135] народов. По мнению этнографов, «белхи» сложились у чеченцев, впрочем, как и у других народов мира с незапамятных времен. Причиной тому на их взгляд были ландшафтно-географические особенности ареала их обитания, в связи, с чем он выполнял архиважную хозяйственную функцию.

Профессор З.И. Хасбулатова отмечает, что «условия жизни чеченского народа во все времена были таковы, что труд и быт оказались, слиты воедино» [47, с. 87] как единое целое и поэтому «обычай взаимопомощи «белхи» («болх» - «работа»), являющийся традиционной чертой общественного быта чеченцев, возник в глубокой древности в связи с хозяйственной необходимостью» [47, с. 87].

Межидов Д.Д. и Алероев И.Ю. также подчеркивают, что «жизненно важной для горцев формой коллективизма являлась трудовая взаимопомощь» [33, с. 95], одной из разновидностей которой являлись «белхи». На их взгляд «этот обычай своими корнями уходит в седую старину, и являются порождением суровых условий жизни горца. Ведь нередко приходилось связываться одной веревкой, чтобы выкосить на почти отвесном склоне траву, невозможно было действовать в одиночку и там, где приходилось отвоевывать у гор участки под культурное поле. Любое несчастье, горе, потеря кормильца - и село должно было брать на себя заботу о потерпевших. И в Чечено-Ингушетии таких семей, в том числе и семей воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, было немало. Оставшиеся в селе взрослые мужчины не позволяли себе, садится за трапезу до тех пор, пока часть ее не будет отнесена в соседний дом, в котором живет семья с малыми детьми, но нет кормильца-мужчины» [33, с. 95].

В специальной литературе отмечается, что нахи к «белхи» прибегали тогда «когда надо было, в сжатые сроки, справится с сельскохозяйственными работами, что приходило в годовом цикле на летне-осенний период» [50, с. 135]. Однако анализ научных трудов чеченских ученых-этнографов позволяет нам сделать вывод о неограниченности «белхи» определенными временными или сезонными рамками. К примеру, профессор Шавлаева Т.М. по этому поводу пишет: «поскольку работали круглый год, то и к взаимной помощи население прибегало в течение всего года, хотя основная нагрузка приходилась на период уборки урожая, заготовки сена и стрижки овец, обработки шерсти, шелушения кукурузы. При строительных работах также поощрялось обращение к этому обычаю. В зимнее время, как правило, устраивали «белхи» по обработке шерсти, который был полностью сосредоточен в руках женщин, а шерстеобрабатывающий промысел включал в себя несколько видов, что вносило живое разнообразие в работу. Шерстеобрабатывающий промысел имел также большое экономическое значение в жизни семьи» [50, с. 135].

Стоит отметить, что Тамара Магомедовна первой из чеченских ученых-этнографов обратила внимание и изложила в своем сочинении этико-правовые нормы и требования, предъявляемые к «белхи». В своей диссертации на соискание ученой степени доктора наук она в отличие от других исследователей сформулировала ряд обязательных правил, касающихся процедуры их организации и исполнения. Среди них: «1. В традиционном обществе не разрешалось устраивать «белхи» ремесленникам,

которые поставляли свою продукцию на рынок. 2. Не разрешалось устраивать какие-либо помехи в организации «белхи». Если происходила «накладка», хозяевам следовало мирно согласовывать вопрос между собой. 3. Близкие родственники, особенно зятья и снохи, должны были приходить на «белхи» без приглашения, их только ставили в известность. 4. Со стороны хозяев должно было быть щедрое угощение для участников «белхи»» [50, с. 136].

В приведенном перечне условий трудно согласится с категоричностью пункта № 4, так как собранные нами полевые материалы дают основание полагать, что его содержание требует некоторой корректировки. Так, например, жительница внутригородского поселка им. Жамалайли Элиханова г. Грозного 73-летняя Хеди Саралапова сообщила нам, что в 60-70-х годах XX в. в Нагорной Чечне существовал обычай, согласно которого участники «белхи» сами приносили продукты питания. По словам Хеди объяснялось это тем, что, по своей сути, сам смысл «белхи» заключался в оказании помощи нуждающимся, а так как на угощение значительного числа рабочих требовались существенные материальные затраты то для одной семьи это было довольно накладно. Такой обычай, по ее мнению, вполне соответствовал чеченской концепции «гIиллакх - норма поведения, приличие, этикет» [49, с. 149] и поэтому «белхи» как по смыслу, так и по содержанию становились подлинной взаимовыручкой.

Анализ научных публикаций, посвященных институту взаимопомощи в чеченском обществе, невольно наталкивает на мысль о том, что «белхи» были единственной формой взаимопомощи, практиковавшейся у чеченцев. Так, например, Абдулаева Э.С., освятила их с точки зрения «составного элемента традиционной культуры чеченского этноса» [2, с. 174] и справедливо отметила, что ««белхи» нельзя назвать помощью именно для бедных, неимущих слоев населения. В чеченском обществе не было разделения на полярные сословия. Свобода, равенство и братство составляли главный смысл существования народа. Несмотря на наличие у чеченцев ярко выраженных индивидуалистических черт, их объединяет чувство родового коллективизма» [2, с. 174]. С ее слов «белхи» как «форма коллективной взаимопомощи сплачивала людей и позволяла им выжить в трудных жизненных условиях, укрепляла внутринациональное единство» [2, с. 175].

Другой исследователь Хадисова К.В. подробно описала «этико-аксиологические и социокультурные особенности коллективной помощи - «белхи»» [45, с. 186]. На ее взгляд «жизнь горцев в суровых географических и климатических условиях, а также постоянная внешняя угроза создавали необходимость совместно решать социальные проблемы, помогать друг другу, особенно слабо защищенным слоям общества посредством различных обычаев. Среди них у чеченцев как важная составляющая духовной культуры выделялась традиционная форма коллективной помощи - «белхи». Она включала в себя философию добрых дел, братского бескорыстия и дружбы» [45, с. 187].

Социальную сущность коллективной взаимопомощи «белхи» «как универсального института, имеющего важнейшее значение для интеграции и стабилизации социума как традиционного, так и модернизированного» [4, с. 91] раскрыла Л.Т. Агиева. По ее мнению, «взаимопомощь - это всякая взаимовыручка, форма обмена, зародившаяся в первобытной общине с появлением в ней распределения по труду и личной собственности. Это исторически сложившиеся устойчивые формы организации совместной деятельности, регулируемой нормами, традициями, обычаями и направленной на удовлетворение потребностей общества» [4, с. 91].

Профессор З.И. Хасбулатова и З.С. Исакиева исследовали «степень выраженности и связи того или иного вида взаимопомощи от хозяйственного направления семьи» [48, с. 19]. Они пришли к выводу о том, что «жизнеспособность и жизнестойкость родственных семей - патронимии - «гара», в некоторой степени обеспечивалась благосостоянием составляющих ее семей и отсюда то большое значение, которое община в целом придавала институту взаимопомощи» [48, с. 20].

Таким образом, нахский традиционный институт взаимопомощи ««белхи» являлся, с одной стороны, местом общения людей разного возраста, с другой, школой трудового и нравственного воспитания, где происходил обмен знаниями, закреплялись и передавались производственные навыки и нормы поведения» [48, с. 21] горского общества. Его цель состояла в «воспитании у подрастающего поколения любви к труду, а также помощи своим односельчанам в выполнении трудной работы» [10, с. 128] требующей больших трудозатрат. Кроме того, важной составляющей института взаимопомощи является то, что он выражает идею ценности человека в его стремлении к взаимному сотрудничеству. Это роднит его с гуманизмом, ведь эти два понятия неразрывно связаны между собой через принципы, в основе которых лежит забота о людях, уважение к их достоинству, а также стремление к всеобщему благу.

Подытожить наше исследование мне бы хотелось выдержкой из работы Ахмедовой К.К., которая дает конкретное определение понятию взаимопомощь как одной из форм проявления подлинного гуманизма у народов Северного Кавказа. Она пишет: «Обычай взаимопомощи, корни которого уходят в глубокую древность, не утратив своих хозяйственно-экономических функций, со временем стал морально-этической нормой общества, проникнутый гуманистическими идеями; он продолжает жить и сегодня, когда нуждающийся в рабочей силе родственник, сосед или друг получает безоговорочно помощь от своих односельчан, родственников и друзей» [11, с. 3].

В заключении мне бы хотелось сказать, что в исследовании социальных институтов взаимопомощи народов Северного Кавказа, в частности чеченцев и их братьев ингушей существенное значение могут сыграть полевые

изыскания. В их ходе можно по крупицам, восстановить историю, повседневную жизнь горцев в прошлом и быт наших народов.

Невосполнимую помощь в этом деле могут сыграть этнографические экспедиции, которые на наш взгляд помогут не только изучить социально-политические институты прошлого, исследовать культурно-бытовые особенности народов их обычаи, традиции, материальную и духовную культуру, но и восполнить вышедшие из оборота слова, языковые единицы и термины.

Список литературы

1. LEKI / Лезгины. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-37058256_182078 (дата обращения 29.06.2023 г.).
2. Абдулаева Э.С. «Белхи» как институт взаимопомощи чеченцев. Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2015. № 5-2. - С. 174.
3. Аварцы. [Электронный ресурс]. URL: http://minnacrd.ru/avartsy (дата обращения 05.03.2023 г.).
4. Агиева Л.Т. Социальный институт взаимопомощи «белхий» в традиционном ингушском обществе. Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2018. № 1. - С. 91.
5. Азизова Г.Н. Табасаранцы. История, культура, традиции. Обычай взаимопомощи. «Эпоха», 2012. (Детям - о народах Дагестана). [Электронный ресурс]. URL: https://educ.wikireading.ru/11986 (дата обращения 30.06.2023 г.).
6. Аккиева С.И. Институт взаимопомощи у балкарцев: от традиции к современности // Этносоциология: поиски и свершения // Отв. ред., сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. - М.: ИЭА РАН, 2022. - С. 232-237.
7. Албогачиева М. Обычай взаимопомощи белхи у ингушей // Лавровский сборник: этнология, история, археология, культурология (2012-2013). Карпов Ю.Ю., Резван М.Е. - СПб., 2013. - С. 329- 334
8. Алиев А.И., Никольская З.А. Даргинцы // Народы Дагестана. М., 1955. - С. 73. - 248 с.
9. Алимова Б.М. Табасаранцы (XIX - начало XX в.): Историко-этнографическое исследование. Дагестанский научный центр РАН Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992. - С. 93. - 264 с.
10. Ахмадов М.М. Чеченская традиционная культура и этика. Грозный. 2006. - С. 128. - 208 с.
11. Ахмедова К.К. Обычай взаимопомощи у населения Урахинского сельского общества в XIX - начале XX вв. Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 1 (18). - С. 10.
12. Ахмедова М.К., Сефербеков Р.И. Традиционный общественный быт аварцев-гидатлинцев: обычаи гостеприимства, взаимопомощи и кровной

мести. «Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы». Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской / Отв. ред. П.И. Абайханова (Магаяева). Карачаевск, 18-19 октября 2019 г. - С. 377. - 486 с.

13. Болурова А.Н. Традиционная система отгонного скотоводства карачаевского народа (XIX - начало XX в.). Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 12 (86). ООО «Издательство «Грамота». 2017. Ч. 4. - С. 43.

14. Большая российская энциклопедия. Т. 5. Москва, 2006. - С. 241-242. - 784 с.

15. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. Кузнецов С.А. - СПб.: «НОРИНТ», 2000. - С. 124. - 1536 с.

16. Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. Т. 1. Махачкала: АЛЕФ. 2019. - С. 113. - 302 с.

17. Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. - С. 1-36.

18. Гаджиева М.Н. Аварцы. История, культура, традиции. Махачкала. «Эпоха», 2012. 100 с. (Детям - о народах Дагестана). [Электронный ресурс]. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/Г/gadzhieva-madlena-narimanovna/avarci-istoriya-kuljtura-tradicii#sec_19 (дата обращения 07.03.2023 г.).

19. Гаджиева М.Н. Лезгины. История, культура, традиции. Махачкала: Эпоха, 2011. - С. 41-44. - 72 с.

20. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Изд-во Академии наук СССР. 1961. - С. 265. - 388 с.

21. Исследовательская работа «Перекрестки культур» [Электронный ресурс]. URL: https://multiurok.ru/index.php/files/issledovatelskaia-rabota-perekrestki-kultur.html (дата обращения 30.06.2023 г.).

22. Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963. - С. 198. - 219 с.

23. Кош. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кош (дата обращения 30.06.2023 г.).

24. Кулумбегов Р.П. Формы взаимопомощи в традиционной земледельческой культуре осетин // Известия СОИГСИ. 2017. № 23 (62). - С. 12-20.

25. Культура и быт адыгов. (Этнографические исследования). Вып. III. Майкоп. 1980. - С. 23. - 200 с.

26. Кумыкская традиция BULQÁ (булкъа) - коллективная безвозмездная помощь [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-113664973_24 (дата обращения 05.03.2023 г.).

27. Кумыкско-русский словарь. М.: «Советская энциклопедия». 1969. - С. 86. - 408 с.

28. Магомедова-Чалабова М.И. «Лакцы. История, культура, традиции». Махачкала. Изд-во «Эпоха». 2014. - С. 67. - 74 с.

29. Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2009. - С. 37. - 111 с.

30. Мамбетов Г.Х. Пережиточные формы института взаимопомощи, связанные с семейным бытом кабардинцев и балкарцев в XIX - начале XX в. // Ученые записки КБНИИ. 1974. Т. 26. - С. 115-131.

31. Марков Е.Л. (1835-1903). Очерки Кавказа: Картины кавказ. жизни, природы и истории / [Соч.] Евгения Маркова. - Санкт-Петербург, М.: Т-во М.О. Вольф, 1887. - 694 с.

32. Материальная культура адыгов. [Электронный ресурс]. URL: https://obrazovanie-gid.ru/doklady/materialnaya-kultura-adygov-doklad.html (дата обращения 05.03.2023 г.).

33. Межидов Д.Д. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы: социально-философский аспект / Д.Д. Межидов, И.Ю. Алироев. Грозный: Книга, 1992. - С. 95. - 207 с.

34. Мусаева М.К. Взаимопомощь и ее формы у хваршин // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX-начале XX в. Сб. ст. / Даг. фил. АН СССР, Ин-т истории, яз. и лит. им. Г. Цадасы; [Сост. С.А. Лугуев]. - Махачкала, 1987. - С. 127-130.

35. Мусукаев А.И., Першиц А.И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. - Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1992. - 238 с.

36. Народный календарь карачаевцев. [Электронный ресурс]. URL: http://fbavrq.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar/496470/ (дата обращения 30.06.2023 г.).

37. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. - С. 79. - 944 с.

38. Полиевктов М.А. Из истории русского академического кавказоведения XVIII века. // Известия Академии наук СССР. Сер. 7: Отд. общественных наук. - М.; Л., 1935. - № 8. - С. 759-774.

39. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь: Ок. 5000 единиц / Е.М. Поспелов; Отв. ред. Р.А. Агеева. - 2-е изд., стереотип. - М.: Русские словари: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. - С. 130. - 512 с.

40. Соблирова З.Х., Хоконов М.А., Журтова А.А. Этнографический анализ социокультурного содержания института взаимопомощи кабардинцев и балкарцев [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Кавказология». 2019. № 4. - С. 92-111. - URL: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2019/12/soblirova_hokonov_zhurtova_ kavkazologija_2019_4.pdf?ysclid=lpmxgxnb6t530727474 (дата обращения: 12.11.2023).

41. Теофил Лапинский (Теффек-Бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик. Изд-во М. и В. Котляровых. 2021. - С. 85. - 346 с.

42. Традиция взаимопомощи в культуре адыгов. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-114526004_43166 (дата обращения 30.06.2023 г.).

43. Фарфоровский С.В. Чеченские этюды: (Из дневника этнографа) / С. Фарфоровский. - Ставрополь: тип. Губ. правл., 1912. - 18 с.

44. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. Т. II. (Е-Муж) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. - 2-е изд., стер. - М.: Прогресс. 1986. - С. 359. - 672 с.

45. Хадисова К.В. Социальные и этические аспекты в традиционной культуре чеченцев. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-3 (61). - С. 186.

46. Харузин Н.Н. По горам Северного Кавказа. - Вестник Европы. М., - 1888. - № 10.

47. Хасбулатова З.И. «Белхи» как традиционная форма взаимопомощи связанная с хозяйственным и семейным бытом чеченцев в XIX-XX вв. Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. - С. 87.

48. Хасбулатова З.И., Исакиева З.С. Обычаи взаимопомощи, связанные с хозяйственной деятельностью чеченцев в XIX - нач. XX в. Международный научно-исследовательский журнал № 6 (96). Ч. 4. Июнь. - С. 19-22.

49. Чеченско-русский словарь / Хамидова З.Х., доктор филол. наук, профессор. М., 2014. - С. 149. - 1104 с.

50. Шавлаева Т.М. Из истории развития культуры хозяйственной деятельности чеченского народа (XIX - начало XX вв.). Автореферат диссер. на соискание учёной степени доктора исторических наук. - С. 135. - 353 с.

51. Щербина Ф.А. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования: в 2-х томах. Архивные материалы и научные исследования. В 2-х тт. / Сост. П.А. Кузьминов. Т. 1. - Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.: ЭльФа, 2008. - С. 200-228.

52. Эльмурзаева А.Д. Обычай взаимопомощи у народов Дагестана (конец XIX - начало XX вв.). «Вестник АГУ». Вып. 4(130). 2013. - С. 81.

53. Эльмурзаева А.Дж. Обычай взаимопомощи у народов Дагестана (конец XIX начало XX вв.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 3. - С. 92-96.

54. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 6. СПб. 1894. - С. 166-167. - 502 с.

УДК 316.4

ФЕНОМЕН БЕЗОПАСНОСТИ: ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Хайбулаев Гаджимурад Хункарбиевич,
Абасова Бесханум Адиловна
Дагестанский государственный университет
г. Махачкала, Россия
e-mail: g.khaybulayev03@mail.ru
e-mail: bella052012@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному теоретическому анализу феномена безопасности как фундаментальной социальной и философской категории. Автор рассматривает эволюцию понятия «безопасность», его многогранную природу и трансформацию в системе научного знания. Показывается, что безопасность представляет собой не только состояние отсутствия угроз, но и динамический процесс, а также высшую потребность и ценность для личности, общества и государства. Особое внимание уделяется смене парадигмы в подходах к безопасности: от традиционной, государственно-центричной модели, к концепции «человеческой безопасности» (human security), получившей развитие в рамках школ Японии и Канады. На основе анализа теоретических подходов, включая концепцию онтологической безопасности Э. Гидденса, в статье предлагается многомерная модель понимания безопасности через призму ее субъектного, объектного и функционального аспектов. Делается вывод о междисциплинарном характере исследований безопасности и ее ключевой роли как условия устойчивого развития сложных социальных систем.

Ключевые слова: безопасность, онтологическая безопасность, философия безопасности, национальная безопасность.

THE PHENOMENON OF SECURITY: A PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Khaybulayev Gadzhimurada Khunkarbievich,
Abasova Beskhanum Adilovna
Dagestan State University
Makhachkala, Russia
e-mail: g.khaybulayev03@mail.ru
e-mail: bella052012@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive theoretical analysis of the phenomenon of security as a fundamental social and philosophical category.

The author examines the evolution of the concept of "security," its multifaceted nature, and its transformation within the system of scientific knowledge. The analysis demonstrates that security represents not only a state of absence of threats but also a dynamic process, as well as a supreme need and value for the individual, society, and the state. Particular attention is paid to the paradigm shift in security approaches: from the traditional, state-centric model to the concept of "human security," developed within the Japanese and Canadian schools. Based on the analysis of theoretical approaches, including A. Giddens' concept of ontological security, the article proposes a multidimensional model for understanding security through the prism of its subjective, objective, and functional aspects. The conclusion is made about the interdisciplinary nature of security studies and its key role as a condition for the sustainable development of complex social systems.

Keywords: security, ontological security, philosophy of security, national security.

Необходимость рассмотрения основ безопасности объективно обусловлена тем, что способность и готовность личности, общества и государства противостоять даже небольшим отклонениям условий существования.

Безопасность есть состояние сложных социальных систем, обеспечивающих и гарантирующих сохранение их целостности, устойчивого динамического развития и эффективного функционирования на заданные цели, а также тех объективных условий, которые этому способствуют [2. С. 66].

Понимание понятия «безопасность» довольно сложная задача ввиду того, что оно является социальным явлением, охватывающим по меньшей мере несколько дисциплин и научных специальностей. В настоящее время можно встретить по меньшей мере несколько десятков определений этого немаловажного для бытия человека социального феномена.

В определённом смысле безопасность определяется как явление, наиболее часто отождествляемое с таким состоянием национального государства или группы государств, которое делает их способными эффективно противостоять угрозам, вызванным действиями человека или силами природы. В работах из области социальных наук мы можем столкнуться с понятием, которое понимается как способность субъекта к выживанию, независимость (субъектность, суверенитет), идентичность, возможности нестесненного развития индивида (человеческой личности).

В общем смысле безопасность понимается как состояние отсутствия угроз (форма негативной свободы) [3], тогда как в абстрактном значении – как альтернатива хаосу. Устранение состояния хаоса, то есть, в индивидуальном измерении, экзистенциальной тревоги, представляет собой практику выработки рутинных действий, поддерживающих доверие в сообществе [1]. Э. Гидденс оперирует здесь категорией онтологической

безопасности, которая означает «…чувство непрерывности и порядка событий, включая события, выходящие за пределы области непосредственного опыта индивида» [1].

Потребность в безопасности рассматривается также через призму специфического восприятия времени и пространства. Это связано с развитием общественного сознания. Человек как субъект безопасности меняет свое отношение к этим двум измерениям, переходя от чего-то, что можно назвать универсальностью восприятия, к фрагментарности. Сама фрагментарность в сознании и мышлении человека дает возможность осознать сложность реальности и происходящих процессов, понимаемых с различных сторон, давая тем самым импульс к претензиям на изначально укорененную универсальность. Человек, апеллируя к религии, концепциям спасения, жизни после смерти, в действительности на подсознательном уровне хочет обезопасить себя от смерти, неопределенности и страданий, устраняя при этом психологический дискомфорт.

Исследователи наук о безопасности понимают феномен безопасности как состояние и процесс сохранения и выживания субъекта при любых видах угроз, а также возможность его свободного, ничем не нарушаемого развития. Разумеется, такое понимание безопасности будет значительным упрощением, поскольку мы не обращаемся подробно к категории угроз. Мы говорим об угрозах в общем как об опасностях. Однако существует принципиальное понятийное различие в понимании этих двух терминов. Опасность мы понимаем в целом как состояние, ситуация, положение, грозящие чем-то плохим, угрожающие кому-то/чему-либо, тогда как угрозу следует понимать как ситуацию, в которой появляется вероятность возникновения состояния, опасного для окружения.

Понимание безопасности как состояния и процесса вытекает из того, что субъект предпринимает стремления к достижению такого состояния, чтобы находиться в ситуации, в которой он будет ощущать комфорт повседневного существования и предпринимаемых действий. С другой стороны, он будет прилагать усилия к тому, чтобы это состояние было возможно более устойчивым. Он будет вести/участвовать в процессах, благодаря которым состояние безопасности достигается и закрепляется. Поскольку субъект начинает ощущать, что достигнут некий субъективно определяемый им уровень комфорта (безопасности), он приобретает возможность действовать, взаимодействовать и сотрудничать с окружением. Это, в свою очередь, позволяет продолжить процесс развития, совершенствования, достижения намеченных целей.

Исследования безопасности индивида, иначе называемого личной безопасностью или безопасностью человека (с англ. human security), мы можем найти в двух представленных школах – японской и канадской. «Японская школа» концентрируется на лозунге «freedom from want» (свобода

от нужды) и касается усиления мер по противодействию угрозам человеческой жизни, таким как бедность, деградация окружающей среды, торговля наркотиками, инфекционные заболевания, приток беженцев. Тогда как «канадская школа», нашедшая своих популяризаторов в Норвегии, концентрируется на направлении «freedom from fear» (свобода от страха), подразумевающем больший акцент на военные гуманитарные интервенции с целью защиты жизни и прав отдельной личности.

Проблематика безопасности отдельного человека также нашла отражение в Программе развития Организации Объединенных Наций за 1994 год. Был популяризирован термин «human security» (переводимый как безопасность человека/личности), который предполагает, среди прочего, что:

- это концепция универсальная, касающаяся всех людей в мире,
- все её измерения взаимозависимы и тесно связаны друг с другом,
- безопасность человека легче обеспечить с помощью превентивных мер, чем последующих вмешательств,
- «human security» концентрируется на безопасности человека, а не государства.

Вторая половина XX века принесла переоценку субъектов безопасности, которые сосредоточились на человеке как на субъекте безопасности. На более широкие, а не только субъектные, изменения в понимании безопасности указывает, в частности, Р. Земба, признавая, что «…чертой этой эволюции является расширение субъектного, предметного и функционального измерения безопасности» [5].

С феноменом безопасности каждый субъект сталкивается в повседневной жизни, и в то же время безопасность составляет одну из основных потребностей человека/субъекта. Современное понимание безопасности предполагает его широкий спектр, далеко выходящий за пределы военной сферы. Поэтому безопасность следует рассматривать в трех аспектах: субъектном, объектном (или предметном) и перспективном (или функциональном). В субъектном аспекте мы можем выделить национальную безопасность (безопасность государства) и международную безопасность в региональном и глобальном измерении, но также и личную безопасность (индивидуальную, персональную) [4].

Рассматривая значение безопасности в указанных аспектах, можно говорить о трех значениях безопасности в контексте её характера:

В первом значении – это состояние покоя, уверенности в существовании и непрерывности развития субъекта безопасности, свободы действий этого субъекта, которая проистекает из свободы от опасностей (угроз) и от возникающих опасений (страха);

Во втором значении – это процесс, в котором состояние безопасности и его организация подвержены перманентным, динамичным изменениям, сообразно с естественными воздействиями и условиями; иными словами,

безопасность означает здесь непрерывную деятельность человека: отдельных людей, местных сообществ, национальных государств и различных международных организаций по созданию состояния безопасности;

В третьем значении категория безопасности – это первейшая потребность, а тем самым также и ценность для человека, необходимая для его существования и развития.

Безопасность необходима личности, обществу и государству по той причине, что они находятся в постоянном движении, изменении и развитии, которое связано с преодолением противоречий и опасностей в практической деятельности и осуществляемой в условиях неопределённое™ и риска, реально существующих внешних и внутренних угроз. Безопасность как сложное социальное явление является лишь элементом не менее сложных социальных систем, к которым относятся личность, общество и государство, экономическая, политическая и духовная сферы общественной жизнедеятельности [2. С. 66].

Список литературы

1. Гидденс А. Современность и самоидентичность: Я и общество в эпоху позднего модерна. Стэнфорд: Stanford University Press, 1991. - 186 с.

2. Литвинов Э.П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и Время. №1 (7). 2012. - С. 66-75.

3. Най Дж. С. Неореализм и неолиберализм // Мировая политика. 1988. Т. 40. - С. 235–251.

4. Bobrow D. B., Halizak E., Zemba R. National and international security at the end of the 20th century. 1997.

5. Zemba R. On the identity of security sciences, Scientific Papers of the National Defence University, No. 1 (86), Warsaw, 2012, p. 9.

УДК 159.9.07

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГРАММЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Хажуев Ислам Сайдахмедович,
Саидов Асланбек Арбиевич
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный, Россия
e-mail: aslsaidov@gmail.com
e-mail: hazhuev@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты апробации программы психологической реабилитации детей из семей участников специальной военной операции. Целью исследования стала оценка эффективности комплексного коррекционного воздействия, включающего методы арт-терапии, когнитивно-поведенческой коррекции и техники саморегуляции, на динамику симптомов дистресса. В ходе формирующего эксперимента была проведена входящая и итоговая диагностика с использованием валидных методик для диагностики признаков депрессии, тревоги и посттравматического стресса (ПТС). Сравнительный анализ данных показал значимое снижение показателей личностной тревожности и депрессии, а также редукцию симптомов интрузии и гипервозбуждения при ПТС.

Ключевые слова: дети участников СВО, посттравматическое стрессовое расстройство, тревожность, депрессия, арт-терапия, коррекционная программа, семьи военнослужащих.

Работа написана в рамках выполнения Государственного задания № 073-03-2025-067/2 от «19» марта 2025 года «Разработка и апробация интегрированной модели коррекции стрессообусловленных расстройств у травмированных детей участников СВО в условиях школы»

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF THE PSYCHOLOGICAL REHABILITATION PROGRAM FOR CHILDREN FROM FAMILIES OF PARTICIPANTS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION

Khazhuev Islam Saidakhmedovich,
Saidov Aslanbek Arbievich
Chechen State Pedagogical University
Russian Federation, Grozny
e-mail: aslsaidov@gmail.com
e-mail: hazhuev@mail.ru

Abstract. This article presents the results of a pilot study of a psychological rehabilitation program for children from the families of special military operation participants. The aim of the study was to evaluate the effectiveness of a comprehensive intervention, including art therapy, cognitive behavioral intervention, and self-regulation techniques, on the dynamics of distress symptoms. During the formative experiment, initial and final assessments were conducted using valid methods for assessing depression, anxiety, and post-traumatic stress disorder (PTSD). A comparative analysis of the data revealed a significant decrease in trait anxiety and depression, as well as a reduction in symptoms of intrusion and hyperarousal in PTSD.

Keywords: children of special military operation participants, post-traumatic stress disorder, anxiety, depression, art therapy, intervention program, military families.

Проблема оказания психологической помощи детям, чьи родители участвуют в боевых действиях, является одной из наиболее актуальных в современной психологии кризисных состояний. Специфика данной проблемы заключается в том, что дети испытывают воздействие хронического стресса, связанного не только с разлукой, но и с витальной угрозой для жизни близкого человека [4]. При этом ряд отечественных авторов в своих работах указывают на то, что психоэмоциональное состояние ребенка невозможно рассматривать в отрыве от семейной системы.

Так, И.В. Тихонова [4] отмечает, что матери в семьях участников боевых действий часто подвержены викарной травматизации, находясь в состоянии постоянного тревожного ожидания. Это состояние матери становится мощным стрессогенным фактором для ребенка, нарушая его базовое чувство безопасности. Дети, не обладая достаточными ресурсами для совладания, часто «заражаются» тревогой родителей или чувствуют себя эмоционально покинутыми. В этой связи Н.Е. Харламенкова и коллеги [5] выделяют специфические паттерны реагирования детей на родительский стресс – это феномен «вовлеченности» (гиперопека родителя ребенком) и феномен «оставленности» (переживание одиночества), которые лежат в основе формирования депрессивной и тревожной симптоматики.

Вместе с этим исследователи фиксируют у детей из данной категории высокий риск развития интернализующих расстройств, особенно в контексте воздействия длительных экстремальных ситуаций и продолжительного стресса, детерминирующих личностные изменения, проявляющиеся в повышении уровня личностной тревожности и депрессивных тенденциях [3]. При эом без своевременной коррекции данные изменения могут закрепиться и приобрести стационарную форму [1].

В этой связи, современные подходы к реабилитации несовершеннолетних, переживших травматическое событие, предполагают

комплексное воздействие [1]. А эффективная коррекционная программа должна быть направлена не только на снятие острой симптоматики, но и на переработку травматического опыта и обучение навыкам саморегуляции.

Так, в практике психологической помощи детям широко применяются методы арт-терапии и игровой терапии, которые позволяют ребенку отреагировать подавленные эмоции в безопасной символической форме [2]. Исследования подтверждают, что использование творческих методов в сочетании с когнитивно-поведенческими техниками способствует снижению уровня тревожности и улучшению эмоционального фона [2; 3].

Важным аспектом реабилитации является работа с агрессией и контролем эмоций. Согласно наблюдениям специалистов, дети с высоким уровнем травматизации часто демонстрируют дезадаптивные формы поведения, включая агрессию, которая выступает защитным механизмом [5]. Следовательно, программа реабилитации должна включать блок, направленный на развитие эмоционального интеллекта и навыков конструктивного выражения гнева.

Таким образом, теоретический анализ литературы позволяет сделать вывод о необходимости внедрения специализированных программ психологической реабилитации для детей из семей участников СВО. Эффективность таких программ должна оцениваться через динамику снижения ключевых симптомов дистресса, проявляющихся в виде признаков тревожности, депрессии и посттравматического стресса.

Целью настоящего исследования является оценка эффективности разработанной программы комплексной психологической реабилитации для детей и подростков из семей участников специальной военной операции. Исследование направлено на выявление динамики изменений в психоэмоциональной сфере детей в условиях школы (уровней тревожности, депрессии и посттравматического стресса) после прохождения курса коррекционно-развивающих занятий.

Материал и методы исследования

В формирующем эксперименте приняли участие обучающиеся 6–11 классов общеобразовательных организаций (на базе школ г. Грозного), воспитывающиеся в семьях участников СВО. Экспериментальную группу составили 60 детей, у которых по результатам первичной диагностики были выявлены признаки психоэмоционального неблагополучия (повышенная тревожность, депрессивные тенденции, симптомы ПТСР).

Исследование проводилось в три этапа – констатирующий, формирующий и контрольный.

Методики исследования. Для оценки динамики психоэмоциональных состояний детей: Опросник депрессии Бека (BDI); Шкала явной тревожности для детей (CMAS); и Полуструктурированное интервью для выявления клинических признаков посттравматического стрессового расстройства детей.

Программа формирующего эксперимента:

На формирующем этапе была реализована комплексная программа психологической помощи, разработанная с учетом специфики травматизации детей военнослужащих. Программа базируется на мультимодальном подходе, сочетающем методы когнитивно-поведенческой терапии, арт-терапии и телесно-ориентированные техники.

Структура программы включала следующие ключевые блоки:

Психообразовательный блок, направленный на информирование подростков о природе стресса, и нормализация их реакций на травмирующие события.

Ресурсно-стабилизационный блок, включающий обучение навыкам саморегуляции, дыхательным техникам («Квадратное дыхание», «Заземление») и методам мышечной релаксации для снижения физиологического гипервозбуждения.

Эмоционально-процессуальный блок предусматривал использование методов рисуночной терапии и метафорических карт для безопасного отреагирования подавленных эмоций и экстернализации травматического опыта.

Когнитивный блок был направлен на проработку негативных автоматических мыслей и формирование адаптивных стратегий совладающего поведения.

Оценка эффективности программы проводилась путем сравнительного анализа показателей входной и итоговой диагностики. Анализировались частотные распределения уровней патологии и изменения средних значений по шкалам. Снижение доли детей с высокими показателями депрессии, тревоги и симптомов травматического стресса рассматривалось как критерий эффективности коррекционных вмешательства.

Результаты исследования

Сравнительный анализ данных, полученных на констатирующем и контрольном этапах эксперимента, демонстрирует выраженную положительную динамику психоэмоционального состояния участников экспериментальной группы.

Анализ результатов повторной диагностики выявил снижение количества детей с клинически значимыми показателями депрессии.

На этапе входной диагностики (до вмешательства) в группе риска находились дети с «умеренной депрессией» (5 чел., 1,7%) и «выраженной депрессией» (1 чел., 0,3%), а признаки легкой депрессии наблюдались у 19 человек (6,6%).

После реализации коррекционной программы случаев «выраженной депрессии» выявлено не было ни у одного ребенка. При этом количество детей с «умеренной депрессией» сократилось более чем вдвое (до 2 чел., 0,7%), а число школьников с «легкой депрессией» снизилось до 12 человек (4,0%).

Таким образом, доля детей с полным отсутствием депрессивных симптомов возросла с 91,3% до 95,2%.

Наиболее показательные изменения произошли в показателях явной тревожности, по которой до начала работы значительная часть детской выборки демонстрировала высокие показатели тревоги (7–10 стенов).

В частности, крайне высокий уровень имели 7 детей, после коррекции ни один участник эксперимента не характеризуется данным уровнем выраженной тревоги. Более того уровень 8–9 стенов, свидетельствующий о наличии явных невротических реакций, также снизился с 13 человек до 1 человека.

В целом, группа детей с «повышенной» и «явно повышенной» тревожностью сократилась с 28 человек (9,2% валидной выборки) до 4 человек (1,4%). Произошел сдвиг распределения в зону нормативных значений (1–4 стена), что указывает на успешную стабилизацию эмоционального фона.

Вместе с этим, анализ изменения тяжести посттравматических симптомов показал высокую эффективность программы в отношении всех ключевых кластеров ПТСР.

Так, по симптомам вторжения (критерий B), количество детей с высоким уровнем навязчивых воспоминаний сократилось с 19,9% (30 чел.) до 3,3% (5 чел.). Аналогично и по симптомам избегания (критерий C) уменьшение доли детей с высоким уровнем выраженности признаков с 9,9% (15 чел.) до 2,0% (3 чел.).

Следует отметить, что наиболее чувствительным к коррекционному воздействию оказался критерий физиологической возбудимости (D), показатели по которому до начала коррекции находились на высоком уровне у 15,2% (23 чел.) школьников, а после, детей с высоким уровнем выявлено не было.

Кроме того, по итогам реализации коррекционной программы не отмечено в общей выборке детей с высоким общим уровнем посттравматической реакции (снижение с 10,6% до 0,0%), а доля детей с низким уровнем (отсутствие признаков ПТСР) возросла с 56,3% до 79,5%.

Обсуждение результатов

Полученные данные свидетельствуют о том, что разработанная модель психологической коррекции оказывает системное нормализующее воздействие на психику детей, переживающих хронический семейный стресс.

Ключевым достижением программы стала полная редукция высоких уровней физиологического гипервозбуждени, объясняемое активным использованием в ходе занятий техник дыхательной саморегуляции и мышечной релаксации, которые, предположительно, позволили снизить тонус симпатической нервной системы. Снижение возбудимости, в свою очередь, выступило фундаментом для уменьшения общей тревожности, так

как дети перестали ощущать собственное тело как источник постоянного напряжения.

В то же время, значительное снижение симптомов навязчивого повторения образов травмы подтверждает эффективность арт-терапевтических методов, примененных в программе. Экстернализация травматических переживаний через творчество (рисунок, метафора) позволила переработать травматический опыт и снизить его аффективную заряженность, переводя пугающие образы в категорию воспоминаний, поддающихся контролю.

Важно отметить, что позитивная динамика наблюдалась даже при сохранении внешней стрессовой ситуации (продолжение участия отца в СВО). Это доказывает, что повышение внутренних ресурсов адаптации и обучение навыкам совладания способно защитить психику ребенка от деструктивного влияния среды.

Выводы

1. Зафиксировано значимое снижение показателей депрессии, тревожности и посттравматического стресса, а дети из «группы риска» переместились в зону нормативных значений.

2. Программа оказала наиболее сильное воздействие на симптомы физиологического гипервозбуждения, что является важным для профилактики дальнейших психосоматических и поведенческих нарушений.

3. Сочетание когнитивно-поведенческих и арт-терапевтических техник позволяет эффективно работать как с эмоциональным компонентом травмы, так и с когнитивным, что делает данную программу рекомендуемой для широкого внедрения в систему сопровождения семей участников СВО.

Список литературы

1. Александрова Л.А., Дмитриева С.О. Дети в условиях войны: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2024. – Том 13. № 1. – С. 139-149.

2. Дьячкова Е.С. Психологическая поддержка родителей, воспитывающих детей с особенностями развития, средствами арт-терапии // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». – 2023. – Т. 22. № 1. – С. 45-54.

3. Кочетова, Ю.А., Климакова, М.В., Емельянова, Е.А. Психологическая травма в разные периоды детства. Социальные науки и детство. – 2025. – 6(2), С.27-48.

4. Тихонова И.В. Феноменология травматического стресса «нормотипичных» родителей и посттравматическая симптоматика // Консультативная психология и психотерапия. – 2024. – Том 32. № 3. – С. 139-161.

5. Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А., Шаталова Н.Е., Дымова Е.Н. Психологические последствия переживания стресса в детском возрасте – феномены «оставленности» и «вовлеченности» [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. – 2022. – Том 11. № 3. С. 71-96.

УДК 159.9.07

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА ИХ РОДИТЕЛЯМИ

Хажуев Ислам Сайдахмедович,
Шаптукаева Марха Хаважиевна,
Аюбова Селима Ибрагимовна
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный, Россия
e-mail: hazhuev@mail.ru

Аннотация. В настоящем исследовании изучается влияние травматического опыта родителей на психоэмоциональное состояние их детей. На основе анализа данных, полученных с помощью стандартизированных психодиагностических, была проведена оценка уровней депрессии, тревоги, агрессии и посттравматических симптомов у детей. В рамках исследования также были выявлены значимые корреляционные связи между ростом травматических переживаний родителей и развитием депрессивной, тревожной, посттравматической и агрессивной симптоматики у их детей. Проведенный анализ показал, что родительская травма в большей степени влияет на формирование диспозициональных черт (например, гнев-темперамент) и способствует интернализации гнева. В структуре детского дистресса центральную роль может играть механизм психофизиологического гипервозбуждения, который тесно связан как с тревогой, так и с депрессией.

Ключевые слова: межпоколенческая травма, травма родителей, посттравматическое стрессовое расстройство, депрессия, тревожность, агрессия, дети, психопатология, гипервозбуждение.

EMOTIONAL AND PERSONAL CHARACTERISTICS OF CHILDREN IN THE CONTEXT OF THEIR PARENTS' EXPERIENCE OF TRAUMATIC STRESS

Khazhuev Islam Saidakhmedovich,
Shaptukaeva Markha Khavazhievna,
Ayubova Selima Ibragimovna
Chechen State Pedagogical University
Russian Federation, Grozny
e-mail: hazhuev@mail.ru

Abstract. This study examines the impact of parental traumatic experiences on the psychoemotional state of their children. Using data obtained through standardized psychodiagnostic tools, we assessed levels of depression, anxiety, aggression, and post-traumatic symptoms in children. The study also revealed significant correlations between increased parental traumatic experiences and the development of depressive, anxious, post-traumatic, and aggressive symptoms in their children. The analysis revealed that parental trauma largely influences the development of dispositional traits (e.g., anger-temperament) and contributes to the internalization of anger. The mechanism of psychophysiological hyperarousal, which is closely linked to both anxiety and depression, may play a central role in the structure of children's distress.

Keywords: intergenerational trauma, parental trauma, post-traumatic stress disorder, depression, anxiety, aggression, children, psychopathology, hyperarousal.

Введение

Актуальность исследования обусловлена увеличением числа детей, косвенно вовлеченных в ситуации, связанные с переживанием стрессов высокой интенсивности и разной этиологии [3; 8], которые затрагивают не только непосредственных участников событий из числа взрослых, но и их значимых близких [7]. В этом контексте особое значение приобретает изучение психологического состояния родителей, которые либо сами переживают травматический стресс, либо становятся опосредованными жертвами психотравмирующих событий, к примеру в ситуациях, связанных с участием супруга в боевых действиях [6]. Родительский стресс, будь то травматический стресс, викарная травматизация или выгорание [5], нарушает функционирование семьи, которая призвана быть для ребенка «эмоциональной гаванью» [7].

Дети, не обладая зрелыми способами совладания с психическим напряжением, во многом зависят от эмоциональной регуляции взрослых [7]. Исследования показывают, что различные семейные стрессоры, например, развод родителей, оказывают прямое влияние на эмоционально-личностную сферу ребенка [2]. Более того, травматический опыт родителя может приводить к формированию у ребенка специфических паттернов реагирования, таких как «вовлеченность» или «оставленность», определяя его дальнейший путь адаптации [10].

Согласно концепции межпоколенческой травмы, психологические и физиологические последствия травматических событий, пережитых одним поколением, передаются последующим поколениям [13]. Из этой концепции следует, что воздействие экстремальных неблагоприятных событий на индивидов настолько глубоко, что их потомки также могут стать жертвами травматического стресса, пережитого родителями [13]. При этом механизмы такой передачи включают как психологические факторы (например,

особенности родительского поведения, нарушения привязанности, семейная атмосфера), так и биологические механизмы, в частности, эпигенетические модификации, которые могут влиять на экспрессию генов, связанных со стрессом, и наследоваться потомством [12].

Кроме того, исследования показывают, что у потомков лиц, переживших травму, может наблюдаться широкий спектр психологических последствий, проявляющихся в виде тревожности, депрессии, чувства вины, низкой самооценки, гипербдительности, трудностей в коммуникации и регуляции эмоций, а также поведенческие проблемы [11]. Из всего этого следует, что дети травмированных родителей могут демонстрировать симптомы, схожие с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР), даже не имея непосредственного травматического опыта. Данные проявления являются не прямым воспоминанием о травме, а скорее унаследованной или усвоенной реакцией на стресс, отражающей адаптацию предыдущего поколения к опасной среде.

Вместе с этим, на современном этапе, исследование психологического благополучия детей, чьи родители (в частности, отцы) являются участниками боевых действий, требует глубокого понимания феноменологии стресса, переживаемого их матерями. Современная психология проводит четкую дифференциацию между различными родительскими состояниями, связанными со стрессом [5]. В ситуации, когда один из членов семьи находится в зоне боевых действий, второй супруг (мать) подвергается риску викарной травматизации – опосредованного травматического воздействия [6].

Субъективная картина травматических событий в жизни матерей, чьи супруги являются участниками боевых действий, насыщена переживаниями, связанными с реальной угрозой для жизни и здоровья партнера, страхом потери и неопределенностью будущего [6]. Это состояние отличается от общего родительского стресса или родительского выгорания [5] и по своей структуре приближается к посттравматическому стрессовому расстройству (ПТСР), описанному в исследованиях последствий воздействия стрессоров высокой интенсивности [9].

Таким образом, женщина (супруга военного), находящаяся в состоянии хронического травматического стресса, объективно ограничена в своих психологических ресурсах, что неизбежно сказывается на функционировании всей семьи.

Семья призвана быть для ребенка тем местом, которое обеспечивает безопасность и стабильность [7]. Однако, когда родитель является носителем травматической информации, эта базовая функция нарушается. Психологическое состояние ребенка напрямую зависит от эмоциональной регуляции значимых взрослых [1], поскольку дети, в отличие от них, еще не обладают зрелыми способами совладания с психическим напряжением [7]. В случае с родительской травмой, механизм ее влияния на ребенка приобретает специфические формы. Н. Е. Харламенкова и коллеги [10] выделяют два

основных дезадаптивных паттерна детского реагирования на стресс родителя:

Вовлеченность – ребенок, видя уязвимость и страдания родителя, преждевременно берет на себя роль «маленького взрослого», пытаясь оказать матери эмоциональную поддержку, что приводит к подавлению собственных детских потребностей и формированию хронической тревожности [10].

Оставленность – ребенок, сталкиваясь с эмоциональной отстраненностью или непредсказуемыми реакциями родителя, погруженного в собственные травматические переживания, чувствует себя покинутым, незащищенным и невидимым.

Оба этих сценария нарушают здоровое развитие личности и закладывают основу для формирования проблем в эмоционально-личностной сфере.

В то же время, дезадаптивные паттерны, сформированные в ответ на родительский стресс, как правило, развиваются по двум основным траекториям – интернализующей либо экстернализующей [10].

Интернализующий путь характеризуется направленностью дистресса «вовнутрь», что клинически проявляется в виде тревожных расстройств, депрессивной симптоматики и соматических жалоб. По данным некоторых исследователей, дети, пострадавших в результате боевых действий демонстрируют более высокие уровни тревожности, депрессии и симптомов ПТСР по сравнению с контрольными группами сверстников [8]. Лонгитюдные исследования, например, детей Беслана, также демонстрируют, что высокий уровень страхов и тревоги, вызванный прямым переживанием травмы, сохраняется на протяжении многих лет, влияя на все эмоциональное развитие [4].

Экстернализующий путь предполагает направление дистресса «вовне» и выражается в агрессивном, оппозиционном и антисоциальном поведении [10]. Ребенок, неспособный вербализовать и переработать свое внутреннее напряжение, «отыгрывает» его через деструктивные действия. Социально-психологический портрет психотравмированных детей, включает в себя не только тревожность, но и высокий уровень агрессии [8].

Таким образом, травматический стресс, переживаемый родителями [6] выступает в качестве системного фактора, дестабилизирующего эмоциональную атмосферу в семье [7]. В свою очередь, все это приводит к формированию у ребенка устойчивых паттернов дистресса [10], которые манифестируют либо в виде тревожно-депрессивных состояний, либо в виде агрессивного поведения [8].

Материал и методы

С учетом всего сказанного, было проведено эмпирическое исследование с целью настоящей изучения взаимосвязи между уровнем травматических переживаний родителя и выраженностью симптомов дистресса (депрессии,

тревоги, агрессии) у их детей в семьях участников боевых действий (участники специальной военной операции).

Выборка. Общую выборку составили 302 обучающихся (6-11 классы) общеобразовательных организаций г. Грозного, а также их матери – дети и жены участников специальной военной операции. Основное внимание при изучении детской выборки было уделено оценке эмоционально-личностных особенностей в зависимости от уровня травматического опыта их матерей.

Методики. Для оценки психоэмоционального состояния детей был использован комплекс стандартизированных психодиагностических инструментов: Опросник депрессии Бека (Beck Depression Inventory, BDI); Шкала явной тревожности для детей (Children's Manifest Anxiety Scale, CMAS); Полуструктуривонное интервью для оценки травматических переживаний детей. Опрос родителей детей проходил в форме анкетирования при помощи клинико-демографической карты.

Методы статистической обработки данных. В исследовании применялись методы описательной статистики; H-критерий Краскела-Уоллиса (непараметрический критерий для сравнения средних рангов в группах); корреляционный анализ (для изучения взаимосвязей между различными психологическими переменными внутри детской выборки использовался коэффициент корреляции Спирмана).

Результаты

Первичный анализ эмоционального фона в выборке детей был проведен с помощью опросника депрессии Бека. Результаты частотного распределения представлены в табл. 1.

Таблица 1

Частотные показатели уровней выраженности депрессии у детей

Уровень депрессии по Беку		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	отсутствие депрессивных симптомов	264	87,4	91,3	91,3
	легкая депрессия	19	6,3	6,6	97,9
	умеренная депрессия	5	1,7	1,7	99,7
	выраженная депрессия (средней тяжести)	1	,3	,3	100,0
	Всего	289	95,7	100,0	
Пропущенные	Системные	13	4,3		
Всего		302	100,0		

Анализ данных, представленных в табл. 1, показывает, что подавляющее большинство детей в общей выборке не демонстрируют клинически значимых депрессивных симптомов.

Так, 91,3% детей демонстрирует отсутствие депрессивных симптомов, и лишь небольшая часть характеризуется наличием симптоматики – легкая депрессия выявлена у 6,6%, умеренная – у 1,7%, и только один случай (0,3%) соответствует выраженной депрессии.

Полученные данные указывают на то, что общая выборка является преимущественно неклинической с точки зрения депрессивных расстройств. Данный факт усиливает значимость последующих результатов и позволяет предположить, что любые выявленные связи между родительской травмой и детской психопатологией не являются артефактом изучения изначально высокорисковой или клинической группы. Напротив, это указывает на то, что родительская травма может выступать в качестве фактора риска, способного провоцировать развитие психопатологии даже в когорте в целом резистентных детей.

Таким образом, фокус смещается с констатации «у травмированных родителей депрессивные дети» к более тонкому пониманию: «родительская травма способна *создавать* или *значительно усугублять* депрессивную симптоматику у их детей».

Таблица 2

Частотные показатели стен детских тревожных переживаний

Тревожность по CMAS (Стены)		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	1,00	103	34,1	39,8	39,8
	2,00	44	14,6	17,0	56,8
	3,00	34	11,3	13,1	69,9
	4,00	14	4,6	5,4	75,3
	5,00	21	7,0	8,1	83,4
	6,00	15	5,0	5,8	89,2
	7,00	8	2,6	3,1	92,3
	8,00	10	3,3	3,9	96,1
	9,00	3	1,0	1,2	97,3
	10,00	7	2,3	2,7	100,0
	Всего	259	85,8	100,0	
Пропущенные	Системные	43	14,2		
Всего		302	100,0		

Данные табл. 2 подтверждают тенденцию, выявленную при анализе депрессии. Распределение уровней тревожности в валидной выборке сильно смещено в сторону низких значений. Значительная часть детей (39,8%) имеет показатель, соответствующий 1 стену, что указывает на очень низкий

уровень тревоги. Накопленный процент показывает, что более половины выборки (56,8%) имеют показатели на уровне 1-2 стенов, а почти 70% – на уровне 1-3 стенов, что свидетельствует о том, что, как и в случае с депрессией, большинство детей в исследуемой группе не страдают от выраженных тревожных переживаний.

Совокупные данные табл. 1 и 2 рисуют портрет общей детской популяции, характеризующейся низкими уровнями интернализующих расстройств. Это делает ту меньшую часть детей, которая все же демонстрирует высокие показатели депрессии и тревоги, объектом особого внимания. Последующий анализ, по сути, направлен на выяснение того, является ли родительская травма ключевым фактором, который отличает этих детей с выраженным дистрессом от их сверстников с низкой симптоматикой.

Таблица 3

Выраженность тревожно-депрессивных реакций детей в зависимости от частоты пережитого их родителями травматического опыта

Эмоциональные состояния	Количество психотравмирующих событий	Количество детей	Средний ранг	H Крускала-Уоллеса	Асимп. знач.
Уровень депрессии по Беку	Не было	170	93,11	8,167	0,017
	1 эпизод	14	114,18		
	2 и более эпизода	7	129,79		
	Всего	191			
Тревожность по методике CMASN	Не было	173	93,44	9,454	0,009
	1 эпизод	14	122,07		
	2 и более эпизода	7	148,79		
	Всего	194			

Результаты, представленные в табл.3 показывают, что частота пережитых родителями травматических событий статистически значимо связана с выраженностью как депрессивных ($H = 8.167$, $p = 0.017$), так и тревожных ($H = 9.454$, $p = 0.009$) симптомов у их детей.

Для уровня депрессии наблюдается последовательное, монотонное увеличение среднего ранга: от 93,11 в группе, где у родителей не было травматического опыта, до 114,18 при одном эпизоде и до 129,79 при двух и более эпизодах. Аналогичная картина видна и для тревожности: средний ранг возрастает с 93,44 до 122,07 и далее до 148,79. Эта четкая, упорядоченная прогрессия не является обязательным следствием значимого H-критерия, который лишь указывает на наличие различий. Наблюдаемый паттерн представляет собой свидетельство о том, что чем чаще родители подвергались травматическим воздействиям, тем сильнее отмечаются у их детей проявления в виде интернализующей симптоматики. Возможно, это

указывает на кумулятивный эффект травмы взрослых, при котором происходит накопление негативной энергии и напряжения взрослых.

Далее было исследовано влияние родительской травмы на весь спектр посттравматических симптомов у детей.

Таблица 3.1

Выраженность детских травматических переживаний в зависимости от частоты пережитого родителями травматического опыта

Критерии травматического стресса	Количество психотравмирующих событий	N	Средний ранг	H Крускала-Уоллеса	Асимп. знач.
A	Не было	169	92,98	6,306	0,043
	1 эпизод	14	110,11		
	2 и более эпизода	7	127,21		
B	Не было	169	92,67	7,553	0,023
	1 эпизод	14	113,21		
	2 и более эпизода	7	128,36		
C	Не было	169	90,27	18,728	0,000
	1 эпизод	14	129,46		
	2 и более эпизода	7	153,79		
D	Не было	169	91,55	13,215	0,001
	1 эпизод	14	120,71		
	2 и более эпизода	7	140,36		
F	Не было	169	92,83	8,180	0,017
	1 эпизод	14	123,68		
	2 и более эпизода	7	103,71		
Общий индекс посттравматических реакций	Не было	169	90,34	17,139	0,000
	1 эпизод	14	129,29		
	2 и более эпизода	7	152,57		
	Всего	190			

Данные табл. 3.1 демонстрируют всепроникающее влияние родительской травмы на психику детей. Статистически значимые различия между группами обнаружены по всем измеренным критериям посттравматического стресса: критерий A (немедленное реагирование, $p=0.043$), B (навязчивое воспроизведение, $p=0.023$), C (избегание, $p<0.001$), D (возросшая возбудимость, $p=0.001$), F (нарушения функционирования, $p=0.017$), а также по общему индексу посттравматических реакций ($p<0.001$). Особенно сильная связь наблюдается для симптомов избегания (C), повышенной возбудимости (D) и общего уровня посттравматического стресса.

При этом, в данных по критерию F (нарушения функционирования) выявляется важная аномалия. Средний ранг для группы «2 и более эпизода» (103,71) оказывается *ниже*, чем для группы «1 эпизод» (123,68). Возможно, дети, живущие в условиях хронической родительской травмы, вырабатывают специфические адаптивные стратегии и подавляют внешние проявления проблем (например, в учебе), чтобы не привлекать к себе внимание в нестабильной семейной обстановке. При этом, это также может быть формой «функционального замирания» или сужения поведенческого репертуара, при котором внутренний дистресс (критерии C и D) остается чрезвычайно высоким.

В то же время, анализ влияния родительской травмы на различные формы детской агрессивности выявил избирательный характер данного воздействия (см. табл.3.2).

Таблица 3.2

Выраженность разных форм детской агрессивности в зависимости от частоты пережитого родителями травматического опыта

	Количество психотравмирующих событий	N	Средний ранг	H Крускала-Уоллеса	Асимп. знач.
Сиюминутное состояние гне-ва	Не было	172	95,03	2,757	0,252
	1 эпизод	13	103,19		
	2 и более эпизода	7	120,07		
Склонности к раздражительности и гневу	Не было	172	93,04	9,734	0,008
	1 эпизод	13	113,23		
	2 и более эпизода	7	150,36		
Гнев-темперамент	Не было	172	93,60	11,110	0,004
	1 эпизод	13	104,65		
	2 и более эпизода	7	152,57		
Гнев-реакция	Не было	172	92,68	11,029	0,004
	1 эпизод	13	118,69		
	2 и более эпизода	7	149,21		
Экспрессия гнева внутрь	Не было	172	92,94	8,210	0,016
	1 эпизод	13	117,50		
	2 и более эпизода	7	144,86		
Экспрессия гнева вовне	Не было	172	94,26	4,500	0,105
	1 эпизод	13	103,77		
	2 и более эпизода	7	138,07		
Контроль экспрессии гнева	Не было	172	96,23	1,081	0,582
	1 эпизод	13	108,08		
	2 и более эпизода	7	81,57		
	Не было	172	95,03	2,757	0,252

Сиюминутное состояние гне-ва	1 эпизод	13	103,19		
	2 и более эпизода	7	120,07		
Склонности к раздражительности и гневу	Не было	172	93,04	9,734	0,008
	1 эпизод	13	113,23		
	2 и более эпизода	7	150,36		
Гнев-темперамент	Не было	172	93,60	11,110	0,004
	1 эпизод	13	104,65		
	2 и более эпизода	7	152,57		
Гнев-реакция	Не было	172	92,68	11,029	0,004
	1 эпизод	13	118,69		
	2 и более эпизода	7	149,21		
Экспрессия гнева внутрь	Не было	172	92,94	8,210	0,016
	1 эпизод	13	117,50		
	2 и более эпизода	7	144,86		
Экспрессия гнева вовне	Не было	172	94,26	4,500	0,105
	1 эпизод	13	103,77		
	2 и более эпизода	7	138,07		
Контроль экспрессии гнева	Не было	172	96,23	1,081	0,582
	1 эпизод	13	108,08		
	2 и более эпизода	7	81,57		
	Всего	192			

Данные табл. 3.2 показывают, что травматический опыт родителей связан со склонностью детей к раздражительности и гневу (p=0.008), с гневом как чертой темперамента (p=0.004), с реактивным гневом (p=0.004) и с направленностью экспрессии гнева внутрь (p=0.016). В то же время, значимой связи не обнаружено с сиюминутным гневом (p=0.252), с экспрессией гнева вовне (p=0.105) и с контролем экспрессии гнева (p=0.582).

Родительская травма, по-видимому, не столько делает детей более гневливыми в конкретный момент времени, сколько формирует их *диспозицию*, предрасположенность к гневу (гнев как черта личности/темперамента). Особенно важен тот факт, что обнаруживается значимая связь с интернализацией гнева (направленностью внутрь) при отсутствии таковой для экстернализации (направленности вовне). Предположительно, стрессовая и непредсказуемая среда, создаваемая травмированным родителем, способствует формированию у ребенка личностной черты раздражительности и тенденции обращать гнев на себя из-за страха проявлять его открыто. Такой интернализованный гнев является известным фактором риска развития депрессии и самоповреждающего поведения, что создает прямую концептуальную связь между результатами, представленными в табл.3.2 и данными о депрессии из табл. 3.

Далее в табл. 4 показаны корреляции между посттравматическими симптомами детей и уровнями их депрессии и тревожности.

Таблица 4

Сопряженность детских травматических переживаний и тревожно-депрессивных состояний

Критерии травматического стресса		Шкала депрессии Бека (у ребенка)	Шкала явной тревожности для детей CMAS (у ребенка)
A (немедленное реагирование) (у ребенка)	r	0,330	0,343
	p	0,000	0,000
B (навязчивое воспроизведение) (у ребенка)	r	0,354	0,343
	p	0,000	0,000
C (избегание) (у ребенка)	r	0,196	0,277
	p	0,001	0,000
D (возросшая возбудимость) (у ребенка)	r	0,400	0,435
	p	0,000	0,000
F (нарушения функционирования) (у ребенка)	r	0,371	0,418
	p	0,000	0,000
Общий уровень посттравматических симптомов (у ребенка)	r	0,204	0,293
	p	0,001	0,000
	N	283	285

Все представленные корреляции являются положительными и статистически значимыми, что свидетельствует о выраженной коморбидности, указывающей на то, что дети с посттравматическими симптомами с высокой вероятностью также страдают от депрессии и тревоги.

Наиболее сильные корреляции как с депрессией, так и с тревогой демонстрирует критерий D (возросшая возбудимость/гипервозбуждение) – $r=0.400 и r=0.435 соответственно. Также сильные связи с тревожно-депрессивными реакциями отмечаются и у критерия F (нарушения функционирования).

Вместе с этим, выявленная роль гипервозбуждения (критерий D) как самого сильного коррелята позволяет выдвинуть предположение о его центральной роли в качестве основного механизма, лежащего в основе как тревожных, так и депрессивных состояний в данном контексте. Состояние хронической физиологической активации и бдительности является ядром тревожных расстройств. При длительном сохранении это состояние приводит к истощению, чувству безнадежности и социальной отстраненности, что является ключевыми признаками депрессии.

Таким образом, гипервозбуждение может быть не просто одним из симптомов, а своего рода «двигателем», запускающим и поддерживающим весь кластер интернализующих расстройств. Тело ребенка, возможно, отражая дисрегулированное состояние родителя, переходит в постоянный режим повышенной готовности. Субъективно это переживается как тревога, а когнитивные и энергетические затраты на поддержание данного состояния со временем приводят к истощению и негативным когнициям, характерным для депрессии.

Также в рамках статистической обработки данных, были изучены корреляционные связи между посттравматическими симптомами и различными формами агрессии детей из семей участников боевых действий (см.табл.4.1).

Таблица 4.1

Сопряженность детских травматических переживаний и склонностей к агрессии

		A (немедленное реагирование)	B (навязчивое воспроизведение)	C (избегание)	D (возросшая возбудимость)	F (нарушения функционирования)	Общий уровень посттравматических симптомов
Сиюминутное состояние гнева	r	0,241	,193	,029	,247	,231	,056
	p	00,000	,001	,628	,000	,000	,349
Склонности к раздражительности и гневу	r	0,379	,380	,136	,403	,348	,216
	p	0,000	,000	,022	,000	,000	,000
Гнев-темперамент	r	0,341	,321	,142	,385	,327	,190
	p	0,000	,000	,017	,000	,000	,001
Гнев-реакция	r	0,351	,364	,148	,372	,334	,215
	p	0,000	,000	,013	,000	,000	,000
Экспрессия гнева внутрь	r	0,293	,280	,161	,291	,272	,189
	p	0,000	,000	,007	,000	,000	,001
Экспрессия гнева вовне	r	0,190	,223	,125	,207	,170	,140
	p	0,001	,000	,036	,000	,004	,019
Контроль экспрессии гнева	r	0,011	-,016	,120	-,069	-,074	,093
	p	0,856	,788	,044	,246	,214	,117

Сиюминутное состояние гнева	r	0,241	,193	,029	,247	,231	,056
	p	0,000	,001	,628	,000	,000	,349
Склонности к раздражительности и гневу	r	0,379	,380	,136	,403	,348	,216
	p	0,000	,000	,022	,000	,000	,000
Гнев-темперамент	r	0,341	,321	,142	,385	,327	,190
	p	0,000	,000	,017	,000	,000	,001
Гнев-реакция	r	0,351	,364	,148	,372	,334	,215
	p	0,000	,000	,013	,000	,000	,000
Экспрессия гнева внутрь	r	0,293	,280	,161	,291	,272	,189
	p	0,000	,000	,007	,000	,000	,001
Экспрессия гнева вовне	r	0,190	,223	,125	,207	,170	,140
	p	0,001	,000	,036	,000	,004	,019
Контроль экспрессии гнева	r	0,011	-,016	,120	-,069	-,074	,093
	p	0,856	,788	,044	,246	,214	,117
	N	283	283	283	283	283	283

Так, проведенный анализ корреляций показывает, что большинство посттравматических симптомов (особенно A, B, D, F) у обследованных детей положительно связаны с различными формами агрессии. При этом критерий C (избегание) демонстрирует наиболее слабые связи со склонностями детей к агрессии. Более того, переменная «Контроль экспрессии гнева» также не имеет значимых корреляций с большинством симптомов ПТСР.

Полученные данные позволяют предположить существование расходящихся путей совладания с посттравматическим дистрессом. Интрузивные симптомы (B) и гипервозбуждение (D) тесно связаны с агрессивными тенденциями в то время, как симптомы избегания и эмоционального оцепенения (C) такой связи не имеют. Возможно, одни дети в ответ на травматические триггеры реагируют экстернализующим, агрессивным поведением, тогда, как другие – интернализующим, избегающим. Ребенок, повторно переживающий травматическое воспоминание или находящийся в состоянии гипербдительности, может нападать в целях предполагаемой самозащиты. Ребенок же, чьей основной реакцией является избегание, наоборот, стремится уйти от мира, прибегая к пассивности и направленности реакций внутрь.

Таким образом, проведенный анализ эмпирических данных выявил ряд ключевых закономерностей. Во-первых, установлена значимая связь между частотой травматических событий в анамнезе родителей и тяжестью психопатологии у их детей. Во-вторых, данное влияние в большей степени формирует определенные черты личности, а не ситуативные реакции, способствует интернализации дистресса (в частности, гнева) и создает сложный коморбидный ландшафт, в котором центральную роль, по-видимому, играет механизм психофизиологического гипервозбуждения. В-третьих, внутри детской популяции посттравматический стресс может проявляться через расходящиеся поведенческие пути – экстернализующий (агрессивный) и интернализующий (избегающий).

Заключение

Настоящее исследование вносит значимый вклад в понимание механизмов межпоколенческой передачи травмы, предоставляя эмпирические данные о специфических связях между травматическим стрессом родителей и психологическим благополучием их детей. Результаты подчеркивают критическую важность двухпоколенческого подхода как в клинической практике, так и в научных исследованиях в области травмы, указывая на то, что исцеление детей неразрывно связано с исцелением их родителей.

Список литературы

1. Гурьева В. В., Быкова В. И., Валиуллина С. А. Некоторые особенности стрессовой реакции школьников при госпитализации // Психолого-педагогический поиск. – 2022. – № 2 (62). – С. 165–173.

2. Пономарева И. М., Савранский В. О. Особенности эмоционально-личностной сферы подростков, переживших развод родителей // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2019. – Т. 30, № 2.

3. Сасина, К. В. Стресс и стрессовая ситуация в детском возрасте: особенности и специфика реагирования / К. В. Сасина // Молодежная наука: тенденции развития. – 2018. – № 1. – С. 11-19. – EDN XQGCLR.

4. Текоева З. С. Особенности эмоционально-личностного развития детей с ПТСР (лонгитюдное исследование детей г. Беслан 2005–2015 гг.) // Теория и практика образования. – 2018. – С.38-45.

5. Тихонова И.В. Родительские состояния, связанные со стрессом: понятийный дискурс и дифференциация // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2022. – Т. 28, №2. – С. 84–92.

6. Тихонова И.В. Феноменология травматического стресса «нормотипичных» родителей и посттравматическая симптоматика //

Консультативная психология и психотерапия. – 2024. – Том 32. № 3. – С.139-161.

7. Точиева М. М., Цечоева Р. Х. Формирование эмоциональной регуляции ребенка в стрессовых ситуациях // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – №. 4-4. – С. 311-313.

8. Ульянина О.А., Никифорова Е.А., Тараненко О.А., Шипилова А.А. Социально психологический портрет детей, пострадавших в результате боевых действий [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. – 2024. – Том 21. № 4. – С. 93–103.

9. Психология посттравматического стресса: история и современность (вместо предисловия) / Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина [и др.] // Психология посттравматического стресса: методология, теория, практика: Материалы конференции, Москва, 22–23 мая 2025 года. – Москва: Институт психологии РАН, 2025. – С. 15-27.

10. Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А., Шаталова Н.Е., Дымова Е.Н. Психологические последствия переживания стресса в детском возрасте – феномены «оставленности» и «вовлеченности» [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. – 2022. – Том 11. № 3. – С. 71–96.

11. Keaney J, Byrne H, Warin M, Kowal E. Intergenerational Trauma. In: Pentecost M, Keaney J, Moll T, Penkler M, eds. The Handbook of DOHaD and Society: Past, Present, and Future Directions of Biosocial Collaboration. Cambridge University Press. – 2024. – PP.166-173.

12. Kostova Z, Matanova VL. Transgenerational trauma and attachment. Front Psychol. 2024 Apr 8;15:1362561. doi: 10.3389/fpsyg.2024.1362561. PMID: 38650899; PMCID: PMC11033415.

13. Yehuda R, Lehrner A. Intergenerational transmission of trauma effects: putative role of epigenetic mechanisms. World Psychiatry. – 2018. – 17(3). – PP. 243-257.

УДК 130.2

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКА УЧАСТНИКА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ «ДОБРОВОЛЕЦ Z#ART»

Шиндель Светлана Владимировна,
Барсуков Роман Ростиславович,
Саратовское высшее артиллерийское командное училище
г. Саратов, Россия
e-mail: schindelswetlana@mail.ru
roman_barsukov.76@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика мемориальных практик, репрезентированная в блоге канала в Telegram «Доброволец Z#ART». Автор блога, доброволец с позывным Учитель является действующим участником специальной военной операции. Он ведет дневник, в котором фиксирует хронологию реалий СВО в формате новелл, графических рисунков и комментариев к ним. С помощью семиотического метода исследования на материале дневника выявлены и определены эго-технологии репрезентации военных реалий автора блога «Доброволец Z#ART» в Telegram. Особого внимания заслуживает репрезентация мемориальных практик, имеющая своей целью сохранение исторической и социокультурной памяти как о действующих, так и о погибших участниках специальной военной операции. Это особенно актуально в условиях информационной войны, когда, в ряде случае, связанных с геополитикой, предпринимаются попытки замолчать, исказить или подменить реальные факты боевых действий в зоне проведения специальной военной операции. Практическая значимость проведенного исследования связана с необходимостью критического осмысления массива информации, представленного в интернет-дискурсе, а также с поиском адекватной методологии для анализа имеющихся на сегодняшний день технологий репрезентации реалий СВО на примере блогов на каналах в Telegram.

Ключевые слова: мемориальные практики, «Доброволец Z#ART», эго-технологии репрезентации, дневник, новелла, графика.

MEMORIAL PRACTICES BASED ON THE DIARY OF A PARTICIPANT IN THE SPECIAL MILITARY OPERATION "VOLUNTEER Z#ART"

Shindel Svetlana Vladimirovna
Barsukov Roman Rostislavovich
Saratov Higher Artillery Command School
Saratov, Russia
e-mail: *schindelswetlana@mail.ru*
roman_barsukov.76@mail.ru

Abstract. The article examines the specifics of memorial practices, as presented in the blog of the Telegram channel "Volunteer Z#ART". The author of the blog, a volunteer with the call sign Teacher, is an active participant in a special military operation. He keeps a diary in which he records the chronology of the realities of his life in the format of novellas, graphic drawings and comments to them. Using the semiotic research method based on the diary material, ego technologies for representing military realities of the author of the blog "Volunteer Z#ART" in Telegram have been identified and determined. Special attention should be paid to the representation of memorial practices, which aims to preserve the historical and socio-cultural memory of both active and deceased participants in a special military operation. This is especially relevant in the context of information warfare, when, in some cases related to geopolitics, attempts are being made to silence, distort or substitute the real facts of hostilities in the area of a special military operation. The practical significance of the research is related to the need for a critical understanding of the array of information presented in Internet discourse, as well as the search for an adequate methodology for analyzing the currently available technologies for representing the realities of their own on the example of blogs on Telegram channels.

Keywords: memorial practices, "Volunteer Z#ART", ego technologies of representation, diary, novella, graphics.

Введение.

Как известно, специальная военная операция (далее - СВО) породила не только новые военно-политические реалии, но и специфическую субкультуру, которая по мнению ряда исследователей, является подсистемой военной культуры (ВКО). Последняя определяется как комплекс элементов общественного сознания и духовной культуры, связанных с военно-политическими институтами, и включает традиции, нормы, идеалы воинской деятельности [2, С.85]. Субкультура СВО, формирующаяся в условиях современного конфликта, активно вырабатывает собственные механизмы осмысления опыта и транслирования духовных ценностей. Одним из таких механизмов все чаще становятся мемориальные практики – символические действия и репрезентации, направленные на сохранение социокультурной памяти, и связанные с конструированием идентичности через обращение к *историческому прошлому* и фиксацию *исторического настоящего*. Ярким примером, а лучше сказать, технологией такой репрезентации является дневник участника СВО с позывным Учитель, ведущий Telegram-канал «Доброволец Z#art». Цель исследования в данной статье – выявление эго-технологий и определение специфики репрезентации военных реалий на материале дневника добровольца с позывным Учитель. Его творчество, сочетающее текстовые записи, новеллы и графические иллюстрации, представляет собой целостный мемориальный проект, в котором можно выделить несколько ключевых практик. В данной статье они анализируются с помощью семиотического и компаративистского методов исследования, использованных в отношении графических иллюстраций и текстовых фрагментов дневника.

Обсуждение.

Свой дневник боец с позывным Учитель ведет с самого начала специальной военной операции, куда он отправился в качестве добровольца в составе подразделения «Ахмат», пройдя боевую подготовку в Российском университете спецназа, который дислоцируется в г. Гудермесе. На настоящее время блог на канале в Telegram насчитывает свыше 400 записей, включая графические изображения. По замыслу Учителя контент дневника «Доброволец Z#art» может послужить материалом для книги, в которой будет отражена хронология событий и реалий СВО, участником и очевидцем которых был его автор.

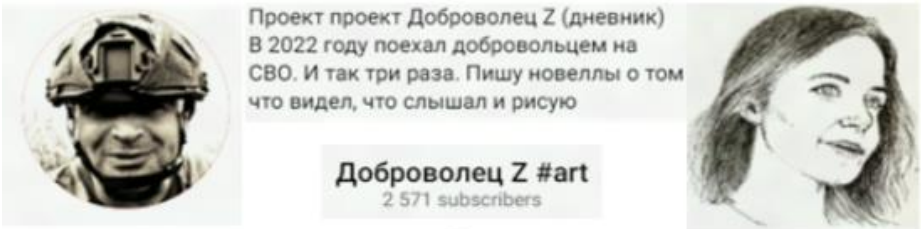


Рис.1. Скриншот контента Telegram-канала «Доброволец Z#art»

Размышляя о своем творчестве, Учитель признается: «Возможно, это нужно только мне одному. Просто так себя проявляю. Веду дневник. Рисуя, в графике выражаю свои мысли и чувства, свое отношение к происходящему на этой войне …». Однако по мере ознакомления с содержанием блога читатель находит записи автора, в которых он признается, что многие обращаются к нему с просьбой написать портрет, к примеру, погибшего бойца; бывают и иные случаи, когда родственники против опубликования таких событий. Сразу же оговоримся: в блоге добровольца по известным всем причинам, связанным с секретностью, не раскрываются персональные данные участников специальной военной операции. Если это портрет, то изображение, как правило, сопровождается комментарием, чаще всего можно рассмотреть позывной, или краткое описание рода занятий или военной специальности. Если собрать воедино все графические иллюстрации добровольца, то получится галерея, внутри которой можно выделить тематические группы работ: «фронтовые будни», «портреты» (участвующих и погибших сослуживцев), «исторические зарисовки» – с последней, самой малочисленной группы и начнем наше исследование.

Рис.2. Графические рисунки военнослужащих времен ВОВ

На рис.2. представлены графические иллюстрации военнослужащих времен Великой Отечественной войны. Перед нами портреты бойцов из далекого исторического прошлого. Впрочем, не такого уж и далекого. А если учесть, что в зоне специальной военной операции очень много аналогий с событиями второй мировой войны, то при рассмотрении этих иллюстраций в сравнении с участниками СВО возникает ощущение неразрывной метафизической связи. Именно обращение к историческому прошлому, в первую очередь – к Великой Отечественной войне служит мощным инструментом легитимации текущих действий и придания им трансцендентного смысла. Первый портрет – разведчики, которые с помощью плащ-палаток маскировали позиции, далее – изображен пехотинец, на третьей иллюстрации –снайпер. Хорошо прорисованы детали маскировки, в верхнем правом углу светит луна, боец прицеливается из винтовки – снайпер выполняет боевую задачу в ночное время суток, а может и рано, на рассвете – так или иначе, образ вполне узнаваемый. А теперь обратимся к иллюстрациям добровольца, на которых изображены участники специальной военной операции (рис.3).

Рис.3. Графические рисунки военнослужащих СВО

На первом рисунке изображен танкист: на голове – шлемофон (который, кстати, надевали и военнослужащие во время ВОВ). Пожалуй, основным отличием танкиста СВО от танкиста ВОВ будет специальный противоосколочный костюм (сложно оценить имеется ли он на данном конкретном танкисте). А вот последующие рисунки содержат маркеры, которые позволяют идентифицировать графические рисунки, репрезентирующие события СВО. На третьем рисунке оператор ПЗРК. Как известно, во времена ВОВ переносных зенитно-ракетных комплексов не производилось. На втором рисунке изображена женщина – оператор БпЛА (в правом верхнем углу дрон). Из записей в блоге добровольца узнаем позывной – Белка; к сожалению, погибла 22 июля 2025 года на позиции в ДНР. Отметим, каждый рисунок сопровождается позывным, иногда датой гибели, краткой характеристикой («отец девятерых детей», «оператор БПЛА»). Это возвращает погибшим имя, личную историю, социальные связи, вырывая их из анонимности «павших бойцов».

В количественном выражении в дневнике добровольца портретов погибших сослуживцев, к счастью, гораздо меньше, чем тех, кто продолжает выполнять задачи в зоне специальной военной операции, каждый день рискуя собственной жизнью. В рамках данной статьи, упомянем еще трех бойцов, которые погибли, и, в связи с образом одного из них, у нас возникло интересное предположение. Обратимся к иллюстрациям на рис.4.

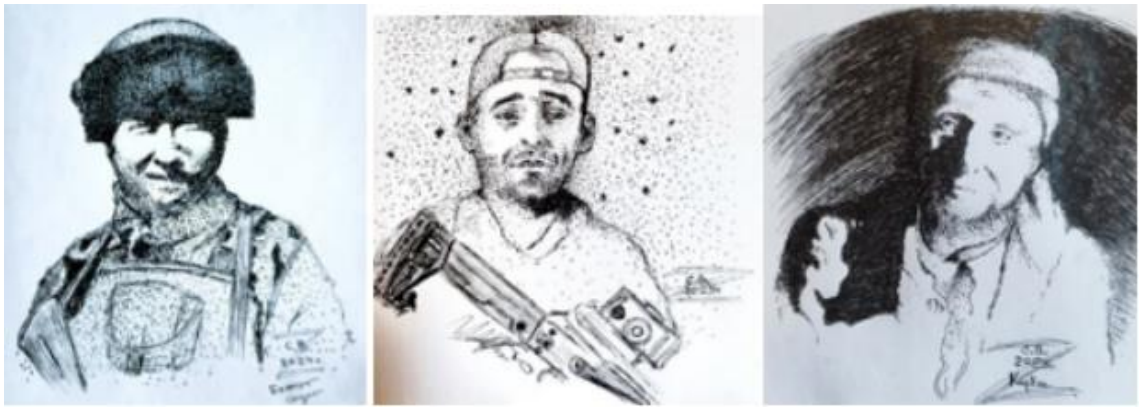


Рис.4. Графические рисунки погибших военнослужащих СВО с позывными Неизвестный, Гуня, Кирбос (слева-направо)

Первым в ряду изображен воин без позывного. Его можно было бы назвать «Неизвестный». Вот какой комментарий содержится под рисунком: «Когда ищут солдата, потом находят живого или мертвого, то плачут. А когда никто не ищет солдата. Потому что некому. И никто не плачет, что живой или мертвый. Не знаю. Лучше это или нет. Такое бывает …». Последний в ряду рисунок – портрет одного из тех, кто шел по трубе под землей к победе; в правом нижнем углу можно прочесть позывной Кирбос. В дневнике добровольца есть портреты и других участников операции «Труба» или «Поток», которые совершили беспримерный подвиг, разгромив противника, оккупировавшего Курскую область, зайдя по магистральному трубопроводу врагу с тыла (март 2024 г.). Отдельного внимания заслуживает портрет военнослужащего, размещенного по центру. Боец с позывным Гуня – разведчик 54 мотострелкового полка, погиб на боевом задании в августе 2024. Отец девятерых детей. Не претендуя на достоверность, мы можем предположить, что перед нами уроженец селения Гуниб (позывной Гуня) из Дагестана. Как известно, многодетные семьи в республике явление часто встречающееся. Кроме того, некоторые черты лица «выдают» горца. Но, подчеркнем, это всего лишь предположение, которое может подтвердить или опровергнуть только автор дневника «Доброволец Z#art».

С помощью графических портретов погибших участников СВО добровольцу удается актуализировать ***мемориальную практику индивидуализированной памяти и скорби***, которая направлена на противостояние обезличиванию войны и статистическому восприятию потерь. Она представляет собой современную форму «народного

поминовения», аналогичную созданию импровизированных мемориалов или публикации фотографий в соцсетях. Это особенно важно в случаях, когда боец не был удостоен высокой награды посмертно, или, когда его никто не ждал и не ждет, а также в случаях гибели бойцов (из числа лиц из мест лишения свободы), оказавшихся в зоне специальной военной операции в силу сложившихся обстоятельств или по зову совести.

Рис.5. Фотография памятника неизвестному солдату на Украине (локация не указана). Графический рисунок военнослужащих фашистской Германии

Фотография памятника неизвестному солдату в дневнике добровольца сопровождается следующим комментарием: «ТОЧНО пытается забыть своё прошлое, обрекает себя на роковые ошибки в будущем...». Этот образ и текст поднимают проблему забвения, социального отчуждения и трагедии солдата, о котором «некому плакать». Он служит мрачным напоминанием об обратной стороне мемориализации – возможности выпадения из коллективной памяти, что делает практику индивидуального поминовения еще более значимой. Этот рисунок перекликается с теоретическими размышлениями о том, что память – это не просто хранение, а активный, зачастую болезненный процесс работы с прошлым [1].

В целом, в контексте СВО ВОВ выступает как архетипический образец «справедливой», «освободительной» войны, а ее символика и риторика переносятся на современные события. Создается визуальный мост между поколениями воинов, а участие в СВО встраивается в единый национальный нарратив жертвенности и героизма. Эта практика работает на преодоление того «отчуждения» общества от армии, которое наблюдалось в 1990-е годы [4], и способствует консолидации вокруг идеи преемственности воинской славы.

Иногда комментарии в блоге автор размещает таким образом, чтобы «пробудить» историческую память и восстановить социокультурную справедливость, особенно на территории, на которой проживают потомки, которые забыли о своем великом наследии, находятся в плену западной антироссийской пропаганды и мифотворчества (рис.5.). В отличие от

тлетворного влияния западных новых ценностей и русофобии, доброволец, используя интернет-пространство реконструирует (визуализирует) общее для двух народов историческое прошлое. Таким образом в дневнике организуется ***мемориальная практика сакрализации и актуализации исторического прошлого***, базисом которой выступает обращение к культурному наследию Великой Отечественной войны.

Мемориальные практики, реализуемые средствами цифрового дневника (текст, видео, графика), являются адаптацией традиционных механизмов военной культуры к условиям современного гибридного конфликта и медийной среды. Они не только фиксируют опыт, но и активно участвуют в формировании смыслов, ценностей и идентичности субкультуры СВО, выступая мощным инструментом осмысления травмы, скорби и героизма. Как справедливо отмечает исследователь С.К. Лащенко, выбор художественных средств для самопрезентации и осмысления реальности всегда зависим от конкретного случая и требует адекватного анализа [3, С.994]. Творчество Учителя – именно такой уникальный «опус», через призму которого можно изучать рождение новых мемориальных форм в экстремальных условиях современности.

Заключение.

Дневник участника СВО «Доброволец Z#art» представляет собой сложный мемориальный комплекс, в котором переплетаются различные практики работы с прошлым и настоящим. Практика сакрализации прошлого через отсылки к ВОВ обеспечивает историческую легитимацию и включение текущих событий в национальный меганарратив. Практика индивидуализированной памяти через портреты погибших противостоит обезличиванию войны, выполняя терапевтическую, этическую и консолидирующую функции, создавая живое, эмоционально заряженное сообщество памяти.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

2. Гребеньков В.Н. Военная культура как социокультурный феномен // Вестник Академии военных наук. – 2008. – № 2 (23). – С. 84-88.

3. Лащенко С.К. Самопознание и самопрезентация в художественном творчестве: к проблеме адекватности интерпретации // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2020. – № 39. – С. 991-1001.

4. Тищенко Н.В. Воин: образ и контекст. К проблеме репрезентации образа военнослужащего в российских средствах массовой информации // Общество: философия, история, культура. 2025. № 1. – С. 41-50.

УДК 316.4

ЧТО ЗНАЧИТ ДЛЯ МЕНЯ СЕМЬЯ? (РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ И ПРАВА В Г. СЕВАСТОПОЛЕ О СЕМЬЕ)

Штец Татьяна Павловна,
Институт экономики и права (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»,
г. Севастополь, Россия, e-mail: taincha@list.ru

Аннотация. В статье исследуются представления студенческой молодежи о семье в связи с актуальностью данной проблемы. Выбрана количественная методология, которая позволила частично подтвердить гипотезу исследования о том, что ценность традиционной семьи в среде молодежи падает.

Ключевые слова: семья, традиционная семья, многопоколенная семья, демократический тип семьи, (традицинный) патриархальный тип семьи, отец, мать.

WHAT DOES FAMILY MEAN TO ME? (THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY OF THE IDEAS OF STUDENTS OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS AND LAW IN SEVASTOPOL ABOUT THE FAMILY)

Shtets Tatiana Pavlovna
Institute of Economics and Law (branch)
educational institution of higher education trade unions
Academy of Labor and Social Relations in Sevastopol, Russia
e-mail taincha@list.ru

Abstract. The article examines the student youth's ideas about the family in connection with the urgency of this problem. A quantitative methodology was chosen, which partially confirmed the hypothesis of the study that the value of the traditional family among young people is decreasing.

Keywords: family, traditional family, multigenerational family, democratic type of family, (traditional) patriarchal type of family, father, mother.

Введение. Семья – один из важнейших социальных институтов, с помощью которого обществом и государством нормативно регулируются отношения между мужем и женой, родителями и детьми, другими

родственниками, осуществляется воспроизводство членов общества, их социализация.

Исключительная роль и значение социального института семьи определяются, прежде всего, тем, что семья служит основным носителем культурных ценностей, передающихся от поколения к поколению и важнейшим агентом социализации личности. В этом смысле семья может рассматриваться как основа всей институциональной системы общества.

В основе семьи лежит брак, кровное родство или усыновление, отношения защиты и взаимопомощи. Все эти отношения закрепляются и регулируются в обществе как брачно-семейным законодательством, так и морально-нравственными обычаями [2].

Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав [1].

Актуальность темы обусловлена сложностью демографической ситуации в сегодняшней России, тревожным состоянием современной российской семьи, связанной с большим количеством разводов, а также необходимостью приобщения молодых людей к осмыслению семейных ценностей в рамках социальной и демографической политики в РФ, направленной на защиту традиционной семьи. А это напрямую влияет на духовную безопасность в контексте современных социальных и информационных угроз.

Залог процветающего общества – счастливая семья, а семейным ценностям суждено жить при условии бережного отношения к ним и передачи будущим поколениям [3]. Не случайно 2024 год в России был объявлен годом семьи.

Цель: изучить представления студентов Института экономии и права о семье и подтвердить или опровергнуть гипотезу исследования.

Гипотеза исследования: ценность традиционной семьи в среде молодежи падает.

Выбрана количественная методология.

Анкетирование осуществлено в июне 2024 года.

Методы и этапы исследования:

1.Анализ литературы и интернет – ресурсов;

2.Социологический опрос (анкетирование): 15 вопросов, один из них открытый.

3. Сравнение полученных данных по половым признакам (мужчина, женщина). Разбивка выборки по половому признаку нужна, так как пол, с

нашей точки зрения, определяет судьбу человека. Если ты родился женщиной, то тебя ждет одна судьба, мужчиной – другая судьба.

Основное понятие исследования.

Традиционная семья нами понимается как союз мужчины и женщины, который основывается на официальном браке и кровном родстве родителей и детей; это большая или многопоколенная семья, или многодетная семья (3 и более ребенка), основанная на патриархальном идеале: главенствующее положение мужчины в доме (отец или дед), распределение основных функций (мать – хранительница семейного очага, отец – добытчик, кормилец семьи). Традиционная семья – это также школа семейного воспитания [3].

Многопоколенная семья – это семья, состоящая из детей, их родителей, бабушек, дедушек, возможно, прабабушек и прадедушек, которые живут вместе в одном доме и ведут совместное хозяйство. Такая семья, как правило, сопровождается взаимовыручкой и сохранением собственной семейной истории.

Партнерский тип семьи – решения принимают и несут ответственность оба супруга.

Традиционный (патриархальный) тип семьи – отец – глава семьи, он принимает решения и несет ответственность.

Анализ анкеты:

Выборка составляет 58 чел. (Студенческий состав в Институте составляет около 320 студентов). Это студенты 1 и 2 курса Института экономики и права, 18-19 лет; из них жен составляет 54,3%, муж 45,7%. Женатых или замужем (т.е. находящихся в официальном браке) среди опрашиваемых студентов пока нет.

1. Что такое, по вашему мнению, семья? (1 вариант)

А) Это социальная группа общества, которая основывается на официальном браке и кровном родстве родителей и детей; муж 37, 5 %

Б) это социальная группа, члены которой не основаны на официальном браке, но связаны общим бытом и ответственностью друг перед другом;

В) это союз любящих друг друга людей; жен 57,8%

Г) это союз мужчины и женщины, который основывается на официальном браке и кровном родстве родителей и детей;

Мужчины выбрали вариант а), женщины в).

На наш взгляд, выбор женщин объясняется возрастом, все в силу возраста в любовных отношениях или в ожидании любви).

2. Зачем человеку семья? (2 позиции)

А) продолжить род; муж 68%

Б) проводить время;

В) быть счастливым; жен 63,3%;

Г) социализироваться и развиваться как личность;

Д) для всего этого семья не нужна. жен 0, 57%, муж 0,16%

Репродуктивная функция семьи у мужчин на 1 месте, а у женщин желание просто быть счастливыми, а вот желание иметь детей у современной молодой женщины явно отодвинуто, пока обзаводиться детьми не хотят.

3.Какие ценности вы выделите в современной семье? Ранжируйте их по мере значимости для вас:

1. Доверие
1. Место любовь жен муж

2. Любовь	2…..
3. Взаимопомощь	3….
4. Уважение	4….
5. Преданность	5…
6. Контроль	6….
7. Материальная обеспеченность	7…контроль жен муж
8. Способность понимать и прощать	9. материальн. обеспеч. жен муж

Подтверждение неготовности к семье и желание пока просто любить. Ценность материальной обеспеченности у студентов не преобладает, что выбивается из современных тенденций большой части социума.

4. Какой тип во взаимоотношениях супругов в вашей будущей семье вы предпочтете?

А) демократический Жен 73,6%, муж 62,5%

Б) традиционный Жен 21%; муж 37,5%

Демократический тип в целом предпочтителен и для мужчин, и для женщин, тем не менее по сравнению с женщинами большее количество мужчин предпочли бы традиционный тип отношений в семье.

5. Какой тип взаимоотношений в семье ваших родителей или бабушек и дедушек вы наблюдаете?

А) в большей степени демократический; Жен 49% Муж 36,5%

Б) в большей степени патриархальный. Жен 51% Муж 63,5%

6. Ранжируйте функции семьи по мере значимости для вас:

1.Репродуктивная	1… место репродуктивная
2.Воспитательная	2…
3.Хозяйственная	3…
4.Восстановительная	4…
5.Сексуальная	5…сексуальная

Видимо, студенты этого возраста пока не ведут активную сексуальную жизнь, но вместе с тем первую функцию семьи связывают с рождением детей.

7. С вашей точки зрения, можно ли назвать семьей малую социальную группу, состоящую в браке, при отсутствии детей?

А) да; жен 94,7%, муж. 87,5%

Б) нет

Противоречие в ответах студентов: почти для всех опрашиваемых студентов отсутствие детей в семье не приводит к непризнанию такого союза семьей.

8. С вашей точки зрения, нужно ли в состав семьи включать старшее поколение и, например, проживать вместе (традиция многопоколенной семьи)?

А) да; жен 26,4%; муж. 68,8%

Б) нет жен – 73,6%; муж 31,2%

Молодые люди предпочитают жить отдельно без родителей, но мужчины в этом вопросе не так категоричны, большая часть из них допускает традицию многопоколенной семьи.

9. Привлекательна ли для вас многодетная семья (3 и более детей)?

А) да; жен 21%; муж 43,7%

Б) нет; жен 78,9%; муж 56,2%

Ответ очевиден – рожать не хотят и в большей степени женщины.

10. Выделите проблемы, с которыми, на ваш взгляд, чаще всего сталкивается современная семья (3 позиции).

– Пагубные привычки (алкоголь, курение); 1 место у мужей 62,5%

– Разные характеры, интересы, цели; 1 место у жен 63,1%;

– Инфантильность, неподготовленность, безответственность и эгоизм супругов

– Материальная неудовлетворенность; жен 31,5%, муж 12,4%

– Потеря традиционных семейных устоев и ценностей. Жен 20%, муж 25%

– Бытовые проблемы.

Материальная обеспеченность не является приоритетом для молодых людей, она на 4 месте. Возможно, в силу возраста или отсутствия собственной семьи, или наличие обеспеченности в семье родителей, и они пока об этом не думают; возможно, в силу немеркантильного отношения к жизни некоторых студентов; мужчины среди причин, негативно влияющих на семью, выделяют на 1 месте пагубные привычки (алкоголь, курение). Возможно, пример собственной семьи, собственных родителей.

11. Приемлема ли для вас замена традиционных понятий «отец» и «мать» на «родитель №1» и «родитель №2»?

А) да; жен 10,5%, муж 25%

Б) нет; жен 89,4%, муж 75%

Большинство опрошенных придерживаются традиционных понятий отец и мать.

12. Как вам кажется, венчание способствует укреплению семьи?

А) да; жен 47,3%, муж 43,7%

Б) нет; жен 57,8%, муж 56,2%

Чуть больше половины опрошенных не считают, что традиционная религиозная форма скрепления союза перед богом мужчины и женщины – венчание – может способствовать укреплению семьи)

13. Как вам кажется, семейный опыт старшего поколения (дедушек и бабушек или родителей) может быть для вас примером сохранения счастливой семьи?

А) да; жен 57,8%, муж 81,2%

Б) нет; жен 42,2%. Муж 18,8%

Большинство студентов, и прежде всего мужчины (81, 2%!), одобряют в качестве примера для себя семейный опыт старшего поколения. Это говорит о том, элементы традиционной семьи будут, вероятно, сохранятся и в их семьях.

14. Согласны вы с таким мнением, что именно разрушение традиционных взглядов на семью приводит к серьезным демографическим проблемам в стране?

А) да; жен 47,3% муж 62,5%

Б) нет; жен 31,5%, муж 25%

В) у меня другое объяснение; жен 21%, муж 12,5%

Студенты, и прежде всего мужчины, в большинстве своем согласны с тем, что именно разрушение традиционных взглядов на семью приводит к серьезным демографическим проблемам в стране.

15. Для меня счастливая семья – это когда…..что? – продолжите предложение.

Открытый вопрос, ответы включили следующие варианты:

Счастливая семья – это когда есть: 1)любовь, 2)взаимопонимание, 3)уважение, 4)доверие, 5)преданность, не изменять (1чел), 6)ответственность (1 чел муж), 6)национальная однородность (русский + русская 1 чел муж), 7) счастливая семья, которая улучшает устои общества и себя самих (1 чел муж).

В целом ответы на открытый вопрос подтвердили приоритеты студентов по проблеме семьи.

Гипотеза исследования: ценность традиционной семьи в среде молодежи падает. Подтверждается ли гипотеза?

Выводы. Во взглядах студентов обнаружены некоторые противоречия: с одной стороны, они в большинстве своем выбирают демократический (не патриархальный тип семьи) и их не привлекает многодетная семья (особенно категоричны в этих вопросах женщины). Но, с другой стороны, большинство студентов, и прежде всего мужчины (81, 2%!), одобряют в качестве примера для себя семейный опыт старшего поколения, в котором они отмечают патриархальные черты и допускают традицию многопоколенной семьи (68,8%). Это говорит о том, элементы традиционной семьи будут, вероятно, сохранятся и в их семьях.

Кроме этого, студенты, и прежде всего мужчины, в большинстве своем согласны с тем, что именно разрушение традиционных взглядов на семью приводит к серьезным демографическим проблемам в стране. Достаточно большой процент (хотя чуть меньше половины) как женщин, так и мужчин считают, что такая традиционная процедура скрепления брака, как венчание способствует укреплению семьи.

С одной стороны, понятие семьи женщины не связывают с наличием детей, это просто союз любящих людей без всяких обязательств, а с другой почти все опрашиваемые студенты, и в том числе женщины, предполагают наличие детей в семье.

И наконец, практически все студенты не принимают замену традиционных понятий отец и мать на родитель № 1 и родитель № 2.

Таким образом, считаем, что гипотеза исследования подтверждается частично.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. [Офиц. сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/f688669b9e3b36e556014fc5e4cc88223df202a2/.

2. Семья как объект социологического исследования / Социология в системе гуманитарных наук. – URL: https://studbooks.net/628634/sotsiologiya/semya_obekt_sotsiologicheskogo_issledovaniya.

3. Медведева Е.А., Данилова Ю.Н. Системно-историческая ретроспектива категории «семья» в социологии и психологии // Системная психология и социология. – 2022. – № 2 (42). – С. 53-63.

УДК 130.2

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ОСНОВА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Эдилова Элита Умаровна,
Ахмедова Кульсум Байтаевна,
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный, Россия
e-mail: elitaedilova03@icloud.com
e-mail: akhmedovakb@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу роли гуманитарного образования как фундаментального фактора формирования и поддержания духовной безопасности личности и общества. Рассматривается, каким образом изучение гуманитарных дисциплин влияет на развитие критического мышления, формирование ценностей, укрепление национальной идентичности и развитие эмпатии. Подчеркивается значимость гуманитарного образования и для обеспечения стабильности, гармоничного развития социума в целом, при этом выступая щитом против духовной деградации.

Ключевые слова: гуманитарное образование, личность, общество, духовная безопасность, ценности.

HUMANITARIAN EDUCATION IS THE FOUNDATION OF SPIRITUAL SAFETY

Edilova Elita Umarovna,
Akhmedova Kulsum Baytaevna,
Chechen State Pedagogical University
Russia, Grozny
e-mail: elitaedilova03@icloud.com
e-mail: akhmedovakb@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the role of humanities education as a fundamental factor in shaping and maintaining the spiritual security of individuals and society. It examines how the study of humanities influences the development of critical thinking, the formation of values, the strengthening of national identity, and the development of empathy. It emphasizes the importance of humanities education for ensuring stability and the harmonious development of society as a whole, while also serving as a shield against spiritual degradation.

Keywords: humanitarian education, personality, society, spiritual security, values.

Введение.

В условиях стремительных изменений современного мира, развитием технологией, информатизацией, первостепенное значение приобретают вопросы духовной безопасности личности и общества. В данном контексте духовная безопасность понимается как состояние защищенности от деструктивных идеологий, утраты культурной идентичности, размывания ценностных ориентиров, которые обеспечивают способность к сохранению нравственной устойчивости [3]. В нашей динамичной и противоречивой среде гуманитарное образование выступает в качестве фундаментальной основы для формирования устойчивого мировоззрения и сохранения культурного кода нации. Оно призвано противостоять духовной деградации и способствовать гармоничному развитию личности и общества.

Цель работы.

Целью данной работы является комплексный анализ роли гуманитарного образования как ключевого фактора обеспечения духовной безопасности. Исследование направлено на выявление механизмов, которые формируют у индивида и общества необходимые качества для противостояния современным вызовам, укрепления ценностей и развития культурной устойчивости. Особое внимание сосредоточено на влиянии гуманитарного знания на развитие критического мышления, эмпатии и национальной идентичности.

Методика и организация исследования.

В современном мире, который характеризуется беспрецедентными темпами технологического развития, глобализацией и динамичными социальными трансформациями, особую актуальность приобретают вопросы духовной безопасности. Под духовной безопасностью следует понимать состояние защищенности личности и общества от деструктивных воздействий, направленных на разрушение ценностных ориентиров, культурной идентичности, морально-нравственных устоев и традиционных представлений о смысле жизни. Это способность критически воспринимать информацию и формировать собственную систему взглядов в условиях постоянно меняющейся информационной среды. В этом смысле гуманитарное образование выступает не просто как совокупность знаний о человеке и культуре, но как краеугольный камень формирования такой безопасности, закладывая при этом основу для гармоничного развития личности и устойчивости всего социума [4].

Именно гуманитарные дисциплины – история, литература, культурология, философия, иностранные языки – создают прочный фундамент для становления осознанного, зрелого и ответственного члена общества [1]. Изучение истории позволяет не только осмыслить прошлое, понять корни современных проблем и избежать повторения ошибок, но и

укрепить национальную самоидентичность, чувство принадлежности к великому культурному наследию. Глубокое понимание исторических процессов, причинно-следственных связей формирует иммунитет к искажениям фактов и манипуляциям историческим сознанием, которые часто используются для подрыва единства общества.

Философия, в свою очередь, является школой критического мышления. Она учит анализировать сложные концепции, различать истину от ложных посылок, задавать экзистенциальные вопросы и искать на них ответы, развивая способность к рефлексии и самопознанию. Освоение различных философских систем расширяет мировоззрение и позволяет формировать собственную этическую систему, основанную на универсальных человеческих ценностях. Именно этот навык критической оценки информации становится незаменимым инструментом в эпоху информационных войн и постправды [5].

Литература, являясь зеркалом человеческой души и общественного опыта, развивает эмоциональный интеллект, способность к глубокому пониманию других людей и эмпатию. Через художественные образы человек знакомится с множеством характеров, мотиваций, моральных дилемм, учится переживать и сострадать, что является основой для формирования гражданского общества и межличностных отношений, свободных от непонимания и агрессии [3]. Она также служит хранителем языка, его богатства и выразительности, а язык, как правило, является первичным кодом культуры и менталитета народа.

Культурология и искусствознание приобщают к эстетическим ценностям, развивают чувство прекрасного, учат ценить и сохранять культурное наследие как своей страны, так и всего мира. Понимание взаимосвязи культур, их взаимного влияния и уникальности способствует формированию толерантности, открытости и способности к конструктивному межкультурному диалогу, что является критически важным в условиях глобализированного мира.

Таким образом, гуманитарное образование не просто передает сумму знаний, оно формирует мировоззрение, развивает личностные качества, без которых невозможно обеспечить духовную безопасность. Оно вооружает человека инструментами для навигации в сложном мире, защиты от внешних и внутренних угроз, сохранения своей идентичности и нравственного стержня. Инвестиции в гуманитарное образование – это инвестиции в будущее, в устойчивость общества, в способность противостоять деструктивным вызовам и строить цивилизацию, основанную на ценностях человечности, разума и культуры. Отказ от приоритета гуманитарного знания в образовательной системе неизбежно ведет к дегуманизации, уязвимости

перед манипуляциями и, в конечном итоге, к утрате духовной безопасности, что является одной из самых серьезных угроз для любой нации [3].

Результаты исследования и их обсуждение.

Итак, мы выяснили, что гуманитарное образование является мощным инструментом формирования духовной безопасности через ряд ключевых механизмов. Изучение истории позволяет человеку не только познать прошлое своей нации и всего человечества, но и выстроить собственную идентичность, осознать свою принадлежность к цивилизованному и культурному потоку. Философия, как квинтэссенция критического мышления, учит человека анализировать сложные концепции, распознавать логические ошибки, формулировать собственные вопросы и искать ответы, развивая интеллектуальную автономию. Литература развивает эмпатию, эмоциональный интеллект и моральную интуицию. Через художественные образы и сюжеты человек переживает многообразие человеческих судеб, учится сопереживать, понимать мотивы и ценности других, расширяя границы собственного сознания. Культурология и искусствознание приобщают эстетическим ценностям, формируют чувство прекрасного и учат ценить культурное наследие как своей страны, так и всего мира. Совокупность этих гуманитарных дисциплин формирует целостную, глубокомыслящую личность, способную к саморефлексии, осознанному выбору и активной гражданской позиции, обладающую прочной системой ценностей, которая служит надежной опорой в условиях любой турбулентности.

Выводы.

На основании всего вышесказанного становится очевидным, что гуманитарное образование представляет собой не просто одну из областей академического знания, а фундаментальную, системообразующую основу для обеспечения духовной безопасности личности и общества. Оно несет в себе потенциал для формирования критически мыслящего, исторически осведомленного, эмпатичного и нравственно устойчивого гражданина, способного противостоять деструктивным информационным потокам, идеологическим манипуляциям и кризисам идентичности. Гуманитарное знание вооружает человека инструментами для глубокого понимания себя и мира, для защиты своих ценностей и культурной самобытности. В условиях, когда современные угрозы все чаще приобретают нематериальный, информационно-психологический характер, инвестиции в гуманитарное образование становятся стратегически важным приоритетом для любого государства, стремящегося к устойчивому развитию и сохранению своего суверенитета [5]. Игнорирование или недооценка роли гуманитарных дисциплин в образовательной системе неизбежно ведет к дегуманизации, ослаблению общественного иммунитета перед лицом внешней агрессии и

внутренней дезориентации, что, в конечном итоге, угрожает самой основе духовной безопасности нации.

Список литературы

1. Асмолов, А.Г. Психология современности: вызовы неопределенного мира / Ю.П. Азаров – М.: Академия, 2018. – 128 с.

2. Ганин В.В., Хутин А.Ф. Гуманитарное образование на современном этапе // Культура и общество. 2012. № 4. С. 154-159.

3. Искужина Н.Г. Гуманитарное образование как основной фактор формирования гражданственной идентичности // Проблемы и перспективы развития гуманитарного образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 22 октября 2021 г.) / под общ. ред. Н.Г. Искужиной, Р.Р. Тазетдиновой, О.В. Прядильниковой. Уфа: АЭТЕРНА, 2021. С. 23-27.

4. Климов С.Н. Воспитание в контексте современного российского образования // Педагогическое образование и наука. 2012. № 7. С. 4-8.

5. Козырь, Н.С. Гуманитарные аспекты информационной безопасности: учебник для вузов / Н.С. Козырь, Н.В. Седых. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 170 с. – (Высшее образование). – Текст: непосредственный.

Научное издание

Гуманитарное знание и духовная безопасность

Сборник материалов
XII Международной научно-практической конференции
г. Грозный, 12 декабря 2024 года

Подготовка оригинал-макета *Сулейманова М.А.*
Дизайн обложки *Эскаева Г.А.*

Подписано в печать 25.12.2025 г. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная Печать ризографная.
Усл. п. л. 21. Уч.-изд. л. 21,7. Тираж 500 экз. Заказ №25-12-030.

Отпечатано в типографии АЛЕФ
367002, РД, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева 64
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru